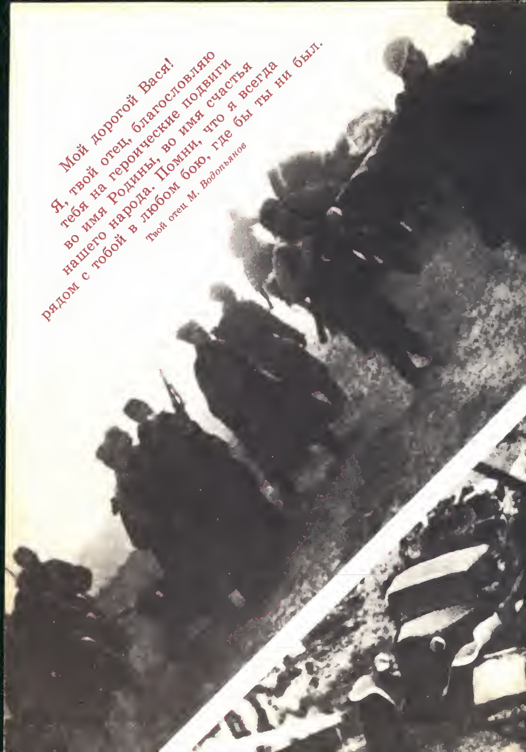
Великая Отечественная в письмах

Мой дорогой Вася!
Я, твой отец, благословляю
тебя на героические подвиги
во имя Родины, во имя счастья
нашего народа. Помни, что я всегда
рядом с тобой в любом бою, где бы ты ни был.
Твой отец М. Водотьянов

Москва
Издательство
политической
литературы
1983

Великая Отечественная в письмах

Издание второе,
дополненное

63.3(2)722
В27

Составитель **В. Г. Гришин**

В27 **Великая** Отечественная в письмах / Сост. В. Г. Гришин.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1983.— 351 с., ил.

В эту книгу аошли письма о Велнкой Отечестаенной войне, публнковавшиеся в «Прааде» с 23 июия 1941 года по 1980 год включительио. Некоторые из них даются с незначнтельными сокращеннями; часть писем восствновлена по оригииалу. Рвсположены письма по тематическим рубрикам. Заголовкн большннства пнсем и краткие комментарии к ним даны составнтелем кннгн, редактором «Правды» по отделу писем В. Г. Гришиным.

В $\frac{0505030202-259}{079(02)-83}$ Заказ «Союзкииги»

63.3(2)722
9(С)27

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

У Бориса Горбатова есть строки: «Товарищ! Сейчас нам прочитали приказ: с рассветом — в бой. Семь часов осталось до рассвета... Когда-нибудь буду я вспоминать эту ночь...»

Кто из фронтовиков не помнит свою ночь перед боем? Возможно, как это описано в очерке Горбатова, и тогда светила луна, дрожали, точно озябшие, звезды. А над огневыми позициями стояла тишина — грозная, пороховая. Тревожное затишье перед близким боем... Сколько лет прошло, а нетленная память солдата хранит мельчайшие подробности той ночи и того рассветного дня, который для многих его товарищей стал последним. И вот он кладет перед собой чистый лист бумаги, берет в руки карандаш. «То, что я пережил, о чем мечтал, во что верил,— об этом хочу рассказать...»

Тысячи таких писем получила и продолжает получать редакция газеты «Правда». Они регулярно печатались на ее страницах в военную пору. И в мирное время рубрика «Письма о войне» — одна из самых популярных в газете. Два года назад, собранные вместе, эти письма вышли отдельной книгой. В предисловии к ней говорилось: «Если и тебе, товарищ, захочется написать о самом памятном, связанном с войной, поделиться мыслями о чертах характера, которые ты больше всего ценишь в ветеранах Великой Отечественной, рассказать, как наглядно проявляются эти черты в сегодняшней жизни, можешь прислать нам свое письмо... В этом случае книга «Великая Отечественная в письмах» будет иметь свое продолжение».

И вот в ваших руках второе издание этой книги. В него включены новые письма. И можно не сомневаться, что поток их не прекратится, потому что живут среди нас миллионы людей, которым есть что рассказать о пережитом в годы войны. Никогда эти живые человеческие документы не утратят могучей силы воздействия. Удивительно простые, написанные сердцем, они ярко раскрывают величие подвига, совершенного нашим народом, его любовь к матери-Отчизне, к Коммунистической партии, стойкость и мужество, скромность и благородство советского человека.

...Павла Ивановича Нянченко начало войны застало в Бресте. Здесь в составе 42-й стрелковой дивизии он нес действительную службу. Ветеран вспоминает, как в четыре часа утра 22 июня на спящий город обрушился ураган артиллерийского огня. Люди убегали из домов в нательном белье. «Командир нашей дивизии выделил несколько автомашин для вывоза к железной дороге женщин с детьми... Вагоны были набиты до отказа. И вдруг на поезд посыпались бомбы. Пламя охватило весь эшелон. Те, кто успел выскочить из вагонов, побежали в поле, их тут же настигали вражеские самолеты и с бреющего полета расстреливали пулеметными очередями».

Да, первый день войны был самым горьким и страшным. Но он был и героическим. Не счесть подвигов, совершенных советскими людьми уже в первые часы войны.

Об одном из них рассказывает житель Винницы Ярослав Андреевич Бранько: «Утром 22 июня после жестокого боя в западноукраинский городок Сокаль ворвались фашисты... С грохотом танк приближался к разрушенному зданию пограничной комендатуры, в подвале которого были укрыты женщины и дети. И вот навстречу бронированному чудовищу выбежал объятый пламенем человек. Сорвав с себя смоченный бензином халат, кинул его на решетку моторного люка, а сам пылающим факелом бросился под танк. Раздался взрыв. Гитлеровцы повернули назад... Это произошло около девяти часов утра 22 июня».

Почти четверть века оставалось неизвестным имя героя. И только благодаря стараниям бывшего пограничника Василия Владимировича Платонова было наконец установлено: подвиг совершил старший военфельдшер 4-й комендатуры 90-го Владимир-Волынского пограничного отряда Владимир Прохорович Карпенчук — уроженец села Лука Молчанская Жмеринского района Винницкой области.

«Наше дело правое! Враг будет разбит, победа будет за нами!» — этот боевой и волнующий клич партии глубоко запал в душу каждого, кто пережил войну. «Наше дело правое». Так назван первый раздел книги. Письма, которые вошли в него, в большинстве своем написаны в самом начале войны и ярко передают особый накал того времени.

«За тебя, Родина, за поля, леса, луга, за города и села сражался я в годы гражданской войны,— писал тогда в «Правде» рядовой коммунист, пулеметчик В. Рябов.— Рядом со мной в окопе мой шестнадцатилетний сын. Клянемся биться с фашистскими людоедами до последней капли крови, до последнего вздоха!»

Как величайшая формула самоотверженности и мужества звучали такие клятвы коммунистов. Не было дня, чтобы «Правда» не рассказала о мужестве коммунистов в бою. Около двух миллионов коммунистов отдали свои жизни во имя победы. С 1 июля 1941 года по июль 1945-го кандидатами в члены партии было принято около 5,1 миллиона, а в члены партии — почти 3,3 миллиона. В перерывах между атаками, а то и прямо на линии огня, порой на обрывках газет бойцы писали: «Прошу принять меня в партию. Если погибну — считайте коммунистом». «Партийный билет каждого из нас,— писала Ванда Василевская в одной из своих статей, напечатанных в те дни в «Правде»,— стал краснее от крови погибших партийцев». Коммунисты первыми поднимались в атаку и последними выходили из боя, показывая тем самым, что умеют не только благородно жить, но и достойно умереть. Личным примером они воодушевляли на подвиги миллионы беспартийных. Убедительным подтверждением этого служат письма, вошедшие в главу книги — «Коммунисты, вперед!».

С пожелтевших страниц «Правды» военных лет предстают картины яростных боев. В какой бы трудной ситуации ни оказался советский солдат, он не терял духа. Любовь к Родине придавала ему сил, заряжала волю, давала ему в часы роковых испытаний необходимую нравственную стойкость.

Ефрем Федорович Пилайка (г. Могилев) пишет: «На берегу Днепра, на месте жестокого боя за деревню Щежерь, в гильзе артиллерийского снаряда найдена книга Николая Островского «Как закалялась сталь». На последнем листе книги сделана надпись: «Нас 4 пехотинца — русский Федор Незванов, украинец Никита Пилипенко, мордвин Василий Ерюмкин, казах Юсупов. Умрем — не отступим. Родина нас не забудет. Смерть Гитлеру!» Рядом с этой запиской, хранящейся теперь в Могилевском областном краеведческом музее, могли быть портреты героев. Но время оставило нам только их фамилии. А как хочется знать подробнее о солдатах, оставивших нам бессмертные строки!..

Во время одного из боев под Сталинградом, будучи в разведке, Иван Аненков встретился в темном подвале старого дома один на один с фашистским офицером. У того в руках парабеллум, а у Ивана Петровича, как назло, автомат вылетел из рук. Вся надежда на армейский нож за голенищем. Не дрогнул советский моряк, одолел врага. Привел он в штаб своего полка «языка». Командир от души поблагодарил смелого разведчика. «А эту штуку,— указал он взглядом на армейский нож,— отдай, брат, мне. После победы, останусь живым, отправлю ее в Сталинградский музей». Но не съездил

в Волгоград бывший старшина второй статьи Иван Петрович Аненков. Его письмо в «Правду», присланное из ростовского совхоза, написано очень неразборчиво. В тех боях на Волге был Иван тяжело ранен. «Остался без ног и без рук,— объясняет он неразборчивость почерка,— пишу культями...»

Вдали от дома грустил солдат по родному очагу, крепко скучал по жене и детям, мечтал о встрече с любимой. Счастливой была минута, когда выпадало счастье получить письмо. Бесконечно дороги были фронтовикам и подарки, приходившие из тыла. Вскрывал посылочку, а в ней — деревенское полотенце, шерстяные носки и варежки, связанные чьими-то ласковыми руками, расшитый кисет, коробочка домашнего печенья и обязательно — теплое, душевное письмецо: «Здравствуйте, дорогой и любимый воин...» Однажды получил подарок и Николай Александрович Стукалов.

В бою под Сталинградом Николая тяжело ранило. «Мы ожидали очереди для погрузки в санитарный поезд,— пишет в «Правду» бывший комиссар полка.— К носилкам, на которых я лежал, подошла уже немолодая женщина в платочке. Смотрит на меня и плачет: «Совсем как мой Вася...» И положила под подушку какой-то сверток... Под стук колес раненый уснул. Очнувшись, попросил однополчанина: «Ну-ка, друг, посмотри, что там у меня в изголовье». Тот достал свежие огурцы, две крестьянские ватрушки, несколько яиц... А вот и записочка. Прочитал: «Милый мой сыночек Васек! Каждый день я прихожу на станцию, откудова ты уезжал на фронт, и все надеюсь тебя встретить». Сколько лет прошло, а комиссар по сей день помнит вкус тех ватрушек, положенных солдатской матерью под подушку раненого...

Как один человек, поднялся советский народ на борьбу с фашистским чудовищем. Отсюда и необычайно широкий круг авторов писем о войне. Это — бойцы и командиры Красной Армии, рабочие и колхозники, учителя и юные следопыты — школьники, врачи и домашние хозяйки. Это люди разных национальностей...

На счету Кирилла Батума, эвенка по национальности, было 38 уничтоженных гитлеровцев. Знатному снайперу прислал письмо Илья Эренбург. «Дорогой товарищ Кирилл Батум! — говорилось в письме.— Вы знаете искусство снайпера. У Вас спокойствие, которое страшнее гнева. У Вас ясный глаз и твердая рука. Но в сердце Вашем огонь. Вы бьете врага не потому, что Вы хороший охотник. Вы бьете врага потому, что Вы — друг детей, защитник жизни и покровитель слабых, потому что Вы, дорогой Кирилл Батум, подлинный рыцарь. Вас благодарят все женщины, все матери России...»

Война требовала мужества не только от солдат и офицеров, отстаивавших Родину с оружием в руках, но и от тех, кто ковал победу в тылу. Вынужденное отступление Красной Армии, угроза захвата противником важнейших экономических районов поставили перед страной труднейшую задачу перебазирования промышленности из западных районов в восточные. За первые шесть месяцев войны на восток были эвакуированы сотни промышленных предприятий, миллионы людей. Это была величественная, не знающая себе равных эпопея героического труда.

Многие письма, помещенные в книге, повествуют о том, как на необжитых местах, часто под открытым небом, машины и станки буквально с железнодорожных платформ пускались в дело. Как советские люди сутками не оставляли своих рабочих мест, строили самолеты, танки, пахали землю, спасали детей, оставшихся без родителей. Читатели прочтут письмо о Ферапонте Головатом, который отдал все свои личные сбережения на постройку боевого самолета и тем самым положил начало широкому движению помощи фронту. Письма — живые свидетели самоотверженного труда врачей, медицинских сестер. А одно из них рассказывает о том, как в блокадном Ленинграде писал знаменитую Седьмую симфонию композитор Дмитрий Шостакович...

В четвертый день войны работницы Московского тормозного завода, обращаясь через «Правду» к бойцам и командирам Красной Армии, писали: «Вы идете на фронт, мы остаемся в тылу. Но нет у нас фронта и тыла. Все свои силы, всю свою энергию мы приложим к тому, чтобы заменить вас на производстве, обеспечить вас всем необходимым. Понадобится — будем работать день и ночь, нужно будет — поможем вам с оружием в руках. Не беспокойтесь о нас, не волнуйтесь».

«Будем работать день и ночь...» Всюду, по всей нашей стране женские руки и плечи приняли на себя трудную мужскую работу. Стране, фронту нужно было много тканей, рассказывает бывший секретарь парткома гаврилов-ямского льнокомбината «Заря социализма» Ярославской области А. И. Державин. А тут не хватало сырья, топлива, рабочей силы. Остро встал вопрос с кадрами мужских профессий. Прядильщица А. Першина первой перешла на машинную ческу льна, ткачиха В. Соболева заменила ушедшего на войну помощника мастера. В дни битвы под Москвой по четырнадцать часов в сутки не покидала своего рабочего места Г. Лыткина, ткавшая ветеринарные бинты, которыми бойцы перевязывали лошадям ноги, чтобы их не поранило снежным настом. Комсомолки Зина Багрова и Таня Лебедева, работавшие на торфопредпри-

ятии, сели за руль трактора. Их примеру последовали другие девушки. Проблема топлива была разрешена.

Неутомимыми тружениками фронта проявили себя тысячи врачей и медсестер, поварих и прачек, радистов, актеров...

«Наша фронтовая концертная бригада готовится к выступлению,— вспоминает народный артист РСФСР Владимир Александрович Власов.— Актерам помогает худенькая веселая девушка. Интересуемся, как ее зовут. «Надя»,— отвечает. Надежда Роднова, о подвиге которой мы только что читали листовку! Девятнадцатилетняя Надя вынесла с поля боя 117 бойцов, перевязала 500 раненых».

В списках неброских фронтовых профессий числились и мастера по ремонту артиллерийского оружия. «На четырех положенных нам пароконных повозках возили лишь самое необходимое,— рассказывает бывший начальник артмастерской, потом доцент Уральского политехнического института Анатолий Георгиевич Стукач.— В первую же весеннюю распутицу привезли, помню, изуродованный передок орудия. Командир батареи сказал: «Имей в виду, к пяти утра я с этой штукой должен быть на огневой». Стукач сел на коня, хотел ехать в армейскую мастерскую. Но старший мастер И. М. Дронов сказал: «Сами сделаем. Рядом есть бывшая МТС. Там кузня, наковальня, горн, немного угля осталось, коловорот. Стрелу нагреем и выправим кувалдами. Вместо укосин полосы загнем, болтами железнодорожными затянем».— «А рассверлить отверстия чем?» — «Сделаем и сверла». Не прошло и трех часов, как передок был готов. «Неказист, правда, но к работе годен»,— оценил комбат работу.

Тнымбай Бирманов в своем письме рассказывает, как они спасли скот, пригнанный в их Актюбинскую область из оккупированных фашистами районов. Что и говорить, нелегкая ноша легла на плечи казахстанских стариков, женщин, подростков. И все же сберегли они скот. «Всего за годы войны,— пишет Т. Бирманов,— животноводы нашей области отправили на фронт более 4600 боевых и транспортных коней, сдали наличными государству в счет военных займов 17 с половиной миллионов рублей...»

«Обыкновенный фашизм» — так назван раздел, объединивший письма о зверствах гитлеровцев, о борьбе и мужестве советских людей в гестаповских застенках. Эти письма — грозное предостережение о том, что могла бы принести человечеству новая мировая война, которую грозятся развязать силы реакции.

В одном из писем мать рассказывает сыновьям, как был убит их отец: «...я стала плакать, упрашивать немецкого офи-

цера не убивать. Но он ударил меня сапогом в живот и выстрелил. Отец сразу повалился и залился кровью». «Сказать о них звери — мало. Фашист — больше чем зверь. Это изверг»,— писал с Калининского фронта старший политрук Шопан Конуспаев.

Как бы далеко ни отодвинулось время, то, что рассказано в этих волнующих документах, всегда будет вызывать у людей чувство презрения и ненависти к фашизму.

Да, враг был жесток и неумолим, но это не сломило воли наших людей к победе. На оккупированной территории патриоты наводили страх на врага, истребляя его живую силу и технику, взрывая мосты, переправы, железнодорожные пути, захватывая обозы с продовольствием. Тысячи советских патриотов сражались в партизанских отрядах. «Почти за каждым деревом и кустом оказываются русские, и не знаешь, откуда — спереди или сзади, справа или слева — они могут напасть»,— жаловался в письме к жене взятый в плен фашистский солдат. О героических буднях партизан, об участниках подполья рассказывается в подборке писем «Шла война народная».

Как подлинную освободительницу встречали Советскую Армию порабощенные фашизмом народы Европы. В нашем солдате они видели посланца страны великого Ленина, своего друга и защитника. Его гуманизм и беспредельное великодушие, так же как и его мужество, навсегда останутся в памяти человечества.

«Котелок с борщом» — так озаглавил свое письмо бывший гвардии старший сержант В. Х. Бабченков. Его часть вела бои на территории Германии. Зловещий след фашистов был виден всюду, на каждом шагу — лагеря смерти, виселицы, пожарища. А советские солдаты несли с собой свободу. Они понимали, что не все немцы — враги. Однажды наши бойцы устроились на короткий отдых в деревенском доме. Вдруг услышали детский плач. В подвале оказалось пятеро детей. «Испуганная, с заплаканными глазами стояла перед нами их мать,— вспоминает ветеран.— Тут же мы накормили их борщом. Вскоре стали возвращаться в село другие жители. Крестьяне без страха заполнили улицы, начали работать на огородах». Скуден солдатский паек, но уж тут дело такое — детям, женщинам, старикам отдавали последнее.

Или вот такой факт. До недавнего времени жители болгарского города Созопол не знали имени человека, спасшего десятки их земляков... Это произошло 12 сентября 1944 года. В местном порту собралось много людей — городок праздновал свое освобождение. Казалось, ничто не предвещало беды.

И вдруг наш солдат увидел в руках мальчишки противотанковую гранату с освобожденным предохранителем. Рывком устремился к гранате, выхватил ее. Несколько прыжков — и граната занесена для броска в море. Не хватило доли секунды: коварная граната взорвалась в руках... Все эти годы на могиле советского солдата цветут розы, а имя его до последнего времени оставалось неизвестным. И вот побывавший недавно в Болгарии житель Харькова Борис Иванович Дьячков помог старожилам Созопола воскресить в памяти подвиг однополчанина Ивана Ивановича Рублева.

Идут и идут в «Правду» письма о войне. Живет в народе светлая и гордая память о грозном и героическом времени, о людях простых и мужественных, несгибаемых и добрых.

Г. М. Попов так и озаглавил свое письмо: «Доброта». «В сорок третьем под Смоленском,— пишет он,— погиб мой отец. О его смерти маме сообщил военный хирург Корытько Павел Никифорович. Написал всю правду: об оторванной в бою руке, о гибельном осложнении — гангрене, о предсмертной тоске отца. Павел Никифорович писал нам до конца войны. Расспрашивал о жизни, сдержанно утешал. Видно, считал своим долгом не оставлять в одиночестве, в неизбывном горе семьи тех, кто умер на его руках».

Павла Никифоровича уже нет в живых. Но его письма помогли сыну солдата разыскать деревню Лысовку под Ельней, крайний дом, в котором находился полевой госпиталь, кусочек земли, принявший прах отца.

Таких писем много. И в каждом из них через простой, казалось бы, житейский поступок раскрывается духовная красота советского человека.

Семен Иванович Терентьев (Димитровград Ульяновской области) написал в «Правду» о пенсионере Владимире Денисовиче Драгунове, который выявил 7180 неизвестных ранее имен солдат и офицеров, захороненных в Черниговской области. Семь обелисков поставили на могилах, привели в порядок еще двадцать три, установили 232 фамилии воинов, погибших на липецкой и орловской землях, красные следопыты города Ельца, которых возглавляет С. П. Тюленев.

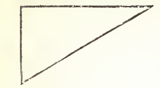
Короткие, но взволнованные письма в заключительном разделе... Идет как бы поименная поверка всех, кто причастен к Победе. Поверка живым и мертвым. Тем, кто прошел до Берлина, и тем, кто навечно лег в землю, освобождая ее от коричневой чумы... В 1976 году «Правда» выпустила «Книгу розыска». Она имеется во всех районных, городских, областных, краевых, республиканских военкоматах, в организациях Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца,

послана многим редакциям газет, отрядам следопытов, группам «Поиск», советам ветеранов войны, во все архивы, располагающие материалами о погибших, умерших от ран и пропавших без вести. В этой книге — тысячи фамилий погибших участников войны, места захоронения которых установлены следопытами. Все эти сведения также взяты из писем, присланных в «Правду» ее читателями.

Письма, дневники, листовки военных лет, посмертные записки, найденные в гильзах, ветхие солдатские треугольники со штемпелями полевой почты, фотографии, вырезки из газет... Какое в них богатство чувств и мыслей! Собранные воедино, они воссоздают страницы недавнего героического прошлого, уже ставшего историей. Историей, которая не стареет от времени и всегда остается живой в памяти народной.

Виктор Гришин

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ!

22 июня, 4 часа утра...

В июне 1941 года в составе 42-й стрелковой дивизии я нес действительную службу в Бресте. В четыре часа утра 22 июня на спящий город обрушился ураган артиллерийского огня. Люди убегали из домов в нательном белье.

Командир дивизии выделил несколько автомашин для вывоза к железной дороге женщин с детьми... Вагоны были набиты до отказа. И вдруг на поезд посыпались бомбы. Пламя охватило весь эшелон. Те, кто успел выскочить из вагонов, побежали в поле, их тут же настигли вражеские самолеты и с бреющего полета расстреливали пулеметными очередями...

П. Нянченко.
Правда, 1981, 22 июня.

В первый день войны

После жестокого боя в западноукраинский городок Сокаль ворвались фашисты... С грохотом танк приближался к разрушенному зданию пограничной комендатуры, в подвале которого были укрыты женщины и дети.

И вот навстречу бронированному чудовищу выбежал объятый пламенем человек. Сорвав с себя смоченный бензином халат, кинул его на решетку моторного люка, а сам пылающим факелом бросился под танк. Раздался взрыв. Гитлеровцы повернули назад...

Это произошло в первый день войны, около девяти часов утра 22 июня [1].

Я. Бранько.
Правда, 1980, 22 июня.

Шел бой на границе

Я был политруком Перемышльской городской заставы 92-го пограничного отряда и вечером в субботу 21 июня 1941 года принял очередное дежурство. Только что в клубе отряда закончился концерт оркестра под управлением Дм. Покрасса. Композитор потом зашел на заставу, остановился у пулемета, приспособленного к стрельбе через окно, и заметил: «Это, похоже, не учебный...» Застава была готова к обороне.

В ту последнюю мирную ночь пограничные наряды докладывали, что на другом берегу Сана вдруг прекратилось движение, умолкли моторы, гудевшие в последнее время днем и ночью.

В 23.00 наш наряд доставил на заставу польского гражданина, пробравшегося на нашу территорию. Он рассказал, что, по словам немецких офицеров, 101-я пехотная дивизия готова к наступлению на Львов, а Перемышль намечено захватить сразу после начала боевых действий, которые развернутся через четыре часа, то есть 22 июня в 3.00 по среднеевропейскому времени. Я немедленно передал эти сведения в комендатуру и дежурному по отряду. Пришел приказ — перейти на усиленный вариант охраны границы. Но мы еще сомневались: не провокация ли?

Ровно в 4.00 по московскому времени я услышал глухие одиночные, а потом частые разрывы. Враг вел по Перемышлю беглый артогонь. Рушились дома. Начались пожары. Над городом пролетели в наш тыл гитлеровские бомбардировщики. По команде «В ружье!» поднялся на заставе резерв — человек двенадцать. Перед каждой группой одна задача: огнем пресекать попытки противника переправиться на наш берег. Начальник заставы Александр Патарыкин отправил своего заместителя Петра Нечаева с несколькими бойцами на мост. В неравном бою у моста Нечаев взорвал гранату, уложил окруживших его немцев и сам погиб.

[1] Почти четверть века оставалось неизвестным имя этого героя. Но благодаря стараниям бывшего пограничника Василия Владимировича Платонова было установлено: подвиг совершил старший военфельдшер 4-й комендатуры 90-го Владимир-Волынского пограничного отряда Владимир Прохорович Карпенчук — уроженец села Лука Молчанская Жмеринского района Винницкой области.

Гитлеровцы несли потери, но нигде на четырехкилометровом участке границы переправиться не смогли. После полудня мы получили приказ отойти на тыловой оборонительный рубеж. С горьким чувством покидали мы границу. Я успел сжечь секретные документы. При отходе увидели на юго-восточных скатах пригородных высот наших артиллеристов, занявших боевые позиции. Это были части 99-й стрелковой дивизии.

Вечером и ночью дивизия готовила контрудар и 23 июня в 4.00 ворвалась в Перемышль. В этом бою участвовал сводный пограничный батальон, куда вошли все оставшиеся в живых пограничники. 23 июня уже в освобожденном Перемышле начальник погранотряда майор Я. Тарутин приказал мне сформировать кавалерийский эскадрон. В тот же день мы, конники, настигли вражеских диверсантов, просочившихся в наш тыл. Это были переодетые гитлеровцы из полка «Бранденбург-800». Кавэскадрон уничтожил в нашем ближнем тылу лазутчиков, бандитов и вступил в бой с десантом, высадившимся в районе села Нижанковичи. Враг не смог отрезать, окружить защитников Перемышля. 99-я стрелковая дивизия и сводный отряд пограничников удерживали город несколько дней.

М. Скрылев.

Правда, 1981, 22 июня.

Отстоять Родину

...Не первый раз стеной встает русский народ на защиту Родины, на защиту своей свободы от иноземных поработителей. Русский народ во время монгольского нашествия мощным ударом на Куликовом поле отогнал полчища завоевателей. Русский народ повалил завоевательный гений Наполеона на таком же прыжке из залитой кровью Европы.

Народы Европы хорошо помнят, что русский народ всегда вставал из глубин своих равнин и степей каждый раз, когда безумный ум очередного завоевателя пытался копьями, штыками или дальнобойными снарядами заставить его, а вместе с ним и другие народы повернуть вспять, в мрак истории человечества, в ветхие формы тупой диктатуры солдата.

Встаем мы снова на защиту своей Родины, своей чести, своей свободы. Встаем не в равнинах старой России — встаем на просторах Советского Союза. Встаем одним человеком — с одной волей, с одним сердцем, с одним умом...

А нужно одно: все мысли, все чувства, все поступки, самую жизнь свою отдать великому историческому делу, при-

вычному нам: отстоять Родину, разбить солдатскую тупую и жестокую волю очередного незадачливого «гения». Только так будет исключена возможность появления этаких гнойников, то и дело выскакивающих на здоровом теле человечества под именем Наполеонов, Гитлеров,— гнойников, в которых собралось все самое мрачное, злобное, братоубийственное и темное, что могло родиться на земле.

За оружие, товарищи и друзья! Оружие везде: и на кораблях наших, и на самолетах, и на танках, оружие на заводах наших, на полях, шахтах. Каждое лишнее зерно урожая — лишняя пуля врагу. Каждый кусок угля — лишний снаряд. Каждый стакан горючего — драгоценность: именно его и может не хватить советскому самолету, забравшемуся в далекий тыл врага. Каждая мысль, каждое слово наше — оружие: оно поможет сокрушить прыжок осатаневшего зверя, оно поможет победе во имя будущего счастья народов.

Леонид Соболев.

Правда, 1941, 23 июня.

Мужьям, братьям, отцам, сыновьям, уходящим на фронт

Дорогие мужья, братья, отцы, сыновья, дорогие товарищи!

Темной ночью фашистские псы из-за угла напали на наш дом, пролили кровь невинных людей, нарушили наш мирный труд. Честь и независимость Отечества, свобода, дети, нивы, заводы, жилища в опасности. Гневом и ненавистью наливаются наши сердца при мысли об этом.

Родные и любимые! По призыву нашего правительства вы идете защищать Родину от коварного, жестокого врага. Нелегко оставлять свои семьи, но мы видим вас бодрыми и торжественными, смелыми и мужественными, и мы гордимся вами. Теперь, когда вся наша страна поднялась, как один человек, мы знаем, мы уверены, что враг будет уничтожен, разбит, что победа будет за нами.

В грозные дни боевой тревоги мы, женщины, работницы Московского тормозного завода, решили обратиться к вам, нашим дорогим мужьям, братьям, сыновьям и товарищам, уходящим на фронт, с напутственным словом:

Дорогие бойцы и командиры Красной Армии! Смело идите в бой с врагами, защищайте нашу землю, наших детей, нашу свободу.

Вы идете на фронт, мы остаемся в тылу. Но нет у нас фронта и тыла. Все свои силы, всю свою энергию мы приложим к тому, чтобы заменить вас на производстве, обеспечить

вас всем необходимым. Понадобится — будем работать день и ночь, нужно будет — поможем вам с оружием в руках. Не беспокойтесь о нас, не волнуйтесь,— мы полны сознанием своего долга перед Отечеством, понимаем всю сложность и ответственность обстановки.

Наши работницы — фрезеровщица Шматова, сверловщица Алешина, контролер Фролова и многие другие, проводив своих мужей на фронт, работают сейчас с удвоенной энергией, выполняют план на 180—200 процентов. Стахановским трудом на предприятиях мы будем крепить ваши боевые успехи.

Русские женщины всегда вместе с мужьями вставали на защиту своей земли. Во времена наполеоновского нашествия они помогали гнать интервентов. В годы героической обороны Севастополя женщины самоотверженно ухаживали за солдатами. Тысячи женщин показали себя настоящими патриотками во время боев с белофиннами. В нынешней Отечественной войне жены бойцов и командиров Красной Армии делом докажут, что они являются достойными боевыми подругами своих мужей.

Наша работница Кутузова, проводив мужа и братьев на фронт, сказала им:

Прощайте, товарищи,
Вас провожая,
Мы не будем плакать, рыдать.
Идите, родные,
Любимые, братья,
Страну от врага защищать.

Мы добавляем к этому: беспощадно громите врага! Бейте фашистскую сволочь! Помните, что наше дело правое, враг должен быть разбит!

Д. Закаткина, сверловщица,
П. Минохина, сверловщица,
М. Закровская, револьверщица,
и др. Всего 32 подписи.

Правда, 1941, 25 июня.

Мы куем оружие победы!

Дорогие товарищи! Не первый раз провожаем мы на фронт сыновей нашего завода. В гражданскую войну вместе с краснопутиловцами, ткачами Иваново-Вознесенска [1], пролетариями Донбасса храбро сражались, гнали врагов со священной советской земли и рабочие завода «Бромлей» [2].

[1] Ныне город Иваново.

[2] До Великой Октябрьской социалистической революции станкостроительный завод «Красный пролетарий» принадлежал братьям Бромлей.

Кровью храбрецов, сражавшихся везде, где угрожала опасность нашей Родине, самоотверженным и доблестным трудом создана слава наших заводов, фабрик и колхозов. Помните об этом, дорогие наши друзья, слесари, токари, фрезеровщики, инженеры, техники, кузнецы, становящиеся артиллеристами, танкистами, летчиками, воинами страны социализма.

Мы куем грозное оружие, которым вы сражаетесь. Будьте спокойны, вам хватит снарядов, пулеметов, танков, чтобы стальной лавиной раздавить гитлеровскую сволочь.

Многие ушли в армию. Слесарь Исаев зачислен в танковую часть, расточник Соловьев — в авиацию, начальник цеха Чуян — в тяжелую артиллерию, слесарь Дьяков — в Военно-Морской Флот. В цехах стало меньше людей. Но те, кто остался, заменили своих товарищей.

Токарь Фролов обслуживал два многорезцовых токарных станка. Рядом с ним еще на двух таких же станках работал токарь Котов. Его призвали в армию. Фролов решил обслужить все четыре станка и сейчас на четырех токарных станках выполняет сменную норму на 500—570 процентов. «Вот отремонтируют еще один станок,— говорит он,— буду работать на всех пяти».

Во втором сборочном цехе слесари Савичев, Щипанов и Филатов выполняют по пять норм каждый. «Мало,— говорят они,— дадим шесть, семь норм». А слова у нас на ветер не бросают. Сказано — значит, будет сделано!

Кончается смена, но люди не уходят от станков, работают, не считаясь со временем. Надо полторы смены — работаем. Надо будет — сутки не уйдем из цеха. Сил у нас хватит.

В одном из цехов начальник спросил: кто по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам не сможет оставаться полторы смены? Кончился рабочий день, и ни один человек не ушел домой.

На одном из участков четыре токаря-револьверщика — Овечкин, Кортунов, Еремин и Гущин — ушли на фронт громить фашистов. На их место встали Жариков и Ильин. Двое молодых рабочих заменили своих товарищей-бойцов.

Станки работают, ни на секунду не останавливаясь, как наши орудия, которые, не умолкая, бьют по врагу, как наши бомбардировщики, не дающие передохнуть фашистской мрази.

Когда ушел один из трех рабочих, обслуживающих станок № 328, его сменщик Морозов сказал: «Никого взамен не присылайте. Пока не кончится война, будем работать вдвоем с товарищем».

Наши кадровики — мастера на все руки. Они полностью используют свои знания, свой опыт. Вот слесарь Ратютин. Он

хорошо знает все операции сборки станков, и там, где не хватает людей, где создается малейшая заминка, помогает налаживать работу, одновременно перевыполняя свое задание. Наши инженеры попросили разрешить им смену работать по своей специальности, а смену стоять у станков. Им ответили: «Пока в этом нет нужды, а надо будет — примем ваше предложение».

Никогда еще не было на заводе такого огромного патриотического подъема. Все чувствуют себя участниками одного отряда, одной колонны железной армии, отстаивающей свою Родину.

Провожая вас в Красную Армию, мы обещаем, что коллектив нашего завода будет твердо стоять на своем посту, в полную силу работая на оборону Отечества.

Сегодня страна призвала вас, если нужно будет, мы тоже пойдем с оружием на врага. Жены, матери, сестры заменят нас у станков. Мы гордимся нашими женщинами. Они работают рядом с нами, вместе с нами, плечом к плечу. Мастер Ефремов, строгальщик Жирков ушли на фронт, к станкам встали их жены. В заводские цехи приходят вчерашние домохозяйки. Они напряженно учатся, овладевают квалификацией, чтобы стать мастерами станкостроения.

Товарищи, не тревожьтесь о семьях, оставшихся дома. Мы позаботимся о ваших детях, матерях, женах.

Товарищи бойцы, громите черную банду фашистов!

Война с Советским Союзом — последняя авантюра фашистской клики. Она должна привести и приведет фашизм к гибели. Наше дело правое, победа будет за нами!

Рабочие завода «Красный пролетарий»:
С. Волков, мастер, *С. Орлов*, сверловщик,
Н. Шарыгин, зуборез, *А. Кузнецова*, шлифовальщица,
Т. Андунина, шлифовальщица, *В. Морозов*, токарь,
В. Фролов, токарь, *В. Коровин*, ст. мастер,
Ф. Зайцев, электрокалильщик, *Н. Каменский*, мастер,
Г. Лобанов, мастер, и другие (всего 28 подписей).

Правда, 1941, 25 июня.

Победа будет за нами!

Здравствуй, братуха! Шлю тебе боевой командирский привет. Нахожусь на Западном фронте и бью фашистских шакалов. Работаю вторым пилотом.

Недавно я вернулся из второй жестокой атаки и уловил сегодня минуту, чтобы написать тебе, дорогой. Наша эскадрилья

беспощадно уничтожает вражеские самолеты, выполняя приказ командования.

Во время второй атаки наша машина стремительно неслась навстречу фашистскому самолету, чтобы в единоборстве уничтожить его. Но нас ожидало разочарование. Когда враг был от нас совсем близко, другой летчик нашей эскадрильи убил фашиста. Стервятник с дьявольской свастикой воспламенился и, окутанный дымом, грохнулся о землю.

Ваня, будешь писать родным, передай от меня привет и сообщи, что их сын Николай храбро сражается за Родину, за родную землю, за народ...

Не щадя сил и жизни, я буду драться с врагом до полного его уничтожения. Смерть германским фашистам! Мы их уничтожим, победа будет за нами. Будь здоров, обнимаю.

Твой брат *Николай Камырин.*

Правда, 1941, 1 июля.

Мы не подкачаем

Привет, Коля, благодарю за письмо Ты молодец! Горжусь тобой, смелый летчик! Я также привел свою боевую машину в полный порядок.

Я полон ненависти к врагу. Чувство долга перед Родиной влечет меня на поле боя. Когда я получу боевой приказ, мы с тобой не подкачаем, мой братыш. Бей обнаглевшего зверя до конца!

Мы победим!

Иван Камырин.

Правда, 1941, 1 июля.

Заменим мужчин, ушедших на войну

Многие трактористы и комбайнеры нашей МТС ушли на фронт защищать родную советскую землю. Из одного только 7-го отряда, в котором мы сейчас работаем, призваны в ряды Красной Армии шесть трактористов во главе с бригадиром Афанасием Коломыцевым. Уезжая на фронт, они заявили, что будут драться с фашистской сволочью до последней капли крови и домой возвратятся победителями.

На второй день после ухода трактористов на фронт мы, колхозницы артели «Рабочий путиловец», обратились в дирекцию МТС с просьбой зачислить нас в отряд трактористками. Тракторное дело нам знакомо. Анастасия Фисенко год назад работала трактористкой, но по семейным обстоятельствам вынуждена была временно покинуть отряд. Мария Коломыцева

зимой обучалась на тракторных курсах, а с весны работала прицепщицей. Мы не могли допустить, чтобы в грозные дни Отечественной войны простаивал хотя бы один трактор. Наша святая обязанность — заменить мужчин, ушедших на фронт. Вместе с нами за руль трактора сели больше десяти колхозниц.

Уже третью неделю мы работаем трактористками. На колесном тракторе «У-2» мы культивировали и боронили зябь, производим междурядную обработку подсолнуха и т. д. Наш трактор работает бесперебойно. На культивации пара мы вырабатывали за смену до 18 гектаров вместо 12 по норме. Добиваясь высокой выработки, мы ежедневно экономим по 40—45 килограммов горючего.

Во время уборки наша машина «У-2» не будет иметь простоев. Хлеба нынче в колхозах высокие, густые, крупноколосистые. Весь урожай уберем до единого колоска.

Мария Коломыцева, Анастасия Фисенко,
трактористки 7-го отряда
Пуховской МТС Воронежской области.

Правда, 1941, 20 июля.

Благословляю тебя, сын [1]

Мой дорогой Вася!

Итак, мой сын — летчик. Твоим рукам стал послушен штурвал самолета, твоей стихией становится воздух. Вместе с тысячами молодых патриотов ты смело и гордо входишь в семью крылатых соколов, а в скором времени, пересев на истребитель или бомбардировщик, будешь боевым летчиком Великой Отечественной войны.

Вместе с тобой, среди многих тысяч других советских доблестных летчиков, мы будем бесстрашно наносить врагу смертельные удары, бороться за честь и свободу своей Родины, за счастье своего народа до последнего дыхания.

Я знаю, что ты, как и я, смертельно ненавидишь гитлеровских палачей и убийц. Ты рос в счастливое и солнечное время, тебе незнакомы нужда и лишения, горе и скорбь. И у тебя никому и никогда не отнять этого счастья. Вдохновленный неиссякаемой любовью к великой матери-Родине, вспоившей и вскормившей нас, новых, советских людей, ты будешь мужественно и бесстрашно биться с фашистами, разить их без промаха...

[1] Герой Советского Союза М. В. Водопьянов писал это письмо, когда его сын Василий в числе других авиаторов получал боевой самолет.

Ты вырос и возмужал. Мускулы твои налились крепкой, могучей силой русской земли. Глаза твои — зорче соколиных. Ты рос вместе с нашей милой и дорогой Отчизной, где нет угнетения человека человеком, нет нищеты и разорения, и не найти такой силы, которая могла бы заставить тебя выпустить штурвал из рук, а нашу Родину — стать на колени. Вместе с тобой на помощь летчикам старшего и среднего поколений поднимутся в воздух тысячи сильных волей и духом молодых летчиков. Перед нами не устоит ни одна твердыня.

Я молод и счастлив, как и ты, Вася. Тебе — 22 года, мне 42-й. У тебя молодые руки, но и мои руки крепкие. У тебя зоркие глаза, но и мои глаза видят прекрасно. Любовь к моей Родине и ненависть к врагам моей Родины — это ориентиры, руководясь которыми я не боюсь потерять пути в любом полете. Они выведут меня из любых испытаний.

Я живу на свете дольше тебя. Ты только появился на свет, когда я пошел добровольцем в Красную Армию. Всей своей жизнью, всем своим существованием я обязан своей матери-Родине. Она воспитала меня, подняла из низов, поставила на ноги, сделала человеком, своим героем. Теперь я плачу ей благодарностью, нещадно бью и буду бить озверелых фашистов.

Нет худших злодеяний, чем те, которые совершает фашистская черная свора. Под игом фашистов задыхаются народы Франции, Чехословакии, Польши, Болгарии. Народы этих стран унижены, ограблены, опозорены. В оккупированных городах и селах фашистские изверги беспощадно уничтожают детей, женщин, стариков.

Кровавые расправы чинят фашисты в занятых советских районах. Дорогой Вася, мы обязаны отомстить за расстрелянных и замученных мирных жителей, за разрушенные госпитали, за бомбежку наших городов, наших деревень и сел.

Наша страна переживает грозные и величественные дни Отечественной войны. На фронтах от Ледовитого океана до Черного моря защищает свое Отечество весь советский народ. Мы победим! Победим той силой, которую никто не может сломить: безграничной верой в правое дело. Я призываю тебя, мой сын, и тысячи других молодых летчиков, отправляющихся на фронт, смело и беззаветно биться с лютым врагом и громить его, где бы и когда бы он ни появился.

Я верю, дорогой Вася, что твоя боевая машина не упустит врага. Бей врага изо всей силы! И если кончатся патроны, то таран — верное и излюбленное средство наших пилотов — поможет тебе уничтожить стервятника.

Я, твой отец, благословляю себя на героические подвиги во имя Родины, во имя счастья нашего народа. Помни, что я всегда рядом с тобой в любом бою, где бы ты ни был.

До свидания, Вася, крепко обнимаю тебя.

Твой отец *М. Водопьянов.*

Правда, 1941, 23 августа.

Не отступим

Боевой привет вам, защитники Москвы, от моряков Краснознаменной Балтики, от вооруженных юношей и девушек города Ленина. Суровые дни переживает наш родимый город, смертельная опасность нависла над ним. И в этот грозный час Родина призвала моряков-балтийцев, ленинградскую молодежь защищать Ленинград.

Народ сказал нам: «Бейся до последней капли крови, но города Ленина не сдавай!» Мы отвечаем нашей Родине, нашему народу: «Есть не сдавать!»

Я только что прибыл из Ленинграда. С суши он опоясан окопами и рвами. С моря стерегут наши корабли, с воздуха — наши «ястребки». Каждый, кто может носить оружие, стал на боевой пост. Из заводских ворот выходят танки, их сделали сами ленинградцы.

В. Кульбакин,
командир подводной лодки.

Правда, 1941, 29 сентября.

Учитесь владеть оружием

Меня сначала не хотели брать на фронт, говорили — молода, но я упросила — правда, много раз ходила со своим заявлением и наконец уговорила. И вот исполнилась моя мечта — поехала на самые передовые позиции. Большое это счастье — помогать бойцу, беречь его жизнь и здоровье.

На фронте подружилась с дружинницами Лелей Морозовой и Люсей Конторович. Это замечательные советские девушки, каких у нас много. Мы ползали под минометным и артиллерийским огнем врага, перевязывали раненых. Над нами рвалась шрапнель, свистели пули. Но здесь не думаешь о себе, лишь бы спасти раненых! Как услышишь стон,— сердце не выдерживает: огонь не огонь — ползешь к бойцу.

Однажды наша часть пошла в атаку, а мы втроем — Леля Морозова, Люся Конторович и я — бежали следом за бойцами.

В этом бою наша подруга Люся погибла. Ее убило осколком мины. Я никогда не забуду свою дорогую фронтовую подругу и отомщу за ее гибель фашистским негодяям!

Меня немного контузило, но я уже поправилась. Мечта у меня только одна — снова на передовые позиции, снова помогать раненым.

Я обращаюсь ко всем комсомольцам — быстрее учитесь владеть винтовкой, пулеметом, гранатой. Девушки! Быстрее изучайте санитарное дело!

Е. Новикова,
медсестра.

Правда, 1941, 29 сентября.

Отстоим Москву

Пресня. Боевая Красная Пресня! Вот сквер у твоей заставы. Высокий камень в центре его — суровый памятник храбрым твоим сынам, поднявшим в 1905 году знамя борьбы за свободу, за счастье будущих поколений.

С заводов, с фабрик твоих уходили в тяжелые годы гражданской войны батальоны героев-бойцов. В битвах за Родину, за Советскую власть прославили они тебя, бессмертная, мужественная Пресня.

А ныне с винтовкой за плечом идет по твоим улицам новое поколение краснопресненцев — бойцы рабочего батальона.

Мы идем мимо старого, скромного памятника, мы клянемся: не уроним твоей чести, Красная Пресня, будем стойко биться за тебя, за Москву, за великую Советскую землю! Отстоим! Не быть России под ярмом немцев, не бывать поколению краснопресненцев рабами фашистских баронов! Все отдадим, крови, жизни не пожалеем, чтобы отстоять, чтобы отбросить прочь, уничтожить кровавых фашистских захватчиков.

Мы — добровольцы. Мы взялись за оружие потому, что не хотим быть немецкими холуями, а хотим быть свободными и счастливыми гражданами великого и свободного Советского государства. Мы — поколение краснопресненцев и с честью пронесем это имя в боях.

В наших шеренгах шагают рядом старый красногвардеец седоусый Михаил Саввич Яковлев и комсомолки-санитарки

18—19 лет. Мы — студенты геологоразведочного института, Московского государственного университета. Мы — рабочие «Трехгорки», железнодорожники Окружной дороги, служащие учреждений. Мы — люди разных профессий, и у каждого из нас было свое мирное занятие. Но теперь у всех у нас одно стремление — воевать, сражаться за Родину; одна цель — опрокинуть, раздавить врага. Живой пример для нас — стойкость борцов Ленинграда. Мы знаем, что трудная борьба с фашизмом потребует немалых жертв. Но каждый из нас говорит: лучше умереть героем, чем жить трусом. А победить в этой войне может только храбрость, героизм наших людей. И мы победим!

На призыв: все силы отдать для защиты родной Москвы — отвечаем: мы готовы! Мы готовы сегодня, готовы в любой час двинуться в смертельный бой с нашим лютым врагом.

Мы знаем, что с нас много спросится, мы должны быть примером другим бойцам. Потому-то и отдаем сейчас каждую минуту военной подготовке, боевой выучке.

Мы ждем боевого приказа. Займем свое место в строю на линии обороны Москвы. И мы твердо знаем: вместе с нами встанут в строй еще многие батальоны Красной Пресни, еще многие батальоны Москвы, и эта линия обороны станет линией наступления. Враг разобьет свою голову об ощетинившуюся штыками Москву.

Политрук роты *Я. Рукин;*
бойцы: *М. Литочевский,*
С. Дмитриев, П. Ефимов, М. Павлов;
медицинская сестра *С. Семенова.*

Правда, 1941, 18 октября.

Молодым защитникам Москвы

Дорогие наши товарищи!

Любимые наши братья!

Славные героические защитники Москвы!

Примите горячий, боевой привет от комсомольцев и молодежи столицы!

Вот уже около двух месяцев фашистские банды рвутся к сердцу нашей страны — любимой, родной Москве. Не считаясь ни с какими потерями, озверелый враг предпринял новое наступление. Опасность под Москвой не только не уменьшилась — она возросла.

И перед лицом этой возросшей опасности мы говорим вам, дорогие друзья, словами великого Кутузова:

— Ни шагу назад! Стоять насмерть!

Одни из нас работают на заводах, другие — на фабриках, третьи — на железной дороге, четвертые — в артелях, пятые — в магазинах.

Все мы считаем себя бойцами. Все мы — на фронте. Воскресниками, выполнением двойных и тройных норм, участием в охране города от вражеских лазутчиков, провокаторов, пособников врага — всем мы помогаем фронту. Мы с вами — в одних рядах. На нас смотрит вся страна. В самых отдаленных уголках Союза, далеко за его рубежами миллионы людей каждое утро с волнением берут газетный лист — как в Москве?

И мы с вами, дорогие братья по оружию, отвечаем так. чтобы слышала вся страна, весь мир:

— В Москве крепко. Москва — на замке, враг не пройдет!

Поганое фашистское зверье хотело сломить наше сопротивление — мы стали еще крепче, еще сплоченней.

Фашистские генералы замышляли разбить под Москвой наши армии — и под сокрушительными ударами красных бойцов оставили на полях Подмосковья десятки тысяч трупов своих солдат.

Фашистское вшивое отребье рассчитывало получить теплые квартиры — и вынуждено зимовать на развалинах сожженных и разрушенных домов, мерзнуть и подыхать в подмосковных лесах и полях.

Фашистские вояки думали захватить нашу Москву коротким ударом — и вот уже скоро два месяца, как идут бои, а Москва так же недосягаема, как и в начале наступления.

Судьба столицы — в наших руках. Мы должны отстоять Москву, и мы ее отстоим!

Храбрость наших воинов известна. Каждый молодой боец готов умереть, но не пропустить врага.

Будем крепче драться, друзья!

Биться с врагом, как славные катуковцы!

Биться с немецкими захватчиками, как наши героические красные гвардейцы!

Разить фашистское зверье, как Герои Советского Союза комсомольцы Середа, Жуков, Кисляков, Харитонов, Талалихин, Зайцев!

Вся молодежь — на защиту родной Москвы!

Вперед на врага!

В первые ряды мужественных и храбрых вставай, комсомолец!

Комсомольцы и молодежь города Москвы.
Около 80 000 подписей.

Правда, 1941, 30 ноября.

Из дневника и писем
Марты Сизовой

23 сентября 1941 года.

Один час ночи. Я вместе с Тоней Демура, моей новой знакомой, однокурсницей, дежурю в профессорском парадном. Сейчас тихо, тревоги нет. Решила воспользоваться свободной минутой, чтобы продолжить дневник.

Начиная с 8 сентября, в Ленинграде воздушные тревоги бывают по восемь — десять раз в день. Фашисты безжалостно бомбят город. Кое-где возникают пожары, среди жителей есть убитые и раненые. Немцы стоят у ворот города, они пытаются любыми средствами взять Ленинград. Несколько дней обстреливали город из дальнобойных орудий, фашистские самолеты бомбят железнодорожные вокзалы.

В городе сейчас чувствуется недостаток продуктов. Несмотря ни на что, ленинградцы держатся бодро. С большой энергией работают на производстве, в окопах...

На первом курсе студентов в этом году мало, а мальчишек всего человек пятнадцать. На других курсах и того меньше: все ушли на фронт.

От мамы писем давно не было. Не знаю, что сейчас дома. Живы ли мои старички? Ходят слухи, что в Лодейном Поле немцы. Я не верю и верить не хочу.

Да, суровые дни настали. Каждому ленинградцу надо быть стойким, выносливым, собрать воедино все свое мужество. И я делаю все, чтобы быть такой. В такой серьезный момент нельзя хныкать и унывать. Надо сдерживать свои чувства.

12 октября.

Полночь. Сегодня я у Зины. Вся их семья спит. Только что кончила заниматься по физике. И вот, пользуясь тишиной, пишу дневник.

...Воздушные тревоги в Ленинграде стали обычным явлением. Гитлер бомбит нас днем и ночью. Я уже свыклась с этим и во время бомбежек, артиллерийских обстрелов чувствую себя теперь спокойней.

Продуктов стали выдавать еще меньше: подвозить их к Ленинграду очень трудно. Кое-кто из девочек пал духом. Да, сейчас надо быть очень спокойной, чтобы вынести все тревоги и лишения.

С каким интересом мы слушаем новости с фронта! Радуемся, что на подступах к Ленинграду немцы несут большие потери.

24 октября.

Занятий не будет недели две, так как большинство студентов ушли на трудфронт. Нас, первокурсников, не взяли, так как нам еще нет восемнадцати. Буду по-прежнему в санитарной команде при институте.

Заниматься стало сложнее: холодно, в институте и общежитии печей не топят. И питание слабое. Хлеба получаем 200 граммов в день. На декаду положено еще сахара и конфет 250 граммов, мяса 250 граммов, крупы 300 граммов, масла 150 граммов.

Недавно я дежурила на чердаке. Воздушная тревога. Неподалеку разорвалась фугасная бомба. Погас свет. Вдруг у самого входа на чердак упала зажигательная бомба. В первую минуту я растерялась, не знала, что делать: брать щипцы и тащить бомбу в бочку с водой или тушить ее песком. Но раздумывать было некогда. Затушила ее песком.

На соседнем чердаке в это время бегали другие студенты. Там сильно разгорелись две зажигательные бомбы, застрявшие между балками. Я бросила еще одну лопату песка на свою уже потушенную бомбу и стала таскать воду и мешочки с песком на соседний чердак. Вскоре и там возникший было пожар потушили. На дворе и на крыше тоже ликвидировали пожары. Это было примерно в 12 часов ночи. После отбоя я и еще одна девушка остались дежурить на чердаке.

Сейчас я у Жени (это сестра Марты, сейчас она живет и работает в Москве.— *Ред.*). Теперь я езжу к ней очень часто. Женя учится и работает, у нее рабочая карточка — 400 граммов хлеба в день. Так что она меня подкармливает. Сейчас основной темой разговора является еда. Вечером хочется есть, а есть нечего... Маме стараюсь писать бодрые письма.

31 октября.

Ночью снова дежурила на чердаке. Здорово били наши зенитки. Где-то неподалеку свистели бомбы. В такое время жутко одной сидеть на чердаке. После смены опять не могла спать, прислушивалась к каждому звуку, похожему на сирену. Но я молчу, не выдаю себя, борюсь со страхом.

Да и вообще зачем ныть? Меня окружают хорошие люди. Во что бы то ни стало надо перенести трудности. Ведь кончится же когда-нибудь эта проклятая война.

К Зине езжу редко: они сами сидят голодные, да еще я приду объедать их.

Тетя Шура еле держится на ногах. Муся заболела, у нее от худосочия на теле нарывы. Зина сильно похудела. Жалко смотреть на них, и помочь нечем. Да и сама я чувствую

слабость. Маме, конечно, ничего об этом не пишу: не хочу ее расстраивать. Как они там с папой живут?

21 октября с Женей ездили к тете Даше. Ее муж, дядя Леша, недавно умер. В последние дни он очень тяжело переносил воздушные тревоги. Все время нервничал. Тетя Даша осунулась, похудела, но твердо переносит горе: не ноет, не жалуется. Нам она была очень рада. «Эти девочки для меня как родные дочки»,— сказала она тогда со слезами.

10 ноября.

Девять часов вечера. Только что кончилась политбеседа. Обсуждали речь товарища Сталина, произнесенную им 6 ноября на торжественном собрании в Москве. На меня речь произвела большое впечатление. Получила ответы на многие неясные вопросы. Эта речь еще больше укрепила в нас веру в победу. Еще не скоро кончится война, но непременно победим мы!

Я буду, как и до сих пор, твердо переносить все лишения и трудности.

7 ноября Ленинград был украшен лозунгами, красными флагами. Даже на трамваях развевались флажки, звучала музыка. Демонстрации только не было. Вечером вместе с Женей в кинотеатре «Форум» смотрели замечательный фильм «Депутат Балтики».

20 ноября.

Теперь часто бывают легкие морозы. Нева замерзает. Воздушные тревоги по нескольку раз в день. Продуктов на эту декаду выдадут еще меньше. Хлеба — 125 граммов на сутки. В столовой за суп вырезают из карточки талон «25 г. крупы», за кашу — «50 г. крупы», за котлету — «50 г. мяса». Словом, пять дней декады можно кушать по тарелке супа в день, а другие пять дней — по котлетке без гарнира. Мы с Женей живем вместе, у нее в общежитии.

Занимаемся по четыре часа в день. Лекции посещаю аккуратно, все записываю. Понемногу готовлюсь к сессии. В институте еще не топят.

Мы с Женей чувствуем себя, несмотря на трудности, бодро. Хотя, не скрою, иногда и унываем немножко, но без этого, видимо, не обойтись. От недостатка питания здоровье начало сдавать. И у Жени, и у меня на теле появились нарывы — это от худосочия.

Вчера смотрели кинокартину «Маскарад».

8 ноября 1941 года.

...Спасибо, дорогая мамочка, за то, что ты пишешь такие бодрые письма. Они поднимают дух и придают новые силы. Ты ведь всегда была настоящей советской женщиной. Поздравляю тебя с выдвижением на премию за отличную работу и помощь бойцам Красной Армии. Я, мамочка, тоже стараюсь быть впереди. Вот уже два месяца я являюсь бойцом санитарной команды. Два раза в неделю в течение суток наша команда дежурит в институте...

Мамочка, меня избрали комсоргом факультета. Работы хватает. Подписалась на заем — на 50 рублей. В ночь с 6 на 7 ноября я несла почетную вахту: дежурила на вышке института (а во время тревоги — на чердаке). Приятно, что доверили такой важный пост.

Фашистские звери пытались помешать нам праздновать 7 ноября. Но это им не удалось. Наши зенитчики отогнали немецкие самолеты от города. Артиллерийский обстрел тоже не дал гитлеровцам ожидаемого результата. Обстановка, в которой вот уже два месяца находимся мы, ленинградцы (я, мамочка, уже считаю себя ленинградкой), научит всему: и терпению, и выдержке, и спокойствию. Я тебе, мамочка, даю комсомольское слово, что буду стойкой до конца, буду твердо переносить все трудности и лишения. Уверена, что наши победят, выгонят проклятых фашистов и мы встретимся и заживем снова вместе.

Ты, мамочка, всегда понимала меня и сейчас поймешь, мы с тобой люди одного склада.

10 ноября.

Стипендии мне вполне хватает. Мамочка, деньги твои получили. Большое спасибо. Мы их бережем. Женя купила мне рейтузы, а себе свитер бумажный. Я купила себе калоши на венском каблуке, ботиков не могла найти. Мамочка, Женя носит твой костюм. В нем она еще больше на тебя похожа.

Мы вам готовим подарки. Папе купили хорошее портмоне и копим папиросы. Маме копим чай (нам дают двенадцать с половиной граммов чая в месяц, а на двоих — 25 граммов). Папа, почему ты молчишь? Совсем забыл своих дочек.

Мамочка, несмотря на все трудности, которые приходится здесь переносить, я ничуть не раскаиваюсь, что уехала учиться. Только ты не скучай. Береги себя и папу. За меня и Женю не беспокойся: мы постоим друг за друга. Я буду беречь Женю: ведь она слабее меня.

Ну пока до свидания, мои милые. Хочется вам написать много-много, но мысли бегут так быстро, что не успеваешь

писать. Встретимся — поговорим обо всем. Целую крепко, крепко.

Марта.

23 декабря.

...Занятия у меня в институте идут регулярно. Сессия начнется 1 января. До 27 января надо сдать четыре экзамена и четыре зачета. Беда еще, что ни в институте, ни в общежитии нет электричества, и когда будет — неизвестно. Энергия сейчас нужна, как никогда, военной промышленности.

...Поздравляем вас, наши любимые, с Новым годом! Желаем вам весело встретить его и провести елку. Пусть этот год принесет нам победу над фашистами и нашу прежнюю счастливую жизнь! Наши дорогие, будьте стойкими и терпеливыми: скоро кончатся страдания и лишения, которые принесли нашей стране гитлеровцы.

Вот уже четыре месяца немцы рвутся к Ленинграду. Но ничего у них не выходит и не выйдет. Ленинградцы стоят насмерть. Мы радуемся, что немцев теперь крепко бьют и под Ленинградом. У всех здесь одно желание: только бы пережить эту проклятую блокаду, только бы не подвело здоровье! [1]

Правда, 1972, 8 мая.

[1] На этом обрываются записи в дневнике Марты Сизовой. В осажденном городе, собрав всю свою волю, она успешно закончила зимнюю экзаменационную сессию. В 1942 году институт эвакуируют. Под огнем вражеской артиллерии, под беспрерывными бомбежками вместе с подругами Марта прошла по знаменитой «Дороге жизни» и выбралась на Большую землю.

Но силы девушки уже были подорваны. 5 марта 1942 года ее не стало. Ее похоронили в одной из братских могил в Вологде.

В больнице матери Марты Фаине Алексеевне передали противогазную сумку дочери. В ней лежали комсомольский билет, паспорт, зачетная студенческая книжка, дневник и... кусочек сахара, который, как вспоминали очевидцы, выделил Марте из своего скудного пайка один красноармеец, охранявший ладожскую «Дорогу жизни»...

Три пожелтевшие от времени тетрадки. На обложке первой ровным ученическим почерком написано: «Мое отрочество». Так назвала свой дневник пятнадцатилетняя Марта Сизова. Она жила в маленьком, тихом городке Лодейное Поле Ленинградской области.

7 ноября 1939 года первая запись в дневнике: «Мне исполнилось пятнадцать лет, и теперь я решила вступить в комсомол. Рекомендацию дают комсорг нашего класса Маруся Смелкова и комсорг училища Михаил Лебедев. Сейчас изучаю Устав. Очень волнуюсь. Вступление в комсомол будет большим событием в моей жизни».

3 августа 1941 года появляется первая военная запись: «Все лето работала в подсобном хозяйстве педучилища, потом — на строительстве оборонительных укреплений. Помогала милиции...» И в каждой записи и письмах к родным — твердая вера в нашу победу, скорую встречу с близкими. Даже тогда, когда хрупкая, истощенная голодом девушка была смертельно больна...

Письмо М. И. Калинина защитникам Ленинграда

В XXIV годовщину Октября Ленинградский гарнизон Красной Армии не делает парада, а ленинградское население не демонстрирует своих культурных и производственных успехов за истекший год. Подлый враг нарушил мирный труд города и сейчас вооруженной до зубов бандой осаждает Ленинград. Что его влечет, что он хочет?

Враг хочет крови ленинградских пролетариев и интеллигенции, он хочет захватить фабрики и заводы, все огромные ценности, накопленные ленинградцами, их трудом и пóтом, и все это пустить для новых завоеваний, для нового нарушения покоя, для истребления жизней населения других территорий.

Фашисты, избалованные легкими победами и грабежами в странах Западной Европы, думали так же легко пройти и по стране социализма. Но Ленинград встал на пути их продвижения вперед.

За все время своего существования Ленинград не имел столь сильного и коварного врага, как тот, что стоит перед ним в настоящее время. За все время своего существования Ленинград не находился в столь большой опасности, как сейчас. Более двух месяцев город отбивается от фашистских мерзавцев, нанося им тяжелые удары.

Трудна задача, стоящая перед ленинградцами. Враг силен. Вооруженный до зубов, не считаясь с жертвами, он настойчиво рвется вперед, умело применяя боевую тактику и новейшую военную технику. Борьба с таким врагом — нелегкое дело. Но ленинградский пролетариат, интеллигенция, красноармейцы, моряки-балтийцы в славные дни XXIV годовщины октябрьских побед вместо парада и демонстрации с оружием в руках защищают свой родной город, свою страну. В этот день, как вчера, как будет завтра, боевым фронтом стоят они перед коварным врагом, преграждая путь к славному городу Ленина. Ленинград не изолирован. Борьба идет на фронте в две с лишним тысячи километров. Борьба жестокая, кровавая, непримиримая, ибо как может примириться свободный народ с готовящимся ему порабощением!

Мне бы хотелось, чтобы бойцы Ленинграда ни одного дня, ни одного часа, ни днем, ни ночью не давали врагу покоя, чтобы защитники Ленинграда проявляли не только беззаветное мужество, храбрость в борьбе с врагом, что является повседневным в боях под Ленинградом, но чтобы совместно с людьми науки, техники и военного искусства глубоко изучили всю тактику врага, применяемую им технику, его хитрости и

уловки и на базе этого знания били его беспощадно, помогая этим другим фронтам.

Враг упрям и нахален. Но я думаю, что беззаветная революционная преданность социалистической Родине ленинградского пролетариата, упорство в бою нашей Красной Армии и Флота, острое желание ленинградской интеллигенции всеми фибрами своей души служить делу защиты Ленинграда вселяют уверенность в том, что ленинградцы не только устоят перед врагом, но и заставят его с позором отступить от стен города, являющегося символом пролетарских побед.

М. Калинин.
Правда, 1941, 11 ноября.

Будьте неутомимы в труде на оборону!

Огромная опасность нависла над нашей Отчизной, над ее промышленными центрами, над сердцем страны — красной Москвой.

Москва! Наша древняя столица, краса и гордость Советской страны. Ее строил, крепил, защищал в течение многих веков от вражеских нашествий великий русский народ. Он отвоевал ее в октябре 1917 года у помещиков и капиталистов.

Наш народ украсил, сделал Москву лучшим в мире городом. Она стала величайшим центром промышленности, культуры, искусства, науки. Не раз воспета любимая Москва...

Товарищи москвичи! Мы, колхозники заволжского колхоза «Спартак» Балаковского района, обращаемся к вам в этот час со словами самого искреннего привета и горячей братской любви. Все силы на отпор врагу! Бейте фашистскую сволочь, не пускайте гитлеровских гадов в Москву! Преграждайте им путь! Пусть подлый враг захлебнется в собственной крови.

Мы вам поможем, все, что от нас зависит, сделаем, чтобы обеспечить победу. Уборку обильного урожая мы закончили давно. Весь хлеб обмолотили и завезли в колхозные амбары, полностью выполнили обязательные поставки по хлебу, картофелю, молоку, овощам, дали государству тысячи центнеров сельскохозяйственных продуктов. Дадим еще хлеба и мяса, сколько потребуется!

Братья и сестры, москвичи! Знайте — вы не одни. Весь советский народ с вами. Он с великим гневом поднялся на защиту своей Родины, своего счастья, своей чести. Он, его славная героическая Красная Армия размозжат голову поганой фашистской гадине.

Будьте неутомимы в труде на оборону! Давайте больше оружия фронту! Будьте непоколебимыми, бесстрашными в борьбе с врагом, превратите подступы к Москве в могилу для врагов!

Наше дело правое, победа будет за нами!

По поручению колхозников артели «Спартак»:
П. Макаров, В. Ершов, С. Крашенинников, Р. Парфенов, П. Якотин, Е. Мунина, П. Мякотина, А. Парфенов, И. Кирсанов, Е. Сувашкин, Е. Тарасова, С. Калинков.

Правда, 1941, 26 октября.

Клятва

За тебя, Родина, за поля, леса, луга, сады, за города и села сражался я в годы гражданской войны. Вместе со своим лучшим другом — пулеметом мы прошли по лесам Сибири. Прогнав Колчака, пошли под Перекоп. В ожесточенных схватках с врагом я был дважды ранен, но ни разу не дрогнула моя рука. Метко разила она врагов. Я знал своего товарища до мельчайших частиц, любовно ухаживал за ним и никогда не покидал его в бою.

Мой стальной друг не подвел ни меня, ни моих боевых товарищей. Его смертоносный огонь разил врагов.

В одну из ночей оголтелые орды фашистов, как стаи диких волков, набросились на нашу цветущую Родину. Я сразу определил свое место среди добровольцев истребительного батальона. Передать свой боевой опыт бойцам, научить их отлично владеть боевым оружием — вот какая задача стояла передо мной. С этой задачей мы справились. Радостно сознавать, когда вчерашний дворник Белов, молодой парень, только что орудовавший метлой, стал хорошим пулеметчиком-наводчиком. Таких, как Белов, много.

Рядом со мной Митя — мой шестнадцатилетний сын. Както он подошел и запросто сказал:

— Отец, и я пойду с тобой.

— А что скажет мать?

— Мать меня послала к тебе.

Сейчас мы находимся на одном из оборонительных рубежей. Нам поручено защищать подступы к Москве. Не пропустить врага к Москве и похоронить его здесь! Эту боевую задачу мы выполним. Порукой этому — наш боевой опыт, созданные вокруг столицы мощные оборонительные укрепления, мой сын, мать, пославшая его, боевые товарищи — красноармей-

цы, командиры, наше единое стремление — не пропустить врага, уничтожить его.

Клянемся биться с фашистскими людоедами до последней капли крови, до последнего вздоха.

Красноармеец *В. Рябов.*

Правда, 1941, 26 ноября.

«Здравствуйте, дорогие учителя!» [1]

1941 год, 3 июля.

Комсомольский привет директору и коллективу школы от бригады комсомольцев, выехавших на рытье окопов!

2 июля в 2 часа 10 минут мы выехали с Киевского вокзала Москвы. Разместились в теплушке очень хорошо. Настроение бодрое. Сейчас находимся в 260 километрах от столицы, на станции Сухиничи, Смоленской области. Держим направление на юго-запад. Конечного пункта поездки не знаем. Но куда бы ни приехали (даже на фронт), будем работать, как должны работать комсомольцы, когда Родина в опасности.

Командир *Ордынский.* Политрук *Юрий Шанаев.*
Бойцы: *Цветков, В. Шанаев, Кислюк, Кодыков, Богословский, Макаров, Корнух, В. Горбунов, Зюзько, Каменецкий, Старостин, В. Якунин, Баленин, Сергеев, В. Колтун, Гуревич, Добычин, Д. Ермоленко, Сиволап, Саломанкин, Списков, Штирбу, Кантер.*

[1] В Колпачном переулке Москвы стоит старый четырехэтажный дом с узкими продолговатыми окнами. Когда-то здесь была школа № 324, директором которой работал прекрасный педагог Михаил Иванович Горбунов. Его рабочий кабинет, как и сердце учителя, был открыт для каждого.

В школе работали преподаватели Н. П. Антропов, С. Е. Евдокимов, К. П. Жданова, С. Н. Красников, Е. А. Редькина. Каждый из них оставил добрый след в памяти их учеников.

Даже в дни войны в этой школе не нарушалась замечательная традиция: каждый год в конце января устраивались вечера встречи выпускников. Рабочие, инженеры, студенты, фронтовики, случайно оказавшиеся в тот день в Москве, как бы держали отчет перед учителями и своими младшими товарищами. Затем директор брал стопку писем от тех, кто не смог приехать на встречу, и читал их вслух. А письма шли со всех фронтов. Какой в них заряд бодрости, какая вера в победу! И сколько волнующих слов благодарности любимым учителям.

Здесь публикуются некоторые из этих писем.

Уже давно нет в живых Михаила Ивановича Горбунова. Но он жив в памяти и сердцах его питомцев. Не пропало то разумное, доброе, вечное, что посеяли учителя в своих учениках.

Нет и 324-й школы в Колпачном переулке. Ее номер присвоен школе-новостройке в Гагаринском районе столицы. Так пусть же комсомольцы, пионеры, все ученики и учителя этой школы достойно берегут и приумножают честь 324-й.

22 июля.

Нахожусь в Переславле-Залесском, учусь в школе младших авиаспециалистов. 18 июля — памятный день моей жизни: принял присягу на верность Родине и рабоче-крестьянскому правительству.

В. Озолин.

25 декабря.

Михаил Иванович! Вы, конечно, будете удивлены, получив это письмо. Вспомните 1938 год, я училась в 7-м классе. С той поры много прошло времени. Работала в органах связи. Когда началась война, меня не брали на фронт, говорили: еще мала. А потом все же взяли. Прошла школу разведки и через два месяца попала на фронт.

Помню, Клавдия Петровна требовала от нас хорошего знания карты. Теперь я поняла, как она была права. Карта — первая сестра разведчика. А как пригодился немецкий язык, который преподавал нам Сергей Алексеевич. Часто вспоминаю лыжные вылазки...

Ночь. Тишина. Луна спряталась за тучу. Из-за леса тихо выскользнули лыжники. В разведку! У каждого из нас за спиной верный друг — автомат. Зорки глаза разведчика: все запомнят, все высмотрят... Задание выполнено, иду отдохнуть. Но что-то не спится. Вспомнилась школа. И вот решила написать...

Гвардии лейтенант *Н. Константинова.*

28 июля.

Здорово я обрадовался, получив ваше письмо, Михаил Иванович. До этой минуты думал, что школа где-то далеко-далеко и я учился в ней очень давно. Но прочитал письмо и словно посидел за своей партой... Признаться, я с облегчением вздохнул, когда получил на руки аттестат, учиться жутко надоело — это мне тогда так казалось. А теперь — честное слово! — с каким наслаждением решал бы самые трудные задачки по математике, потел бы над физикой! Это такое замечательное дело — учиться!

Не писал я вам единственно потому, что не было времени. В полковой школе, где учусь, занимаемся по 12 часов в день. Я в минометном взводе. Насчет учебы скажу так: не отличник я только из-за огневой подготовки, имею лишь «хорошо» — трудновато мне стрелять из-за плохого зрения...

Ваш ученик,
а теперь командир РККА *В. Фролкин.*

1942 год, 21 февраля.

Запомнил я встрепку, которую дали мне на комсомольском собрании 6 мая 1940 года. Михаил Иванович, заверяю, что свою школу Морозов не опозорит в бою.

Уважающий Вас *Виталий.*

1943 год, 23 февраля.

10 февраля 1942 года я прибыл к месту назначения. Примерно недели две были в обороне, а потом, как члена ВЛКСМ, меня направили учиться на младшего командира. В это время наша дивизия попала в окружение. Пришлось пережить и холод, и голод. Поели лошадей, варили даже их кожу. Собрав все силы, пробились к своим.

27 августа двинулись в большое наступление и погнали фрицев. К концу операции опять угодили в окружение. Пять суток почти ничего не ели. Головы из окопов поднять было нельзя. На нас сыпались снаряды, мины, бомбы, «кукушки» не давали покоя. Вылезали из окопов только ночью. В ночь на 1 октября пробили узкий проход и стали выходить из адского окружения. Отдохнув несколько дней, направились вновь занимать оборону... 3 октября я получил карточку кандидата ВКП(б). С большевистским приветом

Григорий Кислюк.

27 февраля.

Приехав на днях со спецзадания, получил ваше письмо. Не представляете, как обрадовался... Дорогой учитель! Можете передать всем: Волков помнит свою школу и никогда ее не подведет. С командирским приветом ваш «школьник»

Виктор Волков.

29 июля.

...Про школу вспоминаю буквально все: и испытания, и билеты, что мне доставались, и будничные уроки, и то, как бегали мы по звонку тревоги на свои посты, и раздевалку, и мешок для галош...

Расскажу о себе. Год проучился в университете, на химическом факультете. На втором курсе не пробыл и трех дней, как призвали в Красную Армию. С 5 июля — в непрерывных боях. Сейчас я гвардии лейтенант, командир первого огневого взвода. Пушки у нас замечательные — 76-миллиметровые, образца 1942 года, тяга — американские автомобили «шевроле».

15 числа мы пошли в наступление. Первой заговорила «катюша». Кто слышал и видел ее, тот знает, что это такое. «Катюшу» поддержала артиллерия всех марок. Я много читал о войне, но такого не представлял. Это продолжалось три часа.

Думаю, что у фрица по спине забегали мурашки, когда наша пехота пошла в наступление. Мы на своих «шевроле» еле за ней поспевали. В одной освобожденной деревне нас встретили мирные жители. Сердце взволнованно заколотилось. Целых два года они не видели своих. И, представляете, ничего не слышали о разгроме немцев под Сталинградом... Посадил я мальчугана к себе в кабину, прокатил на «шевроле».

Пишу это письмо уже третий день. То с наблюдательного пункта передадут команду: «По местам!», и мы начинаем стрелять по обнаруженной цели, то пройдет дождь... Времени свободного очень мало. Иной раз принесут обед, а есть имеешь возможность спустя три-четыре часа. Сегодня снова меняем огневую позицию. Едем вперед, на запад.

А. Гецов.

6 августа.

На днях пришлось опять встретиться с танками врага. Мой орудийный расчет в этом бою подбил немецкий танк «тигр». Через наши боевые порядки фашисты не прорвутся! Там, где гвардия наступает, враг не устоит, там, где гвардия обороняется, враг не пройдет. На этом, дорогой Михаил Иванович, кончаю, нет времени, пишу в окопе.

Ваш *Тошка (Цветков).*

1944 год, 11 января.

Война помешала нам собраться в полном составе 25 января у Михаила Ивановича! Но и те, кто далеко от Москвы, в этот день мысленно перенесутся в дом № 4 по Колпачному переулку. Уверен, что никому не придется краснеть за питомцев 324-й школы. Можно было бы и подробней рассказать о себе, но пока еще не время... Много воспоминаний будет в час нашей встречи, а он не за горами! До скорого свидания, товарищи!

Виктор Шанаев.

25 января.

В 1941 году служил на границе около Гродно. С первых часов войны участвовал в боях. Меня контузило от взрыва бомбы. Около месяца не мог говорить. В таком состоянии попал в плен. Это какой-то кошмар! Несколько раз был на волоске от гибели. Когда немцы стали отступать, я убежал, прятался неделю в болоте, ожидая подхода наших частей. Сейчас снова в рядах Советской Армии. Пишу вам из сосновых лесов Белоруссии, по которым мы победоносной поступью продвигаемся вперед.

Ваш воспитанник *Алексей Мечев.*

2 марта.

Лежу в госпитале в Москве. Подшибли 25.12.43 в ногу. Во фронтовом госпитале меня перевязывала и накладывала гипс операционная сестра Валентина Петровна Алехина. Училась в нашей школе.

Игорь Кузнецов.

7 апреля.

Дорогая Клавдия Петровна Жданова, здравствуйте! Быть может, вы уже забыли двух подружек из 7-го класса «А»: одну с белыми косичками — Валю Шакарову, а другую с каштановыми — меня, Киру, которых вы часто называли «курносыми». В далекую уральскую деревеньку «забрела» газета, в которой была заметка о 324-й московской школе. Прочитала я эту газету, и защемило сердце. Вспомнила детские годы, любимых учителей. Кажется, перебрала в памяти каждый день, проведенный в родной школе. Захотелось написать, отозваться, поблагодарить. Пишу вам, а не Михаилу Ивановичу, потому что неудобно писать директору — ведь в школе я ничем не отличилась. Только вступила в комсомол, не успев даже проявить себя в организации, и пришлось уехать на Урал.

Когда мы, комсомольцы, в июле сорок первого года несли ночное дежурство, я слышала разговоры старшеклассников: «Как жаль расставаться со школой»; «Сколько хорошего останется в памяти»; «Будет чем вспомнить восьмой, девятый и особенно десятый классы». А мне и не пришлось побыть на правах старших в своей, московской школе. Вы-то знаете: часто случались у нас, учеников, срывы, неправильные поступки. Из-за этого учителя портили свои нервы. Но ведь это были ошибки, на которых мы и сами учились. А теперь вот и я выпускница. Сейчас мне 17 лет, юность впереди и успехи — впереди. Те, кто старше нас на два-три года, стали героями Отечественной войны. Мои ровесники станут героями послевоенного строительства. Клавдия Петровна, я тоже готовлюсь для будущей борьбы. Но я часто нуждаюсь в моральной поддержке. Порой нужен хороший совет старшего друга, товарища, совет любимого учителя, который знал бы меня как свои пять пальцев. Остаюсь искренне любящая вас.

Кира Лапикова.

15 декабря.

Дорогие мои учителя! Большое спасибо за все, чему вы научили меня в школе. Полученная закалка пригодилась в боевых порядках стрелкового подразделения, с которым я прошла, не отставая от других, от Волги к Дону, Донцу, Днепру,

Бугу и Висле. Сначала была рядовым бойцом, затем младшим командиром, а теперь — офицер.

В 1942 году зимой в одном из боев на Западном фронте собрала я раненых в воронку, перевязала, жду, пока стемнеет, чтобы отправить их в тыл. И сюда-то, в воронку, под обстрелом приполз полковой почтальон, газету принес фронтовую и два письма мне из Москвы. Мама пишет: «Не простудись, смотри, не сиди на земле, ноги не промочи...» Читаю бойцам вслух письмо и вижу улыбки на лицах раненых: ведь мы всего несколько часов назад в валенках переходили через реку — лед поломало тяжелыми снарядами и воды было по колено. Все невольно посмотрели на мои обледеневшие валенки.

...Зима 1943 года, февраль. Мы уже близко от Ворошиловграда, километров пятнадцать осталось — не больше. Идет бой. Ранило командира, а санитара близко нет. Послали меня. Взяла «лодочку», ползу. Вражеский автоматчик не дает поднять головы, а ползти надо. Добралась до окопа, где лежал раненый командир... Не зря, значит, 324-я школа заставляла нас в Сокольниках ползать по-пластунски — пригодилось.

Вспомнила я не раз и Н. П. Антропова, когда в окопах приходилось проводить беседы или политзанятия с бойцами. И Клавдию Петровну, когда ночью в только что занятом нами лесочке раненых пришлось собирать да в тыл отвезти. И школьную комсомольскую организацию, когда вдруг комсоргом батальона стрелкового быть пришлось...

Рита Хохлова.

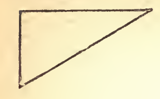
28 декабря.

Секретарю комитета ВЛКСМ 324-й школы. Дорогой товарищ! Прошу передать славным комсомольцам благодарность за приглашение моего сына Александра Полякова на традиционный вечер бывших учеников вашей школы, воспитавших героических защитников социалистической Родины. Александр Поляков явиться к вам на вечер не сможет, так как в июле 1942 года при героической защите Севастополя, проходя службу в морской части радистом-корректировщиком, погиб в бою. С ком. приветом.

Капитан *Поляков Б. А.*

Правда, 1979, 2 марта.

«КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!»

Подвиг коммуниста Гастелло

Война началась для нашей дивизии 22 июня в 5 часов утра. Самолеты легли на боевой курс для бомбежки колонн гитлеровских танков. Но первый вражеский самолет Николай Гастелло сбил с земли. Произошло это таким образом. Совершенно неожиданно прямо над аэродромом из-за тучи вывалился «Юнкерс-88». Он кружил низко, обстреливая самолеты. Гастелло под пулями бросился в кабину своего бомбардировщика, стоявшего на земле, и из турельного пулемета подбил самолет. Экипаж вражеского разведчика был пленен. Его командиром оказался фашистский летчик с тремя железными крестами. Я пишу об этом еще и потому, что в нашей литературе иногда неточно излагают эпизод, утверждая, что Гастелло сбил самолет в воздушном бою.

Подвиг, который сделал его имя известным всей стране, Николай Гастелло совершил 26 июня 1941 года.

Вот как 28 июня сообщила об этом наша дивизионная газета:

«Четыре часа дня. Небо совершенно прозрачно. Звено получило задание: задержать продвижение мотомеханизированной части противника.

Самолеты поднялись в воздух. Построившись правильным треугольником, они взяли курс к намеченной цели. Впереди — самолет старшего лейтенанта Воробьева.

Цель близка. Самолеты начали снижаться. Уже хорошо можно видеть механизированные части противника, которые производили заправку машин горючим. Летчик Воробьев заводит самолеты с северной стороны колонны и делает резкий

поворот на юг. На высоте 400 метров штурман тов. Рыбас открывает люки и сбрасывает бомбы в скопление вражеских танков. Такой же маневр совершили и остальные самолеты. Разрезая воздух, со свистом понеслись на противника бомбы...

Вот на голову противника опустошил люк со смертоносным грузом летчик тов. Гастелло. И в этот момент происходит роковая и непредвиденная случайность, одна из тех, которых не избежать в любом сражении: ослепительный огонь охватывает самолет...

Вывести самолет из вражеского окружения было невозможно, и командир решил иначе. Он направил свою гибнущую, превратившуюся в факел машину в самый центр скопления вражеских машин...

Умереть, но не сдаться — вот о чем подумал коммунист Гастелло. И, мало того,— самой гибелью ударить по врагу.

Так, до последней секунды не выпуская из полусожженных рук рычагов управления, с честью выполнил тов. Гастелло ту свою клятву, которую он когда-то дал перед лицом любимой, родной страны».

Эти строчки нуждаются в пояснении. Принципиальное значение имеет указание, что бомбежка происходила с высоты 400 метров. Это — вопреки предписанию производить бомбежку с высоты 6 тысяч метров. Конечно, с большой высоты бросать бомбы безопаснее, но зато и шансы поразить вражескую цель значительно меньше. Николай Гастелло и его соратники смело шли на риск ради эффективного выполнения боевого задания.

Николай Гастелло совершил подвиг не один. С ним был его экипаж, достойный своего командира: штурман Анатолий Бурденюк, украинец, стрелки-радисты Алексей Калинин и Григорий Скоробогатый, ненец и русский. Интернациональный экипаж! Григорий Скоробогатый сам напросился в бой стрелком-радистом — по занимаемой им штабной должности (адъютант) вылетать ему на боевое задание в тот день не полагалось.

Номер газеты мы сразу отправили в Москву. Вскоре М. И. Калинин затребовал дополнительные материалы. 26 июля 1941 года указом Президиума Верховного Совета СССР капитану Н. Ф. Гастелло посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно награждены орденами и члены его экипажа: А. Бурденюк, А. Калинин, Г. Скоробогатый.

Г. Грабченко,
бывший редактор газеты
42-й авиадивизии дальнего действия.

Правда, 1981, 29 июня.

Григорий Шалаев и другие

Шел горячий бой. Командира взвода тяжело ранило. Вскоре был ранен и помощник командира взвода. И тогда красноармейцы услыхали голос командира отделения комсомольца Григория Шалаева:

— Слушать мою команду! Взводом командую я!

Умело, спокойно и уверенно командовал Григорий Шалаев, ведя взвод на врага. Его ранило, но он не оставил бойцов, не ушел из боя. Несмотря на ранение, Шалаев подобрал раненого товарища — командира отделения Филиппова и спас ему жизнь.

После этого боя комсомолец Григорий Шалаев подал заявление в партию. И партийная организация единогласно приняла его кандидатом в члены ВКП(б).

Право носить высокое звание большевика Григорий Шалаев завоевал в бою с врагами Родины. Это право он еще раз подтвердил 27 октября.

Под деревней С. взвод пошел в наступление. Появились фашистские самолеты, начали бомбежку. Кружили над землей, строча из пулеметов. Совсем близко, рядом рвались мины.

— Умрем, товарищи, но не отойдем! — крикнул Григорий Шалаев.— Держаться крепко, ни шагу назад!

И никто из красноармейцев не дрогнул. А когда поднялись в атаку на врага, Шалаев был впереди своего взвода.

И таких, как Григорий Шалаев, на фронте много. Лучшие боевые товарищи идут в партию. Вот три заявления в парторганизацию заградительного отряда части, где комиссаром Герой Советского Союза Бойко.

Михаил Трофимович Леонов. Колхозник. Он пишет: «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). В дни Великой Отечественной войны буду беспощадно бороться с фашистскими варварами до полного их истребления». Боец Леонов в бою показал себя стойким, смелым человеком.

Николай Иванович Удальцов. Рабочий. Ему 26 лет. С первых дней войны на фронте. В заявлении написал: «Не мыслю своей дальнейшей жизни вне рядов большевистской партии. Хочу коммунистом бороться с оголтелой шайкой убийц и громил. За Родину, за партию отдам свою жизнь».

И тов. Удальцов в боях подтвердил, что достоин высокого звания большевика.

Михаил Трофимович Шепочкин. Автотехник. Вот его заявление: «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б).

Я хочу сражаться с врагом и, если нужно, умереть в бою коммунистом!»

В боях он показал себя сильным, решительным командиром. Несколько раз лично ходил в разведку. Его штык вонзался не в одного фашиста. Своим примером он всегда увлекал за собой других бойцов.

Эти люди свою преданность Родине, Коммунистической партии доказали в ожесточеннейших схватках с врагом.

В. Земной.

Правда, 1941, 22 ноября.

Командирам и политработникам 9-й и 56-й армий

Друзья наши родные, наши освободители! Семь дней в Ростове бушевали взбесившиеся гитлеровские банды. Семь дней лилась кровь наших отцов, матерей и детей. Семь дней в городе царили насилия, грабежи и убийства. Семь дней мы сидели без хлеба, воды и продовольствия. Это были дни, которых никогда не забудем ни мы, ни наши дети.

Родные, любимые, когда вы начали громить и уничтожать фашистских палачей, когда на улицах города начались бои, мы, не боясь смерти, начали мстить за замученных и расстрелянных, за пролитую кровь наших людей.

Родные наши освободители! Вы посмотрите на город Ростов, красавец наш, и не узнаете его. Опустошенные магазины, разрушенные здания — все это дело гитлеровских рук и головорезов. На улицах, в домах и подвалах лежат скрюченные трупы пленных красноармейцев, профессоров, женщин и детей. В Нахичевани лежат трупы 52 стариков, женщин и детей, расстрелянных за то, что в доме, в котором жили они, был убит неизвестно кем немецкий солдат. На Кировской улице, у завода Сельмаш, лежат трупы десяти расстрелянных красноармейцев.

Нам тяжело писать об этих картинах ужаса. Стынет кровь, леденеет сердце при виде этого кошмара. У нас и у вас одна мысль, одно непреодолимое желание — мстить и уничтожить всех немецких захватчиков. Мы можем смело сказать: месть будет ужасна для немецко-фашистских варваров. Она началась в Ростове, на дороге в Таганрог, в лесах и степях Белоруссии, Украины, Литвы. Еще будет нарастать сила народной мести.

Родные наши бойцы, командиры, комиссары 9-й и 56-й армий! Ростов снова стал советским городом. Мы снова дышим

советским воздухом. Мы благодарны за это нашим доблестным воинам...

Ростов — наш! И от этого становится радостно и легко на сердце.

Жители освобожденного Ростова:
А. Шевченко, А. Сирота, И. Буренко, Г. Дулов, Н. Галин, В. Прут, А. Гаменя, Г. Ломоносова и другие.

Правда, 1941, 1 декабря.

На подступах к Москве

Товарищ редактор! Наша Н-ская часть (436-й стрелковый полк) формировалась в Москве исключительно из истребительных батальонов. Мы вели упорные наступательные бои под Н. (Наро-Фоминск), но москвичи не знают о наших боевых делах, а интерес проявляют большой. Это видно из писем, присылаемых на фронт. Крайне желательно, чтобы газета осветила, как московские рабочие дерутся на поле боя. Прошу Вас опубликовать прилагаемый материал.

Наш Н-ский полк, где комиссаром товарищ Никонов, исключительно состоит из добровольцев-москвичей — рабочих и интеллигентов. Полк ведет упорные, жестокие бои с врагом на подступах к Москве. В ночные и дневные штурмовые атаки идут партийные, беспартийные, презирая смерть. За месяц боев парторганизация полка приняла в ВКП(б) двести бойцов и командиров, отличившихся в боях. У нас уже много награжденных за отвагу и мужество.

Среди них красноармеец Ильин Анатолий Евгеньевич, фрезеровщик-стахановец, работавший в ЦАГИ. Он один принял бой против десяти фашистов, был ранен, но не покинул поля боя. Ильин гранатой уничтожил пулеметный расчет противника и дал возможность нашей пехоте продвинуться. Отличились также в боях Параничев Олег Семенович — учитель из Таганского района, Маркелов Сергей Константинович — командир роты истребительного батальона Советского района. Красноармеец Дубовицкий Федор Петрович — рабочий Московского мясокомбината имени Микояна — добровольно пошел в танковый десант и, ворвавшись в деревню М., действовал там исключительно смело. Он уничтожил немецкого офицера, подорвал группу гитлеровцев гранатой, а будучи контуженным от взрыва вражеской мины, отказался идти в санчасть. С обожженным лицом он продолжал бить врага в уличном бою. После боя он принят кандидатом в члены партии.

На бой с врагом поднялись целые семьи москвичей. В дивизии знают четырех братьев Бардыбахиных, отца и сына

Михайловых, отца и сына Коняхиных, профессора Корзинкина с сыном и женой. Всего дивизия насчитывает до трехсот таких семей. Их много и в нашем полку. В одном бою участвовали Петр Васильевич Мельчаков, политрук роты, и его сын Станислав. Командир роты был ранен, и Петр Мельчаков принял командование на себя. Его ранило в лицо, потом в грудь, но он шел во главе красноармейцев, не замедляя темпа атаки. Когда упал отец, сын, комсомолец, продолжал стремительно двигаться вперед вместе с бойцами. После боя Станислав вынес тело отца и перед лицом товарищей поклялся мстить, истреблять без пощады фашистских гадов.

Нельзя не отметить таких отважных воинов, как Еремеев Федор Иванович — он старый член партии, был в Москве директором, а теперь политрук батареи, как Рассказов Алексей — бывший строгальщик из ЦАГИ, дважды раненный, он не покинул поле боя, и под его командой группа бойцов отбила контратаку на пункт М. Футболист ДСО «Локомотив» Михаил Шурыгин из станкового пулемета перебил столько фашистов, что потерял счет. Исключительную отвагу проявили в боях коммунист Ермолаев с фабрики «Экспортобувь», работники Наркомата госконтроля РСФСР Бельский, Щекин.

Семь ран получила санинструктор Эня Пшеходская — комсомолка, ученица одной из школ Бауманского района Москвы. Эня бесстрашно продолжала перевязывать раненых. Одного из бойцов она успела прикрыть от пулеметного огня, и фашистский мерзавец прострелил ей грудь. Нельзя не рассказать о подруге Пшеходской, московской физкультурнице, работнице авторемонтного завода Полине Абраменко. В одном бою вырвался вперед наш командир роты Григоренко. Он залег под пулеметным огнем, надо отползти назад, но невозможно, на ногах лыжи. А снять их нельзя — огонь страшный. Под таким смертельным огнем подползла Полина Абраменко, сняла с командира лыжи, доставила ему патроны, и вместе они открыли автоматный огонь по фрицам, пытавшимся захватить нашего командира. Полина представлена к правительственной награде.

Несмотря на беспрерывные бои, мы ведем книгу, где коротко записываем, кто отличился. Уже записано больше ста фамилий, но это не все.

И. Федюшин,
секретарь партбюро полка.
Действующая армия, полевая почта № 1507.
Правда, 1971, 5 декабря [1].

[1] Письмо было прислано зимой 1941/42 года.

Агитаторы в окопах

Здесь редко затихает орудийный гул. То и дело рвутся вражеские снаряды и мины. Скоро месяц, как наша часть занимает передний край обороны. В непрерывных стычках с фашистами проходят дни.

Менялась обстановка, и вместе с ней менялись методы, формы партийной работы в части. С выходом на переднюю линию фронта пришлось отказаться от многолюдных общих собраний, от «фундаментальной» повестки дня, загроможденной многими вопросами, от продолжительных бесед и политинформаций, от больших стенгазет, что являлось приемлемым в обычной обстановке. Боевая направленность и военная четкость стали отличительной чертой политических мероприятий на фронте.

Напряженная обстановка нисколько не ослабила, а, наоборот, еще более оживила партийную жизнь. Вся партийно-массовая работа проходит теперь на передовой линии, в окопах, в землянках. Здесь ежедневно проводятся политинформации, читки газет. Здесь выходят боевые листки — походные рукописные газеты. Здесь всегда можно видеть партийных организаторов подразделений, политруков и агитаторов. И днем, и ночью они с бойцами, в кругу красноармейцев.

Выдалась передышка между двумя стычками, умолк на несколько минут грохот разрывов — политработники незамедлительно приступают к делу. Они разъясняют боевую задачу, передают красноармейцам опыт наиболее смелых воинов, рассказывают, как лучше отрыть окоп, построить землянку, как действовать связкой гранат, бутылкой с горючей смесью. Краткая беседа с небольшой группой бойцов на самые разнообразные злободневные темы — излюбленная форма политической работы агитаторов-коммунистов.

Вот командир пулеметного отделения коммунист тов. Драпкин. Это примерный командир, способный агитатор. Две недели назад он выступил застрельщиком предоктябрьского социалистического соревнования в части и подавал пример неутомимости. В короткий срок его бойцы построили, отлично оборудовали и замаскировали все необходимые полевые сооружения, привели в надлежащий вид оружие. Тов. Драпкин позаботился о том, чтобы в его землянках было уютно, тепло и светло. Здесь в часы досуга он проводит беседы с бойцами, знакомит их с историей нашей Родины, читает им газеты, произведения Льва Толстого, Чехова.

Вся партийная работа подчинена одной задаче — обеспечить выполнение приказов командования, боевое совершенст-

вование личного состава части. Опыт первых боев показал, что еще не все люди хорошо знакомы с новейшими видами оружия. Появилась неотложная необходимость дополнительно обучить некоторую часть красноармейцев. В ходе сражений командиры и политработники сумели организовать и учебу — познакомили всех бойцов с автоматическим оружием, научили строить противотанковые рвы, эскарпы, заграждения, закладывать минные поля.

Враг почти непрерывно ведет огонь по нашим позициям из пушек, минометов и пулеметов. Поэтому все массовые мероприятия мы организуем ночью в укрытиях. За последнее время провели два делегатских партийных собрания, обновили состав партийного бюро, ввели в руководящий партийный орган людей из подразделений, расположенных непосредственно на переднем крае обороны. На днях нам удалось созвать и общее партийное собрание. Так как собрать всех коммунистов в одно место было невозможно, провели собрание в четырех местах, в окопах и землянках... Лучшие люди части пополнили ряды партийной организации. Приняли кандидатами в члены ВКП(б) 14 человек.

Ф. Познохирин, политрук,
секретарь партбюро Н-ской части.
Южный фронт.
Правда, 1941, 20 ноября.

Так боролась коммунист Анна Жидкова

Уважаемый редактор «Правды»! Прошу рассказать на страницах газеты об одной из многих патриоток нашей Родины, Анне Федоровне Жидковой. Когда началась война, она была скромным преподавателем Высшей партийной школы, доцентом кафедры диалектического и исторического материализма. Она рвалась на фронт, обращалась в райком, райвоенкомат, но получила строгий отказ. Тогда она записалась на курсы медсестер. Имея за плечами университет и аспирантуру, с большой серьезностью стала изучать санитарное дело. До войны она готовилась защищать диссертацию по философии, а теперь с волнением сдавала зачеты фронтовой сансестры. С этих курсов мы, ее подруги, получили такую записку: «Уж я по старой комсомольской привычке жму, жму, а все же движение идет медленно. Сколотили мы на курсах группу 15 человек, чтобы побыстрее кончить, все зачеты сдавали досрочно, практику отработали ударно, дежурили в клинике день и ночь. Но полный выпускной экзамен нам обещают не раньше 15 сентября, а может, еще позже, ждать уже нет сил».

Курсы медсестер были для Анны Федоровны трамплином, с которого она попала наконец на фронт. Там ей удалось быстро изучить боевое оружие — пулемет. В грозные октябрьские дни 1941 года, когда немецко-фашистские орды прорывались к Москве и когда грозила Москве смертельная опасность, мы застаем Анну Федоровну в рабочем батальоне, обороняющем столицу. Она замещает командира санитарного взвода, и она же пулеметчица. Друзья получили от нее письмо, написанное карандашом и помеченное 2 декабря 1941 года: «...Так много хочется сказать вам, но времени мало — скоро идти на дежурство. Пулеметом владею теперь хорошо, спокойно. Когда ночью гудит подмосковная земля от канонады и гудит подмосковное небо, я плечом к плечу с другими бойцами на передовой, мы отражаем самые жестокие атаки противника. Сколько величайшей преданности, любви к Родине у наших обыкновенных, самых разнообразных людей — в этом наша сила. Иногда хочется обнять всех сразу, сказать от всего сердца о своих чувствах. Но слов не надо, и словами трудно выразить то, что на душе. Одно могу сказать, что жизни не пожалею в боях за Родину, за партию, за нашу боевую семью».

В труднейших наступательных боях эта женщина была и пулеметчиком, и медсестрой. Она вынесла много раненых с поля боя, награждена орденом Красной Звезды. Потом ее назначили старшим инструктором пропаганды и агитации политотдела Московской коммунистической дивизии. Она поехала в полк как пропагандист, пошла с этим полком в бой, помогала перевязывать раненых. Ее ранило в руку, но она оставалась в строю, снова ходила вместе с бойцами в атаку. В этой атаке она погибла геройской смертью.

Так умеют жить, бороться и, если нужно, умирать за свое социалистическое Отечество наши женщины.

Е. Ворошилова.

Правда, 1971, 5 декабря [1].

Смерть коммуниста

Зимой 1942 года гитлеровцы заживо замуровали в бензохранилище тридцать отважных разведчиков. Там погиб и наш отец [2].

[1] Письмо Е. Д. Ворошиловой пришло в 1942 году.

[2] Это письмо прислал в «Правду» Павел Сергеевич Малафеевский. Он рассказал в нем: «Наш отец Сергей Федорович Малафеевский мастерски владел плотницким ремеслом. А своего дома у нас никогда не было. Толь-

Евгения Александровна Ершова, единственная свидетельница казни, рассказала, как это было. В январе голод погнал ее в деревню за картошкой. Вышла утром и видит: среди сугробов медленно бредет колонна наших военнопленных. Двое бойцов поддерживают молоденькую девушку с побелевшим лицом.

...Их было тридцать. Немцы загнали всех прикладами в бензохранилище и стали заделывать кирпичом и цементом вход. Обреченные на страшную смерть люди громко запели «Интернационал». Потом пение доносилось все глуше.

В 1944 году останки зверски замученных извлекли из бензохранилища и похоронили неподалеку в братской могиле. Двадцать два года за могилой ухаживали рабочие льнозавода. Но имена героев оставались неизвестными.

А полгода назад за поиски взялись комсомольцы ремонтно-строительного управления Старой Руссы Николай Эренбуш, Сергей Булахов, Алексей Желтых и Валя Кузьмина. Они добились разрешения перезахоронить патриотов на братском кладбище. Раскопали могилу, горсть за горстью перебрали землю и нашли два полусгнивших пенальчика, а в них — свитки.

Так были открыты имена Федора Васильевича Ивашко, уроженца Черниговской области, и Сергея Федоровича Малафеевского — нашего отца.

Мы не знали, как, при каких обстоятельствах погиб отец. И вот получаем письмо от вожака комсомольцев ремонтно-строительного управления города Старая Русса Вали Кузьминой. «Уважаемая Анна Ивановна и ваши сыновья! — писала она.— Мы очень гордимся вашим мужем и отцом. Это был большой силы и воли человек, настоящий коммунист. Приезжайте! Я все вам расскажу и покажу...».

ко обживемся в деревне, подружимся с ребятами, как отца «бросают на прорыв» в другое село. Мать сердится, плачет, а он свое: «Надо!» — и к вечеру пожитки уже связаны в узлы...

Хорошо помнятся предвоенные годы. Жизнь в колхозах налаживалась. И даже отец стал поговаривать о постройке дома: «Вот вернусь с сельхозвыставки и — за дело».

Вернулся он из Москвы в июне 1941 года бодрый, но озадаченный. «Думалось, все хорошо налажено в нашем хозяйстве,— говорил он.— А надо еще многому учиться. Но ничего. Главное — знаю, за что теперь браться».

А через две недели — война и повестка из военкомата.

В письмах с фронта он просил жену Анну Ивановну (она стала бригадиром) стараться, чтобы не рушилось артельное хозяйство, наказывал беречь детей. Но письма приходили все реже. А в январе 1942 года получили извещение: «Пал смертью храбрых».

...Мы не могли уснуть в ту ночь. И вот вся семья в городе Старая Русса перед низким, приземистым зданием бензохранилища льнозавода. Слушаем, смотрим, а сознание отказывается воспринимать услышанное, сердце леденеет от ужаса и скорби...[1]

Павел Малафеевский.
Правда, 1967, 9 апреля.

В глухую декабрьскую ночь...

Во время Великой Отечественной войны я работала лектором обкома партии в Иванове. Часто приходилось бывать в госпиталях, беседовать с ранеными бойцами.

В один из таких вечеров поведал мне солдат историю, которая вот уже многие годы волнует меня.

В глухую декабрьскую ночь из глубины заснеженного леса вынырнули и остановились груженные соломой сани. Лошадью правил старый крестьянин. Перед тем как выбраться из саней, он внимательно огляделся, долго к чему-то прислушивался. Зимний лес спал. Старик сбросил в сугроб солому и спросил приглушенным голосом:

— Жив, родимый?

Ответа не последовало. Человек, лежавший на дне саней, казался мертвым. На лице темнели сгустки крови.

— Очнись! — дотронулся до него старик. Потом приложил к запекшимся, почерневшим губам человека горсть снега. Легкий шум внезапно нарушил тишину. Старик проворно подхватил вожжи, и лошадь повернула влево.

Деревня, где стряслась беда, осталась далеко позади. Но немцы могли опомниться, послать погоню... Побыстрее бы надо ехать, да выдержит ли сердце комиссара? И сани ползли медленно, осторожно. «Только бы выжил», — думал старик.

...До того страшного дня никто из деревенских не знал, какой из себя тот человек, за которым так яростно гоняются

[1] По свидетельству земляков, Сергей Федорович был работящим, справедливым, честным. От трудностей не убегал, легких дорог не искал... Незаметный, скромный человек, а погиб как герой...

После мобилизации в армию служил комиссаром разведывательного батальона 46-го стрелкового полка. Зимой 1942 года его батальон одним из первых ворвался в город Старую Руссу Новгородской области.

Как разведчики оказались в руках у гитлеровцев, кто остальные двадцать восемь советских бойцов, мужественно разделивших судьбу Сергея Федоровича Малафеевского и Федора Васильевича Ивашко? На эти вопросы ответа пока нет. На братской могиле в Старой Руссе всего лишь два портрета из тридцати.

фашисты, сулят золотые горы за его поимку. Слыхали только, что лесную жизнь ведет, как другие партизаны, и подлинное имя его не известно. Называют Орлом. Каждодневно Орел напоминал о себе оккупантам. По ночам во дворах возле хат появлялись снежные бабы. Ребятишкам таких не слепить. Люди торопились разрушить «снеговиков» до рассвета: в них были завернутые в клеенку газеты, листовки, обращения к советским людям... Крестьяне узнавали из них об истинном положении на фронте, о борьбе Советской Армии за свободу и независимость Родины. С той поры, как старик прочитал первую такую листовку, он стал, не зная сам почему, называть Орла комиссаром. В деревне говорили, что комиссар хорошо знает и немецкий. Удалось ему, обманув фашистов, отбить у них вместе с группой партизан прибывшие вагоны с продовольствием. Партизаны запаслись продуктами и население не забыли. Потом горела тюрьма. Почти все арестованные гитлеровцами выбрались и разбрелись по лесам. Тогда и поплыла тревожная весть, что самому комиссару не удалось спастись. Никто толком не знал, как все было. Но то, что видели старик и его односельчане собственными глазами, не приведи судьба никому видеть.

Вечерело, когда приказали всем жителям деревни собраться около церкви. Люди чуяли, что фашисты затевают недоброе. И шли, как на казнь. Из старого храма гитлеровцы выволокли тело комиссара. Терзали его зверски на глазах у людей, чтобы те страху набирались. Орел молчал и глаза ни разу не открыл. Сил не хватало. А фашистские изверги потребовали, чтобы крестьяне подходили и плевали в лицо Орлу. Никто, конечно, ни с места. К земле приросли.

И вдруг немой, что жил неподалеку от старика, замычал и, кинувшись к лежащему на снегу Орлу, плюнул... А сам побелел весь, ни кровинки в лице.

Такого никто не ждал. Немой этот ничем не приметен был в деревне. С малолетства потерял дар речи, но слышать слышал. А немой еще больше разошелся. На пальцах показывает немцам, что все — капут Орлу, и даже он сам берется с землей его сровнять, чтобы из-за него не гибли безвинные. А немцам что: пусть копает яму.

Людей разогнали по домам. Фашисты на время пошли куда-то отогреваться, напились на радостях. Никого на улице. Один только немой стучит лопатой о мерзлую землю. Могилу роет. Старик вспоминает, что и он со старухой примостился у завешенного окна, и ни слова друг другу.

И вдруг дверь настежь... Оба вскрикнули. В дверном проеме — комиссар в том же полушубке с оторванными рукава-

ми и дощечкой на шее. «Партизан» — на ней написано. До смерти перепугались. Только когда коптилку зажгли, увидели — немой это в комиссаровой одежде. И самого бездыханного комиссара в обхват держит. Положил его, а сам всем телом дверь пихнул — и как не бывало...

Не помнит старик, как в санях оказался. Откуда солома взялась, кто бутылку молока и буханку хлеба сунул. Все было, как в чаду. Кто-то толковал ему тихо, какой дорогой лучше добираться. И хотя сани кружили дворами и огородами, старику все же было слышно в морозном воздухе чужую речь и звон лопат. Засыпали немого... Заживо ушел в могилу, чтобы вернуть жизнь и крылья Орлу.

...В лесу остановили свои. Приняли вожжи из рук старика, чтобы повернуть лошадей к лагерю партизан. Он был совсем уже близко, когда загрохотало вокруг и начали валиться под бомбами деревья.

Не там ли был ранен рядовой, который потом находился в госпитале № 1079 в палате «тяжелых» и рассказал эту историю? Фамилию его за давностью лет не помню. А звали, кажется, Терентий...

М. Сапожникова.
Правда, 1971, 16 декабря.

«Если погибну, назовите меня коммунистом...» [1]

Товарищи бойцы, командиры и политработники!

Идя в атаку, я обязуюсь до последнего вздоха биться за честь и независимость своей матери-Родины. Сам я беспартийный. Но если в бою прольется моя кровь, считайте ее

[1] Это письмо-завещание написано на листке, вырванном из блокнота. Его нашли в солдатском медальоне.

Красноармеец Степан Волков находился в то время в стрелковой роте, которая должна была первой пойти на штурм вражеских укреплений, расположениых у деревни Устииово.

В атаку Степаи Волков пошел одиим из первых. Впереди вражескнй дзот открыл губительный огонь. Наступающие залегли. В эту минуту Степан с гранатами в руках стал решительно пробираться к противнику. Подвергаясь опасности, под свист пуль подполз к иемецкому дзоту и забросал его гранатами.

Вражеская огневая точка замолчала. Путь для наступления на деревию Устииово стал свободным. Но в этот момент сам бесстрашный воин был сражен пулей врага.

Товарищи похоронили Степана Волкова иа небольшом холме блнз той деревни, за освобождение которой он отдал свою жизнь.

кровью коммуниста. Смерть и всеобщее презрение фашистским палачам, осквернившим нашу священную землю!

Дорогие братья по оружию! Если я погибну в этом сражении, назовите меня коммунистом.

Да здравствует великий советский народ!

Передайте привет жене Марусе и дочери Тане.

С. Волков.

Правда, 1942, 12 февраля.

Из первого выпуска

Высшая партийная школа при ЦК КПСС была создана в 1939 году. Первый ее выпуск пришелся на грозный 1941 год и почти целиком — около 400 человек — был направлен в действующую армию. Вместе с выпускниками на фронт пошли многие преподаватели.

В 33-й армии комсомольским вожаком был наш выпускник батальонный комиссар Иван Федорович Давыдов. В грозные ноябрьские дни, когда армия сдерживала врага в районе Наро-Фоминска, группа фашистских автоматчиков просочилась через боевые порядки, устремилась к штабу.

Командующий генерал Ефремов сказал Давыдову:

— Штаб в опасности. Берите подразделение и пулей к той балочке,— указал он рукой.— Займите ее и разделайтесь с прорвавшимися.

Едва Давыдов успел развернуть подразделение, показались гитлеровцы. Их было раз в шесть-семь больше, чем наших бойцов.

— Фашисты — в шестидесяти метрах.

— Огонь!

Заметно поредевшая вражеская цепь залегла. Команда Давыдова молниеносно бросила наших бойцов вперед:

— В атаку! За мной...

Обнимая Ивана Давыдова, командующий 33-й армией генерал-лейтенант Ефремов сказал:

— Молодец! Грамотно действовал. По-комиссарски!

* * *

Павел Кузнецов был начальником политотдела стрелковой бригады, которая, захватив плацдарм на правом берегу Днепра, вела там кровопролитные бои. Потом ему пришлось остаться за командира бригады. По двенадцать атак в день отражали советские воины.

Критическое положение на плацдарме сложилось на седьмой день боев. Как только начало светать, фашисты нанесли

удары с воздуха. Затем начался артиллерийско-минометный обстрел. Вышла из строя связь. Фашисты вклинились в нашу оборону.

В точно выбранный момент Кузнецов ввел в бой последний резерв. Рота наших автоматчиков, поддержанная огнеметными танками, ударила под корень вражеского клина.

Но враг не успокоился. Сделав трехчасовую паузу, гитлеровцы вновь повторили атаку. На этот раз главный удар они наносили по отдельному батальону майора Старкова. К исходу дня Старков связался с КП бригады. Состоялся короткий разговор.

Старков: На передней линии осталось двадцать человек. Поддержите резервом!

Кузнецов: Мой резерв — я и ординарец. Направиться к вам?

Старков: Вас понял. Резерва не надо. Будем держаться до последнего.

И этот, самый тяжелый для бригады день не принес врагу успеха. А ночью подоспели наши подкрепления. Бригада не только отстояла плацдарм, но и расширила его.

За форсирование Днепра и удержание плацдарма двадцати трем воинам бригады, в том числе Павлу Ивановичу Кузнецову, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Н. Никольский,
Герой Советского Союза.
Правда, 1975, 7 мая.

«Я очень доволен работой летчиков»[1]

4 декабря 1941 года.

Личный состав полка несет почетную и тяжелую вахту, охраняя небо Москвы. Отличились летчики коммунист Степан Ридный и комсомолец младший лейтенант Иван Левша. Патрулируя в районе Мытищ, они заметили двух «Хейнкелей-111» и атаковали. Ведущий самолет сразу же загорелся, рухнул на землю. Второй фашист скрылся в облаках.

[1] Четыре записи из дневника. Он принадлежал комиссару 126-го истребительного полка Демьяну Анисимовичу Голубю. 30 августа 1942 года он не вернулся с боевого задания. В «Правду» дневник прислал А Журавлев, обнаруживший его в Центральном архиве Министерства обороны. «Находка взволновала,— писал он в редакцию.— Перед мысленным взором моим встал, как живой, наш Батя — добрый и строгий наставник, душа полка. Среднего роста, кареглазый, всегда чисто выбритый, строгий и подтянутый, он пользовался всеобщим уважением. Наш комиссар часто вылетал на перехват врага, всегда возвращался с победой».

30 декабря.

Враг под напором наших войск отступает. Уменьшается его превосходство в воздухе. Настроение у летчиков приподнятое. Младший лейтенант Е. Лозовой севернее Волоколамска сбил «юнкерса».

— Подарок к Новому году! — сказал он после посадки.

Мы с командиром полка майором В. М. Найденко поздравили комсомольца.

30 января 1942 года.

Прикрываем наши войска у Волоколамска, Сычевки, Вязьмы. Летаем много. Отличились коммунисты старший лейтенант П. Белясник, лейтенанты Е. Лозовой и Г. Шорохов. Они вступили в бой с тринадцатью вражескими самолетами. Трех «мессеров» вогнали в землю, остальные нырнули в облака и скрылись...

Погода стоит очень морозная. Летчикам тяжело летать, но особенно достается техникам, мотористам, оружейникам. Руки примерзают к металлу, кровоточат... День и ночь они работают, восстановили двенадцать самолетов, требовавших среднего ремонта. В работе отличились коммунисты М. Грачев, И. Дмитриев, С. Карето, И. Тютнев и другие.

11 июля.

Вчера произошел интересный случай, о котором должны знать наши летчики.

В 19 часов с нашего аэродрома поднялись на перехват разведчика коммунисты старшие лейтенанты С. Левин и С. Кривошеин. Набрав высоту 7 тысяч метров, быстро нагнали фашистского стервятника. Левин сблизился, пулеметной очередью убил стрелка. Затем зажег правый мотор. Однако фашист, сбив пламя, продолжал уходить на запад. Левин опять начал преследовать врага. Кривошеин тоже произвел несколько атак. «Юнкерс» задымил, быстро пошел на снижение и скрылся в облаках. С командного пункта полка приказали:

Родился Демьян Анисимович Голубь в 1905 году в семье бедного крестьянина деревни Владимировка (ныне Кировоградская область). Закончив два класса сельской школы, поступил подручным на местный сахарный завод. Работал слесарем, машинистом, трактористом. В 1922 году как лучшего слесаря-машиниста его приняли в комсомол, а в 1925 году Голубь стал членом Коммунистической партии. Учился на рабфаке Одесского гидротехнического института. Отсюда призвали в Красную Армию. Стал летчиком, а после окончания курсов политработников — комиссаром 126-го истребительного полка.

— Разведчика не упускать!

Левин дал форсаж мотору и, круто пикируя, погнался за врагом. Выскочив из облачности, он оказался над территорией противника. Сверху было видно, как горящий «юнкерс» стремительно несся к земле... Потом взорвался...

Я очень доволен работой летчиков полка. Только при защите Москвы они сбили 29 вражеских машин.

Правда, 1970, 5 февраля.

Нам надо победить!

Была осень 1942 года. Самая тяжелая пора фронтового пути нашей армии. Враг прорвался почти к самому Туапсе. И тогда представителем фронта к нам прибыл бригадный комиссар Л. И. Брежнев. Его увидели во всех передовых частях.

Готовился контрудар. Отбросить врага надо было во что бы то ни стало. Проходят краткие, летучие митинги. На одном из них, помнится, в 353-й дивизии, молодой боец поклялся: «Драться будем до последнего вздоха, как всегда дрался за родную землю наш народ». Леонид Ильич поправил его:

— Мой молодой друг, последний вздох пусть будет у врага. А нам с тобой жить надо! Нам надо победить, матерей своих, детей и жен увидеть и обнять, землю нашу разоренную возрождать к жизни.

И посоветовал бойцу действовать в бою так, чтобы не гитлеровец его, а он гитлеровца «достал».

От одного к другому передавалась после этого весть о комиссаре, который с солдатами «не за смерть, а за жизнь говорит».

В. Сарнацкий,
бывший ответственный секретарь
газеты «Знамя Родины» 18-й армии.

Правда, 1976, 19 декабря.

Самый дорогой подарок

В ходе боев за Крым в наших подразделениях непрерывно проводилась партийно-политическая работа. Большое внимание уделяется популяризации героев и пропаганде героизма. Наши политработники поняли, какую громадную пользу приносит быстрый отклик на боевые успехи того или иного бойца, как важно во время сражения поднять на щит имя героя, совершившего подвиг, проявившего находчивость и инициати-

ву. Для пропаганды героизма на поле боя у нас был широко использован выпуск «листков-молний». Они составлялись непосредственно в боевых порядках и переходили из рук в руки.

Вот текст одного из таких «листков», выпущенных в период напряженных боев на Сиваше:

«Вернем свободу Крыму!

Командир отделения сержант Степанов во время наступления на высоту Н. первым поднялся в атаку и увлек за собой отделение. Бойцы стремительно шли вперед. Они смело ворвались во вражеские траншеи. При штурме противотанкового рва вновь отличился сержант Степанов. Он уничтожил пулеметную точку врага.

Слава героям!»

Этот «листок», написанный парторгом товарищем Сорокиным и скрепленный подписью командира роты, по цепи обошел всех бойцов.

Когда в бою погиб политработник товарищ Чувильский, немедленно было выпущено обращение к бойцам:

«Товарищи! В бою за освобождение Крыма героической смертью пал наш боевой друг — офицер Чувильский. Все мы знали его заботу о бойцах, его любовь к Родине, жгучую ненависть к врагам. Не стало среди нас бесстрашного и любимого политработника. Отомстим же врагу! Вперед, товарищи!»

Пламенные слова обращения удвоили ярость бойцов. В неудержимом порыве они поднялись в атаку и после упорной двухчасовой борьбы выбили противника с укрепленного рубежа.

Командир части объявил благодарность всему подразделению и приказал выйти в тыл противнику и отрезать ему пути отхода. Очередной «листок-молния» призвал бойцов с честью выполнить эту почетную задачу. Подразделение проникло в тыл врага на глубину четырех километров и уничтожило до роты гитлеровцев.

В «листках-молниях» сообщалось также об успехах соседних подразделений, излагались последние сводки Совинформбюро. Когда наш правый сосед вышел к одному населенному пункту, чтобы отрезать пути отхода противнику, бойцы немедленно узнали об этом. С возгласами: «Ура! Освободим родной Крым!» — они бросились вперед и выбили гитлеровцев с важного рубежа.

Немалую роль в подъеме наступательного духа воинов сыграли поздравительные письма и известия о награждении, которые вручались непосредственно на поле боя.

Более двухсот поздравлений было вручено отличившимся воинам в ходе сивашских боев. Люди высоко ценят эти скромные листки и хранят их, как самый дорогой подарок.

С. Саркисьян,
гвардии полковник.
Правда, 1944, 6 мая.

У дома лесника

В ночь на 3 марта 1942 года возле Дудоровского стеклозавода в снежной круговерти через линию фронта проскользнула группа лыжников. Это был комсомольский отряд «Решительный». Его возглавлял Андрей Чупеев.

Часто приходилось, зарывшись в снег, весь день вести наблюдение за врагом. Иногда по четверо-пятеро суток «есть» лишь подсоленный кипяток или отвар из стеблей черники, если позволяла обстановка разжечь костер. И все же комсомольцы ежедневно передавали по рации на Большую землю ценные сведения о враге.

Отряд продвинулся еще немного. Но оказался почти небоеспособным: осталось лишь семь человек, которые могли передвигаться. У остальных были сильно обморожены руки, ноги.

От холода и голода умирают московский комсомолец Вадим Утевский, доброволец из Татарии Давлетшин.

Подвижничеством врача Екатерины Давыдовны Бруссер и медсестер на пределе возможности поддерживаются едва теплившиеся жизни Саши Зевелева, Глеба Щелкунова, Игоря Энгольма, Васи Коняева, Саши Кудрявцева...[1]

Центр приказал командованию отряда «Славного» установить связь с «Решительным», перебазировать его к себе. Вскоре мы вшестером во главе с Чупеевым подобрались к месту встречи — дому лесника. Здесь застали лишь догорающие головешки, возле которых сидели мальчик лет семи и немного старше его девочка.

— Что вы здесь делаете? — ласково спросил их Чупеев.

Мальчик каким-то потерянным голосом сказал:

— С Нюшкой картошку печем.

— А где отец? Мать? Кто дом сжег? — продолжал спрашивать Чупеев.

— Мать убили. Батьку убили. Убили и партизана в белом полушубке. И все спалили фашисты,— все тем же голосом

[1] А. Зевелев стал доктором исторических наук, Г. Щелкунов — полковником, И. Энгольм — сотрудником редакции «Советская педагогика». Судьба остальных упоминаемых в письме товарищей неизвестна.

отвечал мальчик. Мы подробнее их расспросили и выяснили, что днем пришли к ним три партизана, один из них был в белом полушубке. Обогрелись. Сели есть. И в это время с опушки леса напали гитлеровцы. Завязался бой.

— Уходите в лес, я их сдержу! — приказал партизан в белом полушубке, которого дети называли Валентином.

Партизан, не торопясь, тщательно прицелился и длинной очередью уложил нескольких гитлеровцев. Через окно пуля пробила ему руку. Он метнулся к другому окну. Положив на подоконник автомат, Валентин стрелял и стрелял в дико орущих фашистов. Те залегли и открыли бешеный огонь.

Валентин, не спуская с гитлеровцев глаз, наспех перетянул полотенцем раненую руку и снова продолжал вести огонь по врагу, но уже одиночными выстрелами.

И вот его автомат умолк: в дисках не осталось патронов. Он вытащил пистолет. Открыл огонь. Его вновь ранило, в шею. Гитлеровцы бросились в атаку. Валентин одну за другой метнул в них гранаты. Но и сам был сражен насмерть.

Валентина, отца и мать детишек, сидевших у костра, мы похоронили в братской могиле.

Забрав с собой Нюшу и ее брата, вернулись в лагерь. Здесь встретились с раненым партизаном. Он рассказал, что вел на связь с нами разведчиков отряда «Славный» во главе с Валентином Фроловым. На них-то в доме лесника и напали фашисты.

На следующий день мы были в расположении отряда «Славный». Там узнали, что Валентин Фролов был парторгом отряда.

М. Оборотов,
ответственный секретарь
Брестского областного совета
ветеранов войны.
Правда, 1975, 26 января.

Огонь на себя

В центре нашего города, на берегу неговорливой красавицы Зуши,— братская могила. Вечным сном спят в ней герои. И среди них политрук-танкист, совершивший подвиг на улицах, по которым мы ходим. Но кто он? Активисты музея начали поиск. И вот что выяснилось.

В октябре 1941 года враг ворвался в Мценск. Завязались ожесточенные бои за каждый квартал. Но вышло так, что на юго-восточной окраине, где были гитлеровцы, в небольшой дубраве у реки осталось несколько «катюш». Их экипажи по-

гибли, не успев прорваться к своим. Грозные установки не должны достаться фашистам! Вывести или уничтожить их поручили воинам из 11-й танковой бригады.

Операция крайне рискованная, и потому группу танкистов подбирали из добровольцев. Во главе пошел взвод, которым командовал политрук Николай Поликарпович Власенко[1]. И взвод пробился сквозь смерч огня к цели. Там орудовали гитлеровцы. Танкисты в упор стали расстреливать и врага, и реактивные установки. Но ряды наших редели. Уже горели два танка. Тогда в эфире раздался голос Власенко:

— Вызываю огонь на себя! Сообщаю координаты...

Наши артиллеристы медлили: огонь по своим! Но тот же голос приказал:

— Немедленно дать огонь! Фашисты возле моего танка. Прощайте, товарищи!..

И артиллеристы выполнили приказ. «Катюши» не достались гитлеровцам.

А. Макашов,
председатель Мценского совета
народного музея.
Праада, 1970, 11 сентября.

Письма учителя

9 сентября 1941 года.

Два месяца ни днем, ни ночью не был под крышей. Жара, холод, туман, песок, лес. Спал сегодня под перекрытием хода сообщения к ячейке пулемета. Тебе, наверное, странно представить Андрея Аркадьевича[2] не у классной доски, а лежащим у пулемета.

[1] Николаю Власенко шел а ту пору двадцать девятый год. Родом он из села Широкнй Уступ Калннннского района Саратовской областн. После окончания Ленинградского института нмени Н. К. Крупской работал в городе Бор Горькоаской области. За подвнги ао время вооруженного конфликта с белофиннамн был удостоен звания Героя Советского Союза. Его именем названа одна из улиц города Мценска. На родине отважному воину-политруку поставлен памятник.

[2] Андрей Аркадьевнч Богданоа до Велнкой Отечественной войны преподааал нсторию а одной нз московских школ. Эти письма он посылал с фронта саоим ученикам. Передала нх а «Прааду» одна нз его учениц, М. Клюшкина. Она писала а редакцню: «Есть а Волынской области, недалеко от Луцка, маленький городок Торчин. А в нем — улнца Андрея Богданова, моего учителя.

Бурный водоворот революцни закннул Андрея Богданоаа в местечко Торчин, на Волынн. Он создал там отряд красногвардейцев, был нзбран пераым председателем реакома.

Все это я узнала много лет спустя. А тогда мы не вдавались в прошлое Андрея Аркадьеанча. Он был просто нашим учителем. В 69-й школе-

За меня не беспокойся. Своих бывших учеников — теперешних друзей — не подведу.

27 сентября 1941 года.

На днях пришлось участвовать в розысках двух фашистских стервецов, вынужденных приземлиться на своем самолете. Когда мы их обнаружили, спрятавшихся в яме и закрывшихся ветками, капитан со знаками отличия успел покончить с собой. Духу не хватило у него вступить в бой с нами, хотя был вооружен до зубов. Второй, совсем молодой, радист и стрелок, сразу поднял руки. Они у него тряслись. Походил на попавшегося с поличным мелкого жулика...

...Что знаешь о ребятах? Убежден, что каждый из вас, моих любимых друзей, где-нибудь помогает Родине в смертельной схватке с фашистским зверьем.

18 октября 1942 года.

Смотря теперь на борьбу, развертывающуюся вокруг Сталинграда, и стойкую защиту Ленинграда, видишь, как много придется поработать, чтобы суметь за урок-два рассказать ученикам об этом. Борьба идет за дом, за этаж в этом доме, за каждый метр улицы, переулка. Надо быть художником, чтобы суметь хотя бы в тысячу раз тусклее рассказать тем, кто в эти дни родился или только подрастает...

Май 1943 года.

Что ты делаешь как кандидат партии? Ведь я теперь чувствую большую ответственность за тебя. Сама понимаешь, что значит для человека с 25-летним партийным стажем от-

новостройке, которую открыли в одном из переулков Арбата в Москве осенью 1936 года, он преподавал историю. Со всем, что бы у кого ни случилось, мы шли к нему. Днем, утром, вечером его квартира всегда была открыта для нас.

Ни отцу, ни матери никто из нас не мог сказать того, чем без стеснения делился с учителем. Он умел крепко хранить наши маленькие тайны, дать вовремя нужный совет...

Теперь я почти не вижу старого учителя, но остались его письма. Их много. Когда он только ухитрялся в той обстановке их писать? Сколько в них глубокого предвидения, осмысления происходившего. Эти письма поддерживали мои силы в трудный час, звали к действию.

Андрей Аркадьевич прислал мне рекомендацию для вступления кандидатом в партию. В приписке прочла: «Счастливого тебе пути по трудной, но благородной дороге».

Скромные треугольнички военных лет. Сколько их! Бесконечно дороги мне письма моего учителя-коммуниста, 50 лет жизни отдавшего партии. Не только отдавшего, но и получившего от нее богатство души, революционную закалку, непоколебимую идейность, ясность цели».

вечать за того, кого рекомендовал. Ведь партия для меня — это все...

Между прочим, 5-я дивизия — Орловская стрелковая, одной из первых ворвавшаяся в Орел,— это дивизия, в которой я имел счастье воевать в годы гражданской войны. Был начальником одного из отделений политотдела.

А. Богданов.

Правда, 1969, 4 сентября.

По ним сверяем жизнь

В музее истории нашего училища курсанты подолгу стоят перед портретами тех, чей выпуск пришелся на 1941 год. Комиссары, а потом замполиты, прошли они дорогами Великой Отечественной войны, партийным словом и личным примером вдохновляя бойцов. Мы часто думаем о них, сверяем по их делам свою жизнь.

...Рукоятка лопаты упрямо ударяет по ноге, к спине прикипел увесистый вещмешок. Часть дороги мы идем размашистым шагом, а часть — бежим. Ноги скользят по рытвинам, лицо сечет ветер.

Привал. Прячась от поземки, сползаем в овражек. Здесь тише, но теперь мороз пробирается под шинели.

К нам спускается подполковник Кузнецов, замполит факультета.

— Товарищи, у меня газета за 1942 год. В ней написано об одном из первых выпускников нашего училища — майоре Кармелицком...

Подклеенный на сгибах газетный лист пошел по рукам. С него на нас смотрел крепыш с простым мужественным лицом. Комиссар полка. В тяжелом бою у озера Селигер он повел в рукопашную батальон...

И почему-то появилось такое чувство, что все это уже было в моей жизни: и этот овражек, и снег, и осторожный свет фонарика, и фронтовая газета в руке. А впереди — атака.

Но нет, не со мной это было, а с моими близкими и родными, с миллионами советских людей, прошедших через войну. Я же и мои сверстники знаем обо всем по их рассказам.

И снова мы подняты в марш-бросок, но уже никто не чувствует ветра... А потом — звездочка ракеты, и заснеженные окопы выплескивают одну за другой цепи в серых шинелях.

Курсанты идут в атаку. Пусть это учеба, пусть противник условный. Молодые воины вкладывают в атаку все свое умение. Они овладевают боевым мастерством.

Г. Регентов,
курсант Высшего
военно-политического училища.
Правда, 1975, 23 февраля.

«Ильич в первом взводе!»

Шли последние дни 1942 года. Наша 271-я стрелковая дивизия занимала оборону в районе Моздока. Готовились к наступлению.

И тут к Новому году на передовые позиции доставили посылки от тружеников тыла. Одна из них была вручена первому взводу, которым командовал 20-летний младший лейтенант Джалал Ибрагимов. Джалала я знал с детства, вместе учились в физулинской средней школе. Солдаты были рады посылке, особенно, конечно, радовался Джалал. Посылка была из нашего родного азербайджанского города Физули.

Послала ее Феня Новосельцева. Сейчас Феня Александровна — учительница, преподает в физулинской средней школе. В той самой школе, в которой учились и мы.

Вскрыли посылку. Смотрим — теплое белье, перчатки, носки, табак, мыло.

— А в свертке что? — спросил один из солдат.

Развернули — флаг.

— Ленин,— всматриваясь в знакомые черты лица, сказал Джалал.

Все были взволнованы. Каждый хотел прикоснуться к красному шелковому стягу с портретом Ильича.

Ночью разыгралась метель. Роты скрытно заняли исходные позиции. С рассветом после сильной артподготовки в небо взвились три красные ракеты: сигнал к атаке. Несмотря на сильный огонь противника, бойцы быстро передвигались и вскоре вплотную подошли к окопам фашистов. В это время большая группа вражеских автоматчиков начала обходить нас с фланга. Она открыла сильный огонь по батальону. Цепи бойцов залегли. Гитлеровцы во весь рост пошли в контратаку. И тут Джалал крикнул:

— Передайте по цепи: Ильич в первом взводе!

Стремительно поднявшись, командир взвода вскинул над головой алый флаг с портретом Ленина и подал команду:

— За мной! Вперед! С нами — Ленин!

Бойцы устремились на врага. Фашисты не выдержали натиска и в беспорядке бежали с поля боя. Батальон, преследуя отступающего противника, с ходу ворвался в деревню. Впереди развевался алый флаг. Его нес младший лейтенант Д. Ибрагимов.

В бою за деревню отважный командир упал, насмерть сраженный вражеской пулей. Заветный флаг подхватил красноармеец Никитин. В тот день наши подразделения, преследуя фашистов, продвинулись на 15—20 километров.

Н. Кулиев,
бывший командир роты
271-й стрелковой дивизии.
Правда, 1970, 6 мая.

Инструктор политотдела

Пять боевых орденов и шестнадцать медалей — так отмечены подвиги А. В. Никулиной в Великой Отечественной войне. Об одном в газете «Правда» 30 апреля 1943 года говорилось: «...Наша атака захлебнулась. Бойцы отошли. Они возвратились, неся на плащ-палатке своего командира роты... Анна Никулина подняла руку, в которой был крепко зажат автомат:

— Отомстим за него! Вперед, товарищи!

И бойцы пошли за ней. По колено в студеной воде, под огнем пулеметов, в грохоте и вое рвущихся мин бежали вперед за капитаном Никулиной».

О ней писал в своей книге и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «Последний бой за Имперскую канцелярию, который вели 301-я и 248-я стрелковые дивизии, был очень труден. Схватка на подступах и внутри этого здания носила особо ожесточенный характер. Предельно смело действовала старший инструктор политотдела 9-го стрелкового корпуса майор Анна Владимировна Никулина. В составе штурмовой группы батальона Ф. К. Шаповалова она пробралась через пролом в крыше наверх и, вытащив красное полотнище из-под куртки, с помощью куска телеграфного провода привязала его к металлическому шпилю. Над Имперской канцелярией взвилось знамя Советского Союза» [1].

Н. Горюнов,
мастер производственного обучения.
Правда, 1977, 8 мая.

[1] Сейчас Анна Владимировна — персональный пенсионер. Она ведет большую работу в совете ветеранов 5-й ударной армии, часто выступает перед молодежью.

В ее старом военном билете записано: «Майор в отставке». Но коммунист Никулина, как и прежде, в строю.

Нина Петрова
и три ордена Славы

В сороке первом году Нина Павловна Петрова явилась в Куйбышевский районный военкомат Ленинграда:

— Я снайпер. Дайте винтовку и направьте на защиту города.

Военком ответил:

— Вам сорок восемь лет. Мы не имеем права призывать женщину в таком возрасте.

— Право защищать Родину имеет каждый. Я коммунистка, спортсмен, стреляю лучше молодого солдата.

И Нина Павловна добилась своего.

В боевых порядках стрелкового батальона она защищала свой любимый город, охраняла «Дорогу жизни», участвовала в прорыве блокады Ленинграда, в освобождении Гатчины, Пушкина, Луги...

Ей часто приходилось ночью из передовых окопов выползать на «охоту» на нейтральное поле. Впереди был только враг. Надо иметь железные нервы, чтобы по 12—16 часов лежать без движения, стрелять наверняка и маскироваться так искусно, чтобы фашисты не смогли обнаружить.

В марте 1944 года Н. П. Петрова награждается орденом Славы III степени.

...86-я стрелковая дивизия, в которой воевала отважный снайпер, вступила в Эстонию. Под Тарту первый батальон разгромил штаб полка егерей. Гитлеровцы попытались спалить дом, в котором размещался их штаб, чтобы к нашим не попали документы.

Петрова заметила крадущегося по огороду факельщика, выстрелила. Солдат упал. Второй стал подбираться с другой стороны, но и его настигла пуля снайпера. Так ни один поджигатель не дошел до штабного дома. Вскоре его заняли советские бойцы.

«Нина Павловна помогла тогда нам захватить ценные документы»,— вспоминает подполковник Сидоров.

За тот бой Петрова удостоилась ордена Славы II степени.

Осенью 1944 года 86-ю стрелковую дивизию перебросили в Польшу. Принимали пополнение, готовились к наступлению. После передышки полк снова пошел на запад. На глазах наступающего батальона Нина Павловна уничтожила два пулеметных расчета. А во время боя за электростанцию вдруг из окна второго этажа застрочил еще один вражеский пулемет. Нина Павловна сменила позицию, и вскоре пулемет, преградивший путь нашей пехоте, смолк.

...Много дней шли бои за Эльбинг. А когда враг был разбит, вместе с другими участниками этой операции представили к награде и Нину Павловну.

«Товарищ Петрова — участница всех боевых операций полка,— читаю в наградном листе.— Несмотря на возраст (52 года), она вынослива, мужественна и отважна. Во время передышек ею подготовлено 512 снайперов. В боях за Эльбинг тов. Петрова истребила из снайперской винтовки 32 фашистских солдата и офицера, доведя личный счет до 100. Достойна награждения орденом Славы I степени».

Вскоре Нину Павловну вызвали к командующему 2-м Белорусским фронтом Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому. Он вручил ей именную винтовку.

И еще одной наградой отметила Родина обладательницу полного банта ордена Славы — орденом Отечественной войны II степени. Это за бой на высоте 14,7. Петрова уничтожила тогда пятнадцать гитлеровцев. А когда контратака противника была отбита, Нина Павловна первая поднялась в атаку, увлекая за собой бойцов. Она же первой ворвалась на высоту, захватила в плен трех солдат[1].

Г. Ковалев,
майор запаса.
Правда, 1968, 8 января.

И танк был остановлен

Много раз на войне приходилось мне быть свидетелем героических дел советских солдат и офицеров. Но одно событие особенно запомнилось.

Случилось это в ноябре 1942 года. После прорыва обороны фашистских войск южнее Сталинграда в образовавшуюся брешь между озерами Цаца и Барманцак устремился наш кавалерийский корпус. Несколько суток подряд без сна и отдыха преследовали мы бегущего врага, громя его штабы, тылы, наводя панику, страх. Но с каждым днем сопротивление противника становилось все организованнее, сильнее. Один из полков вынужден был спешиться и закрепиться на высоте перед хутором Шарутовским.

На не успевших как следует окопаться конников обрушился сильный огонь артиллерии и минометов. Не один раз на высоту налетали самолеты гитлеровцев. Ее много раз атаковали танки и пехота врага, но кавалеристы, впервые встретившись с танками, выдержали экзамен. Установившаяся

[1] Нина Павловна Петрова погибла незадолго до победы.

было тишина длилась недолго. Снова на израненную высоту, на понесший большие потери полк полетели бомбы, снаряды. Вскоре из-за хутора показалось более тридцати танков, а за ними — пехота на мотоциклах. Почти столько же танков обошли открытый фланг полка.

Под огонь танков попала минометная батарея лейтенанта А. К. Колесникова, приданная полку. Два миномета уже валялись разбитыми. Сквозь разрывы снарядов и клубы дыма видно было, как наши солдаты посылали мины в стан врага. Вот еще один миномет разбит. А оставшийся фашистский танкист, видимо, решил раздавить гусеницами.

С командного пункта мы увидели человека. Без шапки, в дымящейся, свисавшей клочьями гимнастерке он продолжал вести огонь. Это был заряжающий Карсыбай Спатаев. Чтобы не попасть под гусеницы или огонь танка, он мог прыгнуть в окоп, подготовленный для укрытия расчета. Но Спатаев нагнулся к лотку с минами, взял одну из них, осмотрел, взвесил в руке. Потом вдруг лег на землю и пополз навстречу танку.

На минометчика обрушился шквал огня. Пули взрыхляли мерзлую землю, перелетая через Спатаева: он уже находился в зоне «мертвого пространства». Танк остановился и медленно попятился. Спатаев поднялся, подбежал к танку и с силой ударил головкой мины по гусенице. От взрыва танк резко развернулся и застыл на месте.

Немногие видели этот подвиг, но весть о нем мгновенно облетела полк. В едином порыве поднялись в атаку конники.

Бывший инструктор Алгабасского райкома партии Чимкентской области Герой Советского Союза Карсыбай Спатаев и мертвый остался в нашем боевом строю. О казахском батыре помнят однополчане, которые начертали его имя на стенах рейхстага. На родине героя именем Карсыбая Спатаева названо отделение совхоза «Чалдар».

В. Дашкевич,
генерал-майор.
Правда, 1970, 21 июня.

Впереди коммунисты

Подразделению была поставлена боевая задача — ударить по вражескому укрепленному пункту с правого фланга.

— Долг партийной организации и членов партбюро,— сказал парторг майор Татульян,— состоит в том, чтобы разъяснить каждому воину значение нашей боевой задачи, внушить

веру в успех нашего дела, решимость драться самоотверженно и самим показать образец дисциплины и воинского умения.

Вечером во всех ротах состоялись партийные собрания. На повестке стоял тот же вопрос: задачи коммунистов в бою.

Партийное собрание минометчиков назначили в траншее. Был уже поздний вечер. Противник усилил артиллерийский обстрел. Несмотря на это, от каждого минометного расчета на собрание прибыло по два человека.

...Яркая белая ракета — сигнал к началу артиллерийской подготовки — пронизала утреннюю дымку. Оборонительные рубежи противника окутались дымом.

Коммунист комсорг Трубицын смело повел за собою бойцов, огнем автоматов и гранатами они вышибали гитлеровцев из отдельных хат и дзотов. Кандидат в члены партии Шакуров метким огнем пулемета уложил до 50 гитлеровцев.

Непосредственно в рядах атакующих шли все члены партийного бюро. Заместитель командира по политчасти член партбюро капитан Дороненко находился среди бойцов и в бою был ранен, но продолжал идти вместе с ними. Член партбюро старший лейтенант Корниевский также был ранен, но не покинул поля боя до тех пор, пока не была решена боевая задача.

Г. Иванников,
старший лейтенант.
Правда, 1943, 20 августа.

Мысли о партии

Все эти дни я наполнен только одним сознанием — сознанием того, что меня Центральный Комитет ВКП(б) принял в партию Ленина. Все эти дни у меня такое чувство, словно по калиновым мостам ко мне лета мои молодые на вороных прилетели. Все эти дни у меня такое ощущение, будто кто-то великий-великий к моему сердцу рукою прикоснулся нежно. Я знаю: сегодня мне, молодому члену партии, свое сознание необходимо направлять исключительно на одно — как следует изучить обязанности большевика-партийца. Но кто может осудить меня за то, что я говорю здесь о переживаниях своих при вступлении в партию? Ведь эти переживания ни с чем не сравнимы.

Помню, в детстве я помогал отцу садить яблони. Какой это был для меня счастливый день — никогда не забуду! Но, во-первых, это со мной было в небольшом саду и, во-вторых, нас

тогда, родных между собой, всего было только двое. Теперь же, в пору своей зрелости, я получил возможность работать в саду неимоверных размеров, возможность трудиться вместе с миллионами своих родных по партии братьев!.. Помню, в детстве молодая мать однажды принесла меня на руках на берег озера, освещенного солнцем. Какое сильное влечение осталось во мне с тех пор навсегда к голубой с солнечным дыханием высоте — высоте, отраженной глубиной дышащего озера! Но простор перед моими глазами ограничивался тогда одним только озером и его берегами. А сейчас передо мною весь мир с его взволнованным, бушующим морем. Фашистские захватчики своим ядом и нечистью хотят залить сады передового человечества. Нечисть гитлеровская залила уже было собой плодородные земли нашей Родины, земли моей многострадальной Украины.

Но народ советский выдержал испытание. Да, он не только выдержал — он нанес врагу смертельные раны. Героическая Красная Армия, уничтожая фашистских захватчиков на нашей земле, давно достигла государственных границ и пошла еще дальше. Блестящие, весь мир изумившие победы Красной Армии пришли к нам потому, что она, наша армия, является армией братства между народами. Эти победы пришли к нам потому, что все народы нашей страны возглавлены партией Ленина. И вот, только крепко держась за единство воли и за единство действий миллионов членов партии, можно бесстрашно стоять среди бушующего моря. Никакая другая партия, кроме партии Ленина, не могла бы организовать такую могущественную всенародную борьбу за победу над гитлеровскими ордами, поднять весь народ советский на священную Отечественную войну!

Ленин говорил о партии: «Ум, честь и совесть нашей эпохи». Какое счастье быть в обучении у этого громаднейшего, гениального ума! Воспеванию его посвятили все свои силы народные поэты: Дагестана — Сулейман Стальский, Армении — Акоп Акопян, Башкирии — Мажит Гафури и многие другие. Какая радость держать связь с народными массами и видеть результаты этой связи! Из глубины народа, по почину Ферапонта Головатого, устремился поток заявлений о добровольном отчислении сбережений на самолеты и танковые колонны. Из глубины народа по инициативе коллектива артиллерийского завода родилась мысль о шефстве предприятий над машинно-тракторными станциями. Из глубины народа выросло сегодня желание последовательниц Марии Демченко и Марины Гнатенко возродить на свекловичных полях былую славу пятисотниц.

Партия — единственно правильный воспитатель, применяющий к своим детям отеческую мягкость и в то же самое время требования железной дисциплины. На этих днях побывал у зенитчиц. Далеко за городом, в лесу, под непрестанное пение и щебетание птиц, при бодрящем запахе сосны наша беседа началась как-то вдруг, от души, без программы: о победах Красной Армии, о художественной литературе... Скажу откровенно: вопросы зенитчиц просто меня поразили, настолько они были мужественны и зрелы. У многих из них — медали «За оборону Сталинграда».

При вступлении в партию сегодня я получил новые права. Но я знаю: главное не в этом, а в том, чтобы права новые хорошенько, тесно сочетать с моими обязанностями партийца. Все силы отдам на святое дело восстановления нашей Родины! Никогда не утихнет во мне чувство ненависти к фашистским захватчикам, сжегшим мое село Пески. Миллионами ударов хочется ответить им за это, за все разрушенные города и села, за убийство мирных советских людей, за угон на каторгу молодежи нашей. Гуманистом сегодня быть — значит фашистскую гангрену из организма человечества вырезать.

Чувствую в себе приток сил новых! Чувствую в себе бодрость и свежесть! Чувствую радость!

Павло Тычина.

Правда, 1944, 22 июня.

Не забыть этой минуты

В Коммунистическую партию я вступила на фронте в 1942 году. Расскажу о том, как получила партийный билет.

Было это в первую фронтовую зиму на Харьковщине. Накануне весь день шел бой за село. В течение дня оно несколько раз переходило из рук в руки. Солдаты окрестили то место «громовой балкой».

Штаб 534-го стрелкового полка 106-й дивизии разместился километрах в пяти. Холодно, стынут руки, ноги. Все разрушено. В доме, где мы обосновались, были хоть стены, и то хорошо. Одеялами, шинелями закрыли дыры, щели, откуда-то притащили несколько охапок соломы, зажгли коптилку и приступили к работе. Я была машинисткой. Сколько мы проработали тогда — трудно сказать, только помню, как мне сказали: «Дочка, ложись, отдохни». Все, сколько нас было в хате-развалине, словно ждали этого слова: сразу легли. Кто на пол, кто на сундуки, кто на какие-то свертки. Вдруг сквозь сон слышу:

— Нет ли у вас Александровича? Все подразделения обегали...

— А зачем он вам? — спрашивает кто-то.

— Его вызывают на командный пункт за партбилетом...

Я вскакиваю, как ужаленная:

— Да ведь это я. Я — Александрович!

Все смотрят удивленно. Меня называли дочкой, а фамилию просто забыли.

В штаб надо было добраться до рассвета. Днем представитель политотдела уедет. Да и снова может начаться бой.

И я иду. Ночь. Темным-темно. Сильный мороз не щадит. Шинелька кажется совсем тоненькой. Гудит поземка, заметает следы. Дороги не видно. До боли в глазах осматриваюсь по сторонам. Сколько времени шла, не помню. И вдруг:

— Стой! Кто идет? Пароль?

Ответила. Меня провели в какую-то избу.

— А мы уже не ждали, товарищ старшина,— говорит комиссар полка Ф. А. Евглевский.— Но раз пришла, с радостью вручим тебе партийный билет.

Представитель политотдела дивизии передал мне партийный билет с добрым напутствием. Сердечно поздравили секретарь партбюро полка И. М. Ткачев, другие товарищи.

Этой минуты мне не забыть никогда. Не выразить на бумаге переживания, которые пришлось испытать в ту ночь. Я не скрываю, что было очень трудно, но, может быть, именно тогда поняла, вернее, ощутила в себе силы бойца ленинской партии. До последнего часа своего останусь верна делу родной партии.

Р. Чурсина.

Правда, 1970, 6 мая.

Завещание сыну[1]

Мой дорогой сын Гарик!

Когда ты будешь читать это письмо, пройдет много лет, отгремит война и на освобожденной земле зацветет снова счастливая и радостная жизнь, какая была до войны. Когда ты был совсем-совсем маленьким, лежал еще в качалке и сквозь сон улыбался, мы с мамой думали, что ты счастливый, что

[1] Шли горячие бои на дальних подступах к Ростову-на-Дону. В медсанбат, где служнла санитаркой Антонина Васнльевна Худякова, доставнли тяжелораненого лейтенанта. После перевязки он пришел в сознанне и попросил: «Сестрнца, карандаш...».

Слабеющей рукой исписал лнсток бумагн, положил его в карман гнмнастеркн, рядом с партбнлетом. Вскоре офицер умер. Вместе с другнми

тебе не придется переживать того, что переживал я в детские годы. Я думал вывести тебя в люди и радовался твоим первым словам, твоим первым мыслям.

Пришли дни пагубной войны, и ты с мамой поехал в эвакуацию за Волгу, спасаясь от смерти, от детоубийц, а я пошел на защиту Отечества. Ты, наверное, как сквозь сон припоминаешь последнее прощание в марте 1942 года в чужой хате станицы Кайсацкой. Ты долго ждал меня и не дождался. Я, как и сотни, тысячи других отцов, погиб в борьбе с заклятыми врагами — немецкими фашистами, которые напали на нашу страну, нарушили мирную жизнь, принесли много горя нам.

Но я умираю, глубоко уверенный, что ты, мой любимый сыночек, будешь жить в свободной цветущей стране — стране социализма, будешь учиться в советской школе, самостоятельно выбьешься в люди и, как я когда-то, будешь узнавать из истории про дни Отечественной войны, читать рассказы про самоотверженные подвиги героев войны. И ты, мой любимый сыночек, не покраснеешь за меня, за своего отца, а сможешь гордо сказать: «Мой отец погиб в борьбе за будущее счастье, верный присяге и Отечеству». Я в жестокой борьбе с фашистами своей кровью завоевал тебе право на счастливую жизнь.

Знай, мой любимый сыночек, что и моя кровь оросила землю, по которой ты можешь ходить, строить счастливую жизнь, о которой я так мечтал.

документами скончавшегося воина санитарка нашла письмо, которое начиналось словами: «Мой дорогой сын Гарик!» В приписке автор просил того, кому попадет письмо, разыскать его семью...

Григорий Алексеевич Тарасенко родился в 1910 году на Днепропетровщиие. Рано потерял мать — ее расстреляли белогвардейцы. Пришлось с десятилетиего возраста самому зарабатывать иа жизнь. Перед войной семья Тарасенко жила в селе Любимовка Гуляй-Польского района Запорожской области. Григорий Алексеевич и его жена Полина Михайловна с 1934 года учительствовали в местной школе. У иих рос сын Гарик.

...Лишь в конце пятидесятых годов письмо-завещание иашло своего адресата. Было это так. Комсомолец Гари Тарасеико, окоичивший к тому времени горный техиикум и уже успевший поработать иа одной из шахт Урала, служил в полку морской авиации Тихоокеанского флота. «Не про твоего ли отца вчера говорили по радио? — таким вопросом встретили товарищи вернувшегося утром с вахты старшего матроса Тарасенко.— Называли твое имя. Просили откликиуться. Мы иа всякий случай записали адрес».

Гари Григорьевич Тарасенко после службы в армии окончил юридический институт и вот уже много лет работает в оргаиах прокуратуры. Свой партбилет коммуиист Г. Г. Тарасеико хранит в обложке партийного билета отца, которую сберегла и передала сыну героя медсестра А. В. Худякова.

Пройдут годы, десятилетия, могилы врагов зарастут бурьяном, чертополохом, а нам, защитникам, свободная Родина построит памятник Победы. Смотри на него и вспоминай меня. Прочитай это письмо и то, что не поймешь, спроси у мамы — она тебе расскажет.

Ты шагай вперед, борись за лучшую жизнь, а если твоему любимому Отечеству станет угрожать враг, будь достоин меня, своего отца. Не пожалей жизни за свою Родину.

Целую тебя, мой любимый сыночек, на всю жизнь крепко, крепко.

Твой отец

Григорий Алексеевич Тарасенко.

Правда, 1960, 13 апреля.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ...

Поле русской славы

В октябре 1941 года четверо суток воины 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии под командованием Виктора Ивановича Полосухина насмерть стояли на славном Бородинском поле, повторив подвиг чудо-богатырей русской армии, совершенный в Отечественную войну 1812 года.

Враг, сосредоточив много танков, пехоты, при поддержке авиации нанес удар по нашим боевым порядкам вдоль автострады Москва — Минск. Получив отпор, гитлеровцы усилили натиск на Бородино и старую Смоленскую дорогу.

Воины 65-го противотанкового артиллерийского дивизиона капитана Беляева, 1-го дивизиона 133-го легкого артиллерийского полка капитана Зеленова и 54-го зенитного артиллерийского дивизиона, которым командовал капитан Дереко, умирали, но не покидали орудий. Когда фашистские танки подошли вплотную к их позициям, советские воины открыли огонь прямой наводкой.

Комиссар 65-го дивизиона старший политрук Иван Васильевич Лаптев все время находился среди бойцов. Вдруг он увидел: раненый красноармеец Шкляр ползет, катя перед собой снаряд, чтобы, может быть, в последний раз выстрелить по врагу! Старший политрук бросился на помощь ему и упал, сраженный вражеской пулей.

Уже несколько танков противника прорвались к тому месту, где в 1812 году стояла прославленная батарея Раевского. Теперь тут вели бой артиллеристы 1-го дивизиона 133-го полка. Наводчик Павел Шевченко подбил четыре танка, у второго орудия остался в живых только комсомолец Федор Чихман. Его орудие подбило три танка, а четвертый шел прямо на Федора. Он нажал на спуск, и мгновенно взметнулся столб огня и едкого дыма. Чихмана отбросило в сторону. Открыл глаза и видит: танк по-прежнему железной глыбой надвигается на орудие. Ему удалось зарядить пушку. Вот танк со свастикой в перекрестье панорамы... Комсомолец выстрелил и потерял сознание.

...Второй раз в своей истории поле русской славы Бородино оказалось политым кровью. Советские солдаты, как и их далекие предки, стояли насмерть.

Н. Нечаев,
бывший командир артиллерийской батареи.
Правда, 1980, 31 марта.

Как мы освободили две деревни

В первые дни декабря 1941 года подразделение капитана Гревцева (для редакции сообщаю: батальон) внезапным наступательным ударом освободило подмосковные деревни Б. и Я. (Бараносово и Языково). Часть была хорошо подготовлена в тылу (Новосибирская область) и впервые послана на фронт. Большинство у нас было еще необстрелянных, но все горели желанием защитить любимую, родную Москву. Ночью прибыли на исходный рубеж по глухой лесистой местности. Впереди и по сторонам раздавались редкие орудийные раскаты. Иногда взлетали ракеты, слышалось стрекотание автоматов. Бойцы в новеньких полушубках слегка толкали локтем друг друга:

— Слышишь?!

Наша разведка донесла, что в Бараносове противник имеет артиллерию, бронемашины, танки. Наша артиллерия ночью хорошо замаскировалась на опушке леса. И вот рассвет. Пришел приказ выбить врага и занять Бараносово. Село на возвышенности, но подступы лесистые, для нас выгодные. Скрытно, бесшумно окружаем деревню полукольцом. Для врага полная неожиданность — удар наших батарей. Прямыми попаданиями артиллеристы подбивают два танка, несколько орудий. Бьют метко, и уже нам сигнал:

— Ну, ребята, вперед! На штурм!

Удар был сильным, зарвавшийся враг меньше всего ожидал тут встретить такую огневую мощь и свежие наши войска. Гитлеровцы бежали. Они оставили совершенно исправные машины — даже моторы работали. Рота Малышева, взвод старшего сержанта Яневича настигали фашистов, уничтожали их без пощады. Капитан Гревцев был ранен, его заменил лейтенант Малышев.

Такой же стремительный и сильный удар мы потом нанесли по деревне Языково. Атака была снова внезапностью для врага — он еще не знал, что это только начало. В Языкове противник понес серьезные потери. Мы захватили там исправные орудия со снарядами и сразу повернули их на запад. В этом ожесточенном бою батальон потерял своего незабываемого военкома, старшего политрука Китаевского. Он шел в атаку вместе с бойцами и, сраженный пулей, умер на руках у товарищей. В этом бою был ранен и я. Уже в госпитале узнал, что часть получила гвардейское звание. Она продолжает нести гвардейское знамя вперед до полного разгрома врага.

Мой адрес домашний — Новосибирск, Трудовая, 29, квартира 6, а в госпитале — Москва, телефон Е1-00-44. Это уже второе ранение, но ничего, скоро вернусь на фронт.

Адрес части: ППС 1607, 3-й батальон.

Скибин Константин Максимович,
младший политрук,
Западный фронт.
Правда, 1971, 5 декабря [1].

Идем на запад

Прошу подредактировать мою статью, так как пишу в походных условиях. Наша часть перешла в наступление 15 декабря. Бойцы, командиры и политработники с порывом рвались в бой. 15 декабря первому выпало счастье броситься в наступление подразделению старшего лейтенанта товарища Теплякова, вперед пошел взвод, которым командует орденоносец товарищ Романов. С этим подразделением шел и наш комиссар товарищ Труянов. В 9 часов утра село Новоселки было взято — это первый населенный пункт, который мы освободили. В тот день часть взяла еще два села, а всего мы уже освободили от немецко-фашистской своры 29 сел и деревень.

Порыв большой, много храбрецов проявило себя в боях. Много родилось героев. Все время впереди наш майор (фамилия написана неразборчиво.— *Ред.*), сам комиссар, а также

[1] Письмо прислано в «Правду» в 1942 году.

капитан Романов, старший лейтенант Тепляков, лейтенант Белоусов, комиссар Клементьев, который вырос от молодого политрука до комиссара. Ну и наши бойцы много показали геройства в этих боях. Белозеров, пулеметчик, со своим расчетом задержал врага под деревней К., дал возможность подразделению подойти поближе. И в атаке за деревню еще раз показал его расчет образцы боя. Под деревней Ермилово вышел из строя командир роты, команду на себя принял комсомолец Мугинов, комвзвода. Он поднял роту, ворвались в деревню, захватили там трофеи и пленных.

Есть у нас Светобок, комсомолец, снайпер. Он с начала Отечественной войны немало поразил врагов, но кончилась оборона, он свою винтовку сменил, принял команду и подразделение повел в бой за деревню (название написано неразборчиво.— *Ред.*). И эта деревня взята, а он сразу после боя принят в кандидаты партии. Наш лихой связист лейтенант Беляев под огнем обеспечил связь в освобожденном селе Н. Можно еще много назвать героев, в этот список скоро придется почти всех записать — так наши бойцы бьют врага.

Проходя весь боевой путь, мы видели население, которое загнано было с детишками, стариками в погреба, блиндажи; они оттуда вылезали и рассказывали нам о зверских пытках, издевательствах врага над мирными жителями, пленными и партизанами. Вот в с. Ильинске мы первой встретили жену партизана Ожегина Ивана Ивановича. Мужа расстреляли. У жены на руках осталось 5 детей, но она нам заявила, что готова взять винтовку и пойти на фронт. Колхозник Кузьма (фамилия написана неразборчиво.— *Ред.*) этого же села рассказал, что за неделю до нашего прихода гитлеровцы тут расстреляли 8 человек — Сергея Горелова, Сергея Комарова, Ивана Алексеева, Ивана Кореева, имена и фамилии остальных неизвестны. Кузьма сказал, что колхозники постараются узнать все имена и будут помогать семьям убитых.

В деревне Тимошовой мы встретили старушку Анну Зуевну. Она говорит: «Я всегда знала, что Красная Армия победит. Два моих сокола тоже в Красной Армии, все наши сынки-соколы там — разобьют они Гитлера». Эта старая колхозница попросила у нас газету, она сказала: «Могу теперь даже сутки не кушать, но не могу без последних известий Совинформбюро — в них вся наша жизнь». А вот еще напишу вам разговор двух женщин, одна Дорожкина, другую не знаю, как зовут:

— Ну как дела, Авдотья? Жива? Ну ничего, не плачь!

— Не плачу я. Вот ищу, может, своего Алексея где увижу. А ты чего плачешь?

— Сама не знаю почему, от радости слезы идут. Меня немцы на мороз вытащили, спрашивали: «Где коммунисты?», а я сказала: «Стреляйте, идолы, ничего вам не скажу...»

И плачут обе женщины, потом обнимают наших красноармейцев, всех подряд. Таких эпизодов можно много написать, но не позволяет время.

Катаев Николай Михайлович,
Западный фронт.
Правда, 1971, 5 декабря[1].

«Катюши» и «андрюши»

14 июля 1942 года, через год после залпов первой в мире реактивной батареи капитана И. А. Флерова, наш 81-й гвардейский минометный полк обрушил на укрепления врага под Старой Руссой ракетные снаряды новой конструкции. Вскоре на фронте появились бригады, а затем и дивизии, оснащенные 300-миллиметровыми снарядами, обладавшими огромной разрушительной силой. Так у «катюши» появился брат «андрюша». Без него не обходилось ни одно наше крупное наступление.

Хочется рассказать о подвиге одной из батарей 11-й гвардейской минометной бригады, сформированной на базе 81-го полка. Батарея получила задачу 11 февраля 1945 года произвести залп по укреплениям гитлеровцев в районе г. Цинтен, в 30 километрах южнее Кенигсберга.

По команде с взрывателей осторожно были сняты защитные устройства. Теперь тоненькая пленка могла среагировать на малейший удар... И тут произошло непредвиденное. Из леса, что темнел впереди нашей батареи, показались фашистские самоходки «фердинанды». Ведя огонь, они устремились на позиции «андрюш». Гвардейцы не дрогнули. Они продолжали свое дело. Вот телефонист принял команду комбата: «Подключить электросети!»

Выполнив приказ, электрики-подрывники укрылись в ровики. Электротехник батареи гвардии лейтенант Алексей Милюдин делает первый поворот рукоятки подрывной машинки. Двенадцать снарядов устремились ввысь, оставляя за собой огненные хвосты. Новый поворот рукоятки — и вторая серия ракетных снарядов летит на врага. Телефонист сообщил: «Цель накрыта!»

Теперь все помыслы лейтенанта сосредоточены на одном: выпустить все снаряды. А «фердинанды» уже в нескольких

[1] Письмо прислано в 1942 году.

сотнях метров, бьют прямой наводкой. На батарее появились убитые и раненые. Шла четвертая минута, когда Милюдин дал первый залп. Огненный столб разрыва вырастает рядом. Слабеющей рукой лейтенант делает последний, восьмой поворот...

Слева и справа слышны резкие выстрелы. Это били по «фердинандам» противотанковые пушки. Они не пропустили стальные страшилища к батарее «андрюш».

М. Колодицкий,
капитан запаса.
Правда, 1970, 18 ноября.

Орудие № 3922

Летом 1944 года войска 3-го Белорусского фронта, форсировав Неман, устремились к Восточной Пруссии. Они первыми вышли к границе фашистской Германии. Подошла сюда и наша 142-я артиллерийская бригада, действовавшая в составе 33-й армии.

До ближайшего участка границы от огневых позиций бригады оставалось не более 22 километров. Предельная же дальность стрельбы наших орудий — 18 километров. Но всем нам не терпелось открыть огонь по вражеской земле. А что, если рискнуть выдвинуть хотя бы одно орудие вперед? Эта дерзкая мысль зародилась у солдат 1-го дивизиона. Командование поддержало их. Честь выполнить это почетное задание выпала на долю расчета сержанта Я. И. Никифорова.

2 августа командир дивизиона капитан П. П. Пелипас выбрал в кустарнике за хутором, расположенным севернее литовского города Вилкавишкис и западнее деревни Новинки, огневую позицию и забил колышек на том месте, где ночью будет установлено орудие. По карте подготовил исходные данные для стрельбы по городу Ширвиндту, переполненному вражескими частями.

Подъехал комбриг полковник В. З. Ершов. Утвердил задачу. Медленно подошла машина с тридцатью снарядами. Затем на малых оборотах трактор подтянул 152-миллиметровое орудие № 3922.

22.00. Орудие к стрельбе готово. Один за другим следуют выстрелы. В Ширвиндте начались взрывы, пожары. Выпустив снаряды, орудие покинуло огневую позицию. И вовремя. Опомнившийся противник начал яростно обстреливать это место. Орудие смельчаков благополучно возвратилось на батарею. Потом его расчет громил врага под Варшавой, Берлином и закончил свой славный путь на Эльбе.

В архиве я нашел политдонесение, где назван боевой расчет под командованием Я. И. Никифорова. Это — наводчик И. А. Поздняков, замковый Г. Д. Афанасьев, заряжающий Б. К. Богоудинов, зарядный П. Т. Турусов, снарядный А. Е. Козаков, установщики В. А. Андреев и Т. П. Веневцев, орудийный мастер В. С. Конышев, водитель-механик Ф. А. Ульяшкин, тракторист Н. К. Лузьянов. Командиром огневого взвода был лейтенант М. Г. Кузнецов.

«Сам факт стрельбы по логову фашистского зверя,— говорится в донесении,— поднял общее настроение в бригаде». И не только в бригаде! Эти выстрелы возвестили: настал черед громить оккупантов на их территории.

В. Рыков.

Правда, 1970, 18 ноября.

Клинки остры

У нашей конницы опыт большой, но еще никогда ей не приходилось воевать в таких условиях, как сейчас: свирепая зима, непроходимые снежные сугробы. Кавалеристы пробиваются через глубокие снега и выходят в тыл врагу там, где их меньше всего ждут. Даже поговорка на фронте сложилась: «От клинка кавалериста нет спасения фашистам». В бою за село Б. отличился кавалерист Марков, он со своим отделением рассеял большую группу гитлеровцев, многие были зарублены клинками. В этом бою Марков был ранен, но упросил комэска не отправлять его в госпиталь.

Некоторое время Марков ехал вслед за эскадроном на повозке и вот снова сел на боевого коня. В бою за село Г. наш Марков уже командовал взводом и с поставленной задачей справился отлично. Взвод ворвался в село, и немало гитлеровцев положили свои бандитские головы под ударами острых советских клинков.

По душе конникам разведывательная служба, полная опасности. Тут отличается отделение сержанта Галушкина. Это отчаянно смелые, дерзкие воины, способные проникнуть в логово врага, все узнать, высмотреть, проверить. Недавно трое из них наткнулись на неприятельскую разведку. Пересчитали: одиннадцать гитлеровцев-лыжников. Конники быстро прискакали к своим, доложили. Фашистские лыжники были окружены и захвачены в плен — все одиннадцать.

Е. Садовский,
Западный фронт.

Правда, 1971, 5 декабря [1].

[1] Письмо получено «Правдой» в 1942 году.

Нас было тринадцать

Это было в ночь на 3 октября 1941 года. Нашей 314-й стрелковой дивизии дали приказ: переправиться на правый берег реки Свирь.

Ночь была темная. На бревенчатых плотах благополучно добрались на тот берег. Закрепились на маленьком клочке земли близ деревни Старые Сегежи. Фашисты озверели. Много, очень много снарядов обрушили они на наш участок. Но мы стояли не на жизнь, а на смерть. Никто не отступил, пока не получили приказ отходить.

Группе из 13 человек было поручено прикрывать отход двух полков дивизии. Мы остались на вражеском берегу. Это были капитан Демин, 11 красноармейцев и я. Среди нас — двое связистов. В первой схватке с врагом они были убиты.

Начало светать. Показались два гитлеровца. Пошарили биноклем, успокоились. Вдруг словно из-под земли вырастают десятки фашистов. Не меньше роты. Наверное, обнаружили нас, пошли в наступление. Капитан Демин принимает решение: держаться. Вступили в бой. Отбиваем одну атаку за другой.

Наконец настал вечер. Осторожно спускаемся к воде. Здесь припрятаны две лодки. Без весел, дырявые. Погрузились, гребем руками тихо. И все-таки фашисты нас обнаружили. Открыли огонь. Пока плыли до острова, они дважды ранили капитана Демина. В темноте все же добрались до острова, поджидаем вторую лодку. В ней было пятеро наших товарищей. Помню фамилию одного из них: Орлов. Он был награжден орденом Красной Звезды еще за бой у озера Хасан. Ждали их до рассвета, но лодка так и не появилась...

П. Ясонов,
бывший сержант
314-й стрелковой дивизии.
Правда, 1975, 4 февраля.

Зимой 42-го...

В конце февраля 1942 года на ближайших к нашему участку вражеских позициях разведка обнаружила большое передвижение фашистских танков. Командир роты Хомутов вызвал несколько бойцов, в том числе и меня, служившего замполитруком, и дал боевое задание: пройти как можно дальше в тыл к немцам и в местах, где обнаружатся следы танков, уложить противотанковые мины. Таков был приказ командования 341-й стрелковой дивизии. Во главе с лейтенан-

том Байгазиным пошла группа саперов: Печерский, Барабанов, Правдюк, Мхитарьян, Магомедов.

Тихой и светлой выдалась ночь, ярко сияли звезды. И в этой тишине тонко, по-весеннему похрустывал снежный наст. Прошли передовую, ничейную полосу. Вот и территория, занятая врагом. Дважды мы видели горевшие костры и вражеских солдат. Шли осторожно, чтобы хруст наста не выдал нас. Километров через шесть вышли к балке. Байгазин обследовал ее и сделал нам знак спуститься. Здесь мы обнаружили большое количество следов от гусениц и решили заложить мины. Копали землю штыками, было трудно, но с работой справились быстро. Каждый заложил по две мины, замаскировали их. Командир занес их в карточки минирования.

А потом обратный путь. Мимо неприятельских костров, через линию фронта. Светало, когда подходили к своим позициям. Уже видны были дома Надеждовки, где мы расположились. Семь бойцов выполнили боевое задание.

Прочитав это письмо, может быть, кто-то из друзей-однополчан вспомнит те тяжелые дни и отзовется.

Н. Гурьев,
бывший замполит роты.
Правда, 1981, 18 июня.

Солдатское счастье

...Я получил первое ранение под Тихвином, второе — на Волхове, третье — в районе Старой Руссы, четвертое — под Харьковом, после прорыва на Орловско-Курской дуге, пятое — в Кировоградской области. Дошел до Берлина. Вот, собственно, и весь путь.

Хорошо в памяти остался бой за станцию Казачья Лопань, это от Харькова недалеко. Я был тогда в пулеметной роте лейтенанта Воронина Ивана Павловича. Противник нас встретил шквальным огнем, и сразу ранило командира нашего пулеметного расчета. Лейтенант приказал мне командовать расчетом. Помню, как пробрался я на кукурузное поле левее железной дороги, и хорошо стало видно, откуда бьет противник. Три-четыре коротких очереди из нашего «максима» — и снайперов на водокачке не стало. Пехота бросилась вперед к станции. Вдруг на окраине раздался шум моторов. Командир мне кричит: «Деменков, бей «фердинанда». Мною этот «фердинанд» был подорван противотанковой гранатой. Через несколько часов в новом бою меня ранило, но я скоро вернулся в свою роту, к лейтенанту Воронину, которого никогда не забуду.

Сильно запомнил я и госпиталь в поселке Кукмор Татарской АССР. Я тогда на своих костылях еле передвигался. Всех помню, кто меня по-матерински выхаживал: военврача второго ранга товарища Лаптеву, хирурга Антонину Ковалеву, медсестру Катю Лосеву, няню Марию Вожакову. Это все душевные люди. Мы у них быстро выздоравливали и возвращались в действующую армию.

Я служил во многих частях, воевал на Висле, на Одере. А под Берлином — подумать только — встретил Воронина Ивана Павловича. Он уже был майором, Героем Советского Союза. Ну что я буду про нашу встречу рассказывать — это было самое настоящее счастье.

И. Деменков,
бывший солдат.
Правда, 1970, 5 февраля.

Прыжок «Т-60»

Если бы я не был свидетелем этого подвига, то вряд ли полностью поверил в его достоверность. Совершил подвиг экипаж небольшого танка «Т-60» из 61-й отдельной легкой танковой бригады, входившей в нашу 67-ю армию. В ту январскую ночь 1943 года я находился на левом берегу Невы, у того самого котлована, где все и произошло.

...Вечерело. Пулеметные очереди становились все реже. Только тяжелая артиллерия продолжала свою работу, направляя огонь в глубь обороны противника. Танковая рота Дмитрия Осатюка с тяжелыми боями форсировала Неву, прошла торфяные болота и вышла на опушку леса. Впереди была поляна, изрытая снарядами. За ней — гряда Синявинских высот.

Над грядой догорала светлая полоса солнца, и Осатюк спешил сориентироваться: ночью его машины должны занять позиции. Подошли подразделения бригады морской пехоты. Им предстояло под утро участвовать в атаке. Но гитлеровцы опередили. Под прикрытием трех тяжелых танков около пятисот их автоматчиков пошли в атаку.

Осатюк повел в бой свою роту, нацелив ее на гитлеровскую пехоту. И тут случилось так, что танки врага отсекли командирский «Т-60». А что можно было сделать 37-миллиметровой пушкой против стальных громадин? Лейтенант стал маневрировать, увертываясь от огня вражеских машин и в то же время заманивая их к лесу. Оттуда ударила батарея старшего лейтенанта Романова. Сразу же загорелись две гитлеровские машины, затем и третья.

Осатюк установил по радио связь со своей ротой, узнал, что танкисты загнали пехоту противника в огромный котлован. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, забрасывали наши танки гранатами, заставляя их отходить от обрыва. Медлить нельзя: фашисты успеют окопаться, вызвать подкрепление. Осатюк приказывает механику-водителю Ивану Макаренко как можно ближе «накатываться» к обрыву и немедленно отходить назад по своему следу.

Старшина Макаренко проделал это несколько раз, проложив хорошо утрамбованную колею. Наконец машина, набирая скорость, устремилась к котловану в последний раз. У обрыва танк оттолкнулся от земли и рухнул в гущу фашистов.

— Молодец! — крикнул лейтенант.— Теперь действуй!

Машина на большой скорости понеслась по дну котлована. Осатюк крушил врага огнем. Он вырвал опорную чеку гашетки — пулемет заработал самостоятельно, сам же стал бить из пушки.

Сделав несколько кругов, танк сбавил ход, вышел на середину котлована и остановился. Подошли свои.

Подвиг этот увековечен в экспозиции Музея истории Ленинграда. Дмитрий Иванович Осатюк и Иван Михайлович Макаренко удостоены звания Героя Советского Союза...

Е. Винокуров,
конструктор,
инженер-капитан запаса.
Правда, 1970, 11 сентября.

Это было у Херсонеса

...В Новороссийский порт только что вошли два отряда катеров Азовской военной флотилии, прорвавшихся через Керченский пролив из Темрюка и Тамани. Дерзкий переход вдоль занятого врагом побережья был совершен под общим командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова. Пять из этих сторожевиков должны были снова идти в бой, к Севастополю, спасать последних его защитников. Возглавил отряд старший лейтенант В. П. Щербинин. Мы с ним находились на катере «СКА-039».

В море до самой темноты на нас пикировали бомбардировщики. С мостика было хорошо видно, как ловко маневрировали катера, уклоняясь от бомб, и как умело моряки вели огонь по самолетам, поливавшим нас свинцом с бреющего полета. Командиры катеров — П. В. Верба, Н. А. Аскеров, П. А. Бакалов, И. С. Волошин (фамилию пятого, к сожалению,

не помню) — были молодыми офицерами. Но они смело, искусно вели свои корабли сквозь огонь.

На рассвете отряд подошел к скалам Херсонеса, в районе 35-й батареи. На море — марево. Застопорили моторы. И тут услышали стрельбу, всплески воды.

К нам плыли те, кто не один день отбивался от фашистов на крошечной полоске каменистой земли, без воды и боезапаса, без медикаментов, продуктов. В бою они стояли насмерть... И вот герои увидели наши катера. Но заметили нас и гитлеровцы. Враги открыли ураганный огонь. Неимоверно напрягаясь, матросы подтягивали канатами на палубу выбившихся из сил людей... На рассвете следующего дня мы вошли в Новороссийск, доставив свыше четырехсот защитников Севастополя.

А. Кулаков,
майор в отставке.
Правда, 1970, 24 июля.

Русский характер

...Морозной, вьюжной зимой 1943 года под Новороссийском, в районе Кабардинки, я видел русских женщин, которые почти босые, слабые от голода на плечах переносили к переднему краю мины и снаряды: из-за бездорожья любые транспортные средства были бессильны. Этих женщин не могли остановить ни артобстрел, ни яростная бомбежка. Они добровольно шли на помощь бойцам, презирая смерть. Под стать им были и сами солдаты. Помню случай, когда два мощных трактора не могли поднять на гору тяжелую гаубицу, тогда за тросы взялись бойцы и офицеры: к полудню втащили орудие на высотку и оттуда начали обстрел Северной бухты Севастополя, где группировались вражеские военные транспорты. Ценой крови русского солдата были перекинуты два понтонных моста через Сиваш.

А знаменитая стойкость русского характера, сколько я видел ее проявлений. Сошлюсь на такой эпизод из боевых действий на Днепре, вблизи Каховки. Там, на левом берегу могучей реки, образовалась так называемая «немецкая кишка». Фашисты ставили целью прорвать нашу оборону, окружить войска 4-го Украинского фронта. В одно ясное утро противник начал артобстрел и бомбежку нашего переднего края возле хутора Незаможный, пустив в качестве тарана семьдесят «тигров» и «фердинандов». Положение сложилось критическое, кое-где пехотное ограждение, буквально вжатое в землю кинжальным огнем противника, дрогнуло, начало отступать. Тогда командир артиллерийского полка отдал приказ всему

личному составу вооружиться автоматами, винтовками, ручными пулеметами, противотанковыми ружьями и держаться до последнего дыхания. В жарких схватках отличились командир батареи капитан Солнцев, командир дивизиона майор Лазибный, начальник штаба полка майор Блинников. Были уничтожены двенадцать танков, остальные повернули обратно, таран захлебнулся. Несколько дней спустя фашисты были отброшены на правый берег Днепра. Стойкость характера советского воина взяла верх над могучей техникой врага.

Суровый, храбрейший воин, русский человек в то же время наделен доверчивостью и доброжелательностью к людям. В трудном сорок втором я был инструктором-пропагандистом в танковом полку и по долгу службы принимал участие в распределении подарков. Помню, пришли две богатые посылки из Грузии. Какая была радость для бойцов, забывших уже вкус лакомств! Солдаты — те же дети, когда речь идет не о боевом задании, а о «домашних» радостях.

Комиссар полка Леонов сказал мне: «Исхитрись как хочешь, но подели гостинцы так, чтобы не было ни одного обиженного. Всем поровну, без разбора в чинах...» Признаться, я крепко гордился доверием. Ведь могли бы выбрать для этой миссии и другого офицера. Леонов же порешил так: большинство бойцов полка — русские, гостинцы прислали грузины, так пусть поделит их между подразделениями армянин. Возможно, сейчас эта «тонкость» вызовет кое у кого улыбку, но тогда такая «раскладка» имела глубокий смысл.

Доброта и справедливость на фронте ценились высоко, а русский человек наделен этими качествами как, возможно, никто другой. Не забыть эпизода, когда командир полка с перебитыми ногами, истекавший кровью, приказал остановить танк, на котором его транспортировали в полевой госпиталь, и положить рядом с ним на броню лежавшего на земле поодаль неизвестного раненого солдата. «Вы потеряли много крови, каждая минута дорога, товарищ полковник»,— попытался кто-то вмешаться. «Выполнять!» — гневным шепотом оборвал он.

Всю войну я провел среди русских из Ленинграда, Воронежа, Курска, из далекой холодной Сибири. Никогда не забыть теплую братскую дружбу, которой одаривали меня и других нерусских офицеров полковник Галактионов, майоры Будников, Перетокин, Колесников, капитан Колоколов. У них были благородные, рыцарские сердца. У каждого, естественно, свои, не похожие на другие характер, привычки, своя биография и судьба. Но что их больше всего сближало, так это, пожалуй, чуткое отношение к рядовому составу. До службы

в армии я, возможно, усмехнулся бы над выражением «отец солдата», а на войне увидел истинно отеческое, глубоко человечное обращение старших по званию с младшими, за которое рядовые бойцы, независимо от их национальности, платили искренней любовью и преданностью. В боевой обстановке такие добрые чувства помогали легче сносить тяготы.

С. Григорян.

Правда, 1979, 8 февраля.

С именем Ленина

Весенней ночью 1942 года на автомашине, доставлявшей на передовую боеприпасы, мы, молодые лейтенанты, добирались к месту назначения. Ночь в это время в Севастополе коротка, поэтому водители спешили затемно проехать через город, а там рукой подать до боевых порядков обороны главной военно-морской базы Черноморского флота. Когда же стали приближаться к Графской пристани, машины вдруг сбавили скорость. Что бы это значило?

— Впереди, по ходу слева,— памятник Ленину,— сообщил водитель.

Еще несколько мгновений, и в серой дымке предрассветного тумана мы увидели бронзовую фигуру Владимира Ильича. Сколько бомб и снарядов выпустили по памятнику фашисты, а он все стоял на высоком постаменте посреди большой площади, у главного парадного причала города. С вытянутой вперед рукой Ильич как бы напутствовал нас: «Бейте врага до победы!»

Машина медленно сворачивала вправо, а мы держали равнение «налево», туда, где высилась во весь рост фигура вождя.

Часом позже, когда я получил назначение на должность командира взвода пешей разведки 747-го стрелкового полка и встретился с бойцами, они задали вопрос:

— Цел ли памятник Владимиру Ильичу?

— Цел, цел! — ответил я радостно.

— Раз Ленин с нами, то повоюем еще...

Моя вторая встреча с памятником В. И. Ленину была в середине июня того же сорок второго года. Я был тяжело ранен. Автобус вез нас в Камышовую бухту, где размещались госпитали. И вот вновь услышал от водителя: «Впереди — памятник Ленину».

— Цел наш Ильич! — Сидевший рядом боец легким жестом перевязанной бинтами руки предложил мне, лежавшему на носилках, повернуться на правый бок. Чьи-то руки при-

подняли меня, и я увидел памятник. И тут пришли на память слова: «Раз Ленин с нами, то повоюем еще».

После войны несколько раз приезжал я в Севастополь. Здесь мой сын Виктор окончил Высшее военно-морское инженерное училище. В этом городе родился мой внук Саша.

Каждый раз, когда приезжаю сюда, прихожу к памятнику В. И. Ленину, чтобы положить к его подножию букетик живых цветов.

У меня четверо детей: Катерина, Татьяна, Виктор и Наталья. Трое из них — коммунисты. Наташа — комсомолка. Горжусь, радуюсь, что они, сверяя жизнь по Ленину, отдают свои силы и знания любимой Родине.

А. Бакулин.

Правда, 1980, 5 мая.

Битые тузы

У студеного Баренцева моря защищал родную землю наш 19-й гвардейский истребительный авиаполк. Крыло к крылу мы летали с пилотами Северного флота. Особая дружба была с морскими летчиками 2-го гвардейского авиаполка, так как наши аэродромы находились рядом. Однажды шесть наших машин, ведомые командиром эскадрильи Павлом Кутаховым, возвращались с задания. У самого «дома» мы увидели бой истребителей. «Ме-109» дрались с «яками» североморцев.

— Поможем морякам! — крикнул Кутахов, бросая самолет в атаку.

В том бою морские летчики сбили восемь «мессершмиттов», наши — трех. Остальные фашисты удрали. На фюзеляжах поверженных самолетов врага были нарисованы различные звери, а на двух — бубновый и червовый тузы.

Фашистские молодчики, летевшие на этих самых «тузах», спустились на парашютах и сдались в плен. Их самолеты были сбиты морскими летчиками Героями Советского Союза Николаем Андреевичем Бокием и Петром Георгиевичем Сгибневым.

А. Бородай,
полковник запаса.

Правда, 1970, 24 июля.

Разведка боем

В начале 1944 года 29-я гвардейская Ельнинская стрелковая дивизия вела ожесточенные бои с гитлеровцами под Пушкинскими Горами. Необходимо было узнать расположе-

ние вражеских войск. Решили взять «языка». Поручали это самым опытным, сообразительным воинам из стрелкового батальона, которым командовал гвардии майор И. М. Третьяк. Наши окопы находились от вражеских на расстоянии ста метров. Нейтральный участок не был заминирован: ни мы, ни противник не могли этого сделать: вся местность вокруг хорошо просматривалась.

Решили глубокой ночью открыть по фашистам сильный огонь из стрелкового оружия. На узком участке, где намечался бросок разведчиков, создали «огневой коридор», чтобы случайно не поразить своих в момент захвата «языка» и возвращения обратно. В разведку пошли коммунисты Авезов, Гурджапов, Фаткуллин... Три часа ночи. Под прикрытием пулеметного и автоматного огня разведчики быстро поползли к вражеским окопам. Белые халаты мешали им ползти, но они хорошо маскировали воинов. Когда до окопов врага оставалось метров двадцать, разведчики увидели вражеского солдата, пытавшегося установить на бруствере пулемет. Разведчики сделали стремительный бросок, и фашист не успел сделать ни одного выстрела. А по траншее к пулеметчику уже бежали гитлеровцы. «Карманная артиллерия» и автоматы разведчиков разметали фашистов. Но весь участок вражеской обороны уже пришел в движение. Над окопами повисли десятки ракет. Надо было уходить. Разведчики бегом бросились к своим, и впереди их с поднятыми руками бежал «язык».

Пленный дал ценные сведения. Всех разведчиков наградили орденами Отечественной войны.

А. Мамаев,
бывший заместитель командира батальона.
Правда, 1980, 14 апреля.

Свет подвига

В марте 1944 года советские войска вышли на государственную границу и форсировали Прут. Там, за рекой, разыгрались жестокие бои. Не забыть совершенный в те дни подвиг рядового 2-го стрелкового полка 50-й дивизии Романа Смищука.

На роту, в которой служил этот солдат, противник бросил десять тяжелых танков. И вдруг видим: одно за другим стали подрываться и гореть стальные чудовища. Это их встречал из траншеи противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью рядовой Смищук. Шесть тяжелых танков уничтожил он в тот раз.

За этот бессмертный подвиг Роман Семенович Смищук был удостоен звания Героя Советского Союза. После войны Роман Семенович вернулся на родину — в Винницкую область. Немного не дожил до 30-летия Победы.

П. Голенький,
майор в отставке.
Правда, 1975, 16 марта.

И грянул гимн

В январе сорок пятого года наша 339-я стрелковая дивизия участвовала в наступательных боях на западном берегу Вислы. Мы рвались к Берлину. Наш артдивизион поддерживал штурмовой батальон 1133-го стрелкового полка. Батальоном командовал майор Н. И. Куликов. Помню, пехотинцы, не дождавшись окончания артподготовки, дружно поднялись в атаку.

С наблюдательного пункта я видел, как автоматчик Ширин Шукюров первым достиг вражеских позиций, водрузив на бруствере красный флаг. И тут вдруг где-то в траншее грянул Государственный гимн Советского Союза. Его исполнял духовой оркестр под руководством капельмейстера Б. И. Питума. Никогда раньше такого видеть мне не приходилось.

Гимн Родины воодушевлял бойцов, наверное, не меньше, чем мощная наша канонада... Вот уже стрелки ворвались в третью траншею противника. Ошеломленные гитлеровцы сдавались в плен.

За тот бой майор Николай Иванович Куликов и солдат-азербайджанец Ширин Агабала оглы Шукюров были удостоены звания Героя Советского Союза.

И. Демченко,
подполковник запаса.
Правда, 1975, 16 марта.

Атакует лодка «С-13»

...Утро 10 января 1945 года. Мы выходим в море. К исходу суток достигли точки погружения. Благодарим корабли эскорта. Теперь под воду! Вскрыт пакет с боевым приказом: идти к Данцигской бухте, топить крупные боевые корабли и транспорты врага...

Шестнадцать суток, как ведем поиск. Много раз приходилось уклоняться срочным погружением или уходить на большую глубину от противолодочных кораблей, подводных

лодок и самолетов противника. Но желанной цели все нет. Наконец 30 января около 21 часа вахтенный сигнальщик старшина 2-й статьи Анатолий Виноградов обнаружил несколько белых огней.

Шел конвой противника. На полном ходу повернули на курс сближения с ним. И тут командир отделения гидроакустиков старшина 2-й статьи Иван Шнапцев доложил: «Слышу шум винтов крупного корабля!»

Командир лодки меняет курс. Вскоре сигнальщик доложил: «Слева по носу вижу силуэты двух кораблей».

Полная луна показалась сквозь тучи. В бинокль можно было различить миноносец и огромный транспорт. Вот она, достойная цель! Мы ложимся на параллельный курс слева, где не оказалось охранения. Даем полный ход.

После двухчасовой погони лодка легла на боевой курс. С мостика раздается: «Носовые торпедные аппараты, пли!»

Наша лодка круто отвернула, ушла под воду. Успеем ли уйти от погони? Нет! Гидроакустики обнаружили за кормой шумы винтов четырех миноносцев и трех сторожевых кораблей противника. Началось преследование.

Мелководье не давало возможности уйти на большую глубину. Мы вынуждены уклоняться от атак, маневрируя в пятнадцати метрах от поверхности воды. Малейшая неточность могла привести к гибели. Дело в том, что уход на большую глубину приближал лодку к разрывам подводных бомб, на меньшую — грозил таранным ударом.

Более четырех часов длилась погоня. Безупречные действия всего личного состава позволили нашей лодке оторваться от преследования.

А тем временем из штаба была принята радиограмма. В ней сообщалось: подводная лодка «С-13» потопила лайнер «Вильгельм Густлов» водоизмещением свыше двадцати пяти тысяч тонн. На дно ушло около восьми тысяч солдат и офицеров войск СС, СД, гестапо плюс три тысячи семьсот вражеских подводников.

10 февраля. В 2 часа 50 минут лодка атаковала и потопила вспомогательный крейсер «Генерал Штойбен» водоизмещением почти пятнадцать тысяч тонн. Корабль охраняли три эскадренных миноносца.

Н. Редкобородов,
бывший штурман «С-13»,
капитан 2-го ранга запаса.
Правда, 1970, 24 июля.

Наша дружба скреплена кровью

На войне я был с первого дня и первого часа до последнего дня и последнего часа. О каком же дне написать? Пожалуй, о последнем.

Мы встретили его на истерзанной, измученной фашистами земле Чехословакии. Шла вперед наша усталая пехота — обветренные лица, просоленные гимнастерки, запыленные солдатские сапоги. Столько бессонных ночей в движении, а передышки нет: враг еще не добит. Далеко на западе слышны были взрывы — гитлеровцы подрывали мосты.

Утром гвардейская артиллерийская бригада полковника Пичкура посадила пехотинцев на свои машины. Мчимся к городу Писеку на такой высокой скорости, какую только позволяет развить дорога. Но на пути — деревня. Хочешь не хочешь, надо останавливаться: все жители от мала до велика встречают своих освободителей. Люди идут к нам навстречу с цветами, музыкой, у многих в руках бокалы с вином. Советских солдат обнимают, целуют, а мы умоляем пропустить нас скорее...

Командир бригады приказал мне с дивизионом совершить бросок к городу Табору — не дать противнику уйти на запад. Опять мчимся через деревни, где еще не было наших войск. Нас встречают с ликованием... Перед вечером, после выполнения боевой задачи, входим в Табор. Улицы забиты встречающими. Велика была любовь народа к советским воинам-освободителям, и безгранична была ненависть к врагу, к фашистским оккупантам. На одной из улиц жители Табора задержали легковую машину с немецкими офицерами, пытавшимися удрать.

Допрашиваем пленных и узнаем, что в лесу сосредоточено несколько вражеских полков — последнее пристанище гитлеровцев и предателей Родины — власовцев. Силы противника намного превосходят наш дивизион. Послать связного за подкреплением? Но на дорогах шныряют недобитые гитлеровские отряды. Принимаю решение связаться с чехами и, если придется оборонять город, действовать совместно.

Оказывается, в Таборе уже создан комитет национальной обороны. Вхожу в светлую просторную комнату и встречаю военных. Представляюсь, сообщаю сведения о противнике. Принимаем совместное решение. Часть населения вооружена, на крышах высоких домов — наблюдательные пункты. Противник никак не смог бы скрытно приблизиться к городу.

Чехи действовали оперативно, мужественно. Рука об руку с таким союзником воевать можно.

В коротком ночном бою противник был остановлен. Его сломили совместные усилия советских солдат и чехословацких патриотов. Кровью скреплена наша дружба на вечные времена. А после боя наступила первая мирная ночь. Очень тихая. Но заснуть в эту ночь никто не мог.

В. Путиков,
гвардии подполковник запаса.
Правда, 1970, 5 февраля.

Не ушли

Низкая облачность, местами туман. Поэтому мы, летчики 21-го Краснознаменного истребительного авиационного полка, сегодня не летаем. Обидно. Где-то севернее, в сотне километров от нас, остров Борнхольм. В последние дни к нему стремятся корабли и самолеты противника из окруженной в Курляндии группировки. Неужели нельзя помешать гитлеровцам? Звоню начальнику штаба: «Разрешите полет вдоль побережья, разведать погоду».

«Добро» получено. Летим вдвоем со старшим лейтенантом Павлом Стручалиным. Под нами серая, бугристая масса воды. Над головой такая же серая пелена сплошной облачности. Следим за воздухом и морем.

Слева угадывается берег Борнхольма. Вдруг вижу вражескую летающую лодку. Атакуем ее, даю очередь из пушки, затем из крупнокалиберного пулемета. Попал! Вижу, как от очередей товарища разрушается обшивка крыла самолета противника. Еще атака, и он падает в море.

Делаем третий заход. Почти на встречном курсе под нами проносятся два «Ю-52», едва не цепляясь за гребни волн. «Юнкерсы» пытаются уйти под защиту зенитных батарей. Атакуем ближайшего. Вражеский стрелок бьет по моей машине. Еще два захода, и «юнкерс» погружается в волны.

— Вода из радиатора твоего самолета,— слышу ведомого.

— Понял. Идем домой!

До берега 15—17 минут лета. Мотор гудит пока ровно. Но вода уходит из системы охлаждения, и мотор начинает перегреваться. Когда воды не станет, двигатель может заклиниться. Эти тревожные мысли прерывает еле слышный голос:

— «Каштан-13», сообщите координаты, готовлю катера.

Значит, на аэродроме слышали наши переговоры. Отвечаю:

— Иду к вам.

Мучительно долго тянется время. Самолет трясет как в лихорадке. Отстегиваю ремни, сбрасываю фонарь кабины. Все готово к посадке на воду. Но винт крутится. Еще немного продержаться в воздухе — и самолет будет над аэродромом.

Берег. Плавно перевожу самолет в планирование. Посадка на три точки. Подбегают друзья.

— Все рискуешь! — с укором говорит командир.— Лезешь на пулеметы.

А в глазах искрится радость: командир по-человечески счастлив за нас, сбивших два вражеских самолета.

Случилось это 8 мая 1945 года. А командиром был у нас Герой Советского Союза Павел Иванович Павлов.

В. Дробков,
подполковник запаса.
Правда, 1970, 15 августа.

О чем напомнила фотография

Получаю однажды письмо. В конверте старая фотокарточка, на которой едва узнал себя в застиранной солдатской гимнастерке рядом с чехословацкой девушкой. Вспомнил ее имя — Ружена. А письмо из города Пршибрам (это под Прагой) прислала школьница Ивонка Финк. Она просила советских пионеров разыскать меня по этой фотографии.

Снимок сорок пятого года помог воскресить эпизоды последних дней войны. 9 мая, когда Москва салютовала Победе, еще шел бой за освобождение столицы Чехословакии. Наша 5-я зенитно-артиллерийская дивизия выбивала эсэсовцев, засевших в лесу между городами Табор и Пршибрам. Видим, бегут к нам две женщины, кричат. Они объяснили, что возле горящих строений под обстрелом дети. «Сумеешь вывезти?» — спросил меня начальник политотдела дивизии В. П. Иванов. «Попытаюсь»,— ответил.

Враги из леса усиленно обстреливали дорогу. К домам, где остались дети, проскочить не дадут. Повел автофургон в объезд, пустырем. Отыскал перепуганных ребятишек: мальчика лет семи и девочку еще меньше. Перенес их в закрытый кузов. И когда, казалось, вывел машину из зоны огня, возле кабины шлепнулась вражеская мина... Раненный, я очнулся

в семье своего сверстника Карела Финка, мать которого взяла меня на попечение. От нее узнал, что малышей не задело, они в полной безопасности...

И вот спустя много лет получаю приглашение. Оказывается, Ружена, с которой мы сфотографировались в мае сорок пятого,— жена Карела Финка, мать той школьницы Ивонки, что помогла нам встретиться. Меня, конечно, интересовала судьба детишек, которые были вытащены из огня. Старожилы рассказали, что они уже обзавелись семьями, детьми и куда-то выехали. Но в Пршибраме, в других местах помнят, как советские братья, рискуя жизнью, спасли чехословацких ребят, стариков...

В нынешнем году на празднование Дня Победы к чехословацким братьям снова была приглашена группа бывших командиров и солдат нашей дивизии. Трудно передать словами радушие, каким нас окружили. Пригласили нас к себе и семьи рабочих. Я был гостем семьи Зденека Лейбла, члена комитета словацко-советской дружбы города Табор. Работает он мастером на комбинате «Силон».

Б. Седов,
инженер-конструктор.
Правда, 1977, 20 июня.

Дорога домой

Наша стрелковая дивизия закончила войну далеко в Германии, за Бранденбургом, возле города Гентина. После победы мы находились в Германии недолго. Потом пришел приказ возвращаться на Родину.

И вот мы в дороге. Прошли путь от Гентина до родной советской земли. Десятки городов, сотни деревень, разрушенных войной, были на нашем пути. Мы еще раз видели руины и пепелища, видели, сколько горя обрушили гитлеровцы на наш народ, на народ Польши, да и самой Германии, словом, видели обыкновенный фашизм.

Особенно больно было смотреть на развалины Варшавы. Только груды кирпича и щебня предстали перед нами, а то и кирпича не было — одна пыль. Но среди этих страшных развалин мы видели непокоренных варшавян. Они не были сломлены духом и верили, что возродится родная Варшава. Нас, освободителей, приглашали приехать через несколько лет, и мы вместе с ними верили: город будет жить!

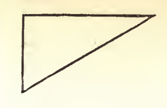
Так шли мы, встречая лишь руины, лишь вдов да сирот. Настал день, когда мы приблизились к линии нашей госу-

дарственной границы. Бойцы побрились, пришили белоснежные подворотнички, почистили сапоги. Границу между Польшей и СССР мы переходили по мосту через реку Буг. Как только дошли до середины моста и сделали первый шаг, грянул оркестр, и мелодия Гимна Советского Союза разнеслась далеко по берегам пограничной реки. Мы шли четким строем, как на параде, шли по родной, навеки свободной земле. И радостно всем было, и горько было смотреть на бесконечные руины — хотелось поскорее приниматься за стройку.

Думаю, если бы сейчас удалось встретиться с однополчанами, например с комбатом капитаном Рыминым, с нашим парторгом Горевым, то вспомнили бы мы многое и обязательно — этот марш и торжественный момент возвращения с победой на родную землю.

П. Землянкин.
Правда, 1970, 5 февраля.

ПОДВИГ ТЫЛА

Всеми силами помогать фронту

В партком Ивановского меланжевого комбината пришел коммунист помощник мастера товарищ Барыгин вместе с братом, беспартийным рабочим. Братья подали заявления. В них говорится: «Прошу отправить на фронт. Военная специальность — пулеметчик. Хочу из станкового пулемета залить свинцовым огнем зарвавшуюся гитлеровскую банду».

Следом за ними пришел секретарь цеховой комсомольской организации товарищ Гаврилов вместе с группой комсомольцев.

— Просим отправить в действующую армию,— заявили они.

Немало меланжистов ушло в ряды Красной Армии, но их станки и машины не стоят. Места ушедших заняли оставшиеся товарищи, братья, сестры, отцы.

Помощники мастера ткацкой фабрики, работавшие на 36 станках, взялись обслуживать соседние комплекты. Уплотнив свой труд, они работают на 48 и 72 станках.

Помощник мастера коммунист товарищ Кудряшов перешел с 36 на 48 станков, выполняя норму до 112 процентов. Так же работают помощники мастера товарищи Дикарев, Сумин, Рожков и другие.

Многие заправщики основ ткацкой фабрики работают на 72 станках вместо 54. 47 зарядчиц и ткачих перешли в заправщики, стали помощниками мастера. На прядильной фабрике женщины заменили трепальщиков, чесальщиков, точильщиков, смазчиков и т. д.

Многие ремонтировщики ткацкой фабрики в два раза и больше перевыполняют нормы выработки и достигают отличного качества ремонта. Ремонтировщики товарищи Бабанов, Васюгин, Грудкин и Никитин ежедневно выполняют норму ремонта на 200 и более процентов.

Тысячи меланжистов вступили в ряды народного ополчения. Сотни женщин стали донорами.

Л. Лапшин,
секретарь парткома
меланжевого комбината.
Правда, 1941, 18 июля.

Сражалась вся страна

Четвертый месяц шла война. Враг приближался к Донбассу. Горловский машиностроительный завод эвакуировали в тыл.

Стояла студеная уральская зима. Сорокаградусные морозы, вьюги — в таких условиях мы строили завод на новом месте, в Копейске Челябинской области.

Снег сыпался за воротник, от мороза застывало в редукторах масло. Но завод уже в строю действующих, работает на фронт!

Люди добровольно отдавали фронту свои трудовые сбережения, личные вещи, шли на материальные лишения во имя грядущей Победы. Мы получили от Верховного Главнокомандующего телеграмму со словами благодарности рабочим, ИТР и служащим Копейского машзавода имени С. М. Кирова, собравшим миллион рублей на строительство танков.

В те дни на Урале создавался добровольческий танковый корпус. Вооружение, обмундирование, снаряжение для них изготавливали сверх плана и на средства трудящихся. На ящиках с подарками для добровольцев мы делали надписи: «От рабочих завода им. С. М. Кирова бойцам Уральского танкового добровольческого корпуса».

Так в труде и в бою народ ковал свою великую Победу.

М. Шапиро,
бывший парторг ЦК ВКП(б)
на Горловском машиностроительном заводе
имени С. М. Кирова.
Правда, 1980, 9 мая.

В первый день войны в одном из райвоенкоматов

Вместо ушедших на фронт

Исторический парад 7 ноября 1941 г.

МУЖЬЯМ, БРАТЬЯМ, ОТЦАМ, СЫНОВЬЯМ, УШЕДШИМ НА ФРОНТ

Дорогие мужья, братья, отцы, сыновья, дорогие товарищи!

Темной ночью фашистские псы из-за угла напали на наш дом, пролили кровь невинных людей, нарушили наш мирный труд. Честь и независимость отечества, свобода, дети, нивы, заводы, жилища в опасности. Гневом и ненавистью наливаются наши сердца при мысли об этом.

Родные и любимые! По призыву нашего правительства вы идете защищать родину от коварного, жестокого врага. Не легко оставлять свои семьи, но мы видим вас бодрыми и торжественными, смелыми и мужественными, и мы гордимся вами. Теперь, когда вся наша страна поднялась, как один человек, мы знаем, мы уверены, что враг будет уничтожен, разбит, что победа будет за нами.

В грозные дни боевой тревоги мы, женщины, работницы Московского тормозного завода, решили обратиться к вам, нашим дорогим мужьям, братьям, сыновьям и товарищам, уходящим на фронт, с напутственным словом:

Дорогие бойцы и командиры Красной Армии! Смело идите в бой с врагами, защищайте нашу землю, наших детей, нашу свободу.

Вы идете на фронт, мы остаемся в тылу. Но нет у нас фронта и тыла. Все свои силы, всю свою энергию мы приложим к тому, чтобы заменить вас на производстве, обеспечить вас всем необходимым. Понадобится — будем работать день и ночь, нужно будет — поможем вам с оружием в руках. Не беспокойтесь о нас, не волнуйтесь, — мы полны сознанием своего долга перед отечеством, понимаем всю сложность и ответственность обстановки.

Наши работницы — фрезеровщица Шматова, сверловщица Алешина, контролер Фролова и многие другие, проводив своих мужей на фронт, работают сейчас с удвоенной энергией, выполняют план на 180—200 процентов. Стахановским трудом на предприятиях мы будем крепить ваши боевые успехи.

Русские женщины всегда вместе с мужьями вставали на защиту своей земли. Во времена наполеоновского нашествия они помогали гнать интервентов. В годы героической обороны Севастополя женщины самоотверженно ухаживали за солдатами. Тысячи женщин показали себя настоящими патриотками во время боев с белофиннами. В нынешней отечественной войне жены бойцов и командиров Красной Армии делом докажут, что они являются достойными боевыми подругами своих мужей.

Наша работница Кутузова, проводив мужа и братьев на фронт, сказала им:

Прощайте, товарищи,
Вас провожая,
Не будем мы плакать, рыдать.
Идите, родные,
Любимые братья,
Страну от врага защищать.

Мы добавляем к этому: беспощадно громите врага! Бейте фашистскую сволочь! Помните, что наше дело правое, враг должен быть разбит!

В. [illegible] сверловщица Н. Загревская рев. Т. [illegible] револьверщица
П. [illegible] сверловщица Е. Софронова револьверщица Т. Таконова фрезер.
А. [illegible] шорница А. [illegible] токарь П. Васильева токарь
М. [illegible] ученица Полякова уборщица Ю. Кожухова [illegible]
Е. Кутузова шорница М. [illegible] слесарь А. Кийкова сверловщица
В. [illegible] фрезеров. В. [illegible] приемщица
С. [illegible] ученица А. [illegible] револьверщица Д. Молинина револьверщица
Е. [illegible] слесарь З. [illegible] ученица В. Матюшина фрезеровщица
Н. [illegible] фрезеровщица В. Корнюкова токарь Муравцова установщица
Н. [illegible] револьверщица А. Христова револьвер. В. [illegible] токарь
Н. Бражина табельщица М. Никонова ученица

Чтобы не прошли вражеские танки

Почта одного дня войны в редакции «Правды»

Разведчик Петров и его юный помощник Саша Попов под Ленинградом

Это звено истребителей — подарок рабочих одного из заводов

Бойцам — на фронт

Из фашистской неволи

Враги сожгли родную хату...

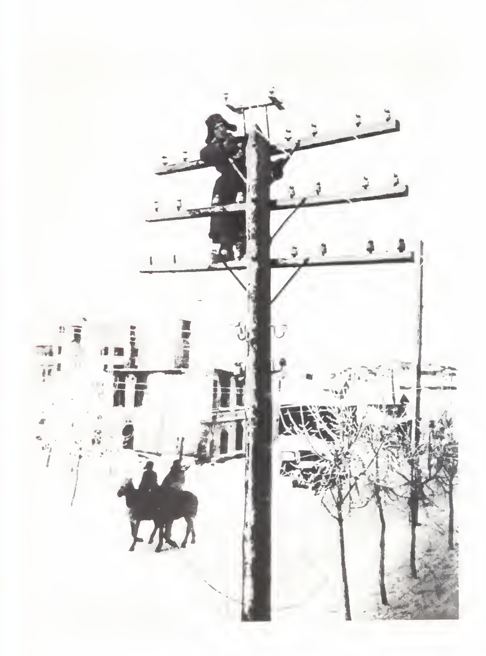

Короткая весточка домой

В город вернулась наша армия

Брянская, родниковая...

«Здравствуйте, дорогие...»

«Почитай, сестричка!»

Более 500 писем получили матросы И. Шевкунов и И. Богданов в ответ на просьбу радио помочь им в поиске родных

«Ночными ведьмами» называли фашисты летчиц 46-го гвардейского женского авиаполка. А они были юными и нежными, писали домой теплые письма. Вера Белик (справа) погибла на польской земле

Надежда Попова и Ирина Себрова стали Героями Советского Союза

Северный флот. 1942 г. Почтальон Анна Житмухииа всюду желаиный гость

У солдат морской пехоты 255-й морской бригады на Малой земле миуты затишья. Одии пишут письма, другие заияты «домашиими» делами.
Ф. Гуленко за швейиой машиной, а Д. Возщин — «парикмахер»

Мать болгарского поэта Карпачева, расстрелянного гитлеровцами, обнимает советского офицера

Гвардии капитан И. С. Капитонович с югославской девочкой Даницей. 1944 г.

Через 25 лет фотокорреспондент Е. Халдей разыскал Даницу, и она прислала этот снимок, где она сфотографирована с дочкой

Вена. Воины Советской Армии возлагают венки к памятнику любимого композитора

Солдатский борщ — жителям освобожденного Берлина

Москва. У могилы Неизвестного солдата

На новом месте — как у себя дома

В ноябре наш эвакуированный завод на новом месте, как и всегда, выполнил установленный правительством план. Ноябрь был месяцем переездов и «акклиматизации» в новых условиях. Последние эшелоны с оборудованием еще прибывали, а рабочие уже давали фронту готовую продукцию.

На новое место приехали не беженцы, а боевой монолитный коллектив бойцов трудового фронта. В этом все дело. Многие рабочие дают сейчас еще более высокую стахановскую выработку, чем у себя дома в привычных условиях. Трудности никого не испугали.

Фрезеровщик Евсеев выполнял прежде две нормы, а здесь сразу дал 350 процентов, а в последние дни ноября — даже до 568 процентов нормы. Лучшие работники выпускающего цеха вырабатывают по шесть норм.

Даже наши «середнячки», выполнявшие обычно задания на 100—110 процентов, превзошли сейчас все ожидания. Фрезеровщик Смирнов дает 278 процентов, токарь Тарасов — 225, Сироткин — 300 процентов.

Есть у нас слесарь Климов. Товарищи прозвали его «огородником». Он плохо был связан с коллективом. Его мало интересовала жизнь цеха. Отработает, что положено, и скорей домой. Сейчас Климова нельзя узнать. Всеми помыслами ушел он в нужды производства, все силы отдает заводу.

В дороге, по пути на новое место, все рабочие еще теснее сдружились.

— Руки чешутся, скорей бы к станку,— говорили товарищи.

Еще при погрузке оборудования в вагоны весь коллектив работал самоотверженно и четко. Скорее к пункту назначения! Ни одной лишней минуты. Скорее бы возобновить работу.

А когда приехали, весь заводской народ, независимо от специальностей и квалификации, все рабочие и инженеры, не зная отдыха, работали на разгрузке и такелаже оборудования. Рядом с чернорабочими на разгрузке можно было видеть инженеров и техников. Станки доставлены были на площадки в рекордно короткие сроки.

Мы не взяли с собой деревянных верстаков, чтобы не загрузить транспорт. Одновременно с разгрузкой станков уже на новом месте изготовили собственными силами все необходимое деревянное оборудование.

Чтобы станки не стояли, монтаж производился одновременно со всеми вспомогательными работами, и, как только

станки включились в строй, рабочие смогли тут же приступить к нормальному производству.

К сожалению, на отдельных участках тормозились строительные работы, так как не хватало вспомогательной производственной площади. Мы решили все же пустить все цехи безотлагательно, пусть с некоторыми строительными недоделками, с тем чтобы завершить строительство уже в ходе текущего производства. Мы добьемся, чтобы неполадки со строительством не урезывали снабжение фронта ни на одну единицу нашей продукции.

Завод с первого же дня своего новоселья приступил к широкой подготовке кадров из местного населения. Индивидуальное обучение у станка, прикрепление новичков к старым производственникам и постоянный инструктаж — вот формы подготовки новых рабочих. Местное население проявляет большой интерес к нашему производству. Особенно отличаются студенты. Нередко новые рабочие, быстро изучив револьверный станок, выполняют нормы не хуже опытных рабочих. Люди трудятся с удовольствием, и работа спорится в их руках. Студентка Морозова пришла на завод монтером, а сейчас мы выдвинули ее в мастера. Ее муж сражается в Красной Армии, а она отдает все свои знания и организаторские способности на оборону. Новичок товарищ Фунтов уже через две недели дал на револьверном станке 130 процентов нормы, а зуборезчица Денисова — 140 процентов. С такими работниками можно хорошо использовать оборудование и выполнить самые напряженные производственные планы.

На заводе, несмотря на переезд, ни на один день не утихала рационализаторская мысль. Обеспечить программу в любых условиях! Это желание толкает к оперативности, гибкости, к изобретательству. Мы уже предусмотрели ряд конструкций для перехода на заменители, которыми так богаты районы, прилегающие к нашему городу.

Работа на новом месте ни в какой мере не отразилась на борьбе за экономию. В пути не разучились считать на рубли и копейки. Решения XVIII Всесоюзной партконференции сохраняют всю свою действенную силу и в условиях войны. Каждый сбереженный рубль, помноженный на масштабы нашего производства,— это миллионы и миллиарды, необходимые для обороны. У нас нет оснований думать, что переезд завода вызовет повышение себестоимости, снизит размеры накоплений.

Особо хочется заверить родную Москву, братьев на фронте, что работа в новых условиях никак не отразится на боевом качестве нашей продукции. Соблюдение самых высоких

требований и добротность, выносливость, точность наших изделий остаются непоколебимым законом на заводе. Недаром старики рабочие пишут своим сыновьям в действующую армию:

— Фронт на нас в обиде не будет. Работаем не хуже, чем дома.

В. Сафронов,
директор завода.
Правда, 1941, 9 декабря.

Мои десять норм

Навсегда врезался в мою память первый год войны. С фронта шли тяжелые вести. Рабочие хорошо понимали: чтобы сломить врага, нужна мощная техника, как можно больше танков. А наш тракторный завод в то время только начал переходить на выпуск боевых машин.

Нелегко приходилось. Многие кадровые рабочие ушли на фронт, их места заняли женщины, старики, подростки. Работали по двенадцать часов, а нередко и больше. Кроме того, все женщины записались в сандружинницы и после смены шли дежурить в госпиталь. Ночью около раненых, а на рассвете — снова на завод. Особенно тяжело приходилось зимой. Завод перестраивался на ходу. В цехе одна стена была разобрана. Станки заметало снегом, эмульсия замерзала, и руки к деталям прихватывало. Зато работа кипела...

Однажды утром бригадир Аня Пашнина встретила нас новостью:

— Токарь Григорий Ехлаков выполнил задание на 1900 процентов. А разве мы, девчата, хуже умеем работать?

В тот день я тоже выполнила десять норм. И подруги не отставали. Бригаду свою мы назвали фронтовой — чувствовали себя так, словно находились на переднем крае. Летом 1942 года правительство высоко оценило наш труд: бригадира Аню Пашнину наградили орденом Ленина, меня — орденом «Знак Почета». В тот же год случилось в моей жизни еще одно большое событие — вступила в ряды Коммунистической партии.

Когда я беседую с молодежью о суровом и героическом прошлом, многие удивляются: как это, мол, вы могли все вынести?! А я отвечаю:

— Верили в свой народ, в партию, потому и победили...

М. Кузикова,
слесарь агрегатного цеха тракторного завода.
Правда, 1970, 5 февраля.

Седьмая симфония

Моя симфония навеяна грозными событиями 1941 года. Коварное и вероломное нападение германского фашизма на нашу Родину сплотило все силы народа для отпора жестокому врагу. Седьмая симфония — это поэма о нашей борьбе, о нашей грядущей победе.

В связи с событиями 1941 года жизнь поставила вопрос о роли работников культуры в эти дни. Война, которую мы ведем с гитлеризмом,— это война самая справедливая. Мы защищаем свободу, честь и независимость Отчизны. Мы боремся за лучшие в истории человеческие идеалы. Мы боремся за свою культуру, за науку, за искусство, за все то, что мы создавали и строили. И советский художник никогда не будет стоять в стороне от той исторической схватки, которая сейчас ведется между разумом и мракобесием, между культурой и варварством, между светом и тьмой.

Почти вся симфония была сочинена мной в родном городе — Ленинграде. В город рвались гитлеровские орды. Город подвергался бомбардировкам с воздуха, по нему била вражеская артиллерия. Все ленинградцы дружно сплотились и вместе со славными воинами Красной Армии поклялись дать отпор врагу.

В эти дни я работал над симфонией. Работал много, напряженно и быстро. Мне хотелось создать произведение о наших днях, о нашей жизни, о наших людях, которые становятся героями, которые борются во имя торжества над врагом, становятся героями и побеждают. Работая над симфонией, я думал о величии нашего народа, о его героизме, о прекрасных качествах человека, о нашей природе, о гуманизме, о красоте. Во имя всего этого мы ведем жестокую борьбу.

Симфонию я закончил 27 декабря 1941 года. 5 марта 1942 года она впервые была исполнена в Куйбышеве, а теперь прозвучит в сердце нашей Родины — Москве.

Велико внимание всей партии, народа, всей страны к вопросам культуры. В трудные дни войны новые музыкальные произведения разучиваются и исполняются. Новые драматические произведения ставятся в театрах. Художники работают над новыми картинами.

В военное время наша культура двигается вперед и развивается. Работники культуры вместе со всем народом помогают Красной Армии громить врага. Нашей борьбе с фашизмом,

нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию.

Д. Шостакович.
Правда, 1942, 29 марта.

Снаряд

Это было в феврале 1942 года под Старой Руссой. Среди делегатов Челябинской области, приехавших в действующую армию, была представительница Магнитогорского металлургического комбината Прасковья Григорьевна Орлова.

У одного из орудий Прасковья Григорьевна задержалась. Подошла к пушке, взяла в руки снаряд, посмотрела на клеймо и воскликнула:

— Мой, понимаете, мой снаряд! Вот клеймо, которое я своими руками ставила!

Когда делегаты челябинцев отправлялись в другую часть, провожали их всей батареей. Орлова подошла к отличившемуся в боях плечистому украинцу Владыку, обняла и трижды поцеловала.

— Спасибо, сын,— сказала она.— Спасибо, бойцы, за прием, а больше всего за дела ваши боевые. Вами гордится вся страна и мы, матери, воспитавшие вас.

На Урал Прасковья Григорьевна эвакуировалась вместе с заводом из Днепропетровска. Муж погиб на фронте. А Прасковья Григорьевна, мать большой семьи, изготовляла снаряды для артиллеристов. Ее самоотверженная работа отмечена медалями «За трудовую доблесть» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

И после победы еще долго не покидала Прасковья Григорьевна родной завод. Заботливая, внимательная, чуткая к человеческим нуждам, коммунистка Орлова пользовалась большим уважением в коллективе. Товарищи дважды посылали ее своим депутатом в районный Совет.

Сберегла, вырастила, поставила на ноги своих детей. Две дочери живут с нею в Магнитогорске. Сын работает в Туле, мастером на металлургическом заводе.

В. Фарберов,
полковник в отставке.
Правда, 1967, 8 мая.

Назвали цех гвардейским

Шел второй год войны. После окончания средней школы в кубанской станице Лабинской я вместе с другими нестроевиками попал на Урал. На Серовском металлургическом заводе

зачислили арматурщиком в мартеновский цех. Мастер Иван Семенович Клименко, добродушный человек лет сорока пяти, показал мне и напарнику Н. Овчарову рабочее место у желоба, который мы должны были очищать от шлака. Взяли молоты, зубила, приступили к делу...

На заводе было много женщин. Сотни конторских работниц, домохозяек откликнулись тогда на призыв освоить мужские профессии, пришли в цехи. Хорошим машинистом парового молота стала Дуся Семенкина. На всю жизнь запомнились серьезные глаза на худеньких мальчишечьих и девичьих лицах. Одетые зимой в ватные брюки и куртки, в шапках-ушанках, они казались намного старше своих 15—17 лет.

В 25-ю годовщину Великого Октября на торжественном собрании во Дворце культуры металлурги обратились к трудящимся города с призывом шире развернуть соревнование за перевыполнение заданий для фронта. В каждую тонну чугуна, стали горновые и сталевары вкладывали свою пламенную веру в победу над врагом. В мартеновском цехе работало семь печей, восьмая строилась. Ее сооружение велось ускоренными темпами — днем и ночью, в три смены и было закончено вдвое быстрее, чем полагалось по нормам мирного времени.

В конце 1942 года меня перевели на работу молотобойцем, на место ушедшего на фронт Гриши Петровичева. Быстро освоился с новой профессией. Борис Кошелев, молодой кузнец, окончивший за год до этого ремесленное училище, был мною доволен. Помню, как мы радовались, когда цеху присвоили звание фронтового, гвардейского. Это ко многому обязывало.

В одну из ночных смен произошло «ЧП»: прогорел и обрушился в расплавленный кипящий металл кирпичный свод первой печи. Около плавильного агрегата не то что работать — стоять было невыносимо. Быстро выключены форсунки. Выпущен металл. Печь медленно остывает. Но пока она остынет совсем, пройдут многие часы. Печь еще горячая. В ней душно. И вот каменщики-ремонтники, облив холодной водой брезентовую одежду, входят в печь по бревнам, устанавливают козлы, взбираются на них, начинают ремонт свода, сменяя друг друга каждые 8—10 минут. Мы, оставшиеся на сверхурочную работу после своей смены, едва успеваем подносить и подавать каменщикам тяжелые огнеупорные магнезитовые кирпичи...

Любой подвиг, который совершали труженики завода, укладывался в простые слова: «Что нужно для фронта, для победы — сделаем!» И она пришла, великая Победа!

И. Степаненко.

Правда, 1977, 8 мая.

Щедрое русское сердце

Дорогой товарищ Головатый!

Если бы Вы только знали, с каким волнением и гордостью мы прочли Ваше письмо, обращенное к товарищу Сталину. В этом письме мы узнали щедрое сердце русского человека, услышали голос самого народа. Вы отдали Родине все свои сбережения для того, чтобы на эти деньги был построен боевой самолет[1].

Может быть, кому-либо из нас посчастливится летать на самолете, построенном на трудовые рубли колхозников. Будьте спокойны — штурвал самолета возьмут верные руки. Когда летчик сядет в кабину этой боевой машины, тысячи внимательных глаз проводят его в полет, на минуту пилот почувствует, будто не сила мотора и крыльев, а сила человеческой любви и ненависти поддерживает его в воздухе, указывает ему путь.

Сейчас, когда мы пишем Вам письмо, на дворе уже совсем стемнело. Окончен еще один день войны. Но завтра, как только солнце чуть-чуть осветит снег с северо-запада, снова в утреннем морозном воздухе запоют наши винты. В этот день мы постараемся ответить не только письмом, но и делом на Ваш благородный поступок патриота.

Кланяются Вам все летчики нашей эскадрильи, желают здоровья и твердо верят: настанет день, когда Ваши сыновья вернутся с победой, постучатся у крыльца Вашего дома, а Вы отпразднуете этот день за семейным столом и снова заживете счастливой, спокойной жизнью, и снова зацветет наша великая, родная советская земля.

Орденоносец капитан *Мелехин*,
трижды орденоносец старший лейтенант *А. Смирнов*,
дважды орденоносец старший лейтенант *М. Иванов*,
орденоносец старший лейтенант *А. Костюк*,
орденоносец старший лейтенант *В. Рыбальченко*,
орденоносец младший лейтенант *М. Крюков*,
старшина *Ю. Чаплиев*, старший сержант *Н. Павлов*.
Северо-Западный фронт.

Правда, 1942, 21 декабря.

[1] 15 декабря 1942 года в Саратовский обком партии приехал из Ново-Покровского района колхозник Ферапонт Петрович Головатый — участник первой мировой и гражданской войн, защитник Царицына. Он заявил секретарю обкома, что доставил в областную контору Госбанка 100 тысяч рублей своих личных сбережений, которые просит направить на строительство боевого самолета.

— Я решил отдать на строительство самолета все свои сбережения,— сказал тогда Головатый корреспонденту «Правды».— Советская власть

«За штурвалом вашего самолета»

Уважаемый Ферапонт Петрович! Почти два с половиной месяца прошло с тех пор, как я получил ваш самолет. Я сделал на нем уже до двадцати боевых вылетов. Когда этого потребовали обстоятельства, самолет «Ферапонт Головатый» не уступил дороги вражеским истребителям. Обнаружив два десятка фашистских транспортников, мы с капитаном Евтиховым вступили в бой с сопровождающими их «мессерами». Капитан Евтихов смелой атакой сбил один вражеский самолет.

Воздушная резведка, Ферапонт Петрович,— это очень трудная, чрезвычайно важная и почетная работа для нас, летчиков. Много ценных сведений о противнике принес я на вашем самолете. Я разыскивал танковые колонны врага, находил его аэродромы, засекал огневые позиции, обнаруживал переброски войск, и после каждого такого вылета следовал точный и мощный удар по врагу.

Б. Еремин [1],
майор.
Действующая армия.
Правда, 1943, 18 марта.

Подарок колхозника

Морозным январским утром 1943 года все жители Нежинки, что недалеко от Оренбурга, собрались на окраине села. Ежась от ветра, люди вглядывались в подернутое легкой дымкой небо. В толпе преобладали пожилые колхозники, женщины, дети. Их сыновья, мужья, отцы и братья сражались с фашистами далеко на западе. В небе появилась темная, быстро растущая точка. Наконец краснозвездный самолет, подняв тучи снежной пыли, побежал по полю. На его фюзеляже четко виднелись слова: «22-му гвардейскому авиаполку от колхозника Н. П. Ваулина».

сделала меня, бывшего батрака, зажиточным колхозником. Сейчас, в грозные дни войны, каждый из нас, не жалея средств и жизни, должен оказать помощь своей Родине, Красной Армии. Я заведую колхозной пасекой. Получил за свой труд дополнительно три центнера меда. Кроме того, получил достаточно хлеба и имею немало мяса.

Патриотический почин саратовского колхозника с быстротой молнии облетел всю страну, нашел горячую поддержку у тружеников села. На деньги, собранные колхозниками, были созданы десятки эскадрилий.

Ф. П. Головатый скончался в 1951 году.

[1] Гвардии майор Б. Еремин — земляк Ф. Головатого.

...Решение отдать все личные сбережения на борьбу с врагом пришло к Николаю Павловичу сразу. Не раз впоследствии он с улыбкой вспоминал, как многие с недоумением переспрашивали: «Это правда, что ты хочешь купить самолет?!»

Командир экипажа гвардии старший лейтенант Г. А. Новиков крепко обнял Ваулина. Колхозники пожелали экипажу боевых успехов, а летчики поклялись крепко бить фашистов на подаренном самолете.

Свое слово они сдержали с честью: транспортно-десантный самолет «ЯК-6» совершил шестьдесят боевых вылетов. Садиться приходилось на лесные партизанские аэродромы и наспех оборудованные площадки. Летчики доставляли народным мстителям оружие, боеприпасы, медикаменты, вывозили в тыл тяжело раненных. Не раз, пролетая над линией фронта, самолет попадал под яростный огонь вражеских зениток, но, «подлечившись», вновь отправлялся на боевые задания.

Много лет спустя колхозник-патриот и командир боевого самолета вновь увиделись в Нежинке. Это была волнующая встреча.

А. Пегов,
инженер.
Правда, 1978, 10 декабря.

Танк «Малютка»

«...Я собрала на куклу 122 рубля 25 копеек, а теперь отдаю их на танк. Дорогой дядя редактор! Напишите в своей газете всем маленьким детям, чтобы они тоже свои деньги отдали на танк. И назовем его «Малютка». Когда наш танк разобьет Гитлера, мы поедем домой...» [1]

Ада Занегина.
Правда, 1981, 2 июня.

[1] Впервые это письмо шестилетней девочки было опубликовано в газете «Омская правда». Ада вместе с матерью была эвакуирована из смоленского села Сычевка в далекую Сибирь.

Бесхитростное письмо девочки в трудное время борьбы с фашизмом вызвало горячий отклик у тысяч ребят. Дети Сибири присылали небольшие переводы на «свой» танк. Буквально по копейкам юным патриотам вскоре удалось собрать 179 тысяч рублей. На эти средства и был построен танк «Малютка». Передали его бесстрашной комсомолке Катюше Петлюк. Во многих сражениях участвовала она, одерживая победы. О ее смелости, дерзости ходили легенды под Сталинградом и Орлом, на многих фронтах. Орденами Красной Звезды, Отечественной войны, другими наградами отмечен боевой подвиг Екатерины Петлюк.

Окончилась война. Но не забыты ее солдаты. Разыскивая земляков-ветеранов, энтузиасты Смоленщины узнали об этом эпизоде. Тогда-то и

В сердце каждого

«Все для фронта, все для победы!» — этот лозунг был в сердце каждого из нас 1418 дней войны. Советский человек сознательно шел на любые лишения, чтобы приблизить победу.

Мне довелось в те годы работать в Актюбинской области. Своими глазами видел, как жены фронтовиков, старики и дети подписывались на военные займы, добровольно вносили свои сбережения на строительство самолетов, танков. Помню, заведующий фермой колхоза имени Сталина Иргизского района К. Каналин передал в фонд обороны 100 тысяч рублей личных сбережений, председатель колхоза «Арал-Тугай» Карабутакского района А. Аксакалов и свинарка колхоза «Свет» Мартукского района Дарья Васильевна Марченко — по 50 тысяч. А всего труженики этого района передали на строительство танковой колонны «Колхозник Казахстана» около двух миллионов рублей.

Эмбенский конезавод № 52, где табунщиком работал депутат Верховного Совета СССР Т. Алдабергенов, передал воинским частям 3500 лошадей, сотни отменных коней отправили фронту колхозы имени Коминтерна, «Акший» Иргизского района.

Среди гвардейцев тыла было немало женщин-казашек. Известная табунщица конезавода № 52 Зияда Нарикова, заменив ушедшего на фронт мужа, обслуживала 450—500 лошадей. Первая и третья военные зимы выдались суровыми. И в этих сложных условиях Зияда трудилась самоотверженно. В поисках лучших пастбищ она то и дело меняла места стоянок, жила в шалашах. На посту табунщицы отлично проявила себя Балым Бримова — вдова погибшего фронтовика. В 1947 году за успехи в развитии коневодства ей присвоено звание Героя Социалистического Труда.

13 августа 1942 года животноводам Актюбинской области выпала трудная задача: принять, разместить и сохранить

родился замысел продолжить историю танка, опаленного огнем битв. По инициативе комсомольцев и пионеров школы № 2 города Смоленска в области провели сбор металлолома для колонны тракторов. А назвать их решили, квк и боевую машину,— «Мвлютка». Тысячи тонн сырья для мвртенов записали на свой счет школьники. Двадцвть девять «Беларусей», изготовленных по специальному звказу комсомольцами Минского тракторного завода, были переданы лучшим механизаторам Смоленщины.

И вот наступил торжественный день. У священного кургана выстроились пионерские дружины. Под звуки оркестрв ребятам, отличившимся в операции по сбору металлолома, вручили награды, механизаторам — голубые «Беларуси».

496 тысяч голов скота из Ростовской, Харьковской, Сталинградской областей. Более половины его предстояло перегнать в соседнюю Кзыл-Ординскую область. Дорога туда — пески, расстояние — более тысячи километров. Ответственнейшее задание, сопряженное с огромными трудностями, предстояло выполнить женщинам, старикам, подросткам. И они с честью справились.

Всего за годы войны животноводы нашей области отправили на фронт более 4600 боевых и транспортных коней, сдали наличными государству в счет военных займов 17 с половиной миллионов рублей.

После победы под Сталинградом нам поручили переправить более семи тысяч голов домашних животных обратно на освобожденные от врага земли. В этом нелегком переходе участвовали почти 300 моих земляков. Какую радость и гордость они испытали, когда передали стадо представителям Сталинградской области!

Т. Бирманов,
бывший заместитель
председателя Актюбинского облисполкома,
член КПСС с 1931 года.

Правда, 1980, 18 февраля.

Как мы обучаем новичков

На новое место мы приехали в разгар стройки. На наших глазах росли заводские корпуса. Ждать, когда все будет окончено, было некогда: Красная Армия требовала грозных для врага машин.

Трещал мороз. Люди, отрываясь от станков и верстаков, грелись на заводской площадке у костров. В незаконченных зданиях — без окон и крыш — мы начали собирать боевые машины. Пока оклепаешь хвост, раз пятнадцать отогреваешь шланг.

Квалифицированных машиностроителей было недостаточно. В первые же четыре дня работы в моей группе прибавилось 11 новых рабочих. Это были люди, или совсем не работавшие на производстве, или с пищевых предприятий: кондитеры, продавцы, счетные работники и др.

Мы не ждали, когда нам дадут готовых клепальщиков, слесарей, а стали готовить их сами. Дня два уходило на инструктаж прибывших на завод людей. Я показывал им инструменты, объяснял, как с ними обращаться, рассказывал, что новым рабочим придется делать. Потом всех начал учить практической работе.

На пятый день мои новые рабочие приступили к выполнению несложных операций. Новичков я распределил на пары — одного назначил старшим, другого подручным. Ежечасно наблюдал, правильно ли они работают. Заставлял переделывать то, что неправильно сделано.

Приятно было смотреть, как на глазах вырастали клепальщики, как через три-четыре дня их руки начинали проворно, уверенно и точно клепать. Из продавщицы Кудрявцевой вышел отличный мастер, из работницы лесного склада Токаревой — неплохая подручная. Пробу они сдали сразу на третий разряд и теперь дают по 3,5—4 нормы.

Ученицам Назаркиной и Карповой работа давалась не сразу. Их я прикрепил к лучшим работницам Кудрявцевой и Рамоментьевой. Вскоре и отставшие ученицы подтянулись и ныне выполняют норму на 110—130 процентов.

В середине декабря в мою группу влилось еще 18 новичков. Через пять дней им уже можно было давать несложные поручения. Кочкина, Чепурова, Армянинова и Макарова — теперь стахановцы. Их выработка — 270—300 процентов за смену.

Конец декабря. Прибыло пополнение из союзных республик. Ко мне в группу пришли грузин, два азербайджанца, четыре узбека. Товарищи не знали русского языка. Случайно в числе новых рабочих оказался переводчик — товарищ Жданов. При его помощи я начал обучать новичков. Стремление овладеть квалификацией, стать полезным Родине в годину испытаний, настойчивость, с какой они принялись за дело, быстро сказались. Числу к 15 января все уже работали уверенно, а к концу месяца начали выполнять норму и успешно сдали пробу.

За четыре месяца я обучил 71 человека: 21 мужчину и 50 женщин. Отсеялись всего 3 человека.

Не все, конечно, шло гладко. Вначале было неблагополучно с дисциплиной. Некоторые из новых рабочих опаздывали на работу.

Пришлось поговорить, познакомить с Указами Президиума Верховного Совета СССР о трудовой дисциплине, стыдить прогульщиков, поощрять лучших. В результате прогульщиков не стало, трудовая дисциплина окрепла. Новые рабочие слились с кадровиками в один тесно спаянный, сознательный коллектив.

Д. Шевцов,
мастер группы
ордена Ленина завода № 18.

Правда, 1942, 7 мая.

Для танков [1]

Государственный Комитет Обороны поручил Уралмашзаводу освоить в предельно сжатые сроки серийный выпуск танкового бронекорпуса. Ответственный заказ воодушевил весь коллектив орденоносного Уралмаша. В рекордно короткий срок — в течение месяца нам удалось наладить производство и вручить танкосборочному заводу первую значительную партию новых бронекорпусов.

В этой работе танкостроителей Уралмаша сказались боевые традиции советских людей — не отступать перед трудностями. На выполнение заказа были направлены весь накопленный нами организационный и технический опыт, рационализаторская мысль, знания, энергия и самоотверженный труд рабочих.

Коллективу Уралмаша удалось прежде всего приспособить и использовать на изготовлении бронетанковых корпусов почти все специальное оборудование. Как бы изменив при помощи оригинальных приспособлений природу станков, их загрузили работой, для которой они не были предназначены, и добились притом небывало высокой производительности. Много было сделано для улучшения технологического процесса, упрощения конструкции бронекорпуса с целью уменьшения его трудоемкости.

Эту большую творческую работу выполнял весь коллектив завода — от рабочего до старших командиров производства. Выдвинулись смелые, талантливые новаторы, обогатившие промышленную практику ценными идеями. Комсомолец

[1] Автору этого письма Борису Глебовичу Музрукову было тридцать четыре года, когда партия направила его работать директором Уралмаша, который в народе называют «заводом заводов». Это было проявлением большого доверия к молодому инженеру. А вся его предыдущая трудовая биография была связана с ленинградским Кировским заводом (бывший «Красный путиловец»). Здесь Музруков прошел путь от мастера до главного металлурга, здесь стал коммунистом.

Восемь лет возглавлял Борис Глебович славный коллектив уралмашевцев, 27 раз завоевывавший за годы войны переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

В послевоенные годы, когда развернулась работа по созданию новых видов техники, В. Г. Музруков — директор крупного предприятия, потом возглавляет научно-исследовательский институт.

За выдающиеся заслуги в области создания оборонной техники Б. Г. Музруков дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден многими орденами и медалями. Он был лауреатом Ленинской премии и двух Государственных премий СССР. В городе Лодейное Поле Ленинградской области, неподалеку от деревни Гонгиничи, где родился Борис Глебович, установлен его бронзовый бюст.

мастер расточного дела товарищ М. Попов применил элементарную конструкцию резцов вместо тяжелых и малопроизводительных летающих суппортов, сократив тем самым время на обработку корпуса в 4 раза.

Нас долго сковывала работа на крупных продольно-фрезерных станках. Благодаря предложению мастера товарища Бакирова фрезеровка бортов производится теперь одновременно у двух деталей двумя вертикальными суппортами, что увеличивает производительность труда более чем в 2 раза.

Из месяца в месяц нарастали темпы изготовления бронекорпусов, систематически поднималась производительность труда, выявлялись все новые и новые резервы. Трудоемкость изготовления корпуса снижалась, и завод получал возможность на том же оборудовании выполнять все увеличивающиеся государственные задания.

Не менее плодотворным было новаторство в горячих цехах. Сталевары из месяца в месяц повышали выплавку стали и увеличили ее по сравнению с прошлым годом на 34 процента. Большое распространение получило замечательное движение скоростников. Сталевары-скоростники орденоносцы Ибрагим Валеев и Дмитрий Сидоровский добились выдающегося съема — 18,1 тонны стали с квадратного метра пода печи. Большинство сталеваров в цехе работает уже скоростными методами.

Мастерам броневой стали пришлось много потрудиться над освоением литой башни. Для ускорения цикла в литейных цехах на Уралмаше проделали интересное опытное исследование. Время, принятое для охлаждения форм, оказалось возможным сжать в 2 раза без какого-либо ущерба для качества башен. Новаторы сократили время и на последующих операциях.

Литейщики Уралмаша всемерно экономили металл. На каждой башне мы сберегаем сейчас целую тонну жидкого металла без ущерба для бронестойкости танка.

Уралмаш создавался как завод индивидуального машиностроения. Война потребовала от нас массового серийного выпуска оборонной продукции.

И перевод сборочных цехов на поточный метод весьма способствовал резкому увеличению темпов производства.

Не только новые масштабы производства, но и новые, повышенные требования к качеству оборонных изделий потребовали особых забот о подготовке квалифицированных кадров. Когда мы приступили к изготовлению бронекорпусов, на заводе было лишь пять рабочих, умеющих сваривать броневую сталь. Сейчас на Уралмаше много электросварщиков,

они хорошо подготовлены, работают высокопроизводительно и высококачественно. Рационализаторские нововведения, автоматизация электросварки позволили повысить производительность труда на одних деталях до 6 раз, на других — до 8.

По почину нашего талантливого воспитателя новых кадров товарища Спехова шефство лучших людей Уралмаша над отстающими рабочими у нас понимают не узкотехнически. Шефы не только передают своим ученикам отборный стахановский опыт — они заботятся также о моральном самочувствии новичков, об улучшении для них бытовых условий.

Когда завод получил заказ на новый бронетанковый корпус, весь коллектив Уралмаша взялся за решение этой сложной и почетной задачи.

В отличие от всех старых технических канонов мы провели одновременно разработку технологии, подготовку оборудования и всей оснастки производственного процесса, заготовку металла, обучение рабочих кадров и расстановку командного состава. Стахановцы, мастера, технологи и конструкторы выехали на родственные заводы, освоившие уже эту модель, для заимствования передового опыта. Как только заканчивалась разработка технологии, тут же выполнялись эскизы штампов, приспособлений и инструментов, и они сразу же поступали в цехи для исполнения.

Мастера включились в сборочные и сварочные работы. Технологи и конструкторы были прикреплены к рабочим местам, бригадам и сами вели первые партии новых корпусов от момента закладки их и до выпуска.

Несмотря на трудности освоения нового бронекорпуса, завод досрочно выполнил июньскую программу, закончил и полугодовой план за 10 дней до срока. Особенно ценно, что в июне мы решили задачу качества — изменили технологию сварки и термообработки, ввели новый производственный процесс и добились того, что все корпуса изготовлены без единой трещинки и отвечают самым высоким качественным требованиям.

Мы сделаем все, что в человеческих силах,— добьемся новых образцов стахановского труда и будем выпускать все больше и больше бронекорпусов для усиления отпора врагу, угрожающему жизни нашей Родины, для разгрома ненавистных гитлеровских орд.

Б. Музруков,
директор дважды орденоносного Уралмашзавода.
Правда, 1942, 20 июля.

Уралмашзавод:
в тылу и на фронте[1]

В 1941 году я эвакуировалась из Брянска. Начала работать на Уралмашзаводе. В цехе у нас из девушек была организована бригада электросварщиц. Ребята сначала подтрунивали:

— Вам картошку варить, а не корпуса.

Мы старались отвечать с достоинством, но в душе испытывали тревогу. Никто из нас не умел варить ответственные вертикальные и потолочные швы. Их приходится варить над головой. Расплавленный металл норовит падать вниз, а его надо заставить ложиться в шов.

Сварка таких швов издавна считается мужской работой. Поэтому дали нам в женскую бригаду одного мужчину. Девушки все швы снаружи и внутри сделают, а он потолочные варит. Варили мы едва-едва четверть корпуса за смену. А всем ясно: фронт не может ждать, нужно больше машин. Я и говорю бригадиру Гржибовской:

— Неужели не научимся мы эти швы варить? Кто как, а я попробую...

Через некоторое время мы попросили забрать из нашей бригады мужчину и постепенно довели выработку до корпуса в смену. Из пяти девушек нашей бригады три, в том числе и я, впоследствии стали бригадирами,— и никому из нас не приходится краснеть ни за количество сваренных корпусов, ни за их качество.

Недавно на цеховом комсомольском собрании начальник цеха говорил, что если поставить корпуса, сваренные нашей бригадой, один за другим, то получится линия длиною более пяти километров.

В бригаду, которой я начала руководить, вместе со мной пришли Женя Протасова, Аня Акулова, Наташа Иванчикова

[1] Публикуемые ниже шесть писем были присланы в «Правду» с Урала в разные дни войны. Опубликовала их редакция в январе победного 1945-го. В них — картина слияния подвига ратного и трудового.

Уже в начале Великой Отечественной войны Уральский завод тяжелого машиностроения превратился в мощное предприятие танковой промышленности. В предельно короткий срок уралмашевцы перестроили на военный лад весь производственный процесс, организовали новые цехи. Всю свою творческую инициативу, огромный опыт отдавал коллектив завода выполнению боевых заданий фронта.

В передовой статье 4 января 1945 года «Правда» писала: «Во время войны старые заводские рабочие умело вели за собой новых рабочих и работниц, передавали им свой опыт, и это привело к общему поднятию производительности труда».

и Маруся Анфилофьева — трое были почти ученицами. Но я уже знала, что можно варить любой шов, и начала учить девушек. Результаты оказались хорошими.

В цехе у нас три мужские бригады электросварщиков. Двум из них мы часто помогаем, а с третьей — бригадой Никитичева — соревнуемся: то они быстрее нас сварят, то мы их обгоним. В некоторые дни мы с девушками свариваем корпус с четвертью за смену — это и мужчинам не удавалось еще.

Александра Рогожкина,
бригадир женской бригады электросварщиц.

На днях я вернулся из пробного пробега боевой машины, собранной моей бригадой. Прошла она сотни километров и работала безотказно. В пути не обнаружено ни одного дефекта.

Мы были очень горды, узнав о том, что нам поручили такое ответственное дело. Конструктор подробно и обстоятельно рассказал нам по чертежам об устройстве машины. Потом я засел за чертежи сам. Изучил все особенности машины и вместе с опытными сборщиками Иваном Чевтаевым, Василием Колуцковым и мастером Михаилом Барышниковым приступил к сборке.

Работали дружно, хоть и с оглядкой. Перед установкой каждой детали заглядывали в чертеж. Трудностей было немало. Были и неудачи, например с установкой мотора. Вместе с конструктором выяснили, в чем наша ошибка, и быстро исправили ее.

Крепко помогли мне в работе многолетний опыт сборки и моя служба в Красной Армии механиком и водителем танка. Помогла и техучеба, которой я всегда уделял большое внимание. А главное, что воодушевляло и двигало вперед,— это желание дать нашей родной Красной Армии отличное вооружение. Дать машины, которые были бы во много раз лучше немецких «тигров», «пантер».

Сейчас я опять работаю на прежнем участке — на сборке ходовой части машин. Руковожу прежней своей бригадой, которую оставил на время сборки опытного объекта. Не было случая, чтобы мы не выполнили задания своего мастера. Не было ни одного случая, чтобы мы выпустили машину с дефектом.

Илья Цыцаркин,
бригадир слесарей-сборщиков.

У меня большая и хорошая семья. Я воспитала девять детей и горжусь ими. Сын Николай на фронте, гвардии сержант, артиллерист, за время войны награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Славы и медалью «За отвагу».

Вся наша семья равняется по Николаю. Здесь, в тылу, мы помогаем ему своим трудом. Вместе с мужем Павлом Михайловичем строили Уралмашзавод. Мужу уже шестьдесят один год, но он продолжает работать слесарем и выполняет норму на 180—190 процентов. Сама я работаю токарем-лекальщиком. За свою работу имела благодарность от директора завода, а за работу в октябре получила Почетную грамоту. В 1944 году я вступила в ряды большевистской партии.

Все взрослые дети работают на заводе. Старшая дочь Анна — крановщица. За шесть лет работы она не раз получала благодарности и премии. Вера — мастер печатного дела в заводской типографии. Валя — заведующая столовой, член заводского комитета профсоюза. Шестнадцатилетняя дочь Аида работает контролером на технической приемке.

Всей семьей мы бьем врага.

Ф. Ширинкина,
стахановка-токарь.

Последние три года я изготовляю стержни. Стержень этот сложный, тонкостенный, фигурный, словно кружево. Работа требует большого внимания. Чуть не досмотришь — брак. В 1941 году делали мы по 5—7 стержней. Сейчас даем по 22—25 штук. А наш лучший стерженщик Константинов при норме 22 штуки в отдельные дни изготовляет по 33—35 стержней.

В октябре у нас в цехе, как и на всем заводе, живо начали соревнование по профессиям. Договоры заключали, каждый хотел Октябрьский праздник достойно встретить. Изготовлял я в те дни по 25 штук. Числа десятого решил я провести собрание рабочих в профгруппе. Заслушали доклад мастера Малькова о предоктябрьском соревновании. В докладе мастер упомянул и обо мне. Мол, Прошин неплохо работает, да все же Константинов перегнал его. Чувствую, прав мастер, а мне-то вообще неудобно: как профорг, я должен пример показать.

На другой день прихожу на работу, вижу «молнию»: «Привет Федору Константинову! При норме 22 стержня он изготовил 42 штуки». Молодец, думаю, Федор, а только и мне надо не отстать. Решил вызвать его на соревнование. Давай, говорю, Федор Кириллович, договор заключим. Согласился.

В этот день я впервые дал 43 штуки. Приходит утром Константинов, а ему и говорят:

— Прошин перекрыл твой рекорд.

— Хорошо,— отвечает Федор,— но и я в долгу не останусь.

И обогнал меня. Константинов дал 44 стержня. На другое утро я изготовил 45. Так и пошли. Я дал 47, он — 49. Я — 50, а он — 52. Наконец я дал 53 стержня, и этот рекорд пока еще не перекрыт.

Недавно подходят ко мне стерженщики:

— Поделитесь-ка вы с Константиновым, как достигли такой выработки.

Через один-два дня видим — результаты хорошие. Варвара Подвальных делала раньше 18—20 стержней, а теперь — до 30 штук. Стерженщик Наумов давал 20, а теперь изготовляет 35 и больше стержней.

Петр Прошин,
стерженщик.

Идя в цех, я заметил большой плакат: «Товарищи уралмашевцы, на заводе получили задание по восстановлению Зуевской ГРЭС, разрушенной немцами. Все силы на досрочное и высококачественное выполнение заказа для родного Донбасса!»

Приступил к работе и вдруг слышу: «Товарищ Поморцев, вас начальник цеха вызывает».

Захожу к начальнику.

— Наш цех,— говорит он,— получил почетное задание Государственного Комитета Обороны: дать несколько моделей для мощной уникальной турбины Зуевской ГРЭС.

— Слыхал, читал. Да и в цехе только об этом говорят.

— Так вот, надо сделать верхнюю и нижнюю части цилиндра турбины. Работа сложная, срочная и ответственная. Как вы думаете, кому поручить?

— Поручите,— говорю,— моей бригаде, Константин Иванович.

— Вот-вот, и я так думаю.

Дождался обеденного перерыва, собрал бригаду, после работы провел производственное совещание. Развернули мы чертеж, внимательно его изучили, обсудили каждую мелочь, потому что, как говорит пословица, семь раз отмерь, один раз отрежь.

Модель — величины огромной. Пораскинули мозгами, подумали, как расставить членов бригады, чтобы работу лучше организовать. Люди у меня в бригаде работящие, настоящие

стахановцы, но каждый из них свою особенность имеет. Взять, например, моего заместителя Глызина. Он все моментально схватывает, ориентируется в любой работе, чертежи читает, как по писаному. Гладких — тот отличается быстротой, специалист по большим деталям. Ильиных медленнее работает, но руки у него золотые. Там, где надо дать работу точную и чистую, лучше, чем он, модельщика не найдешь. Учтя все это, я распределил между ними задание.

Обе модели мы сделали за 15 дней, а по графику полагалось 25 дней.

Лев Поморцев,
бригадир фронтовой бригады
модельщиков.

Нас во фронтовой бригаде четверо — слесари Миронович, Орлова, я и сварщик Волунков. Средняя выработка Волункова — 400—450 процентов нормы. Рекорд его — 8 норм. Он умело находит выгодную позицию, чтобы быстрее обработать ту или другую деталь, совершенствует технологию. Это общая для всей нашей бригады черта. Мелкими, казалось бы, усовершенствованиями, приспособлениями мы все время повышаем свою выработку.

За время войны я освоил три специальности: слесаря-сборщика 6-го разряда, сварщика 4-го разряда, кроме того, работаю на протяжном станке.

Н. Хабарин,
бригадир фронтовой бригады
слесарей-сборщиков.
Правда, 1945, 4 января.

Я стала хозяйкой 11 станков

На завод пришла я как общественница — домашняя хозяйка. Помогала строить, глину месила, кирпич таскала. Потом кончились строительные работы. Загудели первые станки. Меня вызвали в отдел кадров: «Может быть, останетесь у нас?»

А я давно этого сама хотела. Поставили меня на участок к мастеру Черенкову. Вскоре поручили обслуживать два калибровочных станка. Станки — не такие уж сложные, только надо знать их.

Освоилась, и стало обидно: норма обслуживания — три станка, а у меня только два. Пошла к мастеру и говорю:

— На двух станках работать легко. Прошу три.

Твердо сказала. Мастер добавил еще станок. Потом я вы-

хлопотала себе и четвертый. А потом и это меня не устроило. Наша работа какая? Надо «зарядить» станки, успеть все их обойти, смотреть, чтобы брака не наделать.

На четырех станках с этим я справлялась очень легко. Взяла пятый станок.

Часто я задумывалась: народу не так много в цехе, станки добавляются, как бы сделать так, чтобы побольше их обслужить. Это просто моей мечтой было. Пробовала работать на 8—10 станках. Смотрю: выходит! После этого я обратилась к начальнику цеха с просьбой: «Поставьте меня за десять станков». Многие сомневались в успехе. Но я добилась своего. Я была домашней хозяйкой, а сейчас стала хозяйкой 11 станков.

Как я справляюсь?

Норму перевыполняю на каждом из одиннадцати станков. Очень зорко слежу за станками. Смотрю, чтобы они всегда были в чистоте, успеваю и масло вытереть, и станины как следует протереть. Кончается смена — станки передаю товарищу в полном порядке. Сил своих не жалею. Целый день хожу от станка к станку. Конечно, устанешь, не без того. Зато какое чувство испытываешь, когда под твоей командой работают 11 станков! А продукция наша отправляется на фронт. Как же тут не стараться?

Недавно ко мне подошла наша станочница Мезенцева:

— Хочу работать так же, как ты работаешь.

Она — тоже из новеньких. Поговорили мы с ней, дала ей некоторые советы. Сейчас и Мезенцева перешла на многостаночное обслуживание.

Н. Тихомирова,
станочница.

Правда, 1942, 29 июля.

Все силы фронту

4 августа. Вот и пришел мой первый день работы в колхозной бригаде № 3, куда меня назначили[1]. Мотыжили картофель. Я пришла в семь часов утра к месту сбора бригады и никого не застала — сидит только бригадир Кувшинчикова. Потом стали по одной подходить женщины. Кто в восемь часов, кто в девять, а некоторые даже... в десять часов! Познакомилась со всей бригадой. Двадцать восемь человек. Два звена.

[1] Коммунистка Московской деревообделочной фабрики А. Г. Гуськова была послана работать агитатором в Братовщинский колхоз Пушкинского района Московской области.

— Ты что пришла — работать к нам или газеты читать? — спросили меня. Услышала чей-то голос со смешочком: «Она пришла глядеть, как мы работаем...»

Я ответила: «Пришла к вам работать до конца уборки. Найдем время и газеты почитаем!» Удивились. Этот первый день на меня произвел невеселое впечатление. Работают неорганизованно. Нет индивидуальной сдельщины. Одни ворочают, другие прячутся за их спины, а трудодни записывают всем одинаковые. После обеда долго не могли собраться, начали работать только в четыре часа — все ждали: вот Дуняша подойдет, вот Нюши еще нет, подождем Паню...

После работы читала сообщение Информбюро и боевые эпизоды. Слушали хорошо.

5 августа. Провела беседу о дисциплине. Читала статью из «Правды» «Железная дисциплина — залог победы над врагом». Женщины стали откровеннее. Выявили недостатки: не дается задание бригаде с вечера; работа звеньевых обезличена, нет учета работы, нет правильных взаимоотношений бригадиров со звеньевыми. Давно не было бригадных собраний. Лодырям удобно прятаться — никто их не клеймит, словно не замечают. А хороших работниц никто не похвалит.

6 августа. Мотыжили картофель. Колхозницы все больше рассказывают о недостатках в бригаде и в колхозе. Нравится им, что я работаю вместе с ними. Да и я поняла, как это важно. Когда сообща работаешь, любой вопрос можно смело решить — ведь с ними вместе все переживаешь: усталость — переживаешь, руки-ноги болят — переживаешь, кушать хочется — переживаешь... Это полезно. Я прихожу в поле раньше всех. Заметила: тем, кто явился после меня, стало неудобно — проходят застенчиво, бочком. Провела сегодня беседу, читала из газеты «Московский большевик» статью «Организация и учет труда в колхозе имени Максима Горького». Это хороший колхоз. Там порядок. Ну пошли разговоры: «А нам бы так! Мы разве не можем?» «Конечно, можем»,— отвечаю... Решили провести бригадное собрание и перестроить работу в своем коллективе.

7 августа. Вот и состоялось наше бригадное собрание. Вечером — во время перерыва... Пригласили председателя колхоза товарища Громова. Он рассказал о задачах колхоза в период уборочных работ. Завтра начало жатвы. Обсудили, как и чем жать. Срок — восемь дней. Руками надо убирать. Сначала заохали: восемь дней — немыслимо! Поговорили

начистоту. Много было острых вопросов. Я не останавливала — пусть наговорятся досыта, пусть не останется неразрешенных вопросов. Решили убирать сдельно по участкам. Набили колышков — это участок Самариной, это — Вдовиной... Говорю подругам: «Так мы увидим и лучших, и худших». Многие возражали, кипятились: мол, мы все одинаковые — зачем дробить? Мы вызвали на соревнование бригаду № 2.

8 августа. Первый день уборки урожая. Вышли в семь часов утра все как одна. До обеда я помогала бригадиру, потом ставила стойки, снопы и помогала жать звеньевой. После обеда я встала на участок заболевшей колхозницы и сжала 6 соток. Сама себя похвалила: ведь я последний раз жала пятнадцатилетней девчонкой, а было это годков двадцать назад.

В вечерний перерыв читала о зверствах гитлеровцев на Дону. Вечером подвели итоги дня. Особо отличились Морозова Е. И.— сжала 12 соток, а также Шишкова, Качелкина, Налетова.

9 августа. Поле прямо горело под сорняками. Я своим глазам не верила: вышли все рано-рано, да еще корили друг дружку: «Почему не зашла за мной, почему не постучала в окошко, опередить меня хочешь!» Морозова сжала 13 с половиной соток, Дунаева — 12, Дмитриева — 13. Я выполнила норму на 110 процентов.

10 августа. Жали рожь. Работали еще горячей вчерашнего. Морозова по своей инициативе привлекла на жнитво пять домашних хозяек. По 15 соток многие сегодня сжали. Я стараюсь не отставать от других, хотя и побаливает с непривычки поясница. Выработала норму на 145 процентов. Читала сообщение Информбюро и рассказ «Жена» Елены Кононенко из «Правды».

11 августа. Вышла в поле в пять часов утра. На ржи еще лежала роса. Одна за другой подходили жнеи. Ну и кипела же нынче работа! Даже 66-летняя колхозница Степанова не отставала от других. Сегодня лучшие жнеи по 17 соток выработали. Я выполнила норму на 150 процентов. Женщины хвалили: «Э, матушка, да ты не только рассказывать умеешь — ты и жать горазда...» Вечером читала сообщение Информбюро, статьи «В кубанской степи» и «Южнее Воронежа».

12 августа. Сердце радуется, как кипит работа. Бригада решила сжать рожь на два дня раньше срока. Работали до

поздней ночи. В темноте перекликались довольные голоса: «Сколько?» — «Восемнадцать соток!» Пришел председатель. Кричит: «Идите домой — руки порежете». Так распалились, что уходить не хотели. Сегодня я сжала 18 соток.

13 августа. Решающий день. Многие не пошли даже обедать. Всех беспокоила одна и та же мысль: а вдруг не кончим сегодня, не сдержим слова? В обеденный перерыв читала об ожесточенных боях на юге, и как бы в ответ на это еще жарче закипела работа. Восемь часов вечера — сжаты последние колосья. Итак, сжали рожь в шесть дней! Все как одна тридцать пять женщин присели на лужке. Лица довольные, улыбающиеся. И сами себе не верим. «Наверное, скоро свету конец,— говорит в шутку колхозница Болтушина Прасковья Федоровна,— когда это было видано, чтобы за шесть дней всю рожь руками сжали, ведь в прошлом году три недели ходили, замучились и выжинали по пять-шесть соток».

Послышались голоса: «Ну, Настя, зови председателя, пускай баранки нам покупает!» Пришел председатель. Поблагодарил нас и рассказал об очередных, не менее важных работах — о молотьбе и севе.

Как хорошо у меня на душе! И уж все колхозницы мне как родные. Они ведь теперь ко мне и горе, и радость несут. Извещение о гибели мужа пришло — ко мне, ребенок захворал — ко мне, поссорились — ко мне, неясно в газете что-нибудь — ко мне.

Да ведь и сама я мать троих детей, жена фронтовика, все, что они переживают, мне и самой близко и понятно.

Каждая колхозница живет сейчас одной мыслью с фронтом, хочет все силы отдать, чтобы скорей разгромить врага. Скоро мне возвращаться на фабрику. Жалко расставаться с бригадой.

«Настя, мы тебя не пустим»,— говорят мне колхозницы. Вспоминаю, как в первый день нашего знакомства те же женщины смотрели на меня настороженно и спрашивали: «Ты зачем к нам пришла?»

А. Г. Гуськова.

Правда, 1942, 13 сентября.

Донецкий уголек

Все вы, товарищи, знаете, что до войны шахтеры Донбасса работали хорошо. Мы не жалели своего труда для Родины. Наш уголек, как говорится, кормил и поил заводы, согревал полстраны. Гремела слава Донбасса. Народ Донбасса был в

почете. Многие получали ордена. Ну а теперь, когда Красная Армия прогнала немца из Донбасса, наши шахтеры стали работать еще лучше. Люди прямо-таки изголодались по свободному воздуху, по свободному труду. Всем хочется быстрее и быстрее восстановить шахты, хотя это очень трудно. Всем хочется сделать что-нибудь особенно приятное для нашей Красной Армии...

Наш шахтный поселок был освобожден 10 сентября, а уже на другой день закипела работа. Пришел на шахту и я. До войны я работал в забое и на подземном транспорте, а теперь вспомнил свою давнюю профессию каменщика и встал на самую нужную работу: наша бригада строила кочегарку, электроподстанцию, здания для подъемной машины и вентилятора. Были со мной опытные каменщики Григорий Капран и Григорий Гончаров. Все мы начали соревноваться, и каждый из нас выкладывал в день до 3 тысяч кирпичей и выполнял задание на 300 процентов. Мы начинали работу на заре и работали дотемна. Но не одни мы работали так. Не хуже нас работал со своей бригадой и Григорий Евтушенко. По целым суткам не уходили домой помощник главного механика Иван Васильевич Черкасов и многие другие. Под руководством товарища Черкасова на шахте «Трудовская» разобрали подъемную машину, перевезли ее на нашу шахту и установили здесь. Все это сделали за пять дней.

Мы должны были восстановить шахту к 1 декабря, а справились почти на два месяца раньше срока. Уже 7 октября отбойщик Николай Мариненко выдал первые тонны угля. Шахта отгрузила уже сотни тонн.

Шахтеры работают споро и весело. Донецкие шахтеры помогут Красной Армии быстрее победить немецких извергов и освободить всю нашу родную землю от врага.

Максим Горошовенко,
шахтер.
Правда, 1943, 4 ноября.

Фронтовая молодежная

В мою бригаду входили 10 девушек. Занимались они токарной обработкой подшипниковых колец. Работали мы всегда дружно, с задором, как требуется в военное время. Недаром в течение полутора лет наша бригада с честью носит звание фронтовой.

Когда Катя Барышникова на 1-м Подшипниковом заводе подала пример того, как с меньшим числом людей перевыпол-

нять задание, мы тоже не отстали. Вместо десяти человек в бригаде осталось восемь. На восьми станках вместо десяти уменьшенная бригада стала выполнять программу на 120—130 процентов... Стала обдумывать, что еще можно сделать.

Как работала моя бригада?

Девушки стояли у станков как токари-операторы, а я была бригадиром-наладчиком. Другими словами, ходила по станкам и настраивала их: устанавливала зажимные приспособления, резцы, регулировала станки, чтобы обработка шла без брака.

Я решила организовать работу бригады без наладчика, чтобы каждая девушка налаживала свой станок самостоятельно... Собрала я девушек и говорю:

— Пора вам обходиться без наладчика, без «няньки». Нашему примеру последуют другие бригады. Будут токари работать самостоятельно — значит, будут освобождены десятки наладчиков. А наладчики, вы сами знаете, самые квалифицированные люди на заводе.

Девушки со мной согласились. Пятеро сразу же отказались от моей помощи. Трое новеньких, пришедших на завод недавно, дали обещание в короткое время постигнуть настройку станков.

Подали заявление директору завода о том, что бригада согласна работать самостоятельно, без наладчика. Директор и заводские организации поддержали нас.

Меня перевели в другое отделение. Там я работаю с бригадой из пяти человек. Я их тоже приучаю к самостоятельной работе. К 10 января 1944 года я обязалась подготовить новую бригаду к работе без наладчика, а также и тех трех «новеньких» работниц в прежней бригаде, которые пока не могут обходиться без моей помощи.

Работа без наладчика высвобождает в цехах самых квалифицированных рабочих. По моему опыту еще шесть бригад отказались от наладчиков. А ведь это — только начало. Многие другие бригады на нашем 2-м Подшипниковом заводе готовятся к работе без наладчиков.

Каждая фронтовая молодежная бригада должна обходиться без наладчика — к этому стремится молодежь нашего завода. Таким путем мы высвободим для производства многих квалифицированных людей.

Мария Кожевникова,
бригадир 2-го Государственного
подшипникового завода.

Правда, 1943, 29 декабря.

Мамина медаль

Война застала мою маму в Семипалатинске. Она работала в детских яслях кожевенного комбината. Машины ушли на фронт, и мама через весь город ходила на хлебокомбинат. Всегда радовало, что в мешке за спиной несколько буханок для детей.

Подкралась суровая зима. Нет топлива. Дети замерзают. Смастерили женщины сани, и моя мама с подругой Дусей направились в бор. Зима выдалась морозная, да и снегу по пояс. Пилили ели, сосны, обрубали ветви, а к вечеру разводили костер, сооружали из веток шалаш и оставались на ночь: не было сил добраться домой...

Зимой сорок третьего года ясли приобрели быков. Но ведь бык тоже хочет есть — нужно сено. За ним надо ехать далеко, в деревню Воскресеновку. Выбрались однажды в степь, и закружил буран. Потеряли дорогу. Наткнулись на стог, там и заночевали. Рядом привязали быков. Вьюга свирепствовала. Наконец наступило утро. Огляделись подружки, видят: вдалеке деревня, туда у них выписан наряд на сено. Но что это? Одна за другой из-за горы стали появляться какие-то большие собаки. Волки! Они шли медленно, как бы примериваясь... Женщины, не сговариваясь, выхватили пучки сена и стали их поджигать, стучали топором по ведру. Стаю удалось спугнуть, и опасность миновала... Вскоре, получив сено, вернулись в город.

Еще моей маме запомнился день 12 сентября 1947 года. На стенах яслей висело красочное объявление: всех приглашали на торжественное собрание. И вот оно началось. Председатель исполкома Октябрьского райсовета зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» лучших людей коллектива. Вдруг Анна Емельяновна услышала свою фамилию. Дальше все было как во сне. Моя мама, волнуясь, поднялась на сцену, чтобы получить награду. В открытое окно приветливо протягивали свои ветви клены, как будто тоже хотели сказать что-то доброе, сердечное.

В одной шкатулке вместе с боевыми наградами отца хранятся мамина медаль и удостоверение за номером АЗ № 256143.

Г. Мурашкина.

Правда, 1975, 19 января.

Клятва горновых

Мой отец Василий Андреевич был рабочим Магнитогорского металлургического комбината. Он добровольцем ушел на фронт и не вернулся, отдав жизнь за Родину.

Недавно на нашем комбинате, да и во всем городе был большой праздник. Мы подарили стране юбилейную плавку — 200-миллионную тонну чугуна. На городском стадионе по этому поводу был митинг. Я сидел в кругу товарищей, шумно аплодировал всем выступавшим горновым. И вдруг умолк, задумался: так ведь и мой отец тоже в свое время выпустил свои тонны металла в эту итоговую плавку. И не только выплавлял чугун, но и обрушивал его на фашистские полчища.

По-новому я понял всю святость этих минут, когда горновые перед всем городом клялись с трибуны стадиона дать Родине еще больше металла.

Ю. Ефимов,
старший оператор слябинга.
Правда, 1975, 20 февраля.

Земляки — фронту

Октябрьские дни сорок первого. Враг рвется к Москве. Трудящиеся нашего района решили построить бронепоезд в помощь фронту. Эту идею одобрили Раменский горком партии, исполком райсовета, ее поддержали в МК ВКП(б). Фондовых материалов не было. Располагали мы орудиями, пулеметами и бронеплитами. Оборудовали вагон артмастерских, бронеплощадки, а также вагон-баню с парикмахерской, прачечную. Рабочие комбината «Красное знамя» создали вагон-клуб со звуковой киноустановкой. Коллектив артели «Целлулоид» (ныне завод счетных приборов) оборудовал вагон-кухню, работники райпромкомбината — два вагона: под санитарную часть и сапожно-портняжную мастерскую.

5 апреля 1942 года бронепоезд «Москвич» был передан частям Красной Армии. За три года он совершил 600 огневых налетов, уничтожив 5 артиллерийских и минометных батарей, 26 отдельных орудий, 5 вражеских самолетов.

Еще до войны наш район начал соревнование с Киево-Святошинским районом Киевской области. (Это соревнование продолжается и по сей день.) После освобождения от врага Киевщины мы тотчас послали к друзьям свою делегацию — на месте увидели полное разорение колхозного хозяйства. Вернувшись, члены делегации провели собрания во всех колхозах, в результате раменцы подарили колхозам Киево-Свя-

тошинского района 750 голов племенного крупного рогатого скота.

А с какой любовью отправляли скот! Отбирали самый лучший. На каждой телке или корове обязательно висел ошейник, на котором были вышиты приветственные слова.

Так мои земляки изо всех сил помогали своим братьям в тяжелую годину испытаний.

П. Чапурин,
бывший председатель исполкома
Раменского райсовета.
Правда, 1975, 16 марта.

Сталь победы

Енакиевский завод, где я работал заместителем начальника мартеновского цеха, на третий день войны получил важное оборонное задание: освоить сложнейшую по составу и по своим механическим свойствам танковую броню. Срок — пять дней. В обычное время только изучение толстой инструкции по выплавке этой стали потребовало бы полмесяца. Надо было переделать всю технологию. Выстроить сушила для сыпучих материалов, задаваемых в печь,— сталь не терпела влаги. Надо было вырыть колодцы для медленного охлаждения слитков — на сквозняке сталь «простуживалась». Надо было перестроить мышление — и свое, и подчиненных. Мы знали, что до сих пор эту сталь варили в особых печах малого тоннажа, так называемых «кислых», варили особым способом, в замедленном темпе. А наши печи были обычного типа, на основном поду и гораздо крупнее.

Надо было... Нет, нельзя перечислить всего, что надо было. Но через неделю печи выдали первую плавку стали, годной для танковой брони. И с этого дня сталевары, наращивая производство даже под бомбежками и обстрелами, выплавляли эту сталь и снабжали ею танковые заводы. Сталь была зашифрована буквами «СФ», что означало «смерть фашизму». Вскоре была освоена еще более сложная марка броневой стали — «СФ-2».

А потом трагедия. В октябре завод, как и остальные металлургические предприятия юга, был остановлен, его оборудование демонтировано и отправлено на восток страны.

Погас Донбасс. Теперь вся тяжесть освоения и выполнения заказов оборонной промышленности легла на предприятия, расположенные в восточных районах. Это мощные комбинаты, но их было немного: Магнитка, Кузнецк, Нижнетагильский.

Директор Магнитки Г. И. Носов говорил:

«Никогда даже в мыслях у нас не было, что на нашем комбинате придется плавить броневую сталь. Нигде в мире никто и не пытался это делать в больших печах. Но труднейшую задачу надо было решать быстро, так же быстро, как развертывались события на фронте».

Освоить броневую сталь в таких больших агрегатах, как магнитогорские, было еще труднее, чем на юге. Ее требовалось не только выплавить, но и прокатать. Стана для этого не было, его еще везли с юга, а здание для стана только строили. И тогда заместитель главного механика комбината Николай Андреевич Рыженко предложил невероятное — катать броневой лист на блюминге, который к такой операции не приспособлен и на такие огромные напряжения не рассчитан.

Блюминг был один, через него проходили все выплавленные стальные слитки, и, следовательно, в случае неудачи Магнитогорский комбинат, основной поставщик оборонной промышленности, будет остановлен. Большой риск...

Все же директор комбината Григорий Иванович Носов взял на себя эту огромную ответственность. Изучив доводы «за» и «против», лично проверив расчеты, он дал команду приспособить блюминг для прокатки броневой стали. И впервые в истории мировой металлургии блюминг стал катать броневую плиту.

Задача массового изготовления брони была решена. В Магнитогорск прибыли люди и оборудование с 34 заводов, и комбинат в планомерно нарастающем темпе стал поставлять военной промышленности кроме броневой плиты еще 30 марок оборонных сталей.

Плечом к плечу с Магнитогорским шел и его младший брат — Кузнецкий комбинат. Здесь также освоили выплавку броневого металла в 185-тонных печах и прокатку его на блюминге. За 35 дней был сооружен новый термический цех для обработки броневого листа, оборудованный по последнему слову техники.

Вообще в годы войны строили невероятно быстро. Доменную печь на Магнитке воздвигли за шесть месяцев. Правительственная комиссия во главе с академиком И. П. Бардиным отметила в акте: «В практике строительства не было случая постройки доменной печи в такой короткий срок... Качество строительства всего комплекса доменной печи № 6 отличное».

За один лишь 1942 год на заводах востока построили и ввели в действие 4 доменные и 22 мартеновские печи, 31 электропечь, 16 прокатных станов, 4 коксовые батареи.

И это в обстановке войны, в тяжелейших бытовых условиях, при всех затруднениях в материально-техническом снабжении! Строительные работы велись круглосуточно, при любой погоде. Непрерывно расширялись действующие предприятия, воздвигались новые. Вступили в строй металлургические заводы в Челябинске, Узбекистане, в Комсомольске-на-Амуре.

Призыв создать непробиваемую броню и всепробивающий снаряд нашел самый горячий отклик в сердцах металлургов.

Интересно свидетельство врага. Командующий 2-й танковой немецкой армией генерал Гудериан писал: «Наша легированная сталь, качество которой снижалось из-за нехватки необходимого сырья... уступала легированной стали русских».

Высокий патриотический накал стимулировал напряжение всех физических и творческих сил советских тружеников.

Когда Государственный Комитет Обороны потребовал удвоить выпуск снарядов, на Магнитке и в Кузнецке разработали новую технологию их производства вне обычного заводского потока.

А марганцевая эпопея! Кто забыл о ней — пусть вспомнит, кто не знает — пусть узнает.

Основные источники снабжения металлургических заводов марганцевой рудой были отрезаны. Без марганца, как известно, нельзя выплавить ни чугуна, ни стали. Гитлер заявил, что дни Советской России сочтены, поскольку ее заводы остались без марганца. Он не знал, что в действие были введены местные залежи. Разрозненные, бедные содержанием, они были неэкономичны для разработки в мирное время. Но война произвела переоценку ценностей. Срочно были налажены и добыча руд, их доставка на заводы.

Когда угроза марганцевого голода нависла над доменными печами Магнитки, сюда было направлено воинское подразделение, подготовленное для действующей армии, и воины, почти не зная отдыха, денно и нощно доставляли руду к печам, обеспечив их бесперебойную работу.

Не остались в долгу перед Родиной и небольшие уральские заводы, доставшиеся нам в наследство от дореволюционного периода. Многие из них были обречены на снос как морально устаревшие и потому не реконструировались.

Взять хотя бы Чермозский металлургический завод. Расположенный на берегу Камы, в ста километрах от железной дороги, он работал «по-берложьему». Зимой, когда завод бывал отрезан от остального мира бездорожьем, продукцию здесь собирали на складах, а во время навигации отправляли металл и завозили сырье.

Таким завод дожил до сорок первого года. Война переменила этот ритм. Появились мотовозы, был механизирован ряд процессов, и завод стал выплавлять металл для обороны. Пластичное, как медь, уральское железо шло на изготовление патронных гильз. Теперь уже чермозский металл не ожидал месяцами навигации, грузовые машины бесперебойно доставляли его по проложенной автомобильной трассе.

Недавно я побывал в Чермозе. На дне широко разлившегося рукотворного Камского моря покоится теперь площадка, где стоял завод, и только старожилы вспоминают о тех днях.

В другие уральские заводы война вдохнула жизнь надолго. Реконструированные и расширенные, они до сих пор находятся в строю, поставляя добротный металл, слава о котором гремела еще в петровские времена.

Велик был подвиг фронта, но и подвиг тыла велик. За трудовые победы награждались так же, как и за военные. Люди — орденами и медалями, предприятия — знаменами Государственного Комитета Обороны. Всей стране стали известны тогда имена сталеплавильщиков Кузнецка — М. Привалова, М. Буркацкого, А. Чалкова и А. Лаушкина и магнитогорцев — В. Захарова, М. Зинурова и И. Семенова.

Социалистическое соревнование за помощь фронту, развернувшееся по призыву ЦК партии в апреле 1942 года, гласность его и значимость вдохновляли людей. Это соревнование перекинулось и в освобожденный Донбасс, восстанавливаемый из пепла и руин. Уже в 1943 году вступили в строй две доменные печи Енакиевского и четыре мартеновские печи Макеевского заводов. Восстановленные агрегаты стали дополнительным источником оборонного металла для окончательного разгрома врага.

Владимир Попов,
инженер-металлург, писатель.
Правда, 1975, 18 марта.

Благодарность маршала [1]

Шла последняя военная зима. Бои перекинулись на территорию Германии. В канун праздника — Дня Красной Армии члены передового колхоза имени XVIII партсъезда Ершовского района Саратовской области собрали 170 тысяч рублей на приобретение боевого самолета в подарок воинам 1-го Бело-

[1] Автор этого письма в «Правду» П. Лебедев обнаружил в одной из фронтовых газет телеграмму Г. К. Жукова колхозникам и рассказал, в ответ на что она была послана.

русского фронта. Кроме того, колхозники послали им 15 центнеров махорки, выращенной сверх плана. Было отправлено также и письмо фронтовикам. Ершовцы рассказали о подготовке к весеннему севу, о своих успехах в труде, о вере в победу.

Прошло около месяца. И вот вместе с первым мартовским теплом пришла в колхоз телеграмма от командующего фронтом маршала Г. К. Жукова.

«Дорогие товарищи колхозники и колхозницы! — телеграфировал маршал.— С радостью прочитали мы ваше письмо. Вместе с вами наши бойцы радуются хозяйственным успехам вашего колхоза. Сердечно благодарю за вашу заботу о Красной Армии. Не сомневайтесь, товарищи: самолет — подарок войскам нашего фронта — будет вручен лучшему и храбрейшему летчику.

За махорку спасибо. Закуривая, бойцы не раз вспомнят о тех, кто без устали работает на трудовом фронте...».

С глубоким волнением слушали колхозники текст этой дорогой для них телеграммы. На общем собрании, где им был вручен паспорт готовности к севу, дали обещание приумножить свои трудовые усилия на благо Родины, для скорейшей победы над врагом. Свое слово они сдержали с честью.

И по сей день тепло вспоминают колхозники этот дорогой для них эпизод.

П. Лебедев.

Правда, 1975, 29 марта.

Из одного металла льют...

В разгар войны в глубоком тылу С. Т. Прокурате вручили орден Красной Звезды. Однажды его приятель заметил: «У тебя неправильная награда. Я был на фронте и знаю цену этого боевого ордена».

Конечно, Сергей Тимофеевич обиделся, но не стал объяснять. Хочу это сделать за героя тыла я.

Вместе с нашим заводом он был эвакуирован — сопровождал прокатное оборудование в Первоуральск, на Новотрубный завод. Прокатный стан был смонтирован за четыре месяца и 23 февраля 1942 года стал давать продукцию.

Вскоре Сергей Тимофеевич возглавил комсомольско-молодежную бригаду из ребят ремесленного училища. Прокатывались трубы для заводов оборонной промышленности. Его коллектив завоевал звание фронтовой бригады. Но вот получено задание: срочно перейти на выпуск труб из красной меди. И прокатчики стали делать невиданное: катать на станах

красную медь. Трудное это дело. Уж очень капризный металл: останавливается в валках, рвется на куски... А у мальчишек нет ни силенок, ни умения. Но капризная медь была скоро укрощена. Боевая авиация получила дефицитный материал.

Вот за какие подвиги награжден наш ветеран труда орденом Красной Звезды.

Сергей Тимофеевич после возвращения с Урала восстанавливал родной завод на Днепре. Трудился в пусковой бригаде трубопрокатного стана «400». В мирное время награжден орденом Трудового Красного Знамени и пятью медалями. В Первоуральске и поныне работают его ученики, которым было в войну по 15—16 лет. Это Григорий Жилин, Александр Титов, Николай Малышев, Петр Клейминов и другие. Для каждого из нас Сергей Тимофеевич — отец и наставник. Я сказал «для каждого из нас», потому что сам в 15 лет работал с ним на трубопрокатном стане во фронтовой бригаде.

Н. Недоступ,
вальцовщик Южнотрубного завода.
Правда, 1975, 9 апреля.

И снова пахали, сеяли

Когда началась война, мы жили в городе Темрюке — это в Краснодарском крае. Муж, Кричун Николай Иванович, сразу ушел на фронт, а я уехала к сестрам в колхоз «Профинтерн» (ныне «Россия»). Муж с войны так и не вернулся.

В колхозе не было мужчин — все ушли защищать Родину. Молотили мы с утра до двух часов ночи. И так каждый день — дождь не дождь, убирать-то хлеб надо. Осенью попросилась на курсы трактористов.

Зиму я проучилась, весной стала работать. А трактористы были со мной — два подростка по 14 лет, две девчушки, молоденькие такие. Я — самая старшая. Тракторы тогда вручную заводили. Один круг обойдешь — и надо подтяжку делать. Земля сырая, ложусь под трактор и орудую. После такой подтяжки рукояткой не провернуть. Тогда свою малолетнюю бригаду собираю, цепляем веревку за рукоятку и так с полуоборота крутим, пока не заведем. Зимой сами ремонтировали машины. Запчастей не было, лазили по старым, откручивали у них что могли, подгоняли к своим тракторам и снова пахали, сеяли.

О. Киклович.
Правда, 1975, 9 апреля.

«Отучились уставать»

Часто вспоминаю о военных трудовых буднях в Нижнем Тагиле. Работали мы, как на пожаре. Ведь и впрямь бушевал пожар, только не простой... Руки стали еще жилистей, крепче, отучились уставать. В «Т-34» вкладывали всю душу.

Как-то в разгар зимы меня и напарника Владимира Ефимова после окончания смены отпустили домой. Жили мы с Ефимовым в землянке. Я устроился спать, а Ефимов примостился у коптилки с газетой. Только задремал — вдруг он как закричит:

— Какого черта мы тут сидим?! Наши под Москвой наступают! Бежим на завод!

Я стал противиться:

— Ведь не спали же...

— Ты как хочешь, а я пойду,— упрямо сказал Ефимов.

— Ну и я не останусь...

Нас поставили у тисков. Я нарезал винты. Ефимов, не помню для чего, гнул из железа коробки. Рядом со мной старик Сергеич собирал воздухоочистители. Шапку-ушанку носил он особым манером: один наушник приходился на лоб, другой на затылок. Незавязанные тесемки поминутно вздрагивали.

Работа спорилась. И тут приключилась со мной неприятность. Почувствовал какую-то пелену на глазах. Лампочки над верстаком поплыли в сторону. В ушах звон. Очнулся на верстаке. Подо мной телогрейка. Первым увидел Ефимова. Тут уже медицинская сестра суетится, друзей моих в сторонку отгоняет, Ефимов крикнул: «Ребята, ожил!» Подошел бригадир Савелий Хватов. «Хлопцы, ко мне! — позвал он.— Надо парня вылечить в два счета, мы же фронтовая бригада!»

Ребята стали отрывать талоны от карточек, деньги доставать. Появились буханка хлеба, громадный чайник с кипятком и сахарный песок.

А вскоре был митинг. В главном сборочном корпусе полно народу: сидели на машинах, на стволах танковых орудий, народ толпился на антресолях, ребята из ремесленного училища залезли в кабину мостового крана. Отдельной группой стояли танкисты с вещами, готовые к погрузке. Заиграл оркестр. Выступил начальник цеха, поздравил нас с выпуском танковой колонны «Свердловский рабочий».

М. Мастеров,
бывший слесарь
Уральского вагоностроительного завода.

Правда, 1975, 9 апреля.

И песня согревала

Уходя на войну, муж сказал мне: «Иди работать к нам на завод, тебе помогут воспитать детей». Я поступила на завод Рязсельмаш.

Трудно было на фронте, нелегко было и нам. Холодные цехи, 12-часовой рабочий день. Мы забывали о себе — думали только о тех, кто воюет. Выпускали мы мины. Очень часто в морозные дни пальцы прилипали к металлу. По ночам часто отключали электроэнергию, и тогда мы стояли у станков: не могли сдвинуться с места, чтобы не натолкнуться на что-нибудь. Кто-нибудь кричал: «Девочки, запевайте!» И мы, окоченевшие от холода, пели любимые песни: «На позицию девушка провожала бойца», «Синий платочек», «Вставай, страна огромная!». Песни нас и согревали.

После работы спешили на дежурство в госпитали, заготавливать топливо для города. Шли на медицинские пункты сдавать кровь. Я тоже сдала 6,5 литра крови. Завод чем мог помогал нам, солдаткам.

Не забуду черный день, когда получила известие о гибели мужа. Я пришла на работу заплаканная. Подруги, молоденькие девчушки, успокаивают: кто картошку сует, кто кусочек хлеба: «Отнеси детям!» За человеческое тепло, заботу хотелось работать лучше, сделать как можно больше мин... Я работала и более ста подростков обучила профессии токаря.

В 1957 году меня приняли в партию, а в шестидесятом Родина удостоила меня звания Героя Социалистического Труда. С гордостью думаю, как в нашей стране ценят труд простого рабочего, какое ему внимание и почет.

А. Анурова,
Герой Социалистического Труда.
Правда, 1975, 9 апреля.

Была такая путина

Пламя войны приближалось к Керчи — рыбацкой столице Азово-Черноморья.

Из рыбаков и рыбацких судов были сформированы тридцать два морских дивизиона. Десантные операции в 1941 году — в Камыш-Буруне, Еникале, Опасной, Жуковке, Юргаков-Куте, а впоследствии на Малой земле — Мысхако и в Новороссийске — проходили при их участии.

В трудной обстановке началась путина 1942 года. Северный и западный берега Азовского моря оккупированы врагом.

Восточная и юго-западная части побережья — прифронтовая зона. После суровой зимы наступила длительная и неустойчивая весна. Трижды начинал таять лед, трижды замерзало море. Много было потеряно орудий лова.

Бригадир колхоза «Красный партизан» Темрюкского района Н. А. Дураков обратился к односельчанам:

— Давайте посмотрим, что есть у каждого дома. Соберем все, что можно...

Нужно было брать рыбу по открытой воде, несмотря на то, что фашистские самолеты гонялись за каждым рыбацким судном. Горели суда, гибли люди. Оставшиеся в живых продолжали лов.

Во время этой путины зародилось замечательное движение рыбачек. Аграфена Пекарская, проводив на фронт двух сыновей, стала бригадиром. Ее бригада выполнила план первого квартала 1942 года на 1700 процентов, завоевала первенство среди ловецких бригад Кубани.

У рыбачки колхоза имени Чапаева Нади Силенковой на фронте было пять братьев. Они писали ей: «Помогай, Надя, фронту чем можешь, помогай нам вернуться домой с победой». И в ловецкой бригаде Надя всегда была среди первых.

Вместе со своими матерями, старшими сестрами трудились и юные рыбаки.

— Ну, сынок, присматривай... Ты остаешься дома за старшего,— сказал, уходя на фронт, Филе Топчему отец, рыбак колхоза имени Кирова станицы Ясенской. Филе было чуть больше семи лет.

С фронта отец часто писал домой, советовал, что надо сделать по хозяйству, рассказывал о фронтовой жизни. А однажды пришло письмо не от отца, а от боевых друзей. Они сообщали, что их товарищ боец Топчий погиб смертью храбрых. Филя пошел в правление колхоза.

— Дядя председатель,— сказал он,— дайте мне сетки. Буду рыбачить...

Каждый день ходил Филя на работу. Возвращался поздно вечером, добывая по 20—30 килограммов рыбы. Вскоре в колхозе организовали отдельную молодежную бригаду. Так зародилось в Азово-Черноморье движение юных рыбаков, подхваченное затем на Каспии и Дальнем Востоке.

В трудной военной обстановке они не только добывали рыбу.

Отважно выполнял боевые задания рыбак Л. Г. Коваленко. Во время десантной операции его байда, пробитая снарядами, затонула. Фашисты окружили и оттеснили от берега четырех

десантников и с ними Коваленко. Четыре военных моряка и рыбак смело вступили в неравный бой, дождались подкрепления, не отступили.

Чудеса героизма и отваги проявили в боях с врагом защитники легендарной Малой земли.

Участник десантного отряда Герой Советского Союза Дибров вспоминает:

— Рыбаки хорошо знали местность. Их маленькие и изворотливые суденышки, несмотря ни на что, прорывались к десантникам. Днем и ночью гитлеровцы вели наблюдение за морем и бухтой. Но рыбацкие суда бесстрашно рвались вперед...

А рыбаки Заполярья!

...Мурманск, прифронтовой город, жил и работал под непрерывными налетами, бомбежками и обстрелом. Каждый день уходили в море рыбаки. Незабываем героический подвиг экипажа бывшего рыболовного траулера «Пассат» под командованием Владимира Окуневича.

«Пассат» конвоировал два транспорта с военным грузом. Наперерез им вышли пять фашистских эсминцев. Силы были неравны. Спасая транспорты, лейтенант Окуневич направил свой «Пассат» навстречу врагу. Небольшое рыболовное судно с двумя пушками и двумя пулеметами на борту смело шло против эсминцев.

Вот что рассказал об этом Борис Моцель — единственный из экипажа «Пассата», уцелевший в том бою.

— На палубе «Пассата» разорвался снаряд. Рухнула труба, палуба окуталась едким дымом. Еще снаряд, еще... Забушевало пламя, но «Пассат» вел ответный огонь...

Другой снаряд разорвался в машине. Когда нос «Пассата» стал погружаться, кормовое орудие, у которого оставался один комендор, все равно стреляло.

...Так в годину войны люди мирной профессии — рыбаки, защищая родное море, становились бойцами-героями.

К. Бабаян,
бывший начальник политотдела
военизированных флотилий
Азово-Черноморского бассейна.

Правда, 1975, 7 мая.

Славные наши подруги

В годы войны я был секретарем парткома гаврилов-ямского льнокомбината «Заря социализма» и хорошо помню, с какой самоотверженностью работали тогда женщины.

Стране, фронту нужно было много тканей. А тут не хватало сырья, топлива, рабочей силы. Остро встал вопрос с кадрами мужских профессий. И всюду женщины показывали пример высокого понимания своего долга перед страной.

В дни битвы под Москвой по четырнадцать часов в сутки не покидала своего рабочего места Г. Лыткина — она ткала ветеринарные бинты, которые очень нужны были на фронте. Ткачиха В. Себелева заменила ушедшего на войну помощника мастера, прядильщица А. Першина первой перешла на машинную ческу льна. Зина Багрова и Таня Лебедева — обе комсомолки — работали трактористами на торфоразработках. Работали, казалось, без устали, увлекая своим примером других девушек. Благодаря им была разрешена проблема топлива.

А. Державин,
бывший секретарь парткома
льнокомбината «Заря социализма».
Правда, 1975, 10 мая.

Отдавали фронту все, что могли

Мой родной аул Хабез лежит в котловине между высоких гор на берегу реки Малый Зеленчук. До революции уделом моих земляков были нищета, бесправие, гнет духовенства и царских чиновников. С Октябрем пришла в аул новая жизнь. Созданный здесь колхоз так и назвали — «Новая жизнь». Первыми большими зданиями, которые поднялись среди мазанок, были школа и Дом культуры. Радостью стал труд. Первый выход в поле, первая борозда были праздниками.

Но в счастливую жизнь ворвалась война. Мирные пахари стали воинами. Ушел на фронт мой отец. Тяжелые вести приходили в наши дома. Зурият Тлисова стала партизанкой. Фашисты зверски замучили девушку-черкешенку. Все село оплакивало Зурият и, как клятву, повторяло ее наказ, переданный из фашистских застенков: «Пусть живет наша любимая Родина!»

Мы, четырнадцати- и пятнадцатилетние мальчишки и девчонки, понимали, что детство для нас кончилось. Работали в МТС, изготовляли запасные части к машинам, ремонтировали детали. Помню, приближалась уборочная страда, а четыре комбайна оставались в усадьбе из-за отсутствия коленчатых валов

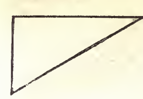
к двигателям. Не было шлифовальных станков для их обработки. Всю ночь мы переоборудовали токарно-винторезный станок, но к утру дело сделали.

Недоедали, спали порой прямо в цехах. Никогда не забуду запах жареной картошки, которую токарь тетя Таня Очередько однажды ночью принесла нам в цех прямо на сковородке. Люди делились друг с другом последним. И все, что могли, отдавали фронту. Жители аула Хабез одними из первых откликнулись на призыв собрать средства на авиаэскадрилью «Красная Черкесия». Как самую дорогую реликвию храню я медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

А. Турашев.

Правда, 1980, 15 апреля.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ

«Возмездие придет!» [1]

Внезапным разбойничьим ночным налетом немцам удалось захватить один из наших городов в районе Минска.

Жители, не успевшие уйти из города, были согнаны на площадь. Пьяное фашистское офицерье, глумясь над населением, прежде всего разлучило матерей с детьми. Детей на грузовиках увезли в одном направлении, матерей погнали в другом... Те из мужчин, которые пробовали протестовать, были брошены на землю, избиты до потери сознания и вывезены за город. Никто их больше не видел.

Оставшихся мужчин немцы стали делить на группы. Евреев, рабочих, пленных красноармейцев, коммунистов, командиров, работников городского Совета поставили в разные места площади и тут же стали чинить расправу. Всех евреев, командиров и пленных красноармейцев били прикладами, топтали сапогами, выламывали пальцы, зубы. И когда избиваемые уже перестали стонать, облили их водой, привели в чувство и заставили тех, кто еще мог двигаться, построиться в шеренгу. Эту шеренгу погнали через город в лес и там расстреляли.

[1] Под этим призывом объединены рассказы трех людей, чудом вырвавшихся из фашистской неволи. Подборка была опубликована в «Правде».

Те из рабочих и советских работников, которых не тронули, ждали своей участи. Они были уверены, что за первой шеренгой последует и вторая.

«Мы были готовы к смерти,— рассказывает рабочий Мураев.— К нам подошел офицер и на ломаном русском языке крикнул, что жизнь будет сохранена тем, кто будет послушно себя вести и хорошо работать. А тот, кто осмелится протестовать, пусть вспомнит то, что он видел сейчас на площади...

После такого напутствия нас согнали в сарай и заперли. Восемь дней мы пробыли там без пищи.

В виде особой милости нам иногда совали ведро мутной, тухлой воды, и несколько десятков заключенных делили между собой каждый глоток. Восемь дней мы медленно умирали с голода. Те из нас, кто был нездоров, так и не дожили до того дня, когда нас послали на работу... А работа заключалась в том, что нас заставили разобрать обломки зданий и чинить дороги. Нам не дали ни лопаты, ни молотков, мы должны были работать голыми руками. Немцы боялись, что молоток или лопата даже у истомленных восьмидневной голодовкой людей может оказаться грозным оружием против них, нашей стражи, вооруженной автоматами.

Обессилевшие от голода люди с трудом ворочали камни, падая от изнеможения. Упавших били нещадно. Но никакая боль от побоев не могла заставить подняться тех, кто и без этого был на грани смерти.

После первого дня работы те из нас, в ком еще осталось хотя немного сил, были вновь согнаны в сарай. Нам дали по маленькому куску хлеба и предупредили, что это вся наша пища на два дня.

Но даже этого кусочка многие проглотить не смогли, у них начались голодные спазмы...»

Мураев,
рабочий.

В деревню Ружаны (Пинской обл.— *Ред.*) немецкие банды ворвались на рассвете. Вылетевшие за околицу фашистские головорезы пулеметами преградили путь группе беженцев. Они пригнали их обратно в центр селения, затем собрали сюда всех жителей деревни, тщательно обыскали всех, отобрав все, вплоть до носовых платков.

После этого палачи начали издеваться над беззащитными женщинами, стариками и детьми. Они выстроили всех их в две шеренги и заставили поднять руки вверх. Так с поднятыми руками людей продержали более двух часов. Затем из группы отобрали четырех крестьян-евреев и 11 крестьян-бело-

русов и тут же, на глазах у толпы, расстреляли. Всех тех, кто был свидетелем этой кровавой расправы, затем заставили закапывать расстрелянных.

Но и это все еще было только началом мучений ни в чем не повинных людей. Немецкий конвой сел на лошадей и погнал захваченных беженцев и крестьян в тыл. Это была дорога смерти, усеянная трупами женщин и стариков. Если кто-либо из беженцев отставал, то его немедленно пристреливали на месте. В течение трех дней беженцам ничего не давали есть.

Из десятков захваченных мирных жителей только единицы выдержали этот кошмарный путь, полный непередаваемых ужасов и мучений.

Чимбург,
колхозник.

Если бы мне месяц назад сказали, что есть на земле люди, способные на такие гнусные зверства, какие чинят германские фашисты в Бресте, я не поверила бы[1]. Только хищные звери могут так терзать людей.

Ворвавшись в город, фашистские бандиты занялись грабежом. День и ночь они рыскали по квартирам, забирали все, что можно взять. Там, где ночью им не открывали квартир, фашисты силой выламывали двери, убивали обитателей жилищ, расхищая и уничтожая их имущество.

24 июня гестаповцы согнали на футбольное поле много мирных жителей Бреста. Тут были белорусы, поляки, украинцы, русские, евреи, здесь были мужчины и женщины, старики и дети. У многих женщин на руках были грудные дети. Путь к футбольному полю был ужасен. Удары прикладов фашистские изверги обрушивали на головы своих жертв. Не пот, а алая кровь струилась с лиц мужчин и женщин.

Но настоящая дикая расправа над безоружными людьми началась на футбольном поле. Фашистские изуверы, садисты начали расстреливать людей поодиночке. На глазах у матерей расстреливали их детей. Одна молодая женщина крепко прижала к груди своего плачущего младенца. Жирный фашистский изверг вырвал у матери ребенка и с силой бросил его на землю. Мать бросилась, как львица, на душегуба, но другой фашист сбил ее с ног ударом приклада в голову. Над полем стояли стон, крики, неистовые вопли, плач, рыдания. Мужчины стояли молча, спокойно. Только в глазах их можно было прочесть великую ненависть к лютым врагам.

[1] Елену Ковальчук, рассказ которой поместила «Правда», партизаны нашли в лесу почти в бессознательном состоянии. Спасшись бегством от фашистов, она поведала, какой ад они уготовили мирным жителям Бреста.

Оставшимся в живых фашистский офицер скомандовал: «Бегите!» — и толпа побежала. Вслед бегущим застрочил пулемет. Поле покрылось трупами. Меж трупов убитых с земли привстал смертельно раненный старик с окровавленной головой. Он поднял кверху сжатый кулак и крикнул палачам:

— Помните, гады, придет возмездие, и скоро придет. Сыны наши, Красная Армия отомстят за нас!

Подбежавшие фашисты затоптали старика своими грязными сапогами.

После расправы на футбольном поле не проходило ни одного дня без новых кровавых жертв. Несколько дней я скрывалась на чердаке одного дома. Темной ночью бежала из города, как из ада, где воздух отравлен смрадом гниющих трупов. Три дня бродила я голодная, обессилевшая по лесу. Много других жителей каждый день бежит из города куда глаза глядят.

Братья, родненькие! Бейте фашистских разбойников, истребляйте лютых злодеев. Муж мой, младший лейтенант, бьется с врагами. И я буду драться до последнего вздоха с фашистскими разбойниками, палачами, грабителями.

Елена Ковальчук.

Правда, 1941, 11 августа.

Рассказ радиста

Фашистские пилоты не могли не заметить наших опознавательных знаков, не могли не видеть, что перед ними плавучий госпиталь [1]. Несмотря на это, они сбросили бомбы. Раздались оглушительные взрывы. Теплоход содрогнулся. Выглянув из рубки, я увидел, что взрывной волной (бомбы взорвались рядом с бортом) повреждено все антенное хозяйство. Тут же я получил распоряжение от капитана немедленно восстановить связь и принялся за установку запасной антенны.

Связь была восстановлена. Я настраивал передатчик. Было около пяти часов вечера, когда снова раздался сигнал воздушной тревоги. Вслед за этим я услышал сильный грохот. Потом стало тихо. С трудом открыв заклинившуюся дверь рубки, я увидел, что из стенки левого борта вырывается пламя. Погас

[1] 19 августа 1941 года госпитальное судно «Сибирь», на борту которого были эвакуированные женщины, дети, раненые красноармейцы, шло из Таллина в Ленинград. Фашистские летчики подвергли судно зверской бомбардировке. В результате многие погибли в огне, потонули, были расстреляны на плотах и шлюпках пулеметными очередями гитлеровских извергов. Публикация «Правды» о зверской расправе гитлеровцев с беззащитными пассажирами вызвала гневные отклики советских людей.

свет. Схватив огнетушитель, я побежал к месту пожара. Сюда же примчались боцман И. Павлов и помощник капитана В. Мамлыга. Но попытки ликвидировать пожар ни к чему не привели. Сильный ветер разносил огонь, и вскоре он перекинулся на правый борт. Шланги бездействовали, потому что было повреждено машинное отделение.

Всюду на судне виднелись следы бомбардировки, картины ужасных разрушений, тем более ужасных, что за минуты перед тем здесь был лазарет с обычными для него тишиной, чистотой и порядком. Отовсюду слышались хрипы умирающих, крики женщин, плач детей.

Спасти раненых, сохранить всех уцелевших — вот какую задачу поставили перед собой командиры судна. Но эта задача оказалась невыполнимой.

Часть шлюпок была разбита в результате бомбежки, остальные не могли принять даже женщин и детей.

Возле перегруженных шлюпок в воде барахтались сотни людей. Команда стала бросать им спасательные пояса, доски, спасательные круги. И люди, видя самоотверженность команды, не покидавшей горящего судна, поверили в свое спасение. Пользуясь любыми средствами, они пытались продержаться на воде до подхода помощи. Но многим не пришлось ее дождаться. Подлые воздушные бандиты с бреющего полета стали хладнокровно расстреливать спасавшихся, пуская одну пулеметную очередь за другой.

Трудно передать потрясающие подробности этой чудовищно зверской расправы гитлеровских убийц над беззащитными и беспомощными людьми. Зарево пожара освещало трагическую картину: тяжелораненые, обезумевшие матери с детьми пытались плыть, держась за обломки судна. Но их настигали пули палачей.

Около двух часов пришлось мне пробыть в воде, пока меня не заметили с катера и не подобрали. Здесь уже было много спасенных. На следующий день мы прибыли на Гогланд.

А. Чистяков.

Гнев и боль

Из Таллина эвакуировалась я вместе со своей старшей сестрой Вирлайт. И как только я называю ее имя, сразу она возникает в памяти с трехмесячным ребенком на руках... Несчастная сестра.

Мы были у себя в каюте, когда раздался второй сигнал тревоги. Грохот разрыва фугасной бомбы я услышала в тот момент, когда все тело мое пронизала страшная боль. Крупный

осколок раздробил мне правую руку. Едва мне успели помочь, крепко перетянуть раненую руку, как раздался второй взрыв. Всю середину корабля быстро охватило огнем. Спасаясь от пламени, мы все бросились на палубу — в ту сторону, где еще не было огня.

Пламя распространялось быстро. Мы вынуждены были броситься в воду. Сестра, выбившись из сил, выпустила из окоченевших рук своего трехмесячного малютку, и он на наших глазах утонул. Я поплыла, ухватившись за какую-то крупную деревянную деталь корабля, носившуюся по волнам. Потом я взобралась на этот своеобразный плот, который спас жизнь не только мне, но еще троим мужчинам и одной старой женщине. Несколько часов носило наш плот по волнам, пока не показался вблизи корабль, подобравший нас.

Сейчас, лежа в госпитале, свою боль и свое горе я забываю, глядя на соседнюю койку, на которой лежит шестилетняя Марет Луйк. У нее тяжелые ожоги всего тела. Девочка ехала на пароходе со своей матерью, но теперь она одна... Маленькую Марет спас раненый краснофлотец. Он спрыгнул в воду с горящего корабля, привязав к себе девочку ремнем. Держался в воде до тех пор, пока его и ребенка не подобрали.

На всю жизнь запомнит Марет двуногих зверей, лишивших ее матери.

Вирве Лаас.

Из объятий смерти

Я ехала из Таллина на «Сибири» с полуторагодовалым ребенком. Около пяти часов дня 19 августа, находясь в своей каюте, я услышала сигнал воздушной тревоги, за которым вскоре последовал сильный взрыв. Я схватила на руки ребенка, прижала его к себе. Вдруг раздался новый взрыв. Меня выбросило из каюты в коридор, ударило о стену, и в этот момент вокруг обрушились горящие обломки. Я почувствовала страшную боль в правой руке, в которой держала ребенка, и упала в беспамятстве. Очнулась я через несколько минут от взрыва новой бомбы. Голова сына была вся в крови. Я бросилась в конец коридора, куда еще не подобралось пламя. Сделала это вовремя. Через секунду на том месте, где я очнулась, все уже было завалено горящими бревнами, обгоревшими людьми, провалившимися сверху.

Выскочив на палубу, я увидела, что все уцелевшие от бомбежки лодки уже спущены на воду. Пассажиры метались в страхе и отчаянии, а фашистские негодяи продолжали сбрасывать бомбы, расстреливать нас пулеметным огнем. Ливнем

пуль поливали фашисты и первые группы раненых, заполнивших лодки. Я побежала на правый борт корабля. От борта отчаливала переполненная лодка. Меня стали звать вниз. Держа ребенка в левой руке, я спрыгнула в лодку. Не успели мы отвалить от борта «Сибири», как вдруг налетевшая сильная волна перевернула лодку. Все находившиеся в ней оказались в воде. Холодная вода жгла. Сломанная правая рука не действовала. При падении в воду ребенок выскользнул у меня из рук. Я видела, как налетевшая волна подхватила моего несчастного мальчика и отшвырнула далеко в сторону.

Почти пять часов я провела в холодной воде, судорожно ухватившись здоровой рукой за обломок бревна. Затем я обессилела, начались судороги в ногах. В полной темноте, когда я уже теряла сознание, меня спасла команда траулера, посланного на розыски погибающих.

Краснофлотцы буквально вырвали меня из объятий смерти. Они привели меня в чувство, дали сухое платье, оказали первую медицинскую помощь. Неделю пролежала я в кронштадтском госпитале, затем меня перевели в Ленинград.

Я верю, что подлый враг будет разбит и окончательно уничтожен. За слезы и страдания матерей, потерявших своих детей, за слезы сирот, матери которых погибли в холодной пучине Финского залива, врагу будет воздано сполна.

Ия Виснапу.

Правда, 1941, 12 сентября.

Близок час расплаты

В наш госпиталь часто доставляются раненые дети — жертвы зверской расправы фашистских разбойников над мирным населением.

2 августа недалеко от местечка Я. дети А. Н. Шпоков — 13 лет, А. В. Гавришев — 14 лет, И. Я. Конашенко — 12 лет и Н. С. Даньгин — 13 лет гнали коров. Немецкий самолет снизился и дал несколько очередей по коровам. Дети отбежали в сторону. Стервятник развернулся и бросил в беззащитных ребят бомбу. Все они получили ранения ног и рук и в тяжелом состоянии были доставлены в наш госпиталь.

Недалеко от этого местечка в наше расположение прорвался фашистский танк. Танкист догнал мальчика П. В. Минченкова, 12 лет, и стал у него выпытывать, в каком месте находятся наши войска. Мальчик не промолвил ни слова. Тогда изверг вонзил ему в живот кинжал. Мальчика доставили к нам в госпиталь. Фашистского танкиста окружили и взяли вместе с танком.

В госпиталь была доставлена Женя — девочка 4 лет. Ей фашистские мерзавцы разрезали живот, поломали руки и ноги. 3 августа она умерла.

Всех издевательств, чинимых гитлеровскими разбойниками, описать невозможно. Мы уверены, что близок час расплаты за поруганные, разграбленные города и села, за издевательства и насилия над мирным населением, за убитых детей, женщин и стариков. Красная Армия выполнит свой долг перед Родиной, очистит нашу землю от фашистских разбойников и сметет с лица земли кровожадный фашизм.

И. Минин,
военком госпиталя, политрук.
Правда, 1941, 27 сентября.

Биться до последнего вздоха

Сказать о них звери — мало. Фашист — больше, чем зверь. Это изверг. Людоед.

Кровь, человеческая кровь, истребление людей — вот что питает фашиста, вот что держит его на ногах.

Мы никогда не простим кровавому Гитлеру смерть наших отцов и матерей, истязания наших сестер и жен, убийство наших детей! Никогда! Мы отомстим, отомстим за все!

Город Т. издревле мирный русский город. Здесь бывал Пушкин. Здесь люди жили мирно. Здесь вырастал русский мастеровой народ.

Мы прошли по улицам города. Нам не забыть, что сделали с ним гитлеровские стервятники. Нам не простить им этого вовек!

Груды развалин вместо домов. Пепелища вместо улиц и площадей. Здесь не было ни военных объектов, ни воинских частей. Но это ли могло остановить фашистских коршунов?

Вот школа. Здесь учились дети. Сюда они собирались на пионерские вечера. Здесь проходило их счастливое детство. Ее — школу — избрали фашистские летчики своей мишенью. Разбиты стены. Снесена крыша...

Вот аптека. Почта. Кино. Городской театр. Что стало с этими мирными учреждениями? Они разрушены до основания. На них фашисты сбросили свой смертоносный груз. Под обломками этих зданий погребены десятки невинных людей.

Вот больница и городская поликлиника. Гитлеровские негодяи, воздушные дьяволы отлично видели санитарные знаки. Они прекрасно знали, что здесь лежат больные, беспомощные

люди. Но их ли, этих двуногих зверей, могло это остановить! Они, как хищники, обрушились на эти здания. На них они сбросили свои бомбы. Изверги! Разве их могло что-нибудь усовестить? Да и можно ли говорить о головорезе с совестью? Мастера живодерского дела, они справляли свое кровавое пиршество с дьявольским хладнокровием и спокойствием. Но и этого им казалось мало. На самолетах они гнались за убегающими женщинами, детьми, стариками, строча по ним из пулеметов.

Вот лежит еще не остывший труп работницы Кузнецовой. Вот труп старика с пробитой головой. Рядом три трупа детей.

Вот работница Мария Лебедева. Фашисты разрушили ее дом. Они убили ее двух детей. Они сожгли ее стариков.

Мы видели, как, обливаясь слезами, обезумевшие от горя матери разыскивали под обломками домов своих детей. Мы слышали предсмертные стоны стариков...

Когда смотришь на наши советские деревни, где побывали гитлеровские живодеры, кровь стынет в жилах.

В селе М. они пробыли только три дня. Могучим ударом их вышибли из села. Но что они натворили за эти три дня! В селе не осталось ни одного целого дома. На улицах валяются тысячи разодранных книг. Они не успели предать их огню. Магазины и склады разграблены. У колхозников фашисты забрали не только весь скот, но и все теплые вещи, вплоть до детских валенок и байковых платьев.

Но и этого им было мало. Душа фашиста жаждет крови, человеческой крови! Они согнали в церковь больше ста стариков, не успевших уйти из села, и три дня пытали их. Они им не давали есть. Каждый день фашисты угрожали им смертью. И наверняка расстреляли бы этих невинных людей, но сделать этого они не успели. Раньше, чем они осуществили это кровавое злодеяние, их вышибли из села. Но даже в момент своего бегства фашисты не могли смириться с тем, что старики остаются нетронутыми. И они открыли огонь из пулеметов по церкви, где взаперти сидели старики. Негодяи убили и ранили несколько человек.

На улицах М. мы видели трупы убитых и замученных колхозниц.

Над пленными красноармейцами гитлеровцы издеваются с дьявольской изощренностью. Они колют их штыками, бьют прикладами.

Наши войска выбили только что фашистов из деревни В. Вот что рассказывает лейтенант Кузнецов, который был выручен своими товарищами из фашистского плена:

— Я был тяжело ранен. Лежал без сознания. Когда наше подразделение отошло на новый рубеж, меня схватили фашистские бандиты и бросили в сарай. Вскоре сюда же бросили еще одного тяжелораненого красноармейца. Оба мы истекали кровью. Но перевязать друг друга нам категорически запретили. Невыносимо хотелось пить, но пить нам не дали. После долгих, ужасных издевательств над нами фашисты принесли помои и вылили их в свинячью кормушку. Сюда же они впустили свинью. Сначала к кормушке они подвели свинью, а потом подтащили нас и заставили пить вместе со свиньей...

Когда наша часть выбила фашистов из деревни, лейтенанта Кузнецова нашли чуть живым. Тело красноармейца Б. было уже бездыханным.

Все эти злодеяния взывают к мщению. Биться, биться до последнего вздоха, биться, пока не будет уничтожен последний гитлеровец на нашей священной земле!

Шопан Конуспаев,
старший политрук,
депутат Верховного Совета СССР.
Правда, 1941, 5 декабря.

Изверги

После того как наш гвардейский полк отбил атаку вражеских танков, немцы устроили для себя перерыв. Мы знали, что этот перерыв будет продолжаться недолго, знали, что фашисты готовятся к новой атаке. Всю ночь мы подносили боеприпасы, улучшали свои окопы.

Рано утром немцы открыли сильный артиллерийский и минометный огонь. Снаряды рвались вокруг меня. Я спрятался на дно щели и продержался там до тех пор, пока не прекратился обстрел. Потом выглянул — не видно ли противника? Перед моими глазами открылась страшная, чудовищная картина.

Около ста женщин, низко склонив головы, медленно шли по направлению к нашим окопам. Некоторые из них были с грудными детьми, другие вели своих ребятишек под руки. Вдруг раздалась пулеметная очередь. Откуда? Только теперь я заметил, что позади этой пестрой толпы движутся немецкие танки. Так вот для чего понадобился гитлеровцам перерыв. Так вот какой подготовкой к бою занимались они всю ночь! Прикрываясь невинными советскими людьми, они решили вплотную подойти к нашим позициям. Коварная, зверская, подлая затея!

Некоторые женщины упали, обливаясь кровью. Раздалась еще одна пулеметная очередь, и новая группа невинных свалилась, подкошенная вражеским огнем. Как видно, другого способа враг не мог найти для того, чтобы подгонять свои жертвы. Вдруг та, которая шла впереди (она и сейчас перед моими глазами в белом платье, с ребенком на руках), обернулась и пошла назад. Остальные женщины сделали то же. Вся толпа молча двигалась навстречу танкам.

Фашисты открыли по мученицам шквальный огонь. Лишь небольшая группа женщин уцелела. Но через минуту и они погибли, раздавленные гусеницами. Наши артиллеристы дали залп. Два танка загорелись. Остальные — их было около тридцати — продолжали двигаться. Сбоку начали стрелять наши бронебойщики. У меня была винтовка, у красноармейца Руденко, который стоял рядом со мной,— автомат. Мы тоже не сдержались и, хотя знали, что наши пули бессильны против фашистской брони, открыли огонь. Сама ненависть руководила нами в эту минуту.

Впереди нас, уступом вправо, располагались метатели гранат и зажигательных бутылок. Танки подошли к ним. Бойцы, высунувшись из окопа, обрушили на врага все, чем они располагали. Из машин повалил черный дым, перемешанный с красными языками пламени. И танки, и наши бойцы — все было окутано дымом.

Прошло некоторое время. Черная туча дыма рассеялась. Три сгоревших танка стояли на месте. Остальные утюжили окопы, в которых располагались наши истребители. Бойцы не покидали своих убежищ. Они знали, что гусеницы не страшны тому, кто закопался в землю.

Д. Бирюков,
гвардии красноармеец.
Правда, 1942, 28 июля.

Акт

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в нижеследующем:

Немецкие разбойники, захватив совхоз Дивногорье Воронежской области, учинили там повальный грабеж: забрали одежду, обувь, белье, домашнюю утварь, даже детские игрушки. Забрав вещи, гитлеровцы начали обирать все съестное, бить овец, резать скот.

Железнодорожник Ефим Поставничий по разрешению коменданта пошел к жене на разъезд. Поставничий оттуда не возвратился. Комендант расстрелял его семью: дочь 20 лет,

невестку с тремя детьми. Жителей заставили копать для расстрелянных могилу и объявили, что все, кто попытается выйти за пределы совхоза без пропуска коменданта, подвергнутся той же участи.

Фашисты грабят, убивают и насилуют мирных советских граждан. Расстреляна вся семья одного колхозника, попытавшегося пойти за вещами в село С. Работавшие в поле женщины изнасилованы.

Капитан *Чистяков*, старший лейтенант *Манченко*,
техник-интендант *Мееровский;*
жители совхоза *Дивногорье: А. Н. Трезубов,*
Н. А. Шаповало, Н. Ф. Апенок, П. В. Гречухин,
Н. П. Власов, А. И. Воротягин, А. А. Шаповалова,
Е. Ф. Шаповалов, М. А. Шаповалова, А. Я. Фролова,
Я. Апенак.

Правда, 1942, 30 октября.

«Живы только я да Кланя...»

«Кто подымет эту записку, прошу переслать по адресу: Москва, Арсеньевский переулок, дом 7, квартира 1. Екатерине Михайловне В.[1]

Дорогая мамочка, сообщаю тебе, что из нашей семьи остались живы только я да Кланя. Остальные все погибли. Дарья умерла от тифа. Кланя же находится с теткой Аксиньей. Вот уже четвертый месяц я о них ничего не знаю. Меня угнали работать, а их выгнали из той деревни, где мы жили. В то время, как немцы убили нашего Мишу, они ранили и Мишку (маленького) очень тяжело, и его положили в лазарет. Но когда немцы отступали, то не знаем, куда его девали. Тетка Аксинья имеет при себе теперь троих — Нину, Васю и Кланю, если только они живы. А нас, которые побольше, всех угнали.

[1] Публикуя эту заметку, «Правда» 17 марта 1943 года сообщила и некоторые подробности о том, как ее нашли... В освобожденной от фашистских оккупантов смоленской деревне, что неподалеку от станции Милятинский Завод, красноармеец поднял лежавшую на дороге спичечную коробку, в которой оказалась записка. Тотчас разыскали в Москве Танину мать, Екатерину Михайловну Василькову, работницу одной из московских плодоовощных баз. Она рассказала корреспонденту «Правды»: «Мои дети учились в школе № 553. В мае 1941 года, когда Таня окончила семилетку, Миша — шестой класс, а Клава — четвертый, они поехали в деревню Ивищи Изноковского района, где проживали наши родные». Вскоре началась война, и родители почти потеряли связь со своими детьми.

Ты еще не видела, сколько здесь умерло людей, как их хоронили. Из нашей деревни умерло еще до августа 1942 года 36 человек. Погибли дядя Костя и тетка Анна. Нас из дому выгнали 3 января. Я вышла только в том, в чем была одета. И то все уже давно изношенное. Тетка Маша погибла в июне 1942 года.

Таня В.»

Правда, 1943, 17 марта.

Письмо дописано через 37 лет...[1]

Деревню Ивищи фашисты заняли в октябре 1941 года. Начался дикий произвол. Фашисты отобрали у крестьян всю живность, продукты, выгнали их из домов. Люди жили в подвалах, погребах, наскоро сделанных в лесу землянках. В феврале 1942 года в районе деревни Ивищи наши части перешли в наступление. Гитлеровцы приказали всем жителям Ивищ от десяти лет и старше срочно отправиться на работы по укреплению их оборонительного рубежа. Питания нам никакого не давали — сами кормились как умели. Некоторые стали пухнуть от голода — их сразу расстреливали.

Части Красной Армии приближались. Фашистские солдаты согнали все население Ивищ на большак и стали буквально вытаскивать из толпы детей и молодежь. Отбирали у родителей даже восьмилетних. Полуразутых и полураздетых нас погнали на запад. Ели мы то, что удавалось достать по пути в населенных пунктах. Тех, кто не мог идти, расстреливали. Оставшихся в живых довели до Могилева. Оттуда тех, кто постарше да покрепче, силой отправили в Германию, остальных разместили в сараях и скотных дворах...

Т. П. Ряховская.

Правда, 1980, 4 февраля.

[1] Когда «Правда» вторично опубликовала записку Таии В., на нее откликнулись сама ее автор — Татьяна Павловиа Ряховская, родствеиники, друзья. Из их писем вырисовывались судьбы людей, упомяиутых в записке. «Мишка маленький» — двоюродный брат Т. П. Ряховской, раненный, оказался в госпитале, где фашистские врачи проводили на нем, как и па других русских детях, опыты. В результате Миша стал инвалидом. В 1981 году Михаил Степанович Мировов жил в Москве, работал мастером иа одиом из заводов.

Отец Тани, Павел Михайлович Васильков, в 1941 году погиб в бою, обороняя Москву, мать умерла в 1965 году. Сестра Клавдия Павловна Яковенко, о которой говорилось в записке, проживает в городе Подольске Московской области.

Надписи в застенке [1]

Отомстите за нас! Пускай весь мир знает и поймет, как зверски уничтожали наших детей. Наши дни уже сочтены, прощайте!

Пусть весь мир знает и не забудет отомстить за наших невинных детей. Женщины всего мира! Вспомните и поймите все зверства, которые произошли в XX веке с нашими невинными детьми. Моего ребенка уже нет...

Правда, 1944, 20 декабря.

«Я не умер, мама...»

Мама. На отдыхе я. А поэтому есть время с тобой поговорить. Очень жаль, что разговор наш будет последний. Хорошо бы ты это письмо [2] никогда не получала, а дождалась бы меня. Я напишу его и буду носить на груди, если убьют, хоть и запоздало, но все же мы с тобой, как раньше, вдвоем потолкуем.

Я ушел на время от вас. Ты не плачь, мама! Я тебя только прошу о сыне — об Алешке. Ведь у него тогда и отца не будет. Погладь ты его по головке, сказку ему расскажи и за меня поцелуй.

Вот уже год, как я из плена бежал. А за полгода в плену чего я не видел!.. Мама, трудно представить и в голове поместить. Я как вспомню, так думаю, будь они слова, чтоб выругать, трудно для них подобрать. Тысяча раз всеми народами мира в преисподней прокляты так, чтобы вечно смердили и черви земные и те бы отказались от них.

Стариков, пожилых стариков аккуратно друг против друга рядами в землю по пояс зарывали, паклю расстилали меж

[1] В конце 1943 года в один из концентрационных лагерей в Каунасе были пригнаны мирные жители. Среди 1500 человек насчитывалось около трехсот детей. В начале 1944 года всех детей в возрасте от шести до двенадцати лет увезли в неизвестном направлении. Один из свидетелей этого варварского преступления фашистов рассказал: «На моих глазах происходили душераздирающие сцены: у матерей отбирали детей и отправляли неизвестно куда, а многие дети погибли при расстреле вместе с матерями...»

После освобождения Советской Армией Литовской ССР Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников обнаружила внутри лагеря на стенах здания надписи об этом злодеянии фашистских извергов.

[2] В архиве «Правды» хранится копия этого письма. Оригинал его был передан по адресу матери Павла Яблочкина, бывшего колхозника из села Якшино на Волге. С первых дней войны П. Яблочкин был на фронте, оказавшись в плену, бежал и снова с оружием в руках бил врага. Был награжден орденами. Погиб в боях в Восточной Пруссии весной 1945 года.

них. Облив керосином и из пламя услышав душу раздирающие вопли, проклятые, они деревянно, как идолы, все хохотали.

Мама.

Таких ребятишек, как Алик, из рук матерей вырывали и тут же, взявши за ноги, с размаху в колодец бросали.

Я в бога не верил, ты, мама, знаешь. Но в эти минуты просил всю вселенную, душою просил, чтоб не лопнули нервы. Многие из нас не могли устоять, падали или на помощь бросались, им в ноги стреляли и тут же плетьми с них одежду снимали. Солью, как мясо, тела методично обливали водой, чтоб память пришла, посыпали[1] и, разъярившись, как звери, уже мертвых они на куски разрубали.

Напакостив, гады, они удирают. Как призраков сейчас боятся нас. Но правда настигнет и везде их найдет. Суд им правдивый, суровый народ всего мира за бездну страданий и муки после войны учинит.

Ты не плачь. Я не умер, а ушел от вас, мама, как многие ушли, такие же, как я. Ушли мы в борьбе за народ, сметая с земли варварство, рабство. Ушли за будущее светлое не только нашего, но и всех народов земли.

Мама. Вот кончится война, подлечит глубокие раны страна, и снова вольготно народ заживет. Глядишь, и мой Алик школу кончит, на машиниста учиться пойдет.

Бесчеловечно, стыдно будет тем, кто поможет опять разнуздать таких, как вот эти. Весь мир не допустит, чтобы гунны вторично на землю сошли.

Стройте, живите, трудитесь, учитесь и, если вы нас хотите почетней почтить, в короткое время дружнее разбейте врага и раны войны залечите, для всех счастливую жизнь создайте...

Прощайте, Алик и мама! Обоих крепко целую.

Я засиделся. Иду отдыхать. Товарищи мои — чудо-воины спят.

Ваш *Яблочкин Павел.*

Архив «Правды», отдел писем,
1945, № 65555, л. 11—12 (копия).

Сильнее смерти

Хочу рассказать о человеке, который погиб в августе 1941 года и не оставил ничего, что позволило бы узнать его фамилию, отыскать его родных.

Произошло это у опушки леса, примерно в трех километрах от города Слонима Гродненской области. Гитлеровцы при-

[1] Так в тексте.

везли туда тридцать смертников — измученных, истерзанных, можно сказать, полуживых. Рядом — Слоним, и фашисты решили позабавиться: направились грабить местное население. Они бросили пленных на опушке, уверенные, что те уже не в силах ни бежать, ни сопротивляться. Впрочем, караулить пленных остался гитлеровец с автоматом, готовый открыть огонь, если только кто-то пошевелится.

Я тогда был мальчишкой. Мы, дети, находились поблизости и хорошо видели, как один из наших пленных бросился на вооруженного до зубов фашиста и закричал:

— Бегите, братцы!

Это было неожиданно, но все пленные, собрав последние силы, бросились к лесу. Лес был густой, он тянулся на много километров, гитлеровцы обычно избегали таких мест. Смельчак сперва повалил часового, потом вскочил и увидел, что фашистские солдаты приближаются к месту происшествия. Он побежал не к лесу, а в обратную сторону, отвлекая внимание на себя, чтобы товарищи могли скрыться. Он сознательно пошел на смерть ради спасения товарищей.

Позднее жители деревни Цивинщины похоронили героя на том месте, где его настигла фашистская пуля. Многие его товарищи, быть может, живы и, наверное, не знают, кому обязаны своей жизнью.

П. Середа,
инженер аэропорта.
Правда, 1967, 8 мая.

Мы помним

Утро... Оно было таким, какими всегда бывают летние рассветы в Полесье: тихим, безоблачным. И вдруг появился странный звук. Первыми услышали его собаки. Подняли лай, разбудили людей. Что это? Танки? Вряд ли. Им не добраться к селу по сплошным топям и болотам. А может, автомобили?

Догадка вскоре подтвердилась. В первую от леса хату влетел пастушонок и, едва переводя дыхание, выпалил:

— Фашисты. Близко. На двух машинах. Одна какая-то странная, вроде автолавки.

Тревожная новость с быстротой молнии разнеслась по селу. Почему с автолавкой? Торговать? На гитлеровцев это непохоже. Грабить — вот их дело.

Да, пастушок оказался прав. У сельсовета действительно остановилась автолавка. Выложив товар, гитлеровцы велели людям собираться. Это, мол, германское командование, узнав, что население лесных сел нуждается в товарах, прислало им подарки.

С наступлением темноты «торговцы» собрали свои пожитки. Не знали копышанцы, что приговор их селу, как и многим другим, связанным с партизанами, был вынесен давно.

Утром они увидели, что село окружено. В воздухе с ревом проносились фашистские стервятники. «Людоньки, ратуйте!» — неслось от двора к двору. Плач, крики и автоматные очереди смешались воедино. Фашисты спешили. Хватали всех подряд — стариков, детей, заталкивали в сараи и поджигали. Охваченные пламенем, люди выскакивали из огня, метались по пожарищам и падали, сраженные автоматными очередями.

Мария Бондарчук очнулась в дыму. Горел сухой потолок, дымились деревянные стены. Собрав последние силы, Мария поползла. «Скорей, скорей,— полусознательно твердила себе и двигалась к двери.— Ушли, наверное. А если нет?» Чуть приоткрыла дверь. Выглянула наружу — никого. Тогда она вылезла из полыхавшего сарая и поползла в огород.

В живых копышанцев осталось немного. Прасковья Комаревич, Марья Бондарчук, Иван Ковальчук и Прися Зиньковец. Четверо.

Ивана Ковальчука бросили в огонь одним из первых: его дом стоял в том месте, откуда фашисты подожгли село. Но Ковальчук выбрался из огня, побежал. Полоснула автоматная очередь. Больно ударило в грудь, Ковальчук побежал дальше. Кубарем скатился в коноплю.

Когда над лесом взошло солнце, оно не узнало опушки. Голая, выгоревшая, почерневшая от дыма земля. Не было кому плакать. В огне и под пулями погибло 2882 человека. Из них 1347 детей. В пепел и дым превратилось 600 дворов. Об этом помнят и не забывают ни те, кто остался в живых, ни те, кто поселился здесь после войны [1].

Н. Горлицкий.
Правда, 1968, 14 сентября.

Девочка № 5617

Я — Козловская Клавдия Онуфриевна, 1927 года рождения, белоруска. Когда началась война, окончила 6 классов, была пионеркой. Отец работал машинистом на Енакиевском металлургическом заводе, мать — домохозяйка.

[1] На братской могиле в селе Копыши, в которой захоронены жертвы фашистского разбоя, стоит памятник. В горестном забытьи склонили головы мужчина и женщина. Приспущен флаг. В руках мужчины зажата шапка. Женщина опустила к земле платок. На памятнике надпись: «Вечная слава советским людям, отдавшим жизнь за честь и независимость своей Родины».

Меня девочкой фашисты насильно угнали из Енакиева в Германию. По их «паспорту» — аусвайсу — я значилась под номером 5617. Это был документ бывшего человека. В 14—15-летнем возрасте такие, как я, советские девушки были лишены человеческих прав и фактически превращены в рабочий скот. У меня взяли отпечатки пальцев, как у преступницы,— эти отпечатки были в моем «паспорте».

Три года постоянного унижения и непосильного каторжного труда в лагере Мельдорф — этого не забудешь. Нас освободила Победа сорок пятого года, Великая Победа Советской Армии. Она вернула нам свободу и Родину[1].

К. Козловская.
Правда, 1970, 6 мая.

Не стыдясь слез

Мне было четыре года, когда наше село оккупировали фашисты. Это недалеко от Брянска. Мать со мною и двухлетней сестренкой вскоре оказались в лагере смерти Саласпилс.

Барак был маленький, нары в несколько ярусов. Нас почти не кормили. Чтобы не умереть от голода, люди ели кору. Фашисты брали кровь у детей, не избежал этого и я. Когда очнулся, руки были перевязаны. После этого тяжело заболел. Выжил чудом. Дети умирали ежедневно.

В мае прошлого года я побывал в Саласпилсском мемориале. Не буду говорить о своих чувствах — они понятны каждому. Не смог молча слушать экскурсовода, рассказал пришедшим людям о том, что знаю сам. Не стыдился слез. Плакали и те, кто слушал меня.

Вспомнил, как нас освободили,— это произошло уже в другом лагере, пересыльном. Танк ворвался в лагерь, и тотчас же его окружили узники, тянулись к лейтенанту, поднимавшемуся из люка. И потрясающий случай: одна из узниц узнала в лейтенанте сына! А он долго не мог спознать свою мать — настолько она изменилась.

Тяжело вспоминать все это. Но и забывать, что такое фашизм, нельзя!

Е. Мирошниченко,
бывший узник Саласпилса.
Правда, 1980, 14 апреля.

[1] Вернувшись после войны на Родину, К. Козловская поступила на металлургический завод, где работал ее отец. Работала и училась в вечерней школе, в горном техникуме, а затем в Донецком политехническом институте. С дипломом горного инженера К. Козловская работает по специальности.

Побратимы

Латышская деревня Аудрини и русская Красуха — друзья по тяжким испытаниям и мужеству. В годы Великой Отечественной войны аудринцы, находясь в оккупации, тайком от гитлеровцев кормили измученных и голодных военнопленных. Фашисты расстреляли более ста мужчин из этой деревни, а на месте поселка оставили пепел и головни. Псковскую Красуху враги сожгли вместе с ее жителями.

Десятилетия прошли с той страшной поры. Отстроилась Аудрини, стала еще живописней, чем до войны. Земли Красухи вошли в совхоз «Полоное», и на них стеной поднимаются хлеба. Но память о трагедии сохранилась в сердцах людей. В Аудрини воздвигнут величественный монумент в честь невинно погибших. На холме, где стояла когда-то деревня Красуха, под раскидистой плакучей ивой навечно присела «Скорбящая псковитянка» — скульптура, которая волнует каждого, кто проезжает по шоссе из Порхова в Остров.

Пословица гласит: друзья познаются в беде. Когда беженцы из Латвии летом сорок первого года проходили Красуху, русские женщины выносили картошку. А в сорок третьем, когда фашисты насильно угнали в оккупированную Латвию тысячи жителей псковских деревень, латыши делились с ними последним.

Мы не забыли о трагедии Аудрини. Аудринцы помнят, что случилось с Красухой в хмурое утро 27 ноября 1943 года. И когда на общем собрании нашего совхоза было предложено назвать лучшую улицу центральной усадьбы совхоза «Полоное» улицей Аудрини, это встретило поддержку всех. А вновь отстроенная улица в Аудрини стала называться улицей Красуха.

Связи наши стали воистину братскими. Мы ездим друг к другу. Надо видеть латышских ребятишек: с каким волнением они каждую весну кладут цветы к подножию «Скорбящей матери»! С какой настойчивостью юные следопыты разыскивают чудом оставшихся в живых свидетелей трагедии Красухи, записывают их рассказы!

Пролитая на войне кровь навеки сдружила жителей двух деревень — русской и латышской.

Д. Константинов.

Правда, 1975, 25 сентября.

Четырнадцатый

В первый месяц войны наш 160-й полк с боями отходил от Могилева. Немногие оставались в живых, когда мы попали в окружение, и комбат дал приказ пробиваться по двое-трое к линии фронта, что проходила по реке Десне. Со мной шел земляк Василий Быков, мы были с одного завода, вместе призывались и теперь старались не разлучаться. Шли лесами, ночевали в копнах сена, кормились чем попало, пока добрались до деревни Телявкино — это близ Рославля. Начался сентябрь, шел мелкий, пронизывающий дождь, и мы с Василием, изголодавшиеся, промокшие и продрогшие, решили войти в деревню. Там уже было десятка два наших однополчан. Передохнув, решили идти все вместе дальше. Но председатель колхоза, старый коммунист (фамилии его, к сожалению, не запомнил), отсоветовал: «Леса кругом прочесывают немцы, переждите, ребята...» Командир с ним согласился: уж очень мы были измотаны, многие ранены, а на носилках всех не унести. Ночью деревню заняла крупная гитлеровская часть, и горсточка советских солдат оказалась во власти врага.

Нас, безоружных, согнали на деревенскую площадь, поставили в ряд. Три фашистских автоматчика подошли к первому в шеренге — это был Вася Быков,— отвели к стене сарая и дали очередь в упор... Мы стали прощаться друг с другом. Все меньше оставалось нас в ряду: по одному уводили солдат к сараю и расстреливали. Женщины, дети, старики, сбежавшиеся на площадь, кричали, плакали. Но палачи не обращали на них никакого внимания, хладнокровно и методично продолжая казнь пленных.

Я был четырнадцатым в ряду, тринадцать моих товарищей уже лежали мертвыми у сарая. И вот наступила моя очередь. Меня повели. Вдруг страшный крик разрезал воздух: «Сын! Это мой сын! Не убивайте его!» Ко мне бросилась незнакомая женщина, за ее юбку цеплялись маленькие дети, одного она держала на руках. Фашисты их отталкивали прикладами автоматов, но женщина с пятью детьми не отступала, рвалась ко мне. Переводчик что-то сказал офицеру, руководившему казнью, и тот махнул перчаткой. Меня отвели в сторону. Вся площадь заходила ходуном. Женщины хватались за оставшихся в живых красноармейцев, кричали: «Это мой брат!», «Это мой сын!», «Мой жених!»

Враги приостановили расстрел — «до выяснения», и нас, пятнадцать избежавших смерти, повели в соседнюю деревню Волконщину, оттуда — в деревню Будра. Возле колхозной пасеки в лесу конвоиры загнали пленных в полуразрушенный

омшаник, а сами занялись ульями, которые ломились от меда. И тут солдат Алексей Мещеряков сказал: «Бежим, ребята, в разные стороны!» Мы кинулись врассыпную. Вместе с Мещеряковым я выбрался из окружения, влившись в 61-й кавалерийский полк.

Сложилось так, что, никогда не забывая свою спасительницу, я лишь много лет спустя написал в Телявкино без особой, впрочем, надежды на успех. Ведь война унесла не только миллионы жизней, но и снесла с лица земли тысячи селений. К великому счастью, Федора Ивановна Казутина откликнулась: «Приезжай, сынок мой шестой, хоть погляжу, каким ты стал»,— писала она мне. Срочно взял отпуск и вскоре прижал к сердцу седую свою маму.

С тех пор я не прерываю связи ни с нею, ни с деревней Телявкино, где под обелиском покоятся тринадцать моих товарищей, расстрелянных 23 сентября 1941 года на маленькой сельской площади. Приезжаю сюда как домой. Да, это и есть мой второй дом, а смоленская крестьянка Федора Ивановна Казутина, спасшая мне жизнь, по праву стала второй матерью.

А. Симкин.

Правда, 1976, 15 мая.

Свет надежды

Родилась я в селе Мелихове на Курщине. Когда в нашу местность пришла война, мне сравнялось шестнадцать лет. Враг оккупировал и наше село. Вскоре фашисты стали угонять многих жителей в неволю [1].

...В Эссене мы расчищали город от следов бомбежки, в Вуппертале — то же самое, а когда этот город разбомбили до основания, нас, уцелевших, свезли из всех лагерей в Кельн. В бараках, по 20—30 человек в комнатушке, жили русские, чехи, итальянцы, поляки, французы. Водили нас на работу в сопровождении овчарок. На ногах деревянные колодки, кормили раз в сутки баландой. Тяжелее всех доставалось русским.

В комнате, где я жила, находилась русская учительница со своей дочкой Лилей. Не запомнила имени этой женщины, но

[1] Автор этого письма, Клавдия Плотникова (до замужества Тимошенко), живет в городе Новоалтайске Алтайского края на улице 40 лет ВЛКСМ, дом 4, квартира 42.

«Получаю письма от подруг, с которыми вместе была на чужбине,— сообщает К. Плотникова.— От Ольги Киселевой, которая живет в Таганроге, от Любы Лукьяновой, от Моти Диких из Черкасской области. К сожалению, на письмо, напечатанное в «Правде», никто не откликнулся. Наверное, потому, что забыла я написать тогда, что моя девичья фамилия Тимошенко».

ее лицо никогда не забуду. Она учила нас, молодых, уму-разуму, а главное, установила такой порядок: кто попадет в беду или ослабнет от голода, от побоев, тому мы по очереди должны отдавать свою пайку хлеба. Случилась беда и со мной: попала в аварию. Старик мастер остановил станок и тем спас мне жизнь. Больных или ослабевших два раза в неделю «выбраковывали» и увозили в крематорий на сожжение. Так вот, старый немецкий мастер и его жена забирали кое-кого из «кандидатов» к себе, как бы для домашней работы, а потом, подкормив и подлечив немного, возвращали снова в барак.

В другой раз старая немка дала мне ключ от раздевалки, и этот ключ потом нам оказал большую услугу. Вот как это было.

Одна из моих землячек, Надя, попала в заводской карцер. У нее отобрали хлебную карточку. Девушке грозила голодная смерть, и я должна была отнести ей свою пайку. Пришла к карцеру, смотрю, а замок такой же, как в раздевалке, от которой у меня был ключ. Я открыла дверь и сказала заключенным: «Бегите!» Помню, последним уходил Федор из Орла. Полицейские, обнаружив открытый карцер, объявили: тот, кто укажет на организатора побега, получит сто марок и буханку хлеба. Я очень боялась, что меня могут нечаянно обнаружить. Учительница, заметив мое волнение, ничего не спросила, только сказала: «Молодец тот человек, который сделал доброе дело...»

Немецкая девушка Катрин (мы ее звали Катей) на свой риск во время бомбежек не раз брала кого-нибудь из девчат с собой в бомбоубежище... Никогда не забудем немецких друзей-антифашистов, людей большого сердца.

Но неволя есть неволя... Запомнился один полицай. Он всегда ходил с кнутом. Мне тоже перепадало от него. А еще был художник, у которого 25 человек делали уборку в доме. Он их испытывал «на честность»: разложит по квартире куски хлеба, колбасы и ждет, что из этого выйдет. Люди пухли от голода, а этому гаду, видите ли, угодно было выявлять нашу честность. Что ж, из двадцати пяти осталось пятеро, остальных повесили.

Погибали одна за другой мои подруги. Не только от голода и побоев, но еще и потому, что были настоящими людьми. Комсомолка Шура Овсянникова погибла при пожаре, спасая друзей. Анна из Белополья Сумской области вынесла из пламени немецких детей, а сама не смогла спастись...

А где те, что уцелели? Учительница и дочь ее Лиля, Люба, Надя, Мария, Федор из Орла — где вы? Вспомните лагерь на

Рейне. Вспомни, Надя, побег и то, как нас искали и нашли фашисты с собаками. И, наверное, убили бы, если бы за нас не вступился немец Отто, про которого говорили, будто он коммунист. Такие, как Отто, в фашистской ночи несли нам свет надежды.

К. Плотникова.
Правда, 1977, 22 августа.

Не склонившие головы

Последний день июня 1941 года остался для меня и других жителей деревни Старица, что в Копыльском районе Минской области, памятным на всю жизнь. Девять наших солдат попали в плен. Их схватили на рассвете. Пленных привели к зданию сельсовета, туда же согнали и жителей деревни. Фашистский солдат в сопровождении офицеров вынес красный флаг и бросил под ноги пленным.

— Топчите! — на ломаном русском языке приказал фашист.

Ни один из бойцов не шевельнулся. Произошло то, чего гитлеровцы не ожидали: словно по команде наши советские воины выпрямились перед красным знаменем, лица их посуровели.

Фашисты пытались уговорить, поколебать их решимость. Но и это не помогло. Тогда вывели из строя несколько человек — они были казахи, а может быть, таджики.

— Это не ваш флаг, топчите его,— сказал офицер, обращаясь к ним.— Мы гарантируем вам жизнь. А русские — ваши враги...

И снова в ответ было молчание. Тогда в ход пошли приклады винтовок, палки. Упал на пыльную дорогу один окровавленный боец, но его тут же подхватили товарищи. На глазах у всех и их стали избивать. Вдруг кто-то схватил флаг, поднял его высоко над головой, бойцы запели «Интернационал». Гитлеровцы такого не ожидали.

Красноармейцы остались до конца верными воинской присяге. Они были расстреляны из пулемета за околицей деревни. Местные жители тайком похоронили их, а после войны останки перенесли в братскую могилу.

Имена этих отважных советских людей так и остались неизвестными, но память о них жива. Их мужественный подвиг служит примером для молодежи.

Г. Захарик,
подполковник.
Правда, 1978, 30 мая.

Подвиг Алексея Битюка

Глубокой осенью 1944 года советские войска вышли в северо-восточную часть Венгрии. Из этого района готовился удар в направлении чехословацкого города Кошице. Продвижение шло медленно. Фашисты затопили Венгерскую долину, взрывая плотины на многочисленных речках. Советским солдатам приходилось идти по пояс в воде. Противник укрепился на насыпях, и, для того чтобы обнаружить уязвимые места в его обороне, передовым советским частям необходимо было вести постоянную разведку боем.

Во время одного из таких боев подразделение 237-й стрелковой дивизии заняло первую линию окопов противника. Сержант Алексей Битюк опередил остальных бойцов и прорвался ко второй линии окопов, но, оглушенный взрывной волной, потерял сознание и очнулся уже среди врагов.

Целую ночь фашисты пытали воина-комсомольца. Под конец, отчаявшись узнать от него хоть какие-либо данные о расположении советских войск, они исполосовали ему левое ухо, отрезали правое, кончик языка. Утром немцы вывели Алексея наружу и сказали: «Беги, ты все равно уже ничего рассказать не сможешь».

А на следующий день советские войска снова перешли в наступление. Фашисты были выбиты с высоты, Битюка наши солдаты подобрали и отправили в 54-й хирургический госпиталь. Двое суток Алексей не приходил в сознание. Вместо лица у него было кровавое месиво. Врачи и сестры госпиталя, среди которых была Любовь Самойловна Пахомова, стали спрашивать у него, как его фамилия, из какой он части, но он ничего не мог произнести.

...Сержант выжил. Несмотря на страшные раны, справился с бедой, выписался из госпиталя, и под новый, 1945 год начальник политотдела 18-й армии Леонид Ильич Брежнев лично вручил Алексею Битюку орден Красного Знамени.

После войны Алексей Миронович вернулся в родное село Бернашовку Винницкой области. Врачи сделали ему пластическую операцию, но говорить он все еще не мог. С первых дней Битюк работал в колхозе, пользовался всеобщим уважением. Так прошло несколько лет. Однажды, находясь среди детей, пытаясь ответить на какой-то вопрос, он вдруг произнес слово. И решил тогда, что отныне всегда будет рядом с детьми. Стал работать учителем труда в школе.

Фашисты хотели сломить его пыткой — Битюк выстоял. Хотели расстрелять из автомата — выжил. Хотели уничто-

жить духовно: «Ты ничего никому уже не расскажешь». А он говорит! С однополчанами. С их внуками. Со всеми нами.

Г. Бацанова.
Правда, 1978, 21 июня.

Непокоренные

Это было в Донбассе. Шел 1942 год. В городе Дружковке комендантский час, аресты, расстрелы — оккупанты наводили «новый порядок». Горе, уныние вошли в каждый дом.

Однажды зимой разнеслась весть: завтра по дороге из Константиновки в Краматорск будут вести советских военнопленных. Утром за станцией, у поселка Яковлевка, собралась большая толпа местных жителей.

Но что это? Перекрывая злобный собачий лай, донеслись до нас слова песни:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...

— Матросы! — молнией пронеслось в толпе.

Как попали в донецкие степи герои Керчи или Севастополя? Но и здесь, вдалеке от привычной стихии, во вражеском плену, они были страшны фашистам. Моряков было всего одиннадцать, а конвоировал их целый отряд рослых эсэсовцев со сворой собак. Руки, почерневшие от мороза, были стянуты за спинами кусками провода. Шли в разорванных бушлатах, телогрейках, ноги обмотаны тряпьем. У каждого из-под расстегнутого ворота виднелась полосатая тельняшка. Избитые, с кровавыми подтеками на лицах, они шли, высоко подняв головы. Несгибаемые, непокоренные!

Запевал молодой, глазастый, похожий на цыгана:

Не слышно на палубе песен,
И красное море шумит,
А берег суровый и тесен,
Как вспомнишь,
так сердце болит.

Охранники били матросов, кричали на них. Но песню убить не смогли. Видевшие все это люди буквально онемели, женщины плакали. Старики сняли шапки, отдавая дань величию духа горстки советских бойцов. Горько было на душе каждого из нас. Но в этот момент и мы обрели уверенность: никакие злые силы не могут победить нашу любимую Родину!

Е. Зиновьева,
пенсионерка.
Правда, 1980, 31 марта.

«Как трудно мне, мама...»

После освобождения одного из сел правобережной Украины в наших руках оказалось письмо украинской девушки Оли, угнанной фашистами на каторгу в Германию. Вот оно:

«Мама, дорогая, прими привет от своей несчастной дочери. Как трудно мне, мама. Проклятые изверги хотят нас похоронить живыми. Они заставляют советских девушек выполнять каторжные работы. Каждый день по 16—18 часов мы роем землю. А кормят — 200 граммов какого-то суррогата, кусок сырой брюквы или кружка болтушки из отрубей. Катя и Лиза не выдержали, умерли от голода и изнеможения... Мамочка, дорогая! Помоги мне, спаси меня! Передай это письмо нашим родным бойцам... Скажи им от меня, от всех нас, находящихся здесь: «Родные наши, спасите нас!» Целую тебя, мама, может быть, последний раз. Твоя Оля».

Это письмо было зачитано перед бойцами роты. Через несколько часов мы пошли в бой и дрались как львы.

В. Дагаев.

Правда, 1980, 22 июня.

ШЛА ВОЙНА НАРОДНАЯ

Все крепче удары партизан по врагу

Мы были мирными людьми, и сердце радовалось, глядя на все построенное, сделанное нами.

Колхозы села Н. Здесь закрома были полны зерна. Дома и улицы по вечерам горели электрическими огнями.

Колхозники гордились своей школой-десятилеткой, большим клубом, благоустроенными яслями, библиотекой. Жили зажиточно, по-городскому, широко и культурно.

Пришли фашисты. Сожгли наши кровли, испоганили нашу землю, изломали нашу жизнь.

Что сделали они с богатым и культурным нашим селом? Треть домов сожжена, клуб разбит, книги, которые с благоговением читали и берегли колхозники, растоптаны грязными сапожищами дикарей. Школа — гордость колхозников — стоит без стекол. Парты поломаны. С грустью ходят по разгромленным классам колхозные ребятишки. Не стало яслей, чистых и уютных. Потух электрический свет, снова крестьяне сидят при лучине...

Не осталось ни одной деревни не поротой, не сожженной. Ходят по селам гитлеровцы, стегают нагайкой свободолюбивых русских крестьян, выгребают из амбаров все зерно, до последнего. Везде хозяйничают фашистские ставленники — старосты, продажные твари, проклятые народом.

Оккупанты обирают крестьян, грабят, как последние разбойники, грабят по-всякому: и налогами, и поборами, и податя-

ми. А то и просто врываются в избы и набивают свои ранцы и мешки колхозным добром. Подати накладывают страшные. В деревне Н. потребовали к 25 сентября дать по 12 центнеров ржи с гектара и пригрозили: не сдадите — сожжем всю деревню дотла. И 25 сентября запылали избы тех, кто не свез зерно со двора.

Сердце заходится кровью, глядя на все, что творится в наших местах, кровь загорается жаждой мщения. Руки тянутся к винтовкам, чтобы огнем ответить на насилие, оружием вернуть свободу. Народ уходит в партизаны, уходит в леса. Там живут по своим законам — законам Советской власти, исполняют ее приказы, ее волю. Мы, партизаны, здесь, на захваченной врагом земле,— представители Советской власти, ее карающая рука.

Все советские люди — все, в ком горит ненависть к захватчикам,— чем могут, помогают партизанам. Даже мальчуганы, и те смело идут в разведку, приносят нам подчас ценные сведения о враге. Крестьяне снабжают партизан продовольствием, теплой одеждой, нарочно не выкапывают картофель на участках, прилегающих к лесам, оставляют его партизанам.

Двуногие звери в фашистских мундирах свирепо расправляются с теми, кого заподозрили в помощи партизанам. В деревне З. крестьяне на своих сеновалах несколько ночей подряд укрывали партизан. Это стало известно фашистским ищейкам — вынюхали все партизанские следы. Ворвались в деревню — и пошла расправа. Согнали всех крестьян на деревенскую площадь: мужчин в одну сторону, женщин — в другую. Приказали колотить друг друга палками, а потом, вдоволь наглумившись, выстроили мужчин в один ряд и каждого второго расстреляли. Но и этого зверям было мало. Дом, где скрывались партизаны, и три избы, стоявшие рядом, немцы сожгли. Весь день шла кровавая расправа. Ушли только под вечер, уведя с собой последних коров. Ни одной коровы не осталось в деревне, кроме как у старосты.

В другой раз карательный отряд немцев обнаружил буланую лошадь, привязанную к дереву. Знали бандиты, что такая лошадь есть у партизан. Спрашивают у крестьян: где партизаны? Все молчат. Тогда из толпы вырвали пятерых колхозников, повалили их на колени, к вискам приставили пистолеты: скажите, где партизаны? Вокруг стояли матери, дети приговоренных к казни. Одно слово — и родные будут спасены, но никто не выдал партизан, никто не запятнал свою честь предательством.

Партизаны — народные мстители. Святая ненависть к врагу в каждом из нас. Дали клятву: те, кто поганит нашу землю,

на ней и оставят свои поганые кости. Мы мстим за все — за разрушенные села, за убитых братьев.

Мы действуем везде. Рвем мосты и заваливаем дороги, пускаем под откос поезда, сбрасываем в рвы машины, уничтожаем живую силу врага. Много бандитов пало от меткой партизанской пули, от нашей карающей руки.

С каждым днем ширится партизанское движение. И все крепче и крепче становятся удары партизан по врагам. Немцы захватили много наших городов и сел. Но власти над народом у них нет. Народ по-прежнему верит Советам. 24 года жил народ по своим законам и готов скорее умереть, чем надеть на себя фашистское ярмо. 24-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции партизаны встретили новыми налетами на немецко-фашистских бандитов.

Придет час — и мы выйдем из лесов навстречу наступающим частям Красной Армии и вместе с ней погоним врага. Вера, что придет этот час, согревает нас в холодных лесах. Вера в нашу победу поднимает партизан на новые подвиги во славу советского народа.

Иван М.,
помощник командира партизанского отряда,
действующего в глубоком тылу фашистов.
Правда, 1941, 20 ноября.

Партизанская медаль

Медалью «Партизану Отечественной войны» первой степени с удостоверением под номером 000001 награжден Ефим Ильич Осипенко — бывший начальник милиции в городе Сухиничи. Осенью 1941 года он возглавил под Москвой штаб партизанского отряда.

Воевал Ефим Ильич смело. Люди охотно шли с ним в разведку. Он считался неплохим минером. Когда погнали гитлеровцев от Москвы и партизаны получили приказ взорвать железнодорожное полотно близ станции Мышбор, группу подрывников возглавил Осипенко.

К железной дороге они подошли затемно. Успели, пока не рассвело, заложить взрывчатку. Огнепроводного шнура, капсюлей-детонаторов не было, пришлось укрепить на взрывчатке противотанковую гранату, к ней привязали телефонный шнур. Отползли.

Вдали уже слышался перестук колес, показался контрольный состав: паровоз с тремя платформами. Пора! Осипенко дернул за шнур. Прогрохотал рядом поезд. Ефим Ильич дернул шнур еще раз и, выругавшись, отшвырнул его. По рельсам уже

накатывался натруженный гул поезда. Осипенко привстал на колено, бросил гранату. Она ударилась о шпалу, скатилась по насыпи и там, внизу, взорвалась. На линию полетела еще одна граната — то же самое. Через секунды зачастят колеса, промчат танки с белесыми крестами... Осипенко рванулся к насыпи, на ходу поднял металлический шест от дорожного знака. Уже был виден паровоз. Но партизан опередил его, с маху ударил по стоящей «попиком» гранате. Вместе с кусками железа, комьями мерзлой земли взрыв отбросил его далеко от линии...

Через несколько дней тяжелораненого Ефима Осипенко переправили в Москву. Жизнь ему врачи спасли, но зрение вернуть не смогли.

В госпитале Е. И. Осипенко сообщили о награждении его орденом Ленина. Потом приехала жена. От Ольги Ивановны узнал он о рождении второго сына: «Ну что, отец, надо сыновей растить». Впервые за долгие дни Ефим Ильич улыбнулся: «Надо, мать».

Выбили из Сухиничей врага, семья Осипенко вернулась домой. Ефим Ильич, как и до войны, все домашние хлопоты взял на себя. Потянулись к нему земляки за советом, просто словом перекинуться. В День Победы пригласили выступить на митинге.

А в июне 1946 года вручили Ефиму Ильичу еще одну боевую награду — медаль «Партизану Отечественной войны» № 000001.

В. Петухов,
педагог.

Праада, 1978, 24 февраля.

Большой «малый» фронт[1]

С появлением немецко-фашистских захватчиков на Смоленщине народ взялся за оружие, начал уходить в леса, в болота и бить немцев всюду, где только представлялась возможность. Тогда мы только организовывались, копили свои силы и боевой

[1] Автором этого письма в «Правду» был Никифор Захароаич Коляда. Когда началась Великая Отечественная аойна, ему исполнилось пятьдесят лет. Сын крестьянина-бедняка из Харьковской губернии, он с 1913 года служил рядовым солдатом в царской армии, иа русско-германском фронте уже командовал ротой, потом батареей. После победы Октября Н. З. Коляда стал активным борцом за дело революции. В годы гражданской войны участвовал а партизанском движении на Дальнем Востоке, в Подолии. С 1922 года был иа партийной работе а Приморье.

В первые дни Великой Отечественной войны Коляда обратился с просьбой направить его а тыл арага для организации там партизанского движения. За отвагу и мужестао, проявленные в боях против немецко-фашистских захаатчикоа, Н. З. Коляда был награжден орденом Ленина. Умер он после войны.

опыт внезапных ударов в спину и во фланги вражеских полчищ. Мы собирали отдельные небольшие группы народных мстителей, отбивали у врага оружие, боеприпасы, вооружались и поворачивали немецкую технику против ее же хозяев.

С каждым днем борьбы росли новые и новые отряды. К сотням первых патриотов, грудью вставших на защиту своей земли, чести и свободы, присоединялись тысячи мужчин и женщин, чьи сердца были переполнены ненавистью к врагу. У них осталось одно стремление, одна цель — бить оккупантов. Мужество партизан, их страстную гневность нужно было помножить на умение воевать и добиваться победы.

Море слез и крови оставили немцы на Смоленщине. Только в двух районах враг сжег 40 деревень, повесил, убил и сжег живьем в этих местах тысячи советских граждан. А сколько он угнал к себе в рабство наших молодых людей и сколько еще совершил преступлений перед нашим народом! Нельзя забыть, как немецкие солдаты обливали керосином и жгли смоленских девушек. Наш народ этого не забудет!

Теперь нас тысячи в смоленских лесах. Хорошо вооруженные большие партизанские подразделения представляют собой грозную силу. Мы все больше и больше расширяем так называемый «малый» фронт за линией сражений главных армий.

Из колхозников, отлично работавших в годы мирного строительства, выросли отважные бойцы и инициативные командиры. Год тому назад народные мстители противопоставляли врагу берданки, охотничьи ружья и простые винтовки. Сейчас мы располагаем не только скорострельными автоматами, минометами, пулеметами, но и артиллерией, и танками. Все это отбито нами в кровопролитных боях с немцами, все это враг оставил на полях боев с партизанами.

Триста боев провели мы в тылу врага, более 300 сел и деревень оставили фашисты под нашим натиском. 6000 немцев убито руками партизан наших отрядов. Около 200 автомашин с немецкими солдатами, боеприпасами, продовольствием и награбленным советским добром взлетело в воздух на лесных дорогах или оказалось в наших руках. 17 танков, шедших на борьбу с нами, сожжены и разбиты, 380 повозок с минами и патронами захвачены и уничтожены в пути, пять воинских эшелонов, подвозивших к линии фронта резервы, танки и другую технику, лежат под откосами.

Мы не щадим изменников и предателей, выродков, продавшихся врагу. Объединенные отряды разгромили 28 волостных управ. Всюду, где появляются партизаны, восстанавливается Советская власть, народ начинает свободно трудиться на своей земле.

С весны мы усилили борьбу с врагом. Сейчас каждый куст и бугорок стали нашими союзниками. С середины апреля по июль партизаны провели около 150 боев. Во время этих схваток убито 1600 фашистов и 19 взято в плен. Расставленные по дорогам засады разбили 25 вражеских автомобилей, взорвано 53 моста, организовано шесть крушений поездов, уничтожено 14 волостных управ, разрушено два склада с боеприпасами и горючим.

Народные мстители воюют в той местности, которую они отлично знают, в которой они родились и жили. Это позволяет нам атаковать врага внезапно. Лесами и болотами партизаны выходят незамеченными к немецким частям и неожиданно обрушиваются на противника.

Наши подрывники ежедневно минируют дороги и места, по которым проходит враг. Взлетают на воздух немецкие машины, рвутся гусеницы танков, летят под откосы железнодорожные эшелоны с живой силой и техникой фашистов. Только один комсомолец Володя Куриленко взорвал пять эшелонов, паровоз и пять железнодорожных мостов. В схватке с врагом Володя Куриленко погиб смертью героя [1]. Отряд, в котором сражался юный патриот, носит его славное имя.

Каждый наш боевой день рождает новых героев партизанской войны. В один из отрядов пришел юноша, колхозник Миша Г. Он ничем не выделялся из среды партизан. Как и многие, только что вступившие в отряд, он был еще не обстрелян, не имел боевых навыков. Но прошло очень мало времени, и Миша стал героем. Вместе с Володей Куриленко он завязал бой в деревне Д. В течение 20 минут два молодых партизана убили 15 немцев. 23-летний комсомолец Иван С. командует взводом. Под его командованием малочисленная группа партизан гранатами уничтожила 30 немецких автомобилей, 20 мотоциклов, 15 велосипедистов, шесть пехотинцев и отбила 200 пудов награбленного хлеба.

Не так давно этот взвод отлично провел засаду в деревне Б. Внезапным огнем партизан убито 94 фашиста и 16 ранено.

Смоленщина живет с оружием в руках. Народ, оставшийся в тылу немецких захватчиков, понял, что с ними разговаривать нужно только языком пуль и гранат. Партизанские отряды за последние месяцы выросли в несколько раз.

[1] Комсомольцу Владимиру Тимофеевичу Куриленко, о подвиге которого рассказал в 1942 году на страницах «Правды» командир объединенных партизанских отрядов Смоленщины Н. З. Коляда (Батя), впоследствии было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Население с нетерпением ждет Красную Армию и, несмотря на то что оно находится в оккупированных районах, всячески старается ей чем-либо помочь.

В партизаны идут не только старики, но и подростки. Они не сразу вступают в бой. Опытные партизаны перед операциями обучают их стрельбе, умению сочетать огонь с применением к местности.

В авангарде борьбы с ненавистными оккупантами — коммунисты и комсомольцы. Лучшие бойцы, они цементируют партизанские отряды, умножая их боевые успехи. В каждом отряде созданы низовые партийные и комсомольские организации.

Ожесточенная борьба за освобождение родной земли потребовала от нас, партизан, применения такой тактики, которая позволила бы трепать, изматывать и по частям уничтожать даже крупные вражеские части. На борьбу с нами немцы бросают дивизии, танковые батальоны и самолеты. Это не мелкие карательные отряды, с ними надо бороться по всем правилам военного искусства. Коммунисты и комсомольцы помогли партизанским отрядам перестроиться, и результаты их работы сказались быстро. Совсем недавно на уничтожение наших отрядов бросилась вражеская дивизия «Желтый слон» с артиллерией и танками. Мы разбили ее и рассеяли, а из 45 наступавших на нас танков подбили и сожгли 12.

Немцы почувствовали, что партизаны — это сила, которая отнимает от фронта большие регулярные части. Они теперь вынуждены отбирать из резервов наилучшие подразделения и посылать их в леса для войны с нами. Уничтожение этих частей — благородная задача, которую мы с честью выполняем и впредь будем выполнять.

Не покорилась врагу смоленская земля. Мы знаем, что победа недалека, мы делаем все, чтобы приблизить ее, чтобы ускорить разгром кровавых гитлеровских полчищ.

Батя,
командир объединенных
партизанских отрядов.
Правда, 1942, 31 июля.

Первая лодка

Мы шли, мы спешили к Днепру. Все забывали о сне и отдыхе, день и ночь дрались с проклятым врагом. И вот — Днепр!

— Кто первым? — спросил комбат.

Отозвались все. Разрешение получили четверо: Николай Петухов, Василий Сысолятин и мы.

Начали строить плот. Вдруг заметили, что с того берега, несколько левее нас, отделилась черная точка. Кто-то ехал на лодке и, размахивая руками, подавал знаки. Мы спустились ниже. К берегу на лодке приближался мужчина с красной полоской на шапке.

— Я из партизанского отряда,— сказал он.— Немцы находятся в деревне. Там их штаб.

Закончив рассказ, партизан предложил нам свою лодку и указал место, где лучше всего совершить переправу. Мы сели в лодку и вместе с партизаном поплыли вперед.

Было это днем. Можно было подождать до вечера, но враг мог принять меры и воспрепятствовать нашей переправе. На войне дорога каждая минута.

Партизан умело и быстро работал веслами. Ему помогал Сысолятин... Первым на правый берег вступил Николай Петухов.

— Вперед, друзья! — крикнул он и скрылся в кустах. За ним выскочили и мы. Выбежали на опушку, залегли и стали вести огонь по перебегающим гитлеровцам. Отвлекая противника на себя, мы дали возможность нашей роте полностью и без потерь перебраться на правый берег Днепра...

Впереди находилась деревня, занятая немцами. Командир роты решил взять ее комбинированным ударом. Взвод лейтенанта Щелко обходил деревню с тыла. Взвод гвардии лейтенанта Денисова наступал вдоль берега. Бойцы же взвода лейтенанта Ушакова двигались вперед, прямо в лоб врагу.

Остальные взводы нашей роты так же удачно и незаметно подкрались к деревне. Немцы, оказавшиеся в кольце, сопротивлялись ожесточенно. Схватка шла за каждую улицу, за каждую хату. Мы разгромили немецкий гарнизон и полностью истребили находящийся в одном из домов штаб вражеского подразделения.

Затем мы с ходу заняли еще несколько выгодных высот и закрепились на них.

В то же время по переправе, захваченной нами, на правый берег перебирались другие роты. Пользуясь тем, что наше подразделение вело бой, они сумели сосредоточиться на правом берегу почти без всяких потерь.

Два дня держали мы эти высоты, пока не подошло подкрепление. Потом снова двинулись вперед.

Василий Иванов,
Иван Семенов,
гвардии рядовые.

Правда, 1943, 15 ноября.

Через огненный пояс

Перебирая свои фронтовые дневники, я нашел записи, относящиеся к началу 1943 года. В то время я находился в партизанской бригаде под Ленинградом, где и стал очевидцем удивительной операции.

По лесу шли три лыжника в белых халатах, с белыми автоматами в руках. Лыжи, гранаты, бинокли — все белое. Люди зорко смотрели по сторонам, часто останавливались, прислушивались к малейшему шороху. Справа и слева в нескольких стах метрах двигались такие же группы. А позади — большой обоз. Тихо скрипели полозья саней. Тяжело ступали усталые лошади. Когда какая-нибудь из них проваливалась в глубокий снег, несколько человек молча вытягивали сани с тяжелым грузом на дорогу.

Свыше четырех часов двигалась колонна. Ни слова не вымолвил никто за этот длинный путь. Темнота наступила как-то внезапно. Сани спустились в глубокую лощину и, прокатившись метров двести, остановились.

— Приехали, ребятушки! — крикнул кто-то, подбегая с фонарем к первым саням.

Вслед за человеком с фонарем появилась толпа людей, видимо, давно поджидавших обоз. У саней среди общего говора вдруг раздался ребячий голос:

— Дяденька! А теперь можно говорить?..

Детей от двух до пяти лет было около восьмидесяти. Это они сидели на санях под белыми шелковыми покрывалами. У каждого ребенка на груди или к ноге был привязан узелок. В нем документы, кусок хлеба, запасная рубашонка и штанишки — все, что могли дать родители, оставшиеся без крова в лесу, отправляя детей в неизвестный, опасный путь.

Тысячи людей пробрались с помощью партизан в Серболовские леса, Рдейские болота, Сусельницкие массивы и чащи. Они ушли вместе с детьми, спасаясь от расстрелов, от угона в рабство в фашистскую Германию, от насилия и пыток гитлеровцев.

Партизаны понастроили землянок, установили печурки. И все же такая жизнь не для детей. Холодно, сыро, одежда постоянно мокрая. Ребятишки болели, их тела покрывались нарывами и язвами.

Но и это еще не самое страшное. А что если случится такое же, как возле Каменки? Там гитлеровцы напали на след укрывшихся в лесу колхозников и всех расстреляли. Услышав об этом, женщины обступили комиссара партизанской бригады Александра Поруценко.

— Спасти надо ребятишек,— сказала Дарья Антонова, мать четырех детей.

— За этим и пришел,— ответил комиссар.

Вскоре снарядили обоз. Он-то и доставил детей к центральному партизанскому аэродрому.

В землянках запахло едой. Появилось вареное мясо, молоко, сухари. Изголодавшиеся ребятишки жадно ели. Многие засыпали с куском хлеба в руках.

Начальник партизанского аэродрома ходил из землянки в землянку и, выкликая людей, приказывал:

— Яков Петрович! Отвечаешь за семерых ребят. Чижиков Тимофей! Заберешь с Проней Исаковым веревки из саней и снесешь к костру. Трубников! Проверь, всем ли хватило горячего молока...

Наступила длинная зимняя ночь. Спали вповалку одетые лыжники, возчики. Зато бодрствовали десятки людей, встретивших обоз. В землянку к начальнику аэродрома вошла похожая на паренька Катя-радистка.

— Семен Петрович! — сказала Катя.— Уже вылетели. Через час будут здесь.

— Спасибо, Катя,— ответил начальник.— Садись, грейся. А я пойду посмотрю.

Начальник с группой партизан спустился по тропинке вниз. Перед ними — большое замерзшее озеро.

— Цветков и Яшин! Еще раз проверьте, готовы ли костры к приему самолетов. Как только загудят над нами, зажигайте все сразу,— распорядился начальник...

В эскадрилье полковника Рассказова готовили машины к ночному вылету в тыл врага. Самолеты «По-2» имели необычный вид. Под их плоскости прикрепили по два длинных ящика-кассеты. В каждую можно поместить несколько ребятишек. И хотя это была непосильная нагрузка для небольших машин, летчики надеялись, что все будет в порядке.

Ночной морозный воздух наполнился гулом моторов. Звено за звеном перелетало вражеские позиции. Показались костры партизанских аэродромов. Но летчики не торопились садиться. Они ходили круг за кругом, высматривая, убеждаясь, что внизу свои. Три костра. Все правильно. Но нет сигнала. Снова круг над снежным полем. Если в третий заход не будет дополнительного сигнала, придется уходить обратно. Летчики нервничали: что там происходит на земле, окруженной врагом?

Но вот вдоль поля выписала ярко-красную дугу осветительная ракета. Наконец-то! Можно идти на посадку.

Самых маленьких детишек уложили в кассету не вдоль, а поперек, как патроны в пистолетную обойму. В одноместную

кабину усаживали до восьми ребят, укрепив над ними веревочную сетку, чтобы не выпали дорогой.

Тяжелым, почти невозможным был взлет. Первым взял старт Владимир Сабуров. Он изо всех сил тянул на себя ручку. Вот-вот кончится озеро, грозно надвигался лес. Ну!!! Наконец-то! Самое страшное позади. Самолет оторвался от земли, и пилот увел машину в ночную темень.

А впереди еще одно испытание — надо пересечь линию фронта. Но вот и огненный пояс трассирующих пуль остался позади. Теперь уже не опасно! Почти дома. Наконец тыловой аэродром.

Г. Акмолинский.

Правда, 1967, 11 ноября.

Братья Гаркушенко

Почти четверть века я разыскивала своих без вести пропавших сыновей Владимира и Глеба. Никто ничего не мог мне ответить, а я все спрашивала, надеялась, ждала... Только теперь, когда красные следопыты из 415-й школы и 49-й школы-интерната разыскали товарища Орлова Н. Н., участника обороны Петродворца, многое выяснилось. Теперь известна судьба 2-го комсомольского взвода 79-го истребительного батальона.

Перед войной Володя перешел в десятый класс. Глеб — в девятый. Учились они хорошо, к труду приучены были с малолетства. Каждый убирал свою постель, гладил брюки, чтобы всегда была стрелочка, даже полы мне помогали мыть. Воду и дрова таскали только они. В школе их научили штопать, шить. Учительница говорила: «Солдат должен уметь сам починить обмундирование, пришить пуговицу — там мамы не будет».

С первых же дней войны все в нашей семье изменилось. Я работала бригадиром в авиамастерских и домой возвращалась поздно. Володя и Глеб с другими старшеклассниками ходили рыть траншеи. Я не узнавала своих мальчиков. Добрые Володины глаза стали строже, темнее. Глеб уже не был таким шумным и непоседливым. Однажды прихожу домой — он ко мне с бумагой:

— Мама, вот здесь — подпишись...

Володю приняли в истребительный батальон и зачислили в комсомольский взвод — ему уже было 18. А Глебу только 16, и, чтобы поступить, требовалось согласие родителей — под анкетой должны были расписаться отец или мать. Признаюсь, мне стало страшно. Я промолчала и увидела умоляющий взгляд

сына. Будто чужой рукой поставила я подпись там, где Глеб показал. Он сразу заторопился, стал прощаться: «Мама, не волнуйся, не плачь. Все будет хорошо, слышишь?» Он меня поцеловал и ушел.

Через день нашу бригаду послали на полевые аэродромы, и я уже не смогла вернуться домой проститься с сыновьями. Враг рвался к Ленинграду. На его пути рядом с Красной Армией встали народные ополченцы.

22 сентября 1941 года вдоль Ропшинского шоссе занял оборону 79-й истребительный батальон. Владимир и Глеб лежали рядом на сыром осеннем поле у пулемета. Это был пулеметный расчет братьев Гаркушенко. В полдень гитлеровцы, после сильного огня, поднялись во весь рост и пошли в «психическую» атаку, стреляя на ходу из автоматов...

Н. Н. Орлов, живой участник и очевидец, рассказывает, как проходил этот бой.

— Силы были неравные. Наш взвод состоял из необстрелянных старшеклассников, вчерашних мальчишек. Володя открыл прицельный огонь, враг нес потери, но шел вперед. Ряды наших юных воинов тоже убывали. Потом гитлеровцы залегли и открыли по истребительному батальону сильный минометный огонь. Смертельно был ранен Володя — ему оторвало обе ноги. Глеб тоже был ранен, но нашел в себе силы заменить брата — пулемет продолжал косить вражескую цепь, снова поднявшуюся в атаку. И вот кончаются пулеметные ленты. Глеб, схватив ручной пулемет, поднялся и крикнул: «Комсомольцы не сдаются, я за брата отомщу!» Он стал расстреливать фашистов в упор. Только обойдя его, выстрелив ему из автомата в затылок, враги сразили Глеба.

...Одна из улиц города Петродворца названа в честь Володи и Глеба улицей братьев Гаркушенко. Я благодарна нашим пионерам и комсомольцам: они свято берегут память о моих сыновьях. Пусть матери нынешних комсомольцев никогда не знают того горя, которое пришлось пережить нам.

Анна Гаркушенко.
Правда, 1968, 20 февраля.

Клятве верны

В годы Великой Отечественной войны вместе с группой немецких антифашистов мне довелось действовать в глубоком тылу гитлеровской армии. Среди моих боевых товарищей были совсем юные немецкие антифашисты — Рудольф Блейль, Гюнтер Клейн, Ганс Шерхаг, Вальтер Норвиг, Вилли Гарбс и другие. Были и представители среднего поколения, такие, как

Эмиль Круммель, Отто Брайг, Рейнгольд Флешгут. Все они мужественно сражались против фашизма и не раз рисковали жизнью при выполнении боевых заданий.

Силой, цементировавшей ряды наших немецких друзей, были коммунисты. Активно участвовала в боевых операциях нашей антифашистской группы Лени Бернер, которую знают тысячи немцев, ее жизнь похожа на легенду. В годы фашизма Лени Бернер вела нелегальную работу в Германии. Фашистские ищейки напали на ее след, и Лени пришлось покинуть родину. Буквально без гроша в кармане пробралась она в Турцию, где узнала, что фашистским судом приговорена к смертной казни. После долгих мытарств ей удалось получить билет на пароход, шедший из Стамбула в СССР.

Оказавшись в нашей стране, товарищ Бернер добровольно идет на фронт, участвует в боях, ведет большую работу среди немецких солдат, вовлекая их в борьбу против фашизма. Много боевых операций провел и другой немецкий коммунист — Петер Ламберц. Он принадлежал к старой пролетарской гвардии, к когорте первых немецких коммунистов. Еще в 1916 году суд кайзеровской Германии за борьбу против милитаризма приговорил его к трем годам заключения в крепости. В 1920 году вместе с товарищами он создал организацию компартии в городе Майене и долгое время был ее политическим руководителем. В период господства фашизма в Германии Петер Ламберц пять лет провел в концлагерях, где не прекращал нелегальной работы. Так же активно продолжал он нелегальную работу и среди солдат, когда попал на фронт. А в январе 1944 года Петер Ламберц, раненный в ногу, перешел на сторону Советской Армии, за что был приговорен фашистским судом к смертной казни.

Плечом к плечу с советскими воинами товарищ Ламберц сражался против германского фашизма. В боевых операциях он проявил мужество и верность делу пролетарского интернационализма. Благодаря опыту политической борьбы и хорошей теоретической подготовке ему удалось завоевать большой авторитет как среди немецких антифашистов, так и среди советских воинов. Надо сказать, что, став на путь вооруженной борьбы с фашизмом, Петер Ламберц рисковал не только собственной жизнью, но и жизнью своей семьи, которую он безгранично любил. Семья Ламберца сумела продержаться и выжить только благодаря поддержке друзей.

Годы, проведенные в Советском Союзе в рядах бойцов с фашизмом, товарищ Петер Ламберц считал самыми лучшими и дорогими в своей жизни. Незадолго перед смертью он говорил: «Нигде я не встречал такого товарищеского единения офицеров

и солдат, как в Красной Армии. Меня они приняли как своего, словно я всю жизнь прожил в их среде. Я не был для них ни немцем, ни военнопленным. Я был товарищем, соратником. И я горжусь, что в грозные годы войны находился на стороне Советского государства».

Немало моих товарищей — немецких коммунистов и антифашистов пало смертью храбрых в борьбе с фашизмом. Летом 1944 года в одной из операций погиб Вилли Холобек, человек необычайной смелости и находчивости. Трагически погибли Франц Гундлах и Лео Иоганн. Они вместе с двумя советскими разведчицами были схвачены агентами гестапо и после жесточайших пыток расстреляны. Буквально в последние недели войны погибли 16 немецких антифашистов из нашей группы. Вместе с немецкими друзьями погибли капитан Советской Армии Андрей Бочкарев, латыш Юзеф Станкевич, наша юная радистка Женя Смирнова.

В мае 1970 года награждена советскими орденами группа граждан ГДР, принимавших на стороне Советского Союза активное участие в борьбе против германского фашизма. Среди награжденных — бойцы нашей группы Лени Бернер, Рудольф Блейль, Гюнтер Клейн, Эмиль Круммель и другие. Орденом Отечественной войны первой степени посмертно награжден Петер Ламберц.

Иван Бейдин,
полковник в отставке.
Правда, 1972, 10 мая.

На партизанской тропе

1943 год. Выполняя задание командования бригады, я, тогда еще мальчишка, шел в оккупированный фашистами Витебск на связь с подпольщиками. Ботинки через плечо, шагаю по пыльной дороге. В Анисковском бору вдруг слышу из кустов: «Мальчик! Подойди. Не бойся...»

Вижу, в кустах стоит человек в потрепанной одежде. Исхудавшее, заросшее щетиной лицо. Отошли в кусты, уселись на траву. Я узнал, что новый знакомый — грузин Кокая родился в 1911 году, коммунист, до войны работал инженером-строителем. Под Харьковом его часть попала в окружение... Плен... Колючая проволока. Голод, холод, расстрелы, травля овчарками. Потом дерзкий побег.

В Анисковский бор я вернулся только на следующий день. Не успел подойти к условленному месту, как из кустов выскочил Кокая, схватил меня в объятия.

Часа через два мы были в партизанской бригаде Алексея (так именовалась бригада Героя Советского Союза Алексея Федоровича Данукалова).

В нашем отряде Кокая прослыл храбрым партизаном. Както, будучи в разведке, пробираюсь кустами неподалеку от места боя. Вдруг слышу стон. Подполз — вижу он. Бледное лицо, посиневшие губы, левой рукой зажал на животе рану, а в правой — пистолет со взведенным курком приставлен к виску...

— Кокая, Кокая! — шепотом зову, чтобы не испугать. Он открыл глаза.

— Умираю,— простонал он.— Лучше застрелюсь, чем снова в плен...

Я выхватил у него пистолет, поставил на предохранитель, сунул себе в карман. Снял свою нательную рубашку, разорвал на части. Повернул на бок. Перевязал рану.

Прорезал ему тужурку ниже воротника, продел и привязал под мышки связанные свой и его ремни, намотал концы себе на руку и волоком потащил за собой раненого. Добрались до лесного госпиталя. Кокая не приходил в себя.

Вскоре и я был тяжело ранен. На самолете меня отправили на Большую землю. О Кокае ничего не знал.

И вот недавно Лиозненский райком партии Витебской области устроил встречу бывших партизан. Вместе с другими стою на перроне вокзала, встречаю боевых друзей. И вдруг вижу: навстречу мне идет седой мужчина, черные глаза горят огоньками. Постой, постой. До чего знакомые черты лица! А глаза! Да это же... «Кокая!», «Лебедев!» — одновременно крикнули мы и кинулись друг к другу.

Оказывается, боевой мой друг и товарищ выжил! И даже добивал фашистского зверя в его собственной берлоге.

П. Лебедев.

Правда, 1975, 16 марта.

Товарищ Жорж

25 июня 1941 года студенты третьего курса механического факультета Илюкин Георгий, Иванов Александр и Штерн Владимир из общежития шли в институт на последний экзамен. На Исаакиевской площади услышали из репродуктора новую вдохновенную песню «Священная война». Иванов Саша сказал: «Ребята, давайте сразу после экзамена пойдем в Куйбышевский райвоенкомат и добровольцами вступим в Красную Армию!» Все согласились. Вечером того же дня они уже находились в коммунистическом батальоне, на казарменном положении.

В сентябре полк, в котором служили друзья, направили в район города Ельни, а в октябре он принял участие в тяжелом сражении под Москвой с танковой армией Гудериана.

Дни и ночи шли кровопролитные бои. Полк понес большие потери, потом попал в окружение. Многие оказались в плену. В плен попали и три раненых студента.

Началась жуткая жизнь в лагере военнопленных. В ночь под новый, 1942 год на допрос был вызван Володя Штерн. Ушел и не пришел — фашисты его расстреляли.

Илюкин и Иванов стали думать о побеге. Тщательно готовили план. Переводы из лагеря в лагерь мешали осуществлению замысла. Наконец летом 1943 года, когда лагерь находился в Бреслау (ныне Вроцлав), оба друга решили бежать. Но внезапно заболел Иванов. Настойчивый, решительный Илюкин совершил побег один.

Укрываясь в лесах и зарослях, он упорно пробирался на восток. Георгий даже не представлял, что уже находится на польской земле. Силы иссякли, босые и окровавленные ноги отказывались двигаться. От голода свалился, замертво уснул.

Очнулся в окружении гражданских людей, вооруженных автоматами. Сначала подумал: опять в плену? Прислушался к речи. На немецкую не похожа. Многие слова понятны. «Свои»,— подумал Георгий и с трудом поднялся. Оказалось, Илюкин попал в русско-польский партизанский отряд имени Килинского.

С первых дней пребывания в отряде он показал себя смелым, волевым, беззаветно любившим свою Родину партизаном. Ему дали партизанскую кличку Жорж. Вскоре Георгий отличился в двух схватках с фашистами: в первой обезоружил двух эсэсовцев, а во второй ворвался на позиции врага, сразил вражеского пулеметчика и, захватив его пулемет, отбил шквальным огнем решающую атаку гитлеровцев.

«Учитывая возрастающий авторитет Георгия среди партизан, я назначил его командиром группы, предоставив возможность самостоятельно решать задачи диверсионно-разведывательной борьбы против фашистов. Георгий Илюкин с честью справлялся с поручениями», — отмечает в характеристике бывший командир партизанского отряда С. П. Алексеев.

На боевом счету группы Илюкина восемь засад на жандармов и гитлеровцев, разоружено два участка полиции, взорвано семь вражеских эшелонов. Его группа успешно занималась сбором разведывательных данных об аэродромах противника. Эти сведения помогли нашей авиации совершить в начале июня 1944 года успешный налет на аэродром в Демблине. В результате было уничтожено более 20 вражеских самолетов, выведена

из строя взлетно-посадочная полоса, взорваны бензохранилища.

6 июня 1944 года группа Георгия Илюкина, выполняя задание по выводу из строя железной дороги Люблин — Луков на участке Окшея — Кшвида, попала в окружение в районе села Воля-Гуловска Люблинского воеводства. В жестокой неравной схватке группа Жоржа погибла.

В народной Польше чтят память нашего славного студента, комсомольца, воина, партизана, захороненного на польской земле, в Луковском уезде.

На родине чуваша Георгия Илюкина, в селе Вурнары, партизану поставлен памятник, его имя присвоено одной из улиц.

А. Донской.

Правда, 1975, 29 марта.

Подвиг железнодорожников

Враг бомбил Вязьму уже на пятый день войны. А 31 июля фашистская авиация совершила массированный налет. Трудно сейчас передать, в каких тяжелых условиях пришлось работать нам, железнодорожникам. Главный кондуктор Г. А. Агафонов вместе с паровозной бригадой вывел с горящей станции два состава цистерн с горючим. А как работали восстановители — путевые рабочие и военные железнодорожники! Уже через четырнадцать часов после налета была восстановлена одна нитка путей.

Громадный ущерб фашисты нанесли линейным станциям Комягино, Туманово, Гжатск, Колоч. Помню, на подъездных путях перегона Туманово — Сергоивановская из-за повреждения колеи образовалась пробка, скопилось несколько военных эшелонов. Срочно туда выехала большая группа командиров и рабочих во главе с начальником службы связи И. И. Обуховым. В результате решительных мер движение было быстро восстановлено, связь налажена. Но группа попала под обстрел воздушных пиратов. И. И. Обухов, инженер связи В. И. Малков и ряд других товарищей погибли.

Смелостью прославили себя и вяземские паровозники. В те дни широко были известны имена машинистов В. А. Болотина, М. С. Кручинина, П. И. Лашука и ныне Героя Социалистического Труда В. Н. Прудникова. Под бомбежками они водили поезда к фронту.

Секретарей партбюро паровозного депо А. В. Зверькова, вагонного депо В. И. Зуйкова в любое время дня и ночи можно было застать там, где было горячо. Они знали каждого машиниста и кочегара, каждого поездного мастера, умели поддер-

живать боевое настроение рабочих. Когда враг в начале октября сорок первого подошел к городу, железнодорожники по инициативе коммунистов создали шесть партизанских отрядов и диверсионных групп для борьбы в тылу врага. Во главе одного из отрядов стал паровозник, будущий Герой Советского Союза К. С. Заслонов, прославившийся в боях на белорусской земле.

В память о павших товарищах паровозники соорудили на территории депо монумент. На вокзале вывешены мемориальные доски.

Г. Грушанов,
бывший комиссар
Вяземского военно-эксплуатационного
отделения дороги.
Правда, 1975, 9 апреля.

На рельсах

В апреле — мае 1943 года на всех железных дорогах, шедших через Брянскую область к фронту, активизировалось движение вражеских поездов. Партизанам была поставлена задача усилить удары на коммуникациях противника.

Своеобразные взаимоотношения сложились между партизанами и командиром венгерской роты, охранявшей участок дороги Навля — Брасово. Через своих разведчиков они получали от венгерского офицера уведомления: «Пусть партизаны подходят смелее к дороге, стрелять будем вверх». Или: «Отдыхайте, эшелона пока не будет».

Получив задание пустить под откос вражеский поезд, группа Д. Е. Дзынова покинула лагерь бригады «За Родину». При выходе на обочину у железнодорожного моста кто-то зацепился за проволоку. Тотчас открылась стрельба. «Не беда, хлопцы,— уверенно пояснил командир группы.— Смотрите, трассирующие пули тянутся вверх... Пошли дальше».

Боец Аликмиев снял с плеча сумку, в которой лежала мина натяжного действия с полупудовым зарядом тола. Дзынов выкопал ямку на стыке рельсов. Тяпкин и Аликмиев тщательно замаскировали ее. Послышался гул приближающегося поезда. Потом раздался взрыв. Восемь вагонов с солдатами и двенадцать платформ с танками были уничтожены.

Выполняя это задание, геройски погиб любимец партизан Дмитрий Дзынов.

А. Семенов,
бывший секретарь Клетнянского
подпольного райкома партии.
Правда, 1975, 27 апреля.

Как солдаты на поле боя

Есть на Московско-Курской железной дороге ничем, кажется, не приметные станции Русский Брод и Ливны.

...1943 год. Война. Идет битва на Курской дуге. Ни днем, ни ночью не прекращаются бои. Мужественно сражаются с врагом советские воины. Напряженно работают железнодорожники. Прифронтовые станции Русский Брод и Ливны оказались в самом центре грозных событий. Им суждено было сыграть немалую роль в подготовке знаменитой битвы. Случалось, что за день сюда приходило до двадцати пар поездов с боевой техникой, снарядами, горючим. До предела напряжены люди. Они сутками не покидали свои рабочие места, трудились под огнем, как солдаты в бою.

Во время одной из бомбежек погибли заместитель начальника дистанции пути И. С. Самойлов, начальник пожарного поезда В. И. Бакуров. Мостовой мастер О. Н. Должиков был контужен и завален землей — только через шесть часов его нашли и доставили в госпиталь. Бригадир пути В. И. Городничев на глазах у гитлеровцев ручной ножовкой спилил семафор, служивший ориентиром врагу при артобстрелах. Путевой рабочий Нестерчук отцепил вагон с продуктами и отогнал его от горящего состава в безопасное место...

Вот еще один из эпизодов героического труда железнодорожников. На станцию Русский Брод прибыл состав. К вечеру его разгрузили, а спустя два часа от военного коменданта поступила заявка: срочно загрузить освободившиеся вагоны и отправить по назначению. Станция не была подготовлена для выполнения такого задания. И все же поезд отправили. Люди понимали, что надо, и, преодолев все трудности, сделали, казалось, невозможное. За считанные часы построили шпальный мостик, и началась погрузка.

А. Кривоносов,
почетный железнодорожник.
Правда, 1977, 9 ноября.

Как спасли знамя

Шел 1941 год. Группа москвичей-ополченцев с боями выходила из окружения. Офицеру Петру Алексеевичу Дудкину было доверено спасти знамя дивизии народного ополчения Фрунзенского района столицы. Добравшись до деревни Оленьи

Горы Юхновского района Калужской области, он встретил партизан. Отсюда Дудкин вместе с Евдокией Михайловной Смирновой, колхозником Андреем Петровичем Евграфовым стал пробиваться через линию фронта к своим.

Евдокия Михайловна обмотала алое полотнище вокруг тела. Все сели на сани, груженные для отвода глаз нехитрым скарбом, и темной ночью отправились в дорогу. Переехали скованную льдом Угру. Все шло удачно. Но вот сани остановил вражеский патруль... Перерыли пожитки, начали обыскивать людей...

Дудкин не выдержал: выхватил пистолет и в упор застрелил фашиста. Второй патрульный, отскочив в сторону, направил дуло автомата на патриотов. Тут не растерялась Евдокия Михайловна. Изловчившись, она пригнула автомат немца к земле. На помощь ей тотчас бросились Дудкин и Евграфов...

Красное знамя было спасено. Теперь оно хранится в Москве, в Центральном музее Советской Армии.

Н. Тимошенков,
рабочий.
Правда, 1978, 8 марта.

Однажды осенью

Муж мой в сорок первом ушел на фронт, и я осталась с двумя детьми. Вскоре наш город Лубны заняли немцы. Хлебнули мы лиха!

На территории Лубенской межрайонной базы, по соседству с моим домом, фашисты разместили небольшой лагерь военнопленных. Только штакетный забор отделял наш двор от лагеря.

Осенью 1942 года стало известно, что военнопленных вот-вот отправят в Германию. Поздно вечером, часов в десять, я оделась в темноте и вышла из дома, сказав маме, что пойду к соседке. Дети Нина и Надя уже спали. Было темно, моросил дождь. Подойдя к забору, я нашла заранее примеченную в нем щель и через нее пробралась на территорию лагеря. Сторожевая будка находилась по другую сторону склада, поэтому охрана меня не обнаружила...

Руки тряслись так, что еле попала ключом в замочную скважину. Но все-таки открыла замок, вместе с ключом положила его тут же на землю, чтобы ребята, уходя, снова повесили его на дверь. Сама тотчас пошла обратно. Вдоль забора мчалась, что было духу, все казалось: вот-вот меня схватят...

Наутро в городе началась страшная суета. Фашисты бегали с автоматами, лазали по сараям, шарили по чердакам — искали беглецов. Но так и не нашли. В поселке кирпичного завода они штыками вспарывали перины, так что пух летел по улицам. Люди говорили, что кто-то выпустил военнопленных...

С 1944 года я работала заведующей детяслями в селе Березотча. Приехав однажды в Лубны, встретила знакомую, Проценко Марию, проживавшую неподалеку от нас. Она говорит: «Тебя тут разыскивал бывший военнопленный». Может быть, это был один из тех, кому я помогла тогда бежать из лагеря?

Очень часто думаю о судьбе этих людей. Как хотелось бы получить от кого-нибудь из них весточку!

А. Нестеренко.

Правда, 1978, 21 июня.

СЕРДЦА, СОГРЕТЫЕ ЛЮБОВЬЮ

И шли на фронт посылки...[1]

Посылаю вам теплые варежки, сама вязала, портсигар с куревом и расческу. Товарищ, получив мой подарок, носите варежки на здоровье! Пусть ваши руки всегда будут теплые и бьют врага нещадно. Я — машинистка, одновременно выполняю обязанности управляющего делами и заменяю ушедшего на фронт заведующего отделом кадров. Могу работать и за четверых, сил у меня хватит. Бодрости у меня много.

Буду работать не покладая рук в тылу, а если понадобится, возьму в руки винтовку и пойду с вами в ногу, чтобы разгромить врага.

Остаюсь ваша сестра или подруга

Елена Рубина —
машинистка мельничного комбината,
Давлекановского района Башкирии.

От вселюбящей материнской души посылаю вам свой скромный подарок 5 килограммов меда. Я уже пожилая женщина, вырастила двоих детей. Дочь Анна Кругляк вместе с вами отстаивает социалистическую Родину, работая военврачом, сын

[1] Публикуя эти письма, «Правда» сообщала: «400 тысяч рублей внесли в фонд обороны страны колхозники сельхозартели «Сталинский путь» Пролетарского района Ростовской области. В преддверии зимы они отправили в подарок бойцам Красной Армии 50 пар валенок, много полушубков, шапок, другие теплые вещи. Помимо индивидуальных подарков правление колхоза решило к празднику 7 Ноября отправить защитникам Ростова-на-Дону 100 килограммов сливочного масла, 300 голов птицы и другие продукты».

мой находится сейчас в военном училище. Я ему сказала: «Учись на отлично, чтобы на фронте ты умел руководить бойцами, которых тебе доверит наше любимое командование Красной Армии».

Д. Ф. Кругляк,
деревня Коб-Покровка,
Благоварского района Башкирии.

Лаборантки Мелеузовского завода сухого молока послали бойцам к празднику Великого Октября сухие сливки, сдобные коржики, сухое молоко. Обращаясь к фронтовикам, они писали:

«В течение 24 лет мы живем свободной жизнью. И эту жизнь у нас хотят отнять. Но пусть знают фашистские собаки, что нет такой силы, которая заставила бы свободный советский народ стать рабом».

Дорогой мой боец! Прими от меня маленький подарок — мой шарф. Я знаю, что наша Красная Армия героически защищает Родину, наше счастливое детство. Желаю тебе, любимый товарищ, вернуться домой с победой.

Светлана Шепетовская,
ленинградка, 9 лет.
Правда, 1941.

«Полевая почта...» [1]

Добрый день, сыны мои, красные воины Алексей, Иван, Василий и Григорий! В мои 55 лет я чувствую себя молодым и вполне готов встать рядом с вами на защиту родной земли. Всю свою силу я отдаю стахановской работе на заводе, выполняю ежедневно норму от 230 до 270 процентов. Буду, сыновья мои, работать день и ночь, а вы бейте беспощадно врага. Скорей Гитлер поцелует себе спину, чем покорит нашу родную, цветущую Украину.

Ваш любящий батько

Данило Вишневецкий.

Дорогие мои соколы Павлуша, Тимоша, Фетис, Роман и Гавриил. Не забывайте мои слова о том, как тяжко жилось нам

[1] Нескончаемым потоком шли на фронт письма с коротким адресом: «Полевая почта...» Отцы, матери, жены, братья и сестры, близкие друзья и знакомые выражали в них свои мысли и чувства, свое восхищение беспредельным мужеством и отвагой героев Отечественной войны, нерушимую веру в победу. Здесь публикуется подборка таких писем разных военных лет.

при царизме. Защищайте нашу жизнь до последней капли крови. Мы живем хорошо, в полном довольстве. Я стараюсь помочь колхозу убрать хлеба. Урожай нынче повсюду богатый. Хлеба стоят стеной. Я знаю, что Гитлер будет уничтожен, стерт с лица земли, знаю, что мы победим. С этой мыслью я живу, с этим наказом обращаюсь к вам, дорогие мои сыновья. Целую вас крепко. Жду от вас весточки.

А. Фендриков,
колхозник.

Дорогие товарищи, геройские бойцы Красной Армии и Военно-Морского Флота! Федор Семененко и Василий Сухой! Громите врагов так, чтобы они не знали, куда бежать. Таков наказ вам от всего нашего цеха. Бей, Федя, фашистов свинцом, а ты, Василий, торпедой. Металл для вас есть и всегда будет, на ваших местах работают новые люди. Они трудятся не хуже, чем вы. Стахановец Кухаренко дает 200 процентов плана. Я — твой старший брат Григорий Семененко — тоже даю 200 процентов. Смелее, бойцы, фашизму будет конец.

Коллектив завода имени Карла Либкнехта.

Дорогой мой Алешенька! Далеко мы сейчас друг от друга, но мысль у нас одна. Поскорей очистите от врага нашу священную землю. Мы, жены красных командиров, боевые ваши подруги, уверенно работаем в тылу. Нет ничего более дорогого и прекрасного, чем жить и трудиться в своей свободной стране. Поэтому, мой дорогой, крепче держи в руках оружие, которое доверил тебе народ.

Кондращук.

Дорогой муж, ты уехал, не успев проститься с нами. Но это не беда. Я верю в нашу счастливую встречу. Я полна ненависти к фашистам. Выполняй свой священный долг перед Родиной самоотверженно, честно и смело. О нас не беспокойся. Мы окружены заботой. Я работаю в колхозе. Дети находятся у бабушки. Будь здоров.

Лена и дети Ванины.

Кадя, твое письмо мы получили. Я хочу, чтобы ты и все бойцы Красной Армии скорее победили фашистов. Наш папа пошел в ополчение. Теперь он тоже военный, а мама — агитатор. Она почти не бывает дома. Теперь я хозяйка. Это очень легко. Надо только прибрать, кое-что постирать и сварить обед. Приезжай с победой.

Твоя сестра *Нелли Усык.*

Дорогие мои, милые сыны Хасанби и Мухарби! Мы все живы и здоровы. В этом году у нас богатый урожай. Убираем пшеницу. Ваш дядя Булат говорит, что за свои семьдесят лет он еще не видел такого обильного урожая. Мы дружно и организованно работаем на оборону. Пусть золотые зерна наших полей посыпятся пулями на головы озверелых разбойников. Мы снабдим армию хлебом, мясом, овощами полностью. Ни в чем вы не будете терпеть нужды. Я горжусь вами, вашей героической борьбой в рядах славных воинов Отечественной войны. Все мы, матери красных джигитов, знаем, что победа за нами, потому что наша борьба справедливая, правая.

Афова.

Здравствуй, Илюша! Наша славная Кубань полна, как чаша. У нас уже завершается уборка пшеницы и других зерновых культур. Урожай — невиданный. Во многих колхозах собирают по 150 пудов с гектара и больше. Мы дадим зерно городу и на фронт. Пусть наши братья — рабочие больше посылают вам снарядов, патронов, пулеметов, пушек, танков. Вместе с ними мы по-боевому крепим оборону страны. Вчера вспомнили твое детство. В четырнадцать лет ты уже был метким охотником. Так же метко, как бил ты фазанов, целься и в фашистских разбойников. Ставь на них капканы, как на волков, уничтожай их, как уничтожал шакалов. Ты защищаешь, дорогой брат, не только нашу любимую цветущую Кубань, но и весь наш Советский Союз. Тебе есть что защищать.

Твой брат *Александр* и сестра *Анастасия Колосовские.*

Они стали детьми Узбекистана

Война, навязанная нам фашистскими извергами, разрушила много тысяч семейных очагов. Тысячи детей остались без крова, потеряли родителей. Их вывезли в глубокий тыл. Многие были эвакуированы из прифронтовых районов в Узбекистан и встретили здесь сердечную заботу и внимание.

В Узбекистане широко развернулось общественное движение помощи эвакуированным детям. Тысячи ребят — русских, украинцев, белорусов и других национальностей — взяты на воспитание в узбекские семьи.

Бахрыхан Ашир Ходжаева, уже воспитавшая четырех детей, теперь взяла на воспитание еще шестерых. Кузнец Ша-Ахмедов любовно воспитывает шестерых ребят. Четырехлетний

Леня Хорошевский живет в прекрасных условиях в семье Акылджана Шарафутдинова. Отлично живется пятилетнему Мише Белоусову, который воспитывается в семье Автоходжаева. Мальчик горячо привязался к своим приемным родителям и уже говорит в семье не только по-русски, но и по-узбекски.

Можно привести еще множество подобных примеров.

Особого внимания заслуживает почин янги-юльских колхозников, организовавших при крупных сельскохозяйственных артелях небольшие детские дома, содержание которых колхозы приняли на свой счет. От янги-юльских колхозников не отстают многие предприятия и учреждения нашей республики, имеющие детские сады и взявшие на полное воспитание сотни эвакуированных детей.

Многие граждане отдают в фонд помощи детям свои сбережения и ценные вещи. Недавно, например, главный инженер Маргеланской шелкомотальной фабрики товарищ Минц внес в этот фонд 3137 рублей.

В Ташкенте организовался крепкий актив, плодотворно работающий на этом благородном поприще: Е. П. и Н. А. Пешковы, Л. И. Толстая, Г. И. Абдурахманова и многие другие. Они подают пример неустанной работы по оказанию помощи детям: систематически ведут учет эвакуированных детей, восстанавливают потерянную связь с родителями (если есть хоть малейшие данные о том, что они живы), работают по трудовому устройству детей и т. д. Прекрасный почин сделал также актив жен командиров, который осуществляет повседневный контроль над столовыми детдомов.

Шесть тысяч эвакуированных детей питаются в специально оборудованных в Ташкенте детских столовых. Более тысячи ребят отдыхает в лучших детских санаториях Узбекистана: Чимгане, Хасанбае, Ореховой роще, «Вуадиль», «Красная майка» и других.

В 57 детдомах, открытых для эвакуированных детей, 13 000 маленьких граждан нашли теплую заботу и внимание. Практически разрешен вопрос о трудовом устройстве многих детей в колхозах, совхозах и на предприятиях.

Все это, конечно, является лишь частью того, что мы должны еще сделать. Но все, что нужно, будет сделано. Женщины Узбекистана, призванные к жизни Великой Октябрьской социалистической революцией, свободные узбекские женщины, чьи отцы, мужья и сыновья мужественно сражаются на фронте, выполняют свой долг: вместе с дочерьми других братских народов СССР они охранят и воспитают хорошими советскими патриотами наших детей.

Кончится война, кровавый фашизм будет разбит и сметен с лица земли, и юное поколение Страны Советов вновь заживет счастливой, радостной жизнью.

П. Махмудова,
депутат Верховного Совета СССР,
заместитель Председателя Президиума
Верховного Совета Узбекской ССР.
Правда, 1942, 16 августа.

Уходили эшелоны

Есть в Средней Азии узловая станция Каган. Я сейчас там работаю помощником дежурного по отделению, а в войну был паровозным диспетчером. Фронт находился как будто далеко, а у нас он никогда не выходил из головы и из сердца. День, ночь — отдыха никакого знать не хотели, каждый эшелон отправляли с таким чувством, что вот решается судьба фронта и всей нашей Родины.

Поступил на Каган первый санитарный поезд — с ранеными. Надо его без задержки отправить по назначению, а у нас вдруг в экипировочном хозяйстве беда — не идет вода для паровозов. Начальник депо Платонов Г. И. дает команду: «Все равно раненых отправить». Ну, поднимаем всех без исключения и давай бегом ведрами носить воду из пожарного бассейна к паровозу. Но раненых мы отправили без задержки.

А тем временем швейная фабрика города Бухары загружает вагоны с теплой одеждой для фронта. Сами шьют день и ночь, сами грузят — народ весь напряжен до крайности. Мы такие вагоны быстро ставим в поезд, и скорее на фронт. Машинист, конечно, просит добавить немного топлива, а у нас каждый килограмм на учете. Точно мы знали, сколько на любом локомотиве имеется угля, и выдавали, чтобы добраться до депо хватило...

Шли через нашу станцию составы из платформ и полувагонов. В них под открытым небом находилось эвакуированное оборудование больших заводов. А на станках и машинах сидели суровые женщины и старики со своими пожитками да подростки — они ехали пускать эти заводы на голом месте. Однажды ко мне, как дежурному, подходит старший диспетчер с двумя высокими, худыми товарищами. Он говорит: «Вот ученые, едут из Ленинграда». Тогда была прорвана блокада, и этих ученых, которые все пережили, направили в Таджикистан.

Более четверти века прошло, а я до сих пор не могу забыть лица этих людей — обросшие, изможденные, страшно худые.

Может, они потому и выглядели высокими — худой человек всегда кажется намного выше, чем на самом деле. Ленинградцы очень вежливо просили, чтобы их поезд с людьми — в вагонах были ученые и рабочие, многие с семьями — отправить поскорее. Во всем нашем депо был тогда только один паровоз, да и он должен был стать на промывочный ремонт. Я побежал к начальнику депо Платонову Г. И. и говорю: «Едут ленинградцы».

Начальник сразу звонит в цех, потом — к машинистам. Кое-какую, самую нужную, профилактику сделали нашему паровозу, проверили — и к поезду. Всю ответственность начальник депо взял, как говорится, на себя. Перед самым уходом эшелона опять пришли те ленинградские ученые: пожали мне, как дежурному, руку и от души поблагодарили наших паровозников.

Конечно, что было, не расскажешь. В трудовой книжке у меня за период войны 15 благодарностей, имею правительственные награды и награды от нашего министерства. Но самыми великими наградами для меня были минуты, когда по радио громко, гордо и ясно было объявлено о разгроме врага под Сталинградом, о других наших победах. В такие моменты народ ликовал, сил прибавлялось, всякая усталость начисто пропадала. А в День Победы на станции Каган было много веселья, были и слезы, плакали люди — чего скрывать.

После войны, конечно, продолжаю работать. Когда нужно было, весь народ воевал, а сейчас не жалеем сил, чтобы еще крепче была наша страна.

В. Гладунец,
член КПСС с 1931 года.
Правда, 1970, 5 февраля.

В один из военных дней

Весной 1943 года наш 199-й запасный полк снялся из глухариных мест, что находятся неподалеку от города Зубцова, и направился на Смоленщину. Шли мимо Погорелого Городища, Новодугина, Сычевки... Взору представилась «зона пустыни», которую создали гитлеровцы. Идешь пять, десять, двадцать километров, и кругом одни пепелища. Утешало одно: вдоль дорог, на полях валялось много искореженной вражеской техники — плата фашистов за разбой.

Наша рота шла первой. Около одного пепелища, на небольшом поле средь сосен, мы увидели, как восемь женщин в белых платках изо всех сил тащили плуг — они пахали землю. За плугом шел седой как лунь старик в холщовой рубахе.

Рота остановилась. Кто-то из бойцов сказал:

— Что же это, братцы?!

Мы окружили женщин. Никогда не забыть их лиц — без кровинки, с огромными синими глазами, под ними — темные провалы. Голодали, а семена на посев сохранили.

Пожилой солдат Коваленко взволнованно проговорил:

— Какие у нас бабы! Готовы любую беду одолеть... О жизни, о завтрашнем дне думают.

Солдат тяжело вздохнул и, немного помолчав, спросил, обращаясь куда-то к соснам:

— Как-то поживает моя Катеринка с ребятами?

А Катеринка его находилась за Курском, за линией фронта.

Командир полка капитан Кораблев разрешил сделать большой привал. Мы разыскали плуги, запрягли в них обозных лошадей и помогли женщинам вспахать поле, поделились с ними небогатым солдатским пайком.

В. Журавлев,
старший лейтенант запаса.
Правда, 1970, 6 мая.

Мама

Когда началась война, мой родной отец ушел на фронт, и мы с мамой не успели эвакуироваться из Ленинграда. Началась блокада. Мама заболела цингой. Скоро она умерла. Меня соседи сдали в детский дом. Помню, как нас, очень больных детей, эвакуировали из Ленинграда.

Наконец приехали в город Ставрополь на Волге. Встречать вышло все местное население. Давали большие кульки с подарками, а мы были такими тощими, обессиленными, что не могли даже удержать в руках эти кульки. Нас положили тут же на берегу, и люди стали разбирать детей. Мне очень хотелось, чтоб меня кто-нибудь взял, хотелось иметь маму. Но никто меня не брал. Говорили, что если взять, то разве хоронить.

Меня увезли в больницу. Туда за мной и пришла Деревская Александра Аврамовна, которая стала мне второй матерью.

Много бессонных ночей провела мама у наших постелей. Когда бы я ни открывала глаза, днем и ночью видела перед собой ее лицо. Как она все успевала делать — не знаю. Ведь нас было 17 человек.

Самой старшей из нас Вале (большой) исполнилось всего 10 лет. Она была первой маминой помощницей и нашей воспитательницей. Днем мама готовила, убирала, справлялась с хозяйством, с огородом, а вечерами носила воду. За водой приходилось ходить за километр. Она обычно натаскивала две бочки по десять ведер. Ночами стирала.

Собрала нас мама по велению своего сердца. У нее были кое-какие сбережения на книжке и немного хороших вещей. Вот и содержала нас на свои сбережения. Иногда маме говорили: «Ведь трудно вам, отдали бы их в детский дом». Она сердилась: «Отдайте своих». «Но у нас родные дети». «А мне эти тоже родные»,— отвечала мама.

Семья наша все прибавлялась. Как-то мама заметила, что Нина (большая) тихонько плачет. Расспросила ее и узнала, что у Нины есть два брата и сестра Маруся, что братья в детдоме, а сестра где-то в няньках. Мама их всех разыскала.

Однажды утром мы увидели, что за калиткой стоят четыре мальчика. Старшему было лет 14, второму — лет 10, третьему — 6, он держал за руку самого маленького, которому было не больше двух. Старший спросил: «Вы Деревские?» Мы подтвердили. «Мне надо видеть вашу маму и поговорить с ней». Она вышла. Гена — так звали старшего — говорит: «Мы, тетенька, слыхали, что вы детей собираете. У нас никого нет. Папка погиб, мамка умерла. Люди нам посоветовали к вам пойти».

Мама спрашивает: «Как фамилия ваша?» — «Родионовы».— «Теперь будете Деревские».

Чем больше было нас, тем маме все трудней становилось добывать пропитание. Как-то зимой (не помню уж, в каком году) решила она поехать за Волгу, на базар, обменять кое-что из своих вещей на муку. Обещала вернуться дня через три-четыре. Однако прошла неделя, другая, а ее все нет. Потянулись томительные дни ожидания. К тому же мы потеряли хлебные карточки. Наступил самый настоящий голод, а мама все не возвращалась.

Соседи, видя наше бедственное положение, стали приносить кто что мог. Так продолжалось целый месяц. И вот однажды прибежал соседский мальчишка: «Ваша мать идет!» Мы все, кто в чем был, кинулись ей навстречу. Мама шла худая, желтая и везла санки, на которых лежал мешок муки. Мы радовались, прыгали, смеялись и плакали от счастья. Обнимали, целовали маму, спрашивали, почему так долго ее не было.

И она рассказала. Мама попросилась на попутную машину. Кроме нее в кузове ехало еще пять человек. На середине Волги лед проломился. Машина с грузом утонула, но люди выбрались. Наша мама добралась кое-как до первого жилого дома и там слегла. У нее началось воспаление легких. Сообщить нам, где она и что с ней, не было никакой возможности...

Шло время. Мы подрастали, уже могли помогать маме по хозяйству. В 1944 году к нам в село приехала одна строительная организация. Руководители ее, как только узнали о нас,

так сразу пришли знакомиться, стали частыми гостями в нашем доме, сделались нашими шефами.

Вспоминаю, как мы встречали Новый год. Смастерили самодельные елочные игрушки, до глубокой ночи вырезали их из бумаги, клеили, красили, наряжали елку, шили маскарадные костюмы.

Наступил Новый год, пришли строители. Мы неплохо перед ними выступили. И вдруг является дед-мороз с ящиком подарков... В этот вечер мы были счастливы, как никогда.

Скоро четверо из нас пошли в школу, потом еще пять человек. Мама, как и прежде, была неутомима. Она успевала все делать по дому и еще проверяла уроки. Учились мы неплохо. Были одеты, обуты, сыты и жили весело. Бывало, пойдем дрова пилить. Несколько человек пилят, другие колют, складывают,— и все это с удовольствием, с шутками, песнями.

А семья наша все росла. Таким уж человеком была наша мама: если узнавала, что где-то есть одинокий больной ребенок, то не успокаивалась, пока не принесет его домой. В конце 1944 года услышала, что в больнице лежит шестимесячный мальчик, очень больной и ужасно истощенный. Ей сказали: в больничных условиях вряд ли выживет. Родителей у него не было. Его мать скончалась от разрыва сердца, когда узнала, что муж погиб.

Мама принесла малыша — синего, худого, сморщенного. Прямо-таки не ребенок, а шестимесячный старик. Звали его Витя. Мама с ним шла на морозе два километра. Дома его сразу пришлось положить в духовку, чтобы отогреть. Со временем Витя превратился в толстого карапуза, который не отпускал мамину юбку ни на минуту. Мы его прозвали Хвостиком.

Здесь, в селе Постройка на Волге, и застала нас самая радостная весть. 9 мая мы услышали, как диктор по радио объявил конец Великой Отечественной войны и победу над фашистской Германией. В то раннее утро все, кто был в селе, плакали, смеялись, обнимались, целовались. Это было самой большой радостью, какую мне приходилось когда-либо видеть.

Женщины говорили маме: «А что, Аврамовна, если найдутся у детишек родители? Что делать будешь?» Она отвечала: «Никого не отдам. Родные они мне стали».

В конце 1945 года мы переехали на Украину, в город Ромны. Там наша семья пополнилась еще двадцатью тремя ребятами. А всего мама воспитала сорок два человека [1].

[1] Александра Аврамовна Деревская в годы Великой Отечественной войны спасла 26 сыновей и 16 дочерей — детей-сирот разных национально-

Навсегда запомнила я самый знаменательный день в маминой жизни — ее тогда приняли в партию. Нам она сказала: «Дети, я сегодня ничего не буду делать, ладно? Я буду сегодня выходная». И нарядилась в самое лучшее платье. Мы очень радовались, что мама такая веселая.

Л. Тищенко.

Правда, 1972, 25 декабря.

Наша Евдокия Анисимовна

...«Дорогой жизни» через Ладогу, а затем, проехав еще тысячи верст по стране, мы попали в 1943 году в сибирское село Емельяново. У каждого леденил сердце комок горя. В блокадном Ленинграде потеряли родных, голодали. Жили в промерзших насквозь квартирах. А в детском доме дохнуло на нас живительной сытостью и теплом. Люди из села Емельяново, что в Красноярском крае, отдавали ленинградским детям последний кусок хлеба.

В ту пору не хватало учителей, не было учебников, тетрадей. Но все равно в детдоме уроки проходили интересно. И не в последнюю очередь это объясняется тем, что рядом с нами была добрая и умная наставница Евдокия Анисимовна Вениаминова. Шла война, а нам снились хорошие сны — наверное, потому, что вечерами, укладывая детей спать, Евдокия Анисимовна старалась каждого приласкать. В спальне то и дело слышалось: «Мама, укрой меня», «Мамочка, можно я тебя поцелую?..» Наша мама не ложилась спать, пока не обойдет все спальни, не проверит дежурных нянь.

Тогда мы и не задумывались над тем, как трудно было Евдокии Анисимовне. Ведь свою работу завуча детского дома она совмещала с уроками литературы в средней школе. К тому же помогала редактировать стенгазету, организовывала художественную самодеятельность, преподавала помимо основного предмета еще и физкультуру, труд.

стей. Отцы их погибли на фронте, матери — от бомбежек, голода. Некоторые дети не помнили своих фамилий, а иные не знали даже имен, потому что были очень малы. Деревская дала им свою фамилию.

Горсовет в Ромнах, куда Деревская с детьми переселилась из Ставрополя на Волге, выделил им дом, два гектара земли под огород, незнакомые люди приносили детям караваи хлеба, одежду...

В 1974 году Александре Аврамовне Деревской посмертно присвоено звание «Мать-героиня».

Почти каждый год ее воспитанники встречаются в Ромнах у могилы матери. На надгробном обелиске слова: «Ты наша совесть, мама» — и сорок два имени.

Как мы ждали литературных вечеров! Книг не хватало, и Евдокия Анисимовна наизусть читала нам сказки Пушкина, отрывки из произведений Лермонтова, Гоголя, Островского.

Позднее, в старших классах, мы узнали о суровом детстве и юности Евдокии Анисимовны. Она родилась под Полтавой в большой крестьянской семье и рано осталась без родителей. В школу ходила пешком за семь верст. В 1921 году первой в селе вступила в комсомол. Затем работала секретарем волисполкома, избиралась депутатом сельского и районного Советов. В год смерти Владимира Ильича Ленина ее приняли в партию.

Человек, повидавший на своем жизненном пути немало горя и трудностей, она воспитывала в нас любовь к Родине, уважение к людям, стремление прийти на помощь другому. Евдокия Анисимовна научила нас читать мудрую книгу природы, привила любовь к труду. Вместе с нею мы с удовольствием пилили и кололи дрова, заготавливали сено для детдомовских коров и лошадей, работали на огороде.

В 1952 году закончили школу, и Евдокия Анисимовна проводила нас на учебу в техникумы, ремесленные училища. Но связь не оборвалась ни после возвращения в Ленинград, где она много лет проработала завучем в школе, ни с уходом ее на пенсию и переездом в родную Полтаву.

Поныне мама как бы рядом, ее доброе напутствие вдохновляет каждого на самоотверженный труд во имя Родины.

В. Иванова, Т. Субботина, Е. Чупятова, Т. Людвиг, Л. Злыдарь, Г. Кисляков, Н. Ильин, Т. Скрыпник и другие воспитанники Емельяновского детского дома. Всего 23 подписи.

Правда, 1974, 14 декабря.

Посылка

В канун нового, 1943 года наш гвардейский полк реактивных минометов — «катюш» участвовал в боях под Сталинградом. Однажды вечером приехал грузовик. Солдаты принялись выгружать прямо на снег небольшие ящики. Думали, что бы в них могло быть? И вдруг кто-то закричал: «Ура! Посылки!» Досталась посылка и мне. На боковой стороне ящичка был обратный адрес: «Москва, Сокольники. Митягиной Нине».

Осторожно открыл. Сверху лежало старательно написанное письмецо с фотографией девушки. «Здравствуйте, дорогой и любимый воин,— прочитал я в письме.— Рада передать вам свой скромный подарок. Пусть он вас согреет и воодушевит. Еще крепче бейте фашистов. С приветом — Нина». В посылке

были кусок колбасы, сухари, сахар, печенье, шерстяные носки, свитер, почтовый набор... Отгремели последние залпы под Сталинградом. Едем на формирование в Москву. Меня не покидает мысль о встрече с Ниной. Написать ей письмо — не знаю точного адреса. Несколько раз ездил в Сокольники, чуть ли не каждому встречному показывал ее фото. И наконец повезло: нашел!

Нине не было и 18 лет. Работала она на заводе, жила вместе с матерью. Отец погиб при защите Москвы. Об этой встрече я рассказал замполиту. И вот в канун 8 Марта по поручению своих товарищей я пришел на квартиру новых знакомых и вручил им наш солдатский подарок: пакет, в котором были крупа, селедка, банка тушенки, сахар, хлеб и несколько кусков мыла. Дочь и мать до слез были растроганы гостинцами, а еще больше — вниманием.

Через несколько дней нашу часть подняли по тревоге, и мы выехали на Воронежский фронт. Долго еще, всю войну, я получал от Нины теплые письма [1].

И. Афонин,
гвардии майор запаса.
Правда, 1975, 2 марта.

Наше оружие — искусство

...По всем фронтам разъехались в самом начале войны многочисленные концертные бригады, военные театры, армейские ансамбли, группы кинооператоров и художников. Невозможно забыть то, что было пережито на военных дорогах... Мы видели страшное разорение, которое враг принес на нашу землю, горе осиротевших детей, жен и матерей. Видели великое мужество, героизм и в то же время удивительную человечность, скромность советских воинов.

Вспоминаю концерт, который наша бригада устраивала в одной из летных частей. Мы долго не начинали — ждали тех, кто был в небе, выполнял боевое задание. Когда летчики вернулись, было решено, что каждый из артистов свой номер посвятит тому или иному бойцу. Перед тем как прочесть отрывок из поэмы Лермонтова «Мцыри», я сказала, что посвящаю выступление командиру авиазвена, вернувшегося с задания. Потом, когда я пробиралась сквозь ряды зрителей к своему летчику, поразилась, как он, буквально минуты тому назад рис-

[1] После публикации этого письма Нина Митягина нашлась. Она по-прежнему живет в Москве, только адрес изменился — давно переехала в новую квартиру.

ковавший жизнью в смертельном бою с фашистскими «юнкерсами», почти до слез был растроган проявленным вниманием.

Всякое случалось на фронтовых дорогах концертных бригад — «особых подразделений» искусства, как их называли. Как-то зимой автобус, в котором ехали артисты, заблудился, и мы оказались в непосредственной близости от передовой. Оглушенных разрывами снарядов, замерзших, растерявшихся, нас взяло под свое «покровительство» танковое подразделение. Никогда не забуду, с какой теплотой, как своих самых близких, родных, приняли нас бойцы — накормили, обогрели... А концерт, который мы хотели дать, так и не состоялся: танкисты ушли в бой.

Не только средствами своего искусства боролись с врагом литераторы, артисты, художники... Многие представители художественной интеллигенции сражались с оружием в руках. Почти в каждом театре, в любой другой творческой организации висят сегодня мраморные доски с именами тех, кто не вернулся... И в боевых частях, партизанских отрядах писатели, журналисты, художники не расставались с творческой работой. Писатель и режиссер Герой Советского Союза Петр Вершигора говорил тогда: «Ох, надоело писать на пеньках, на коленах, в тачанке. Изголодался я по письменному столу». Но шла война — и крепко держали в своих руках винтовки люди творческих профессий.

По всей стране тогда шел сбор средств на оборону, и в выходные дни устраивались концерты, спектакли, доход от которых направлялся в фонд помощи фронту. Работники Малого театра, например, собрали миллион с лишним рублей для постройки самолетов. Потом в Подмосковье мы провожали эскадрилью, в которой были и наши самолеты. С пилотами этой эскадрильи Малый театр связан и по сей день. Дружба, начавшаяся в войну,— святая дружба, и встречи-отчеты о сегодняшней нашей работе, встречи-воспоминания для нас всегда очень радостны.

Самые удивительные духовные связи возникли между артистами, приехавшими на фронт, и солдатами. Мы были для воинов посланцами «большой земли», где остались их матери, жены, дети. С волнением выспрашивали у нас фронтовики, что там, в тылу, как держатся люди, какое у них настроение.

...Как-то на концерте мы заметили, что один из офицеров слушает нас совершенно безучастно, сидит очень грустный, отрешенный от всего. Оказалось, что гитлеровцы повесили в деревне его мать, отца и сестру. Тогда старейший наш актер Пров Михайлович Садовский подошел к нему и сказал: «Пойдем поговорим, сынок...» Говорили они всю ночь. А когда мы

уезжали, этот офицер попросил разрешения у Садовского писать ему и называть отцом...

Вся страна в годы войны по-матерински заботилась о своей армии. И как замечательно, что та кровная близость между деятелями искусства и воинами, которая ярко проявилась на полях сражений, крепнет день ото дня и сейчас.

Е. Гоголева,
народная артистка СССР,
Герой Социалистического Труда.
Правда, 1975, 5 марта.

Ленинград помнит

В трудные дни блокады в Ленинграде оставалась маленькая группа сотрудников Физико-технического института — 26 человек. Остальные были эвакуированы. Чем же занимались в институте в блокадные месяцы?

Ученые вели поиск и исследования высокочастотного диэлектрика. Были освоены операции по получению и рациональному изготовлению из него различных деталей. Этот диэлектрик был использован не только на Ленинградском фронте. Он самолетами направлялся на предприятия страны для восстановления следящих систем зенитных батарей и других целей.

Наши товарищи постоянно заботились об охране кораблей от магнитных мин противника, для чего на берегу Невы, у Литейного моста, был построен стенд, у которого сотрудниками института производилось размагничивание кораблей. Это позволяло судам безопасно курсировать по реке. В институте создавались и исследовались методы обезвреживания, прекращения действия взрывателей магнитных мин. Весной 1942 года в Ленинград прилетел А. П. Александров [1]. С его помощью расширились работы по размагничиванию.

Городской комитет партии предложил сотрудникам Физико-технического института развить ледовые исследования, чтобы обезопасить движение по «Дороге жизни». В этом деле ученые проявили большую изобретательность и настойчивость, работая на льду Ладожского озера в лютые морозы, под обстрелом фашистов. В институте было разработано также и несколько конструкций взрывателей, создавались различные образцы вооружения.

Многое сделали для Родины в блокадном городе и ученые других институтов.

Н. Рейнов.
Правда, 1975, 9 апреля.

[1] А. П. Александров — ныне президент Академии наук СССР.

Солдат с кинокамерой

Смотрела телефильм «Великая Отечественная» — сколько было волнений, слез, сколько гордости за наш советский народ и нашу Родину. Незабываемые кинокадры взволновали всех, но пишу не об этом. Хочу по долгу памяти рассказать лишь об одном человеке. Помните заключительный фильм «Неизвестный солдат» — там перечислены кинооператоры, погибшие во время Великой Отечественной? И среди них — Владимир Муромцев.

Хорошо помню его. Мы встретились в Югославии. Его неизменным оружием оставалась кинокамера. С нею молодой оператор, вчерашний студент, прошел Ленинградский фронт, был в тылу врага — в партизанских отрядах. А с 1944 года он продолжал службу военного кинооператора в Югославии среди партизан и в войсках Народно-освободительной армии. Погиб Владимир Муромцев 30 апреля 1945 года, когда победа была совсем близка. Снимал решительный бой за освобождение Триеста. Когда началось сражение, он находился в головном танке. Затем были уличные схватки — оператор опять впереди. Разорвался снаряд, и смертоносный осколок сразил этого солдата с кинокамерой — скромного, доброго и веселого человека.

Помню, всегда он приезжал к нам, в военную миссию, рассказывал о новостях, разных забавных историях. «Наш кинооператор, наш Муромец Илья» — так начиналась частушка, ему посвященная. Все мы были молоды, все любили смех, шутку, и Владимир охотно подхватывал песню или частушку. Впервые приехав к нам, он отрекомендовался: Муромец Илья. Лишь спустя некоторое время мы узнали, что он Владимир Муромцев, что его мечта — создать фильм о войне и победе. Как жаль, что рано оборвалась жизнь этого замечательного человека. Но труд его сохранился, многие снятые им кинокадры живут, долго будут рассказывать людям правду о Великой Отечественной войне.

Спасибо тебе, Володя Муромцев. Спасибо всем кинооператорам — живым и погибшим,— бесстрашно исполнившим свой долг перед нынешним и будущими поколениями.

Л. Седова,
участница
Великой Отечественной войны.

Правда, 1979, 30 августа.

«Программа — Родина!»

Нередко читаю в «Правде» воспоминания о войне и победе, о памятных встречах. И каждый раз мысленно возвращаюсь к нашей русской школе. Она была создана в далеком немецком городке незабываемой победной весной 1945 года.

Чудом я дожил до тех дней. Потому что после Сталинградской битвы, в которой участвовал, были плен, лагерь-тюрьма в Нахродте. Оттуда нас 9 апреля, когда уже победа была так близка, повезли на расстрел. Подпольная организация помогла нам бежать. Об этой организации, в которую и я входил, уже написано, рассказано. Но сейчас — о другом.

В мае сорок пятого мы из Нахродта прибыли в город Менден, где находился сборный пункт советских людей. Из разных мест добирались тогда в Менден — это в британской зоне — бывшие военнопленные и гражданские лица, то есть жители наших городов и деревень, которых гитлеровцы насильно увезли на чужбину. Было немало детей — голодных, полураздетых. Вот здесь-то, в штабе советской миссии сборного пункта, получил я, учитель по профессии, необычное задание: собрать детишек, готовить их к возвращению на Родину. В штабе мне сказали:

— Создавайте, Георгий Павлович, русскую школу. Учителей подберем сколько нужно. Все дадим школе.

Я спросил о программе — чему учить. Последовал короткий ответ: «Программа — Родина!»

И мы стали собирать в русскую школу наших детей. Это были до крайности измученные фашистской неволей мальчики и девочки, пережившие тяжкие издевательства, позабывшие материнскую ласку, приветливое, доброе слово. Страшнее всех физических травм травмы моральные — гитлеровцы уродовали детские души, вытряхивали из них все чистое, светлое, глумились над ними, унижали всячески. Никаких имен — только номера. Никаких книжек — только каторжный рабский труд от зари до зари...

Двести сорок таких детей очутились теперь в нашей русской школе. Торжественно и символично звучали два этих слова, вобравшие в себя заветные ребячьи мечты. Мы составили списки и наугад — приблизительно — распределили детей по классам. Быстро подготовили помещения для занятий, с огромным желанием, с жаром брались взрослые за работу. Учебным пособием стала армейская газета «За Родину!». Потом пришла из Москвы долгожданная «Правда». Урок русского языка — по газетам, учительница говорит о нашей победе, голос ее дрожит, и ребята плачут вместе с ней. Урок арифметики опять по

газетам, и, конечно, опять о Родине: сколько километров до Орши, Чернигова, Смоленска. До глубины души был взволнован учитель, огнем горели ребячьи глаза: скоро домой, в Россию, на Родину.

Я преподавал литературу. По памяти — книг не было. Потом достали мы одну-единственную: «Тарас Бульба». Читали и перечитывали ее много раз. Казнь Остапа, истязания, пытки — все это воспринималось детьми как только что происходившее в гитлеровском аду. Читаю вслух из заключительной главы: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» Эти слова встречали с ликованием, с ними жили и готовились к возвращению на родную землю.

Школа существовала три с половиной месяца. Помню многих преподавателей, не жалевших сил, чтобы отогреть ребячьи души, вернуть им радость, детство. Среди учителей были Евгения Ивановна Черненко из города Орджоникидзе, Виктория Антоновна и Ядвига Антоновна Миткевич из Гомеля, Зинаида Никифоровна Болховитина из Сталинградской области. Помню нашу стенную газету «Школьник», ее помогали выпускать киевлянка Нина Смирнова и москвич Евгений Ромашко. Нравились ребятам спортивные занятия, строевая подготовка — этим руководил Андрей Николаевич Коробецкий из Ростова-на-Дону. Кружок рукоделия вела Таисия Комиссарова, она даже сумела устроить небольшую выставку. Наконец, инженер Павел Максимович из Рязани и жительница Мариуполя Надежда Александровна Рыженко помогли оформить сначала школьное здание, потом школьную колонну — мы сшили девочкам белоснежные платья, мальчикам — рубашки и брюки. Подготовка к возвращению на Родину была сплошным праздником, и надо сказать, что парадная форма стала нашей общей радостью, она отличала советских ребят, дисциплинировала.

И вот по улицам немецкого города Мендена четким строем шагают ученики русской школы. На ослепительно белых платьицах и рубашках огнем горят алые пионерские галстуки. Наши ребята были прекрасны — плечи расправлены, головы подняты вверх, к развевающемуся над колонной красному знамени. Хотелось крикнуть: «Смотри, Европа, как шагают спасенные советские дети — их ждет великая Родина-мать!»

...Посадка в вагоны. Свисток. Эшелон тронулся. Наши воспитанники ехали на Восток, домой — навстречу большой жизни.

Где они сейчас? Где их преподаватели? Как сложились судьбы учеников и учителей? Об этом спрашивают меня, ста-

рого учителя, каждый раз, когда я вспоминаю русскую школу. Но что им ответить, если жизнь разбросала нас по разным уголкам страны? В одном не сомневаюсь: все они, где бы ни жили, кем ни работали, достойные граждане нашей Советской Родины.

Г. Баранов.
Правда, 1979, 27 сентября.

Кисет в горошек

22 февраля 1943 года комиссар батальона вручил нам, политработникам, подарки, присланные из глубокого тыла. Мне достался кисет из ситца в горошек. Развязываю шнурок и вижу: лежит в кисете письмецо.

Читали его всей ротой: «Дорогой боец! К 25-й годовщине Красной Армии посылаю скромный подарок, который сшила сама. Мы тоже помогаем фронту. Собираем металлолом для постройки танков. У меня к вам просьба, товарищ боец: бейте крепче фашистских оккупантов, быстрее прогоните их с нашей земли. До свидания. Ученица 4-го класса Нина Буянкина. г. Кашира».

Письмо стало темой политбеседы, которую я провел с бойцами. А через несколько дней, когда мы уже были в наступлении, в нашу роту пришло 40 писем — и все из Каширы, от школьников.

В одном из боев меня тяжело ранило. И в госпитале каждый раз, беря в руки кисет, вспоминал каширских ребятишек, простые и сердечные письма которых стали для нашей роты добрым напутствием перед боем.

Н. Кузнецов,
бывший замполит роты.
Правда, 1980, 14 мая.

Войной опаленные

Спустя много лет вместе с друзьями приехал я в Хвалынск, небольшой волжский городок моего военного детства. Нас прибыло сюда немного: семьдесят два из десяти тысяч, которых спасла Родина и приютила здесь, воспитала. В ту суровую годину нам было по пять лет. И вот эта волнующая встреча через многие годы...

— Я, Позняк Ольга Адамовна, росла в детском доме № 1, ныне врач-педиатр, заведующая отделением 7-й клинической больницы Минска. Награждена орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть».

— Я, Пикулик Ренард Григорьевич, из детдома № 1. Живу в Ленинграде, работаю главным инженером Института ядерной физики Академии наук СССР...

Среди нас — шесть кандидатов наук, более двух десятков руководителей предприятий и исследовательских институтов, педагоги и врачи, юристы и рабочие. Сам я закончил Саратовский юридический институт, работаю в органах внутренних дел.

...Сестры Аня и Соня Вольминские приехали на встречу вместе со своей спасительницей Н. А. Королевой. Детский сад, в котором они находились, был вывезен в окрестности Минска. О войне здесь узнали в полдень. Уводить детей решили 26 июня.

— От станции,— рассказывала Наталья Алексеевна,— шла большая колонна красноармейцев. Солдаты торопились. Было видно, что все они издалека, устали. Когда поравнялись с нами, вдруг раздался крик: «Доченьки!» В ответ: «Папа!» Колонна остановилась. Аня и Соня плача бросились к отцу. Тот схватил их на руки, прижал к себе, чуть слышно говоря: «Прощайте, родные...» Вскоре послышалось: «Шагом марш!» И строй, колыхнувшись, двинулся дальше. «Пожалуйста, сберегите малышек»,— услышала я.

Сестры Вольминские так и не встретились с отцом. За долгие годы войны не долетело в детский дом ни одной весточки от него. Не нашли они и мать. До сих пор...

Сначала, сочувствуя, привязалась к девчонкам Наталья Алексеевна. Потом полюбила. Много лет спустя она пригласила их в Минск, помогла с пропиской, с трудоустройством. Соня сейчас работает воспитательницей в детском саду. Аня — старший экономист.

Далеко не всех удалось спасти. О судьбе некоторых напоминает листовка белорусского подполья. «27 сентября 1941 года в городе Минске во время облавы в районе железнодорожного вокзала и в развалинах домов эсэсовцы схватили сто беспризорных детей... и расстреляли их».

В дни встречи в Хвалынске мы с особой любовью вспоминали тех, кто заботился о нас, отдавал тепло своей души, благодарили воспитателей и учителей — Клавдию Николаевну Малявскую, Антонину Филипповну Ситрову, Виктора Петровича Торнова и многих других.

Забот у волжан было немало. Небольшой в ту пору городок с населением всего 16 тысяч человек за годы войны усыновил свыше 10 тысяч сирот, прибывших из разных мест. Передо мной «Акт передачи материальных ценностей дома отдыха «Просвещенец» эвакуированным». Что же составляло имущество

детского дома, в котором было тогда 270 ребят? Кроватей никелированных с сеткой — 80 штук, железных с сеткой — 141, матрацев — 100 штук. Спать приходилось по двое, трое на кровати. Было трудно и с питанием. Горожане приносили кто что мог: одежду, тазики, рукомойники, картошку, морковь.

Часто вспоминаю свою первую учительницу, ныне покойную Веру Михайловну Белозерову. До четвертого класса я в зимние месяцы не писал: были обморожены кисти рук. Вера Михайловна летом уводила меня к себе домой, кормила, занималась. Многие жители брали сирот на воспитание.

...Три дня воспоминаний в Хвалынске. В. А. Алтухов, например, так рассказывал о своем отъезде из детского дома. Всю войну его мать жила в Минске. Когда город освободили, она узнала, что сын эвакуирован на Волгу. Сама ехать за ним не могла, написала сестре в Камышин, попросила забрать его. «У Валюшеньки моего,— писала она,— родимое пятно на левом боку».

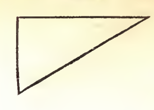
А у меня вот не было никаких особых примет. Порой горько подумаю: может, потому и не нашел меня никто из родственников?..

Сколько нас вместе с воспитателями, учителями разыскивали своих родителей, да безуспешно: А. Ткачук, Е. Голяшова, Ф. Левитина, Т. Фролова, братья Матросовы — тысячи! И особенно помогал нам в том Дмитрий Прокофьевич Захаров, бывший солдат 62-й гвардейской дивизии. Пришли сказать спасибо краеведу — ведь и наша встреча состоялась благодаря ему.

В. Разин,
бывший воспитанник детского дома.

Правда, 1981, 23 января.

ЛЮДИ
И СУДЬБЫ

Не погиб командир!

История боевого пути 3-го истребительного авиационного корпуса, в котором я воевал, хранит список летчиков, отличившихся в боях с фашистскими захватчиками. Вот строчки из этого списка:

«Командир звена лейтенант Гаврилин над Крымом сбил семь самолетов противника, награжден дважды. Будучи тяжело раненным, вынужденно совершил посадку на территорию, занятую врагом. Спасен колхозниками».

От того далекого времени остались лишь воспоминания. А этот подвиг должен жить в памяти народной. И я занялся поиском...

Первая встреча состоялась с бывшим командиром 402-го авиаполка Героем Советского Союза А. Е. Рубахиным. Живет он в Воронеже.

— Было это 13 апреля 1944 года,— сказал Анатолий Ермолаевич.— Лейтенант Павел Гаврилин и ведомый младший лейтенант Константин Алексеенко получили задание произвести разведку. При подходе к аэродрому противника летчики заметили, как с взлетной дорожки поднялись два «Мессершмитта-109», а за ними — транспортный самолет «Ю-52». Гаврилин внезапно атаковал «Ю-52» и короткой очередью сбил его. Алексеенко уничтожил одного из «мессершмиттов». Этот бой помог нашим соколам пройти над самым аэродромом, так как зенитчики были лишены возможности из-за находившихся в воздухе своих самолетов вести огонь. Разведчики обнаружили на земле более ста самолетов и засекли расположение зенитных батарей.

Когда советские истребители возвращались, их догнали четыре «фокке-вульфа». Гаврилин сбил одного и при поддержке напарника — второго. Тут они были атакованы двумя «мессершмиттами»...

— Ранен... Иду на вынужденную,— услышал Алексеенко в шлемофон голос ведущего.

— Под нами противник... Тяни на свою территорию,— предупредил по радио Константин.

Павел не ответил, самолет его беспорядочно пошел вниз. «Погиб командир»,— доложил мне Алексеенко.

— Но Гаврилин жив! — закончил свой рассказ А. Е. Рубахин.— А вот где сейчас — не знаю.

В пенсионном отделе Министерства обороны мне ответили по телефону: «Герой Советского Союза Павел Федорович Гаврилин проживает в поселке Теплый Стан Московской области».

Еду туда. И вот мы сидим друг против друга. На лице и руках моего собеседника следы ожогов.

— Да, удар «мессера» был неожиданным,— вспоминает Павел Федорович.— Страшная боль обожгла спину. Я стал терять сознание. Как посадил самолет, вылез из кабины и полз от горящего «Яка», не помню... Когда стемнело, услышал лай собак. Значит, близко люди. Наши или немцы? В распадке увидел хаты. Добрался до крайней, осторожно постучал. «Кто там?» — спросили из-за двери. «Свой, русский...»

Оказалось, я попал в одно из сел Бахчисарайского района. В хате жили колхозники Гавриил Лазаревич и Александра Ивановна Талаловы.

После войны Павел Гаврилин дважды бывал в Крыму, но никто не смог сказать, куда делась семья Талаловых. Я решил ему помочь.

Разыскал бывших соседей и родственников Талаловых. Сами они проживают в поселке Энем Краснодарского края.

Вскоре поезд мчал меня в Краснодар. Встреча с семьей Талаловых была теплой, взволнованной. Гавриил Лазаревич рассказал, что произошло тем памятным вечером:

— Отворили дверь и ахнули — на ступеньках крыльца лежал человек в шлеме, с пистолетом в руке, окровавленный. Внесли его в избу, раздели, обмыли, перевязали раны. Он почти не приходил в сознание. Куда его спрятать? Кругом фашисты, полицаи шастают. Обнаружат — всем нам конец. «Положим на кровать вместе с ребятами»,— предложила жена.

Так и сделали. Всю ночь дежурили. А утром услышали русское «ура!». Советская Армия пришла!

Через день Гавриил Лазаревич с автоматом в руках участвовал в боях. На подступах к Сапун-горе его тяжело ранило. Потом с боями освобождал Венгрию, Чехословакию.

А. Журавлев,
майор запаса.
Правда, 1968, 15 февраля.

И в мирные дни на передовой

В Клайпеде на судоремонтном заводе № 7 трудится матрос плавающего дока Федор Прокопьевич Орешко. А в краеведческом музее города-порта экспонаты и документы специального стенда повествуют о его славных делах.

...В 1944 году отдельный инженерный батальон был включен в 16-ю Литовскую Краснознаменную дивизию, впоследствии получившую наименование Клайпедская. Во время боев на подступах к Клайпеде группу минеров, возглавляемую лейтенантом Федором Орешко, остановил офицер в полушубке и отрекомендовался:

— Лейтенант Пабяржис! Приказано вашу группу проводить в город.

Подразделения Федора Орешко и Владаса Пабяржиса разминировали улицы и площади города, уцелевшие жилые дома и фабричные корпуса. Потом инженерный батальон был переброшен в Восточную Пруссию, а Владас Пабяржис отбыл в родную дивизию, сражавшуюся с курляндской группировкой гитлеровцев. На прощание боевые друзья обнялись. Придется ли еще свидеться?..

Вскоре после окончания войны на клайпедской набережной можно было встретить высокого широкоплечего мужчину в офицерской шинели со снятыми недавно погонами. Здесь он оказался не случайно. Городской Совет записал в своем решении: «Ответственным за разминирование улиц, площадей, домов и общественных зданий города назначить минера-инструктора Федора Прокопьевича Орешко».

В Клайпеде же Орешко снова встретил Пабяржиса. Владас уволился в запас, но тоже остался в строю. Вот далеко не полный перечень их ратных дел в мирные дни:

1947 год. Минер-инструктор Орешко с помощником Пабяржисом разминировали Клайпедский вокзал и три квадратных километра территории железнодорожной станции. Обезврежено 3000 килограммов аммонала и динамита, более 2100 снарядов, около 1500 мин, десятки бомб.

1951 год. На улицах Соду и Йотвингю, на Кретингском шоссе обнаружено и обезврежено большое количество мин, снарядов и авиабомб.

1953 год. На улице Донелайтиса обезврежена зарывшаяся в землю бомба. На улице Спортининку изъято множество снарядов, мин, гранат.

1957 год. За городом началось строительство нефтебазы. Ковш экскаватора вскрыл склад боеприпасов. Вызванный сюда Орешко трудился много дней.

Оставляя Клайпеду, гитлеровцы заминировали буквально все, что могли. Орешко, Пабяржис и их товарищи разминировали фарватер реки Данге, работая в водолазных костюмах, обезвредили множество взрывчатых веществ в рыбном и торговом портах, извлекли мины из погребов жилых зданий. Уже в мирные дни к двум орденам Красной Звезды, которыми в годы войны был награжден Орешко, прибавился третий.

Но в мирное же время погиб на посту его боевой товарищ — Пабяржис. Владас извлекал мину, она взорвалась. Осколком Пабяржис был смертельно ранен. Завершать начатое дело довелось Орешко.

Порой где-нибудь в лесу или на осушаемом болоте напомнит о себе эхо минувшей войны. Вот почему Федор Прокопьевич Орешко не сдал в музей свой старенький миноискатель. Недавно рабочие совхоза «Думпай» обратились к Федору Прокопьевичу. Мелиораторы, начавшие осушать заболоченные земли, чуть не подорвались на противотанковой мине. Орешко отправился на место, обнаружил две мины со стеклянными взрывателями.

...В 1938 году из села Балатино, что на Одесщине, ушел на службу в армию паренек. С тех пор прошло много лет, а старший лейтенант запаса Федор Орешко все еще чувствует себя в строю. Три ордена Красной Звезды, боевые медали в кумачовой шкатулке. И рядом — две медали «За спасение утопающих». Федор Прокопьевич — не только умелый минер, но и отличный пловец.

Э. Улдукис.

Правда, 1970, 19 марта.

Берлинский поезд

Шел апрель 1945 года. Каждую свободную минуту я бегала на станцию встречать эшелоны с ранеными. Моей постоянной спутницей была молоденькая Куляш Бейрамова, брат которой,

Бакир, до войны работал в Илийском пароходстве. Вскоре его место заняла я.

На руках у Куляш, как я помню, всегда сидела маленькая русская девочка Галя, а на перроне вокзала нас ждала мать Куляш — Магрипа, которую мы по казахскому обычаю звали апа. Она держала мальчика Вову — Галиного брата.

Эти двое русских детей появились в семье Бейрамовых в 1942 году, после того как пришел эшелон с эвакуированными...[1]

Кончалась зима последнего года войны. По вечерам Магрипа рассказывала детям сказки. Однажды она сказала дочери:

— Пиши письмо Бакиру, пусть будет отцом русским детям, ведь скоро конец войне.

Бакир из госпиталя ответил сестре и матери, что хоть и нет у него одной руки, но отца детям погибшего капитана сумеет заменить.

И вот наступила победа. Для нас она осязаемой стала лишь тогда, когда прибыли первые поезда с демобилизованными. Помню, прибежала ко мне Куляш и сказала, что ждут Бакира.

Перрон вокзала еле вмещал встречающих. Ждали берлинский поезд. Его так и называли — берлинский — и говорили, что на каждой станции он выбивается из графика. Не успел состав остановиться, как вагоны буквально забросали цветами. Трудно описать, что чувствовал каждый из нас. Больше всех волновались старые казахи. Очень им хотелось достойнейшим образом угостить воинов. С большими блюдами горячих мантов, с бурдюками кумыса окружали они каждого солдата. И вдруг среди этой большой суматошной толпы раздался мужской голос: «Вовка, сынок!» Прихрамывая и опираясь на палку, к нам пробивался высокий человек с орденами на груди. Рядом с ним шел Бакир.

Поезд, прощально посвистывая, отходил от вокзала. За ним бежала ликующая толпа, а мы стояли и плакали.

Капитан подошел к Магрипе, молча взял руки старой казашки и стал их целовать:

— Век не забуду вашей доброты...

Оказалось, Стрельцов остался жив, они с Бакиром встретились в госпитале (бывает же такое!) и теперь возвращались вместе, одним, берлинским поездом.

[1] Далее в письме рассказывалось, что дети остались без матери, а через некоторое время пришло извещение о гибели их отца капитана Стрельцова.

Через два месяца Куляш пришла прощаться. Она вышла замуж, уезжала в Семипалатинск вместе с детьми и Стрельцовым.

Мы провожали ее на том же вокзале. Желали счастья.

Т. Радикорская.

Правда, 1970, 14 мая.

Отец

Солдаты Отечественной войны... Каждый — из них достоин самых теплых и высоких слов. Мой рассказ — об отце, солдате и труженике.

Мы, рожденные незадолго до войны и в начале ее, давно уже не мальчишки. Успели сами побыть солдатами, у многих подрастают сыновья. Но, наверное, у каждого из нас бывают моменты, когда на время мы снова как бы становимся мальчишками, а наши отцы — солдатами.

Я вспоминаю торжества в родном селе Качановке. Нашим отцам вручали юбилейные медали «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Один за другим становились в строй бывшие фронтовики.

— Мотренко Степан Данилович!

— Я! — отозвался отец и зашагал в строй.

Отец как-то вдруг выпрямился, помолодел. И когда, получив награду, торжественно произнес: «Служу Советскому Союзу!», я почувствовал себя совсем мальчишкой, нуждающимся в отцовской поддержке. Это чувство не покидало меня и дома, когда поздравлял отца с наградой и когда завел разговор он о войне. Разговор не получился. Как всегда. Не мог говорить он о войне. И поэтому я знаю о солдатской доблести отца мало. Знаю, воевал в зенитной артиллерии, защищал Рыбинское водохранилище, «Дорогу жизни» под Ленинградом. Зато до мельчайших подробностей помню, как уходил отец на фронт... На шляху у ветряка играла гармошка. Новобранцы спешили туда проселком, через пшеничное поле. До шляха отец нес меня на руках. По старой местной традиции на прощание помыл мне ноги в задумчивой Ворскле. А потом шли письма — солдатские треугольники.

Стихла война. Однажды ночью осторожно постучали в окно. Когда мать боязливо спросила: «Кто?», а потом радостно вскрикнула в сенях, я уже не спал. Вдруг большие прохладные руки подняли меня... Мне казалось потом, что именно в тот момент, когда отцовские руки оторвали меня от постели, когда я ощутил приятную жесткость отцовских щек, его шинели,

вдруг прекратились выстрелы, взрывы бомб. Отец привез тишину!

Правда, еще долго во сне он командовал: «Орудие, огонь!» А мы, проснувшись, испуганно прислушивались. Но быстро успокаивались: рядом был отец.

И еще привез он с войны поношенную армейскую шапку, спрятал на дно старого сундука. Вытащил ее тогда, когда она пришлась мне в самый раз.

Привез отец и недуги. Их было много: и контузия, и язва, и еще что-то находили врачи. Но отец никогда не жаловался. Работал в колхозе имени Мичурина. Был счетоводом, подвозил корма на ферме. Он обладал удивительной способностью незаметно вовлекать в дело других. А для меня часы, проведенные вместе с отцом, были сплошными открытиями. То научишься правильно бить по гвоздю, то сверлить, то действовать вилами, косой, лопатой. И все это давалось незаметно, как бы само собой.

Бывало, работаем в поле. Жарко. Устанешь, пить хочется. «Отдохни»,— скажет отец. Распрямишься и снова видишь работающего отца. Он словно никогда не устает. Трудится ровно, быстро, красиво. У него даже пот редко выступает. Любуешься его работой, руками с длинными, узловатыми пальцами, руками, которые могут делать все.

Еще отец учил меня любить животных, птиц. Нет, он не говорил об этом. Да, наверное, и не сумел бы сказать так убедительно, как делал. Сколько помню себя, у нас ласточки живут. Так он им рядом с гнездышком дощечки прилаживал, чтоб птенцы садились, гнездышко не разрушили. А молодые, наверное, в благодарность селились у нас следующей весной.

И так в каждом деле, даже в мелочах. Сестры и я стали взрослыми, разъехались учиться, работать. Не сосчитать собранных в дорогу матерью и отцом чемоданов.

Когда из Донбасса уходил в армию, я вызвал отца телеграммой. Он и тогда был немногословным. Обнял на прощание и проговорил:

— Ну, служи!

Когда я вернулся в отчий дом, положив на дно старого сундука новенькую пилотку, он тоже промолчал.

Недуги доконали старого солдата. И в прошлом году его не стало.

Хочется прожить жизнь, как прожил ее отец. И чтобы будущий мой сын мог сказать то же.

Н. Мотренко.

Правда, 1970, 21 июня.

Бьется сердце корабля [1]

Долго ли живут корабли? По-разному. Одни умирают в юности, другие плавают десятилетиями. У каждого свои возможности, свой предел. Корабль — это в конце концов металл. Но корабль имеет и сердце. Это его экипаж, люди.

Эскадренный миноносец «Гордый» погиб, когда ему не было и трех лет. В бой корабль вступил в первый день войны. Его экипаж отражал налеты фашистских самолетов в Рижском заливе, оборонял острова Моонзундского архипелага. «Гордый» во время прорыва кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт наскочил на мину, лишился хода. Экипажу было разрешено оставить миноносец. Но командир Евгений Борисович Ефет не спешил покидать корабль. Он приказал перейти на подошедший тральщик тем, без кого можно было обойтись.

С оставшимися — их было около пятидесяти — командир продолжал отстаивать корабль. Они привели израненный эсминец в Кронштадт, преодолев шквал берегового артиллерийского огня, отбив десятки воздушных атак. 267 бомб сбросили фашистские самолеты на «Гордый» и буксировавший его эсминец «Свирепый».

Отремонтированный «Гордый» оборонял Ленинград. 12 ноября 1941 года в составе других кораблей он вышел на Ханко за его героическим гарнизоном. Это был последний поход «Гордого». В ночь на 14 ноября огненный смерч взметнулся подле эсминца: взорвались сразу две мины. Штормовое море уже начало глотать орудия и торпедные аппараты. Корма все больше уходила под воду... И тогда Дмитрий Иванович Сахно — могучий, бесстрашный комиссар запел «Интернационал». Его подхватили командир корабля Е. Ефет, старпом И. Багринов, штурман А. Лященко. Запели сигнальщики и артиллеристы, минеры и радисты... Так с бессмертными словами «Интернационала» эсминец и пошел ко дну.

Г. Правиленко,
капитан 1-го ранга.

Правда, 1970, 21 июня.

[1] Автору этого письма впоследствии удалось разыскать двадцать трех моряков с «Гордого», спасшихся в ноябрьскую ночь 1941 года. Они продолжают поддерживать между собой переписку, периодически встречаются. Душой этих встреч стали политработник П. С. Носиков и корабельный артиллерист Н. В. Дутиков, проживающие в Ленинграде.

Как сложились судьбы оставшихся в живых? Бывший краснофлотец Константин Ильич Дубинин стал инженером-конструктором. Командир группы Георгий Кузьмич Нечаев — доктор технических наук... Уважае-

Записка в хлебе

Это были самые тяжелые дни в жизни Бисултана Караева. В бою под Витебском его тяжело ранило. Осколками мины изуродовало лицо, задело череп. Когда пришел в себя, понял, что находится в плену.

Начались скитания по лагерям. Вначале — Витебск, затем — Белосток. Весной 1942 года Караева пригнали в Волковысский лагерь. Здесь мало кто выживал: голод, болезни буквально косили людей.

Было майское утро, когда Бисултан, напрягая последние силы, вышел из барака.

Вот и ограда, в три ряда колючая проволока. За ней улица. Иногда жители, рискуя жизнью, бросали через забор свертки с хлебом, картофелем. Как правило, сразу же после этого поднималась стрельба. Случалось, что скошенные пулями люди падали с одной и другой стороны.

Бисултан приблизился к ограде. Он заметил, как две девушки быстро перешли улицу. Одна из них, в ситцевом платке, круглолицая, махнула рукой и что-то бросила. Это произошло так быстро, что лагерная охрана ничего не заметила.

Бисултан нагнулся — хлеб! Отломив ломоть, он заметил бумажку. Записка! Побежал в барак, забился в угол, прочитал: «Крепись, товарищ! Победа придет! Привет от Надежды Бобовик».

...В далеком таджикском городке Шураб справляли свадьбу. После традиционного тоста за молодых поднялся жених.

Затаив дыхание, слушали люди рассказ Бисултана о суровых днях войны, о записке, брошенной ему через колючую проволоку, о том, как он все же нашел Надежду.

И вот из Таджикистана, за шесть тысяч километров, приехал в небольшой белорусский городок Свислочь Бисултан с женой Магунур. Это была трогательная встреча. У Надежды Ивановны теперь семья, двое детей. И у Бисултана Караева, техника-рентгенолога Шурабской больницы, пятеро детей.

Два человека, уже немолодых, обнялись возле автобуса, не видя никого перед собой — ни обступивших их пассажиров,

мыми рабочими стали артиллеристы Михаил Васильевич Куличихин — в Туле, Илья Федорович Алферов — в Красном Сулине, мичман Анатолий Феликсович Бурчик — в Ленинграде. Капитаном катера служит Владимир Владимирович Лагутин.

Добрая память живет о командире «Гордого» в Евпатории, где родился и вырос Евгений Борисович Ефет. Его именем названы улица, пионерская дружина в школе, где он учился. Есть улица Евгения Ефета и в городе Ломоносове Ленинградской области. Здесь он жил перед войной, здесь работают его жена Валентина Ивановна и сын Евгений Евгеньевич.

ни удивленных взглядов детей. И плакали. И не стыдились своих слез.

Домик на окраине Свислочи. Небольшой плодовый сад. Здесь, на этой улице, много новых добротных домов и садов. Не зря ведь называют ее — Садовая. Хозяйка крайнего домика Надежда Ивановна.

Ф. Флякс.

Правда, 1972, 9 марта.

Высокое мужество

Мусагит Хасанов вырос в башкирской деревне Сафаровка. Его отец решил, что сын станет хлеборобом, и мальчишка учился пахать, сеять, косить. Люди про него говорили: «В руках этого парня любое дело спорится».

В первые дни войны Мусагит проводил на фронт трех братьев, а вскоре пришла и его пора. Бесконечными казались военные дороги. Молодой солдат тосковал по дому, но старался не тревожить мать: не написал ей, что был ранен на Украине, потом — в Белоруссии. В боях за освобождение Польши получил новое ранение, но и на этот раз не сообщил домой правду... А письма матери всегда начинались словами: «Сынок ты мой красивый!» И все спрашивала, когда же кончится война, скоро ли она увидит своих сыновей?

Однажды — это было в Восточной Пруссии — Мусагита в составе группы автоматчиков послали в разведку. Недоброй оказалась для него та ночь. Пулеметный огонь обдал солдата со всех сторон. Неожиданно исчезло небо, не стало снега, ничего вокруг, кроме мглы. Очнулся оттого, что какая-то птица клевала ему лицо... А в дом Хасановых вслед за похоронкой на старшего сына пришла весть и о гибели в бою Мусагита.

Его и впрямь нашли среди мертвых, слепого, с обезображенным лицом. Долго, целые годы, врачи боролись за жизнь солдата. Десятки людей отдавали Мусагиту свою кровь, его не менее двадцати пяти раз оперировали. Чего все это стоило солдату, может рассказать лишь Федор Михайлович Хитров — профессор Московского челюстного госпиталя. Этот удивительно добрый доктор каждый раз говорил Хасанову:

— Мы на верном пути, Мусагит. Потерпи еще немножко. Все будет хорошо!

И солдат терпел. Он свыкся с болью, не жаловался. Только сердце ныло от тоски, от мучительного желания побывать дома, увидеть мать. Но Мусагит твердо решил никогда не появляться в родной деревне: ведь все равно никто не узнает в нем прежнего красивого парня.

Со временем врачи восстановили ему лицо, вернули слух и голос. Только в глазах оставалась вечная ночь. Все чаще он брал в руки баян. В госпитале заговорили: быть Мусагиту музыкантом... Поступил в музыкальную школу, которая сначала находилась в Загорске, потом — в Иванове.

Учился хорошо. Быстро появились друзья. Но вскоре они стали покидать общежитие — обзаводились семьями. Товарищи часто приглашали к себе Мусагита. И в тот день он постучался в квартиру, где жил его друг. Хасанов почувствовал, что дверь открыл соседский ребенок. По голосу — мальчик:

— Папа! Почему ты долго не приходил к нам?

Видавший всякое, солдат растерялся, не знал, что сказать.

— Мама! — метнулся мальчик.— Смотри, наш папа приехал.

— Боже мой! — раздался испуганный голос женщины. Она с трудом выпроводила сына на улицу.

...Мария Григорьевна приехала в город на стройку из колхоза, вышла замуж. Да не сложилась у нее семейная жизнь. С мужем рассталась, когда Валерик был еще крохой. А подрос — стал про отца расспрашивать. Смалодушничала она, сказала, что в солдатах, вернется когда-нибудь.

Женщина извинилась за поступок сына, рассказала гостю про свою нелегкую жизнь.

А вскоре две нелегкие судьбы слились в одну. И вот уже двадцать лет они вместе.

Когда Хасанов кончал школу, его, одаренного баяниста, включили в лучшую эстрадную бригаду. И вдруг он отказался выступать. Совсем, наотрез. Решил никогда не появляться на сцене. Для многих его объяснение показалось странным. Мусагит считал, что люди приходят на концерт отдохнуть, а он суровыми рубцами своего лица будет напоминать им о недавней страшной, кровопролитной войне. Спрятал Хасанов подальше баян и поступил работать на предприятие общества слепых.

Сначала пришлось ему очень трудно. Отвыкшие от физической работы руки не слушались, он быстро уставал, к тому же еще донимали головные боли, но не отступал. С помощью товарищей овладел специальностью. И начал так споро работать, что однажды услышал:

— Слухи ходят, что ты зрячий, Мусагит. Уж очень исправно и добротно у тебя все получается.

Когда, волнуясь, передал этот разговор жене, она сказала:

— Мне тоже иногда кажется, что ты видишь. Ты так много помогаешь мне по дому, и ничего никогда не надо переделывать после тебя...

Но он по-прежнему знал лишь мрак ночи. Однако суждения людей ему были дороги. Они убеждали: глаза человеку может заменить сильная воля.

Однажды — это было в День Победы — Хасановы направились в гости. Дорога проходила близ сквера, где пели, веселились люди, кто-то громко крикнул:

— Дорогу, товарищи! Солдат идет! Качать солдата!

И десятки рук подхватили Мусагита. Его поздравляли, целовали. Людям хотелось плясать, но не было музыки. И тогда Мусагит сказал, что хочет сыграть для них.

...Дела на работе шли отлично. Его имя занесли на Доску почета. А следом пришла еще одна радость: бывшего солдата разыскал орден Отечественной войны I степени. Теперь он хранится вместе с орденом Славы и другими боевыми наградами.

Тогда-то и решился Мусагит, наконец, съездить в родную деревню, подтвердить, что жив, не погиб. В глубине души жил страх: вдруг мать не узнает. Ведь у него совсем другое лицо. Но, выбравшись из густой и шумной вокзальной толпы, услышал, узнал родной голос:

— Сынок ты мой красивый!

Он поднял мать и понес на руках. Под вечер она подвела сына к клену, который Мусагит посадил много лет назад в день, когда стал комсомольцем. Прижавшись к стволу, он сказал:

— Высокий какой!

— И слава богу, сынок,— промолвила мать.— Значит, жить тебе еще да жить, ввысь тянуться.

М. Сапожникова.
Правда, 1973, 31 мая.

Смертям назло

Как-то осенью мне случилось быть на полевом стане Знаменского совхоза. Шел нудный обложной дождь. Механизаторы собрались в уютном бригадном домике, пережидая непогодь. Из окна было видно, как к месту, где хранилось горючее, кто-то подъехал на гнедой лошади, запряженной в одноконку. Так и жди, что промокший насквозь человек сейчас же бросит вожжи и побежит к домику погреться да обсохнуть. Но этого не произошло. Потоптавшись на месте примерно с четверть часа, погремев бочками, он погрузил что-то в телегу, развернул лошадь и поехал себе неспешно, не обращая внимания на дождь. От полевого стана до села километров двадцать без малого.

— Кто это? — спросил я у механизаторов.

— Заправщик Фуфайко.

Андрею Петровичу Фуфайко сейчас шестьдесят два. Возраст пенсионный. Вот что записано в справке врачебно-трудовой экспертной комиссии, выданной ему много лет назад: «Признан инвалидом первой группы. Переосвидетельствованию не подлежит. Причина инвалидности — ранен при защите СССР. Трудовая рекомендация: работать не может. Имеются медицинские показания для получения автомашины «Запорожец» с управлением для правой руки».

Коротко и ясно. Левой руки у него нет. Нет и обеих ног. Единственная, правая рука имеет много зарубцевавшихся ран. В шрамах голова. В легких до сих пор сидят осколки от мин.

Но Андрей Петрович и по сей день продолжает трудиться. Не сторожем на ферме, не вахтером в кинотеатре, а именно там, где впору молодому да здоровому. Шесть лет был фуражиром на центральной ферме. И скотники, и доярки нахвалиться не могли... Последние одиннадцать лет Фуфайко не менее тщательно выполняет обязанности заправщика. Работа тоже не из легких.

Родился он в Сибири, в деревне со странным названием Чепуха. Шести лет от роду остался сиротой. Жил где придется и как придется. Воспитывали его дяди, тети, бабушки главным образом трудом. Когда в деревне организовался колхоз «Серп и молот», Андрей Фуфайко мог не хуже бывалого мужика пахать, боронить, сеять, косить, жать, скирдовать, молотить. В 1932 году он, окончив курсы, стал трактористом. Затем — служба в армии, там выучился на шофера, и снова — родное село.

С первых дней войны ушел на фронт. 14 ноября 1943 года ему вместе с двумя товарищами приказали очистить путь от мин и проволочных заграждений для прохода группы разведчиков. Приказ выполнили в срок. Тут же задание — провести еще одну группу бойцов, но в другом направлении. Чуткими руками сапера сняты и обезврежены замаскированные мины. Осталось перекусить последнюю проволоку... Слышал только звон прорезанной проволоки. А больше ничего не слышал и не видел. Месяц с лишним — полная тишина и темнота...

До сих пор осталось неизвестным, кто и как обнаружил в нем признаки жизни, кто доставил его в медсанбат. А в далекую сибирскую деревню Чепуха ушла похоронка...

Пришел в себя от страшной боли в груди и голове. Узнал о потере обеих ног и руки. О чем он думал, собрат Маресьева?

О том, чтобы выжить, вернуться в строй. Всем смертям назло!

Из госпиталя в Кирове дал знать о себе домой. Пришел ответ: «Я все время тебя ждала. Что бы с тобой ни случилось, приезжай, встречу на станции». Это писала жена Мария.

А вскоре Мария Федоровна привезла мужа домой. Вся деревня повалила в дом Фуфайко. Когда остались одни, Мария подала мужу листок с сообщением о том, что он, Андрей Петрович Фуфайко, 14 ноября 1943 года пал смертью храбрых у реки Сож, в Белоруссии. Скрипя протезами, подошел он к печке, откинул дверцу и бросил в огонь листок. Пошутил: «Теперь ноги мерзнуть не будут». А потом сказал, посерьезнев: «Жить надо, Мария. А чтобы жить, сама знаешь, надо работать».

Не так просто было выйти на покос с литовкой. Пришлось конструировать пристяжки из ремней и веревочек. Рядки получались вначале неровные, но Фуфайко косил стиснув зубы.

Здесь, в сибирской деревне, нашли своего кавалера боевой орден Красного Знамени и медаль «За отвагу».

Шло время. Росли дети: три девочки — Маша, Лида, Зина. Их надо было учить. Андрей Петрович переехал в соседнее большое село Сумы. Девочки продолжали учиться, а отец стал работать в Знаменском совхозе. И к боевым наградам прибавились награды за труд...

— Годок-два еще потружусь,— говорит Андрей Петрович,— а уже потом можно и на отдых.

В. Зайченко.

Правда, 1978, 3 августа.

Именами подруг

Эти цветы экспонировались на ВДНХ СССР. Ими любовались десятки тысяч посетителей выставки. Жюри дало гладиолусам и садовым ирисам высшую оценку.

Автор выведенных цветов Ирина Викторовна Дрягина — бывшая летчица знаменитого авиаполка, которым в годы Великой Отечественной войны командовала Марина Раскова. Свои цветы И. Дрягина назвала именами боевых подруг: «Марина Раскова», «Евгения Руднева»...

В сорок первом году Ирина только что окончила Саратовский аэроклуб. Летала на «У-2». Как-то она узнала, что в городе Энгельсе Герой Советского Союза Марина Раскова наби-

рает девушек в авиаполк. Дрягина встретилась со знаменитой летчицей и вскоре стала летать на военном самолете.

А когда смолкли орудия великой битвы, Дрягина стала биологом, ученым-селекционером, автором более чем двадцати сортов садовых цветов. Она — доктор сельскохозяйственных наук, написала две книги о цветах.

П. Васильев.
Правда, 1980, 1 мая.

Орден председателя

Последний мирный урожай был невиданно богатым. По тридцать центнеров пшеницы с гектара собрали в Слободе Подлесовской. Зимой Андрея Мефодьевича Ляховича, председателя колхоза, вызвали в Москву. Михаил Иванович Калинин торжественно вручил ему орден Трудового Красного Знамени. В ответ на это колхозники обязались вырастить в 1941 году еще более высокий урожай.

Но летом сорок первого в Слободу Подлесовскую пришла война. Вместе с семьей уходил в глубь страны и Андрей Мефодьевич. Гнали лошадей полевыми дорогами, меж густых хлебов, уже ронявших на землю спелые зерна. Миновали Днепр. Вечером Ляхович попросил у местного жителя косу и до глубокой ночи косил пшеницу. На рассвете вязал снопы, потом работал у молотилки...

Семью председатель оставил в Сталинграде. Перед уходом на фронт достал спрятанный орден Трудового Красного Знамени и прикрепил к гимнастерке. Через Сталинград, Берлин, Маньчжурию прошел он с этим орденом на груди. Был ранен, контужен, награжден боевыми медалями и орденами. А в сорок пятом, вновь принимая свой колхоз[1], вышел на сцену сельского клуба и сказал: «Четыре года носил я мирный орден, верил, что наступит эта светлая минута. И вот я снова среди вас, дорогие мои земляки...»

И. Волошенюк.
Правда, 1981, 8 июня.

[1] Славным председателем был фронтовик. Под его руководством вышла Слобода Подлесовская в число передовых хозяйств области. За это Родина наградила Андрея Мефодьевича Ляховича двумя орденами Ленина. Колхоз имени Котовского продолжает оставаться одним из лучших в Ямпольском районе Винницкой области. В 1981 году тут трудились три Героя Социалистического Труда, двенадцать кавалеров ордена Ленина, а всего свыше ста двадцати колхозников награждены орденами и медалями.

Юный герой

Задача рядового Владислава Токина в том бою была подносить патроны и снаряды. Бойцы подпускали врага метров на триста и расстреливали картечью. В разгар боя Владислав увидел, что ранен командир взвода. Под огненным ливнем он и рядовой Максименко ползком попытались доставить командира в медпункт. Вражеская пуля настигла и товарища, Токину помогли подоспевшие санитары. За то, что он спас командира, Владислава наградили медалью «За отвагу». Было бойцу в то время 15 лет, и это был его первый бой.

Через несколько дней в сражении за станицу Мешковскую Владислав Токин воочию увидел звериный оскал фашизма. Когда наши бойцы вошли в станицу, они обнаружили подбитый танк Т-34. Пятерых танкистов фашисты сложили штабелем, облили бензином и сожгли. У места зверской расправы с советскими воинами стихийно возник митинг.

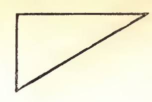
Потом Владислав форсировал Днепр, участвовал в освобождении узников Майданека. Грудь семнадцатилетнего воина украсил орден Красной Звезды [1].

Л. Соснин.

Правда, 1981, 8 июня.

[1] После войны Владислав Токин окончил военное училище, затем Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. В год публикации этого письма в «Правде» полковник Токин был секретарем партийной организации одной из кафедр Казанского высшего военно-инженерного училища. Его грудь украшают 16 государственных наград.

РАССКАЖУ О ДРУГЕ

Спортсмен в шинели

По первому зову Родины советские спортсмены встали в ряды Красной Армии, чтобы с оружием в руках защищать свою Отчизну от немецких захватчиков. Футболисты из Москвы, пловцы Ленинграда, гиревики с Украины, велосипедисты из Белоруссии, гимнасты Грузии, лыжники Свердловска, конькобежцы Горького, гребцы Николаева, парусники Одессы, боксеры из Иванова — все они гранатой, штыком и винтовкой доказывают свою готовность не только к труду, но и к обороне, к победе над врагом.

Герой Советского Союза рекордсмен Владимир Мягков успешно применял в военной обстановке свое блестящее лыжное мастерство. Со своими бойцами-лыжниками Мягков забирался на сотню километров в тыл врага.

Однажды он обнаружил зенитную батарею финнов. Офицера, бросившегося на него с маузером в руке, он застрелил, вражеских зенитчиков уничтожил пятью гранатами и под свист пуль стремглав спустился на лыжах с горы, применяя технику зигзагообразного слалома.

Большой отряд финнов погнался за кучкой смельчаков. Мягков вдвоем с товарищем несколько раз вступал в бой, чтобы прикрыть снайперским огнем отход бойцов, измученных многодневной разведкой.

Нагоняя своих, чемпион СССР легко уходил от финских лыжников, чья быстрота по снежным дорогам известна всему спортивному миру. Подразделение отважного ленинградца вернулось без потерь.

После одной из многих лыжных разведок, в которых он неизменно отличался физической выносливостью, мастерством и отвагой, Мягков погиб смертью героя, сражаясь за родной Ленинград.

Летом 1940 года на всесоюзном турнире боксеров москвичи были свидетелями спортивного триумфа студента Ленинградского института физкультуры Евгения Шеронина, выигравшего звание чемпиона СССР. Рядом со значком чемпиона на груди спортсмена алел орден Красной Звезды за доблесть и мужество, проявленные на фронте борьбы с финскими фашистами. Искусный боксер был отважным, умелым бойцом. Бесстрашный юноша, дважды доброволец отдал свою молодую жизнь в священной войне с гитлеровскими захватчиками.

Леонид Мешков. Кто не слыхал имени этого феноменального советского пловца, обладателя двух мировых рекордов в брассе и европейского рекорда в кроле? В первые же дни Отечественной войны он отправился добровольцем на передовые позиции, ходил в разведку и был ранен в обе руки. Руки рекордсмена — что может быть дороже для спортсмена-пловца? Не закончив лечения, с глубоким рубцом на правом плече, с осколком, парализовавшим движение трех пальцев левой руки, он пришел в родной бассейн и стал учить бойцов всевобуча военизированным водным переправам.

Уроженец Прибалтики, известный московский чемпион по метаниям Ян Том добровольцем отправился в действующую армию, избрав гранату любимым оружием для истребления фашистских оккупантов. За отличное выполнение боевых задач Том был назначен командиром взвода. В одной из ночных штурмовых операций он гранатами взорвал два дома, в которых находились гитлеровцы. С перевязанной правой рукой — правой рукой метателя! — Ян Том вернулся в любимую Москву.

Отряд храбрецов партизанил в тылу у немцев на Западном фронте. 500 фашистов, среди них генерал и много офицеров, поплатились своей жизнью. Уничтожено два эшелона, много автомобилей, лошадей с повозками, мотоциклов, велосипедов. Во время похода отряд увеличился на двести человек.

Адъютантом командира был известнейший в советской стране московский боксер Николай Королев. Не раз он спасал жизнь своему начальнику, не раз участвовал в ночных операциях. В Москву молодой спортсмен вернулся с большой окла-

дистой бородой. Сто двадцать дней не давали покоя немецкому тылу храбрые советские патриоты. Указом Президиума Верховного Совета СССР товарищ Королев награжден орденом Красного Знамени.

Новосибирский физкультурник Федор Ивачев всегда считался одним из сильнейших лыжников страны. Он был в чине младшего лейтенанта, когда в боях за Калинин ему доверили лыжный батальон и произвели в старшие лейтенанты. Храбрый, выносливый, умный командир личной отвагой увлекал в бой своих лыжников. Вскоре он стал пользоваться большим авторитетом. Бойцы любили его за смелые, решительные действия.

Искусным маневром он вывел свой батальон на выгодные позиции и внезапно атаковал передний край немецкой обороны. Под его командованием бойцы первыми ворвались в город Калинин и под ураганным огнем врага заняли четыре квартала и кладбище. Сибиряк-спортсмен Федор Ивачев погиб в боях за родную Москву.

Молодой мастер лыжного спорта Евгений Иванов в декабрьской разведке под Москвой ночью пробирался с отрядом лыжников по тонкому льду узкой реки. Немцы услышали разведчиков и начали решетить ледяной панцирь. Отряд отступил на свой берег. Но Иванов продолжал двигаться дальше. У берега он провалился в полынью. Сверху раздался окрик фашиста: «Рус, сдавайс!» Спортсмен приготовил гранаты, взвел курок нагана, решил биться до конца. Немцы не рискнули ночью спуститься к реке.

Иванов целый час простоял в ледяной воде. Трассирующие пули цокали по льду, идти назад было нельзя. Смелый физкультурник выбрался на вражеский берег и нашел переправу в другом месте. В обледенелой одежде он пришел к своим. Жизнь отважному спортсмену спас врач Серафим Знаменский, младший из семьи популярных братьев-бегунов.

Многие тысячи физкультурников, пламенных патриотов Советской Отчизны, в первые же дни священной войны сменили свитер и майку на гимнастерку и шинель, взяли в руки винтовку и отправились на фронт. Сотни известнейших в стране мастеров спорта девятый месяц носят на меховой ушанке рубиновую кремлевскую звездочку. С лета находятся на передовых позициях чемпион-велосипедист Григорий Козлов, молодой выдающийся конькобежец Юрий Курбатов, известный мастер лыжного спорта Павел Скалкин. Василий и Игорь Ипполитовы — отец и сын, два чемпиона СССР — оба в армии. В прифронтовой полосе за рулем санитарной машины встретил свое пятидесятилетие знаменитый конькобежец.

На самые смелые и трудные операции идут и отлично их выполняют чемпионы, рекордсмены, мастера, разрядники всех тридцати спортивных специальностей, выполняя свой священный долг перед Родиной. В почетном списке отличившихся бойцов-спортсменов, награжденных орденами и медалями, немало популярных в спортивном мире имен — боксер Штейн, лыжники Староверов и Иванов, пловец Кулаков, футболист Ерофеев, гимнасты Брежнов и Творогов, легкоатлет Николаев и многие другие.

Платон Ипполитов,
заслуженный мастер спорта.
Правда, 1942, 1 апреля.

Буран — мой земляк

Буран Нсанбаев служил в 137-й стрелковой дивизии, входившей в 48-ю армию[1].

Со 2 по 18 февраля 1943 года 137-я дивизия с упорными боями прошла 80 километров, освободив 55 населенных пунктов, в том числе районный центр Покровское Орловской области. Шел бой за село Лески. Вот тут, на склоне холма, рассказывают, стояла колхозная конюшня. Каменная, частично врытая в землю. Вход с запада, а на восток глядели шесть узких окон. Гитлеровцы превратили здание в мощный дот. Из окон-амбразур торчали пулеметы.

И поле, и лощина, в которой могли бы укрыться советские бойцы, простреливались из «маленькой крепости». Они залегли в глубоком снегу. На выручку спешат артиллеристы, то и дело застревая в сугробах. Подошли минометчики. Среди них — расчет Бурана Нсанбаева. Ударили первые мины. Пехота пошла в атаку. Но мин — в обрез. Пушки все еще в пути. Без поддержки артиллерии батальон снова залег.

Тогда Буран попросил разрешения взорвать дот. Он уже наметил путь подхода — через ракитовую заросль, что на склоне под самой конюшней. До Бурана, оказалось, тем же путем поползли к «крепости» солдаты А. М. Калмыков и А. М. Грушихин. Они добрались до цели, но, не успев бросить гранаты, погибли.

[1] Более двадцати лет ничего не было известно о подвиге героя. Причиной было то, что при оформлении документов допустили ошибку: фамилию написали Инсамбаев. Старый Нсанбай месяц не дожил до того дня, когда стало известио, что его сын Буран Нсанбаев — Герой Советского Союза. Наградная грамота на вечное хранеиие была передана брату героя Ибату и сестре Накиле.

По следу смельчаков пополз Буран. Прикрывали его А. Сактаганов и И. Р. Сиднеев. И эта попытка подорвать дот не удалась: вражеский шквал огня остановил бойцов.

Буран Нсанбаев просит командира разрешить вторичную вылазку. Он обвязался гранатами да две противотанковые взял в руки. Вот он скрылся в зарослях ракитника. Наши пулеметчики, отвлекая противника, открыли огонь по доту, по засевшим на склоне в снежных траншеях автоматчикам. Те ответили. Завязался бой.

Тревожно тянется время... И вдруг на холме раздался страшный взрыв. Вот как был описан этот эпизод в дивизионной газете:

«Советские стрелки увидели красный столб огня и дыма. Воодушевленные подвигом героя, они дружно ринулись вперед и могучим штыковым ударом опрокинули врага».

Русская деревня Лески была очищена от захватчиков. В разрушенном доте валялись 28 трупов вражеских солдат и офицеров. Бурана опознали по окровавленному комсомольскому билету. Боевые друзья с воинскими почестями похоронили останки героя. Благодарные потомки воздвигли обелиск на могиле сына казахского народа, разбили вокруг нее сад.

О подвиге Бурана Нсанбаева узнала вся дивизия. Его пример послужил для многих. Девять воинов дивизии удостоились впоследствии звания Героя Советского Союза.

23 сентября 1943 года Бурану посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

К. Каюпов,
учитель средней школы
имени Джамбула.
Правда, 1968, 15 февраля.

Маша — водитель танков

В первые годы войны родители Маши Логуновой получили извещение: погиб сын. Маша, тогда восемнадцатилетняя девушка, решила отомстить за брата и подала заявление с просьбой направить ее на учебу в танковую школу.

Девушка — водитель танка! Ведь танкисты считают свою профессию сугубо мужской. И когда работницу свердловской фабрики «Уралобувь» Машу Логунову приняли в танковую школу, среди командиров это было встречено с недоумением и даже улыбкой. Но у девушки характер оказался, что называется, броневой.

Летом 1943 года Маша получила боевое крещение — это было на Курской дуге. Потом участвовала в наступательных

сражениях на Украине. Двенадцать раз водила машину в атаки механик Мария Логунова. В тринадцатом бою, на берегу Днепра, вражеский снаряд попал в ее танк...

В госпитале отважной девушке пришлось ампутировать обе ноги, но упорный уральский характер помог и тогда. Она научилась ходить даже без палки, вернулась в армию. Стала водить легковую машину [1].

В. Петров,
бывший танкист.
Правда, 1970, 8 марта.

Огонь и таран

Произошло это на Ленинградском фронте, в районе станции Мга, когда по единственной дороге к Ладоге шли последние машины. Командир эскадрильи 39-й истребительной авиадивизии капитан Михаил Габринец повел в ознакомительный полет двух летчиков, только что прибывших из училища. Вдруг он заметил, что к переднему краю наших войск приближается несколько десятков вражеских самолетов.

Два необстрелянных летчика, полбака бензина... Что делать? Командир приказал молодым пилотам возвращаться на аэродром. Сам же вошел в облачность и неожиданно атаковал ведущий самолет. Тот загорелся. Сразу же в прицел попал следующий «Ю-88». Очередь — и он, чадно задымив, пошел к земле.

Фашистские летчики в растерянности стали сбрасывать бомбы, не дойдя до цели. Затем они повернули к своей базе. Шестерка истребителей сопровождения, увидев, что их атакует один «ястребок», навалилась на него.

Неравный бой проходил на высоте 500 метров. Советский летчик отстреливался короткими очередями. Кончалось горючее. Один из гитлеровцев дал очередь по правой плоскости «ястребка». Габринец резко отвернул и ударил винтом по стабилизатору «мессершмитта». Тот круто пошел к земле.

«Ястребок» затрясло: винт был погнут. Габринец, выключив зажигание, стал снижаться, а преследовавшие его фашистские стервятники были встречены огнем наших войск.

Габринец посадил самолет на фюзеляж. Из кабины его вынесли солдаты. Из голенища сапога текла кровь.

— А ну-ка, ребята, быстрее его в машину,— приказал генерал медицинской службы.

[1] Мария Ивановна Логунова вместе с мужем, тоже участником Великой Отечественной войны, и двумя сыновьями живет на Украине, в городе Хмельницком.

Им оказался Главный хирург Советской Армии Н. Н. Бурденко. Он срочно сделал операцию — удалил из ноги пилота пять осколков. Восхищаясь героизмом летчика, Николай Нилович сказал:

— Какой молодец! Два самолета зажег, а третьего зарубил...

А. Воеводин,
подполковник в отставке.
Правда, 1970, 15 августа.

Бесстрашный сокол

Двадцать девять Героев Советского Союза в одном полку! Пятеро отдали жизнь за Родину. Мы, оставшиеся в живых однополчане, помним о них. Как живого, вижу Сашу Покликушкина. В 74-й штурмовой авиационный полк он прибыл, когда шли бои за освобождение Донбасса. До этого молодой пилот воевал на ночном бомбардировщике «По-2», сделал 700 боевых вылетов. Освоив «Ил», Саша в боях за освобождение Донбасса, Крыма, Белоруссии стал мастером огневых ударов.

Навсегда врезался в память такой эпизод. Было это на Украине. Командование фронта ввело в прорыв танковый корпус. На второй день операции связь с корпусом прервалась. На поиски танкистов направили Сашу Покликушкина.

Корпус он нашел и по радио сообщил его координаты. Пролетев дальше в тыл врага, летчик обнаружил мощную противотанковую засаду. У Саши с танкистами радиосвязи не было. Что делать? Летчик пошел на риск: посадил машину возле танковых колонн, рассказал о засаде. Самолет вытащили на дорогу, и он взлетел. Затем пилот вызвал на подмогу группу «Ильюшиных». Ударами штурмовиков противотанковые батареи гитлеровцев были разгромлены.

18 марта 1945 года Александр Васильевич Покликушкин не вернулся с задания. Это был его 201-й боевой вылет на штурмовике. Его прах покоится на кладбище Героев в Варшаве.

И. Коваленко,
подполковник в отставке.
Правда, 1970, 15 августа.

Две звезды

В бой наша 150-я танковая бригада вступила в первые дни войны под Славгородом, что в Белоруссии. Ее воины вписали немало страниц в летопись ратной славы народа. И не только

ратной, но и трудовой. Тому пример — Петр Афанасьевич Трайнин.

В армию его призвали из Самаркандской области, где в совхозе «Галля-Арал» № 1 он был трактористом. Воевал в роте старшего лейтенанта В. Н. Баранюка на «Т-34» механиком-водителем.

Воевал отменно! В сражении на Курской дуге совершил немало подвигов, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Особенно запомнился бой за деревню Страхолесье — сильно укрепленный пункт противника. В эту деревню он первым провел свою машину, расчистив путь пехоте. Экипаж «Т-34» уничтожил три противотанковые пушки, четыре миномета и пять пулеметов врага, рассеял до роты гитлеровцев. В этом бою живым в танке остался один Трайнин. Но недаром говорят: и один в поле воин. Да еще если он смел, находчив и лют к врагу. А именно таким и был наш геройстаршина.

После демобилизации П. А. Трайнин вернулся в родной совхоз, на трактор. И тут к славе ратной прибавилась трудовая. За получение высоких урожаев пшеницы и ячменя он в 1948 году был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

С. Бадыва,
майор в отставке.
Правда, 1970, 11 сентября.

Силы были неравны

Сандомирский плацдарм. Здесь в бою за крупный укрепленный пункт противника отличился экипаж лейтенанта Михаила Галкина. Он первым среди воинов 189-го гвардейского танкового полка ворвался в селение, круша гитлеровцев огнем и гусеницами. И тут же во главе шести танков, не дожидаясь перегруппировки кавалеристов-гвардейцев, которых мы поддерживали, бросился преследовать фашистов. Но им удалось поджечь машину. Покинув ее, Галкин оказался в окружении вражеских автоматчиков. Троих он застрелил. Но силы были неравны. Молодой офицер, призванный на защиту Родины из Серпуховского района Московской области, погиб героем.

А. Вострухин,
старший лейтенант в отставке.
Правда, 1970, 11 сентября.

«Бируинца» означает «Победа»

Здравствуйте, уважаемый товарищ Самойлов! Мы с волнением читали ваше письмо. Сердечно благодарны за ваши ратные дела, за то, что вы отдали все для освобождения нашей родной Молдавии, за добрую память о селе Кожушно [1].

Вы интересуетесь, есть ли у нас памятник погибшим? Да, товарищ Самойлов, мы поставили памятник погибшим односельчанам и тем, кто пал в бою на территории нашего села. В самом его центре горит Вечный огонь. На всех праздниках мы вспоминаем о погибших, а тех, кто остался в живых, особенно инвалидов, награждаем грамотами и ценными подарками. На территории нашего села отдал свою жизнь летчик, сын белорусского народа. Долго искали его родных и близких и наконец нашли. Недавно они гостили у нас, встретили их как самых дорогих гостей.

Поправляйтесь поскорее и приезжайте к нам, товарищ Самойлов. За 30 лет село наше разительно изменилось. Вокруг него на 1114 гектарах бушует виноградное море. Наши виноградари получают ежемесячно высокую заработную плату. Счастье пришло в каждый колхозный двор. В Кожушне на 6 тысяч жителей 12 торговых точек. Сейчас проектируем большой торговый центр. В любом доме — добротная мебель, газовые плиты, отопление. Из жителей нашего села вышли врачи, учителя, агрономы и даже доктор наук.

А как похорошело село! Большие двухэтажные дома, ровные ленты тротуаров, прекрасный Дворец культуры, молочная кухня, детские ясли. На средства колхоза построены типовая больница, три продуктовых магазина, книжный магазин. Дети получили прекрасный подарок — трехэтажную школу.

Многое делается для укрепления колхозной экономики. Заканчивается строительство фермы, возводятся тепличный

[1] Далеко от столицы Башкирии Уфы до молдавского села Кожушно. Но для доброй памяти и добрых дел расстояния не существуют. Коммунист уфимец Самойлов в войну сражался с фашистами на молдавской земле, участвовал в освобождении Кожушна. Прошло 30 лет, и вот старый солдат написал кожушанам письмо, поинтересовался, как они живут, какие перемены произошли в селе за минувшие десятилетия. «Хотелось бы увидеть все это своими глазами,— писал он,— но увы, глаза мои незрячи, и здоровье сдает».

Письмо фронтовика взволновало всех. Колхозники собрали и отправили ему посылку с фруктами и виноградом, выращенными на земле, которую он освобождал от врага. И послали это письмо.

комбинат, теплицы на гидропоне и тепличнo-парниковое хозяйство. Зимой выращиваем здесь овощи, цветы. Механические мастерские колхоза — высокое просторное помещение. Неподалеку — два ряда сверкающих окон развернула навстречу солнцу прививочная мастерская, где в сезон производится до двух миллионов виноградных прививок. Построен также гараж для 54 автомашин и 78 тракторов колхоза.

Имя нашего колхоза «Бируинца», что означает «Победа». Думается, такое имя он носит по праву. В названии, в его делах есть частица и вашей солдатской жизни, дорогой товарищ Самойлов.

Приезжайте к нам! Встретим вас как самого желанного гостя.

По поручению колхозников
Е. Боцан.

Правда, 1975, 19 января.

Фронтовая привычка

Помнится, на уборке после обеда комбайнеры позволили себе законный перекур под копной свежей соломы. Сначала просмотрели «районку», где были опубликованы итоги соревнования за неделю. Все привыкли, что первые места из недели в неделю занимали комбайнеры П. И. Громов и М. И. Румянцев из колхоза имени Ильича или И. В. Мирохин из совхоза «Подобино». И вдруг соревнование возглавил доселе неизвестный комбайнер В. Д. Ильин из колхоза «Новая жизнь». Он шел первым до конца жатвы.

Потом я увидел Ильина на совещании передовиков сельского хозяйства, когда, прихрамывая, он поднимался на сцену за Почетной грамотой. Разговорились. Оказалось, он всю войну был на фронте разведчиком. Под Харьковом вражеский осколок ранил его в ногу. Товарищи доставили Ильина в медсанбат на руках. Потом был долгий бой за самого себя — бой с коварным недугом, что приковал разведчика к постели. Лишь в конце войны он поднялся на ноги. Победило мужество! Получив инвалидность, стал работать в колхозе.

Я не видел, как убирал хлеба Ильин. Но я всю жатву был рядом с комбайнерами колхоза «Прогресс» и видел, как доставалось им, молодым и здоровым, в разгар страды. А каково было Ильину?! Думаю, даже просто работать на комбайне для него — мужество. А он еще занял первое место в соревновании среди комбайнеров области.

— Как вам это удалось? — спрашиваю Василия Дмитриевича.

— Фронтовая привычка,— улыбается он,— привычка быть впереди...

Дом Василия Дмитриевича стоит в Пирожкове на бойком месте, рядом с большаком. Дом гостеприимен. Здесь и живет он с женой Прасковьей Николаевной. Нынешней осенью женили сына. Мир и дружба, счастье и достаток прочно поселились в доме.

В. Д. Ильин предложил создать в области клуб «тысячников» — комбайнеров, которые будут бороться за намолот 1000 тонн зерна.

Ю. Батасов,
корреспондент «Калининской правды».
Правда, 1975, 4 февраля.

Почерк героев

Об этом подвиге говорили вся наша 8-я воздушная армия, весь 4-й Украинский фронт.

Шла весна 1944 года. 503-й штурмовой авиаполк поднялся в воздух для нанесения бомбового удара по важному объекту в районе города Николаева. Удачно отбомбились и возвращались домой. Вдруг лейтенант А. Демехин услышал по рации тревожный голос:

— Заглох мотор. Теряю высоту. Иду на посадку.

Внизу еще тянется территория, занятая врагом... Как потом выяснилось, отказал поврежденный зенитками мотор самолета-истребителя младшего лейтенанта И. Стопы, который с товарищами прикрывал штурмовиков.

Приземлившись на поле, «Як-3» завяз в липком черноземе. Демехин видел, как летчик выскочил из кабины и, стоя на крыле машины, махал руками улетавшим товарищам. Но что они могли сделать?

Внимательно присмотревшись к местности, Демехин заметил всадников. Это фашисты спешили к самолету Стопы. Вдруг Демехин услышал в шлемофоне голос своего ведомого — лейтенанта В. Милонова:

— Разрешите подобрать летчика с истребителя.

— Разрешаю,— моментально ответил Демехин.— Садитесь ближе к шляху.

Милонов приземлился, а взлететь не смог. У самолета, оказалось, пробиты шасси.

— Возвращайтесь без нас, мы живыми не сдадимся,— опять услышал в наушниках Демехин.

Мигом он принимает решение идти на посадку и выручить товарищей. По радио Демехин дал команду младшему лейтенанту Клюеву:

— Иду на посадку, прикрой с воздуха.

Летчик приземлился невдалеке от двух самолетов. Но и его машина застряла в грязи. Положение создалось критическое. Штурмовик Клюева вел сверху пулеметно-пушечный огонь, не подпускал гитлеровцев к севшим самолетам. Все — трое летчиков и два стрелка-радиста — руками отрыли грязь из-под колес. Самолет Демехина наконец с большим трудом вытолкнули на дорогу. «Ил-2» был готов для взлета. Но ведь штурмовик двухместный, а поднять необходимо пятерых. Демехин дает стрелкам приказание лезть в гондолы шасси. Это значит придется лететь с выпущенными колесами. Летчики Милонов и Стопа втиснулись в кабину стрелка. Гитлеровцы уже близко, открывают огонь по самолету, но атаками с воздуха Клюеву снова удается прижать их к земле.

Тем временем перегруженный «Ил-2» медленно движется вперед. Демехин выжимает газ до предела, но скорость не увеличивается. Кажется, вот-вот металлический винт заденет о землю. Демехин дает полный газ, с трудом отрывает штурмовик.

Благополучно перелетев линию фронта, Демехин посадил самолет на первую подходящую площадку: лететь до аэродрома не хватало горючего. За этот подвиг Андрей Васильевич Демехин был удостоен звания Героя Советского Союза. Впоследствии Героем Советского Союза стал и Петр Николаевич Клюев.

В. Ваничкин,
муфельщик чугунолитейного завода,
сержант запаса.

Правда, 1975, 2 марта.

Перечитывая фронтовые письма

Война все еще тревожит меня. Только странно: в памяти «прокручивается» она как бы в обратном порядке — не с Прута сорок первого, где я ее встретил, а с Берлина, вернее, с его предместий...

До самого Берлина не дошел — ранило меня, когда его уже можно было в бинокль рассматривать. В госпитале получил письмо от Кирилла Белоуса — сына нашего полка, ставшего к концу войны полным кавалером ордена Славы...

Кирилл писал тоже из госпиталя:

«...Наша батарея выковыривала фашистов из дзотов за Бранденбургскими воротами. Из-за колонн виднелось какое-то серое здание с куполом. Мы на него и внимания не обратили. Потом кто-то из разведчиков крикнул: «Братцы, да это же рейхстаг!»

Навел я орудие на рейхстаг и стал по нему бить. Снаряд за снарядом. Потом всех наших убило, а меня ранило. Перевязали меня автоматчики, посадили на лафет, говорят: «Мы будем орудие перекатывать, а ты стреляй».

Всю ночь я бил по рейхстагу. Бил и приговаривал: «Это вам за лейтенанта... (Лукаинец погиб у меня на глазах). Это — за Максима (тебя, значит) получайте... За Ваню Монастырева, за «крестного»... Помнишь капитана Звягинцева? За каждого из наших, кто не дошел до Берлина, послал я по рейхстагу по одному снаряду. Боялся только, снарядов не хватит. Многих, Максим, мы потеряли на дорогах к Берлину...»

С Кириллом Белоусом война свела нас под Одессой в сорок первом. Сколько было вместе пережито!

Хорошо помню, как с Ваней Монастыревым и Кривенко — потеряли их обоих на Висле под Сандомиром — пошли мы в разведку. В прифронтовом лесочке встретили семерых мальчишек — босых, в рваных стеганках, вооруженных одним топором на всех. Командир их, Кирюша Белоус, рассказал: фашисты учительницу повесили...

— Возьмите меня в солдаты! Все воюют, а я баклуши бью. И я хочу фашистов бить...

Привели мы мальчишек в штаб.

Ваня Монастырев говорит капитану Звягинцеву, командиру полка:

— Отдайте нам Кирилла в сыновья, дойдет он до Берлина...

Уже тогда мы мечтали о Берлине. Мечтали в атаках и снах, на маршах, в окопах... Мечтали, когда отступая, оставляли врагу свои села и города и когда вновь их освобождали. Долгим был наш путь, многие должны были стать солдатами.

Меня часто ребята просят: «Расскажите, дядя Максим, о войне, о Берлине...»

Я рассказываю о боях за Одессу, Сталинград, Прохоровку, Кюстрин... О реках Днепре, Висле и Одере... Рассказываю о стойкости необыкновенной нашего, советского солдата, о капитане Звягинцеве, Ване Монастыреве и конечно же о Кирилле... А когда после этого прихожу домой, вновь (в который уже раз!) перечитываю фронтовые письма — свои, те, что с фронта посылал домой, письма друзей с переднего края, ко-

торые получал в госпиталях. Письма эти, как вехи на пути к Берлину.

«...С лейтенантом Дамриным корректировали огонь батареи. Пришлось вызывать огонь на себя. А через несколько дней, когда я получал орден Красной Звезды, Кирилл, поздравив меня с наградой, сказал: «А я два наряда схлопотал от сержанта. Чистил на кухне картофель». Оказалось, когда мы вызвали огонь на себя, он отказался было стрелять. Жалко ему нас стало.

— За невыполнение приказа командира в бою, парень, не картофелем, а свинцом пахнет,— сказал ему».

Это было 13 августа 1942 года: в боях за Новый Адлер наш полк уничтожил 30 вражеских танков и бронемашин, более 200 гитлеровцев. А ровно через год сержант Козлов написал Кириллу рекомендацию в партию. Стал Кирилл другим. На груди — медаль «За отвагу». Так мальчишки становились солдатами. В медсанбат Кирилл прислал записочку:

«...Батя прямо распотрошил комбата за то, что тот приказал срубить молодые дубки для маскировки орудий. «Вы что же,— кричит,— лейтенант, забываете, что нам еще придется отстраивать все разрушенное фашистами? Дуб же крепкий материал, а вы его только зря срубили...»

Вот письмо от Вани Монастырева (мы уже широко тогда наступали):

«...Встретились с партизанами. Адъютант ихнего командира бригады рассказал: бились они с фашистами неделю. Кончились у них продукты. С последним мешком муки послали партизана в деревню хлеб испечь. Нет и нет его с хлебом. Поскакал комбриг с адъютантом в деревню. Смотрит, повозка разбита снарядом, в траве — окровавленные буханки хлеба. Вокруг дети и бабы, опухшие от голода. Смотрят не на убитого, а на хлеб. Вот-вот бросятся. Тут старушка вышла, говорит: «Бабы, это хлеб для партизан». Ничего больше не сказала. Собрали они буханки, передали партизанам.

Кончится, Максим, война, пойду я хлеб выращивать. Когда-то она, проклятая, все же кончится!..»

Да, так оно и было: все те долгие годы, разрушая, мы думали о созидании. Солдаты на войне больше всего думают о детях да о хлебных нивах. К смерти, к уничтожению привыкнуть ведь невозможно.

Письмо с Украины:

«...Освободили вчера село, вернее, то, что от него осталось. А осталось мало — трубы черные. Но девчата деревенские — вот народ! — танцы устроили. «Уйдете,— говорят,— и потанцевать не с кем будет».

Провожали нас утром дальше, на запад, седая старушка все повторяла: «Возвращайтесь скорее с победой — строить, детей рожать, землю пахать...»

Помню я и другое: как перешли мы границу, как встречали нас освобожденные страны. Наверное, нет большей радости у солдата, чем нести людям счастье свободы и мира!

Вот письма из Польши:

«...Когда мы входим в город или село, мне кажется, что затмение кончается и вновь солнышко светит людям».

«...Поздравили мы нашего сына с наградой. Командующий Берзарин вручил Кириллу вчера лично орден Славы.

Бой был такой, что трудно сказать, как ребята выдержали. В живых остались Козлов и Кирилл».

«...Встретили наших девчат, были они в концлагере. Кровь стынет в жилах от их рассказов...»

Из Болгарии, от капитана Гришина:

«...Тут нас встречают, как родных. Они все помнят. Часто слышишь: «Шипка», «Москва»... Кажется, Максим, я тут до конца осознал, как это прекрасно — быть освободителем...»

Из Австрии:

«...Мужики серьезные, неласковые, встречают настороженно. Потом, присмотревшись, добреют. Тоже рады, что скоро войне конец...»

А это уже из Германии:

«...Старики и немки — молчаливые, выдержанные, вежливые — становятся в длинные очереди к солдатским кухням. Стоят тихо. Заберут котелок с борщом или кашей: «Данке шён» — спасибо, мол...»

Поздно ночью я бережно прячу фронтовые письма. Открываю окно — мой город спит. Тишина. Покой. А из головы у меня не уходят эти слова из письма Кирилла: «За каждого из наших, кто не дошел до Берлина, послал я по рейхстагу по одному снаряду. Боялся только, снарядов не хватит. Многих, Максим, мы потеряли на дорогах к Берлину...»

Утром иду к себе на завод, иду неспешно, люблю эти минуты, когда улицы заполняются рабочими. Вот стайка девчаток-хохотушек брызнула из общежития. Мальчишки в форме ПТУ шагают с достоинством... Ближе к проходной образуется мощный людской поток, и я чувствую, как к сердцу теплой волной приливает гордость за свое поколение, за всех своих соотечественников, за страну нашу.

М. Величко,
полный кавалер ордена Славы,
Герой Социалистического Труда.

Правда, 1975, 1 мая.

«Богатая невеста»

Работает у нас на заводе Ольга Дмитриевна Сотникова. Прекрасной души человек, ударник коммунистического труда. Общественница — каких поискать. Да и от домашних забот не застрахована. И всюду успевает.

Восемнадцать лет назад пришла Ольга Дмитриевна на завод, в сборочный цех. О том, как работает, судите сами. Вот уже несколько лет на заводе учреждена премия ее имени. Этой премии удостоен не один десяток мастеров. А сама Сотникова за самоотверженный труд награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени...

До войны Оля Паршонок (девичья фамилия Сотниковой) жила в Ленинграде, на Выборгской стороне. Окончила курсы шоферов, техникум. Когда грянула война, ей шел восемнадцатый год. Росточка маленького, за спиной две косички. Попробовала записаться в ополчение — не приняли. И все же стала бойцом 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения. Дали ей автомашину, а она просит танк.

И добилась своего. В кольце вражеской блокады Ольга приняла боевое крещение. В танковой атаке ее ранило. Потом были Сталинград, Курская дуга... Снова ранение. И вот уже техник-лейтенант с косичками едет на танкодром и, как заправский ас, обкатывает машины новой конструкции. В Берлин она ворвалась на пропахшем гарью и порохом тяжелом танке в составе 67-й танковой бригады и расписалась на рейхстаге: «Я — ленинградка!»

О том, как попала на Алтай, Ольга Дмитриевна рассказывает с веселинкой. Еще на войне повстречала своего суженого — сибиряка Василия Сотникова. Богатая была невеста: на груди орден Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, медали. Да и у жениха много орденов. Под победные салюты сыграли свадьбу. Но до того как осесть на родине мужа, лет десять еще колесили всей семьей по стране. Трех дочерей вырастили. Внуки пошли.

В. Шкаруба,
начальник бюро отдела
главного механика завода.
Правда, 1975, 7 мая.

Фронтовики — в строю

В нашем цехе трудится Василий Никонович Сластин, Герой Советского Союза. В его наградном листе есть такие строки: «При выполнении задания проявил мужество и героизм.

В ночь на 16 октября 1943 года под минометным и артиллерийским огнем противника переправился на правый берег реки Днепр...»

193-я дивизия, в которой служил Сластин, участвовала в освобождении многих советских городов. Перед боями за Бобруйск в 1944 году Василий Никонович написал заявление о приеме в партию. И когда начался штурм города, коммунист сапер Сластин, рискуя жизнью, подорвал вражеские проволочные заграждения и обеспечил продвижение пехоты. За этот подвиг он награжден орденом Славы и получил месячный отпуск домой. В боях за Варшаву Сластина контузило. Но все же он дошагал до логова врага. Четыре ранения получил за войну сапер.

Не так давно товарищи по работе проводили Сластина на заслуженный отдых, но на пенсионном покое он долго не усидел. Стал трудиться в сварочно-сборочном цехе. Молодые рабочие окружают заботой и вниманием старого солдата. Интересно прошла встреча фронтовиков с рабочими цеха в красном уголке. Василий Никонович и другие ветераны войны рассказали о подвигах земляков-дальневосточников.

На встрече открылись новые грани фронтовой биографии цеха. Вспомнили, что первую строку в эту биографию вписал кровью начальник цеха Сергей Попов. Перед самой войной за хорошую работу его премировали мотоциклом. Но ездить Сергею не пришлось. Сдал мотоцикл в военкомат и отправился на фронт. Погиб осенью сорок первого года. Ему едва минуло двадцать шесть лет...

Фронтовики и сейчас трудятся по-ударному. Сварщик Н. А. Виденеев, токарь И. М. Лаврушенко — передовики завода. Горячо любит свое дело и В. Н. Сластин. По-прежнему такой же стройный, подтянутый и очень добрый, внимательный к людям. Только прибавилось мозолей на ладонях да морщин на лице.

В. Тян,
токарь завода.
Правда, 1975, 7 мая.

Памятник полуторке

«Составлен настоящий акт[1] о том, что мы, гвардии капитан Локоть и председатель колхоза «Червоный шлях» Гайман,

[1] Этот акт прислал в «Правду» С. И. Болтивец из села Монастырище Черниговской области. Полуторка, на которой летом 1941 года Александр Михайлович Тыра уехал на фронт, исколесила по дорогам войны 113 ты-

осмотрели автомашину Ш-54-496 и нашли ее в полной технической исправности. По поручению военного совета Н-ской армии первый сдал, а последний принял указанную машину. Она возвращается колхозу после четырехлетнего использования для нужд Красной Армии. При приеме-передаче присутствовал водитель машины А. М. Тыра».

Правда, 1975, 22 мая.

Солдатская скрипка

Шел 1942 год. Фашисты рвались к Москве и Сталинграду. Федор Азаровский, инвалид с детства, сетуя на свою судьбу, рвался на фронт. Хотелось хотя бы чем-то быть полезным Родине. И мечта его сбылась. А случилось это так.

Приехал однажды в Тамбов офицер и стал набирать коллектив музыкального взвода. «А меня возьмете? — поинтересовался Федор.— Я — скрипач. Если позволите взять в руки винтовку, так и стрелять могу».

Так Федор Гаврилович Азаровский оказался в музыкальном взводе 20-го сабельного полка 6-й гвардейской кавалерийской дивизии имени Котовского, которая в то время размещалась в городе Ртищеве.

Оттуда их перебросили в Камышин, затем марш-броском под Сталинград. Не один раз приходилось вклиниваться в оборону противника. После Сталинградской битвы Федора перевели в артиллерийско-минометный полк. Бывало, на привале соберутся в круг солдаты и просят: «А ну-ка, Федор, сыграй что-нибудь». Особенно любили «Катюшу», «В лесу прифронтовом». А то как пустятся в пляс, вприсядку, да со свистом!

Однажды во время артобстрела осколок фашистского снаряда пробил плащ-палатку, в которую была завернута скрипка. Раскрыл ее Федор, посмотрел и вздохнул: нет больше скрипки. Загрустили бойцы. Похоронили инструмент, как павшего в бою солдата. Яму вырыли, на дно травы положили, накрыли брезентом и землей засыпали. Даже залп из винтовки дали.

сяч километров. Далеко не полный маршрут боевого пути фронтового шофера включал Чернигов, Бобруйск, Орел, Ливны, Курск, Глухов, Киев, Мозырь, Ровно, Львов, Прагу, Берлин... На машине Ш-54-496 солдат доставлял боеприпасы, продовольствие, перевозил раненых, вырывался из вражеских окружений.

После войны автомобиль еще семь лет верно служил колхозу. Земляки А. М. Тыры вместе со студентами Киевского педагогического института решили воздвигнуть машине памятник.

Но вот в освобожденном от гитлеровцев белорусском селе солдаты узнали, что у одного крестьянина чудом сохранилась скрипка. Пошел к нему Федор.

— Это вы, дедушка, играете? — робко поинтересовался музыкант.

— Нет, что ты,— замахал руками дед.— Сынок Трофим занимался. Да нет его больше: немцы убили. Партизаном он был. А ты почему спрашиваешь-то?

Федор осторожно снял со стены скрипку, поправил струны, немного настроил, и зазвенело в доме «Полюшко-поле...»

— Хорошо играешь, сынок,— похвалил музыканта дед.— Слушаю, и будто Трофим в доме объявился. Вот что: возьми-ка ты ее себе, весели солдат.

И вот вновь в редкие минуты отдыха бойцы собирались послушать скрипку. Командованию дивизии надо было разузнать, что делается у врага в прифронтовой полосе, в каком направлении движутся его войска, где сосредоточена техника. Федора переодели в поношенную крестьянскую одежду и направили в тыл к противнику. Принес он ценные сведения. Так и прошел Федор со своей спутницей до Кенигсберга, а в октябре 1945 года возвратился в Тамбов.

В коробке, где ветеран хранит свои реликвии, среди других наград я увидел медаль «За отвагу». Это за участие в разведке.

Е. Морозов.

Правда, 1977, 8 марта.

Когда отгремели бои

В 1943 году Ворошиловградщина была опоясана огненной линией фронта. В районе поселка Белое на обширных землях нашего колхоза «Червоный Жовтень» находился восточный выступ фашистской обороны в Донбассе. Здесь гитлеровцы особенно густо начинили землю минами. Но советские воины прорвали оборону. Фронт ушел на запад. Постепенно стала налаживаться жизнь в разрушенных селах. Были разминированы проходы на дорогах. Минные же поля на колхозных землях ждали своей очереди. А время торопило: шла весна, не за горами и полевые работы. Тогда добровольно вызвались поехать на краткосрочные курсы минеров Андрей Плаксий и Борис Чернов. Первому было в то время семнадцать лет, другому — шестнадцать. Голосили, провожая их, матери, но ребята держались твердо, ничто не могло изменить принятое решение.

В течение полугода Андрей и Борис ежедневно после колхозного наряда утром рано уходили на поединок со смертью, как на работу. Какое нужно было иметь мужество, чтобы на протяжении шести месяцев добровольно ради общего дела подвергать себя смертельной опасности!

Фронт был уже далеко на западе, а на колхозных полях продолжали греметь взрывы. И вот разминирование окончено. Но трактористы побаивались заезжать на эти поля. Тогда Андрей и Борис сами поочередно садились за руль трактора.

Первый после изгнания фашистских оккупантов весенний сев в колхозе «Червоный Жовтень» провели успешно. И в этом была немалая заслуга юных минеров.

Ни Андрей, ни Борис не вели счет обезвреженным минам. Только сейчас, зная плотность минных полей, тянувшихся вдоль всей ширины бывшей линии фронта, можно приблизительно подсчитать, что за полгода работы ребята сняли каждый по 15 тысяч мин. Мы, колхозники, восхищались отчаянной смелостью ребят. Но в то суровое военное время люди смотрели на храбрость как на обычное явление.

В сентябре 1944 года Андрея призвали в ряды Советской Армии. Чтобы не отстать от своего друга, Борис Чернов ухитрился как-то прибавить себе год и тоже ушел на фронт. За отвагу и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Плаксия наградили орденом Красной Звезды. Борис Чернов принимал участие в боях с японскими империалистами, награжден орденом Славы III степени.

После демобилизации Андрей Плаксий был на комсомольской работе в родных краях, заочно окончил Киевский университет. Вот уже почти 20 лет он преподает в школе. Борис Чернов стал кадровым горняком. Более 25 лет проработал на шахте имени XIX съезда КПСС производственного объединения «Ворошиловградуголь».

Пусть молодежь знает и гордится подвигом старших товарищей, пусть на их примере учится любить свою социалистическую Родину.

В. Тарарин,
кавалер ордена Ленина.
Правда, 1977, 26 сентября.

Мой командир

Нашим 87-м гвардейским стрелковым полком командовал Герой Советского Союза майор Третьяк. В 1944 году ему было всего двадцать один год, а как боялись его гитлеровцы! Мы видели плакат, на котором фашисты нарисовали нашего

командира во весь рост, в обеих руках по пистолету, в зубах кинжал, за поясом гранаты, и надпись: «Не сдавайся, перед вами Третьяк!»

Однажды пленный попросил: «Покажите мне Третьяка». А майор отвечает: «Мы рады бы сами на него посмотреть, да не знаем в лицо». «Наше командование обещает десять тысяч марок тому, кто доставит его живым или мертвым»,— сказал пленный. «Мало обещают»,— с улыбкой заметил Третьяк.

Однажды утром дали команду: «По машинам». Майор сел в головной танк, мы ринулись проселочной дорогой через лес, в тыл противника, добрались до вражеского командного пункта. Наши танки блокировали их блиндаж. Появился белый флаг — враги решили сдаться. Их старшему майор Третьяк сказал: «Если хочешь жить сам и сохранить жизнь солдатам, то бери трубку и передай своим, чтобы немедленно сложили оружие». Гитлеровский офицер выполнил это требование.

В октябре 1944 года наш полк вместе с другими частями участвовал в освобождении Риги. Километрах в двадцати от латвийской столицы меня тяжело ранило. Когда пришел в себя, понял, что нахожусь на командном пункте. Слышу знакомый голос Третьяка. Он подошел ко мне, спросил, как самочувствие, похвалил за храбрость в бою. Лечился я в рижской больнице, потом в госпитале. Дважды убегал оттуда, чтобы не отстать от своих, но оба раза возвращали обратно, потому что при мне не было никаких документов.

Майор Третьяк был не только храбрым и умелым командиром полка, но и настоящим наставником своих бойцов. Он по-братски жалел нас, дорожил каждым солдатом. Недавно с радостью узнал, что Иван Моисеевич Третьяк теперь генерал армии и командует уже не полком, а войсками военного округа.

Д. Большенко,
бывший пулеметчик.
Правда, 1979, 22 июня.

О моих мужественных друзьях

Шестнадцатилетним пареньком добровольно ушел я на фронт. Прошел с боями Украину, Молдавию, участвовал в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии. В Белграде бились с врагом за каждый дом. Помню, на четвертый день сражения наша рота находилась в разрушенном здании школы.

Рано утром получили приказ начать наступление на очередной квартал города. Улицу без умолку прочесывали очередями фашистские пулеметы. В атаке я получил тяжелое ранение.

Когда упал, старшина Ерещенко, тоже раненный, несмотря на опасность, поднял меня и затащил в подвал дома. Хотелось пить, воды поблизости не было. Ерещенко, продолжая вести огонь, то и дело подходил ко мне, спрашивал, не надо ли чем помочь. К вечеру на попечении у него было уже трое раненых. Старшина меня и еще одного бойца перетащил в безопасное место.

Девять месяцев пролежал с тем ранением в госпиталях. Инвалидом первой группы вернулся домой. Отец и старший брат погибли на фронте, мать умерла. Живыми остались младшие брат и сестра. Заботами Советской власти все трое встали на ноги. Я — в буквальном смысле этих слов. После войны окончил педагогический институт, много лет работаю в школе. Растут три сына и три дочери, семеро внуков.

Вспоминаю командира своей роты старшего лейтенанта Киселева, до войны работавшего учителем, веселого, всегда ходившего с песней на устах лейтенанта Морозова, горячего по характеру капитана Бабаджаняна. О них, о старшине Ерещенко и многих других боевых товарищах часто рассказываю своим детям и внукам. Надеюсь, что и они вырастут такими же мужественными и отзывчивыми, какими были мои фронтовые друзья.

Х. Абдуллаев,
учитель истории.
Правда, 1979, 22 июня.

Корчагинский характер

Его называют каракалпакским Островским. За мужество и несгибаемый характер, за схожесть судеб. Бывший летчик-фронтовик уже в мирные дни в бурлящем потоке вышедшей из берегов Амударьи в течение нескольких дней боролся за спасение людей, терпящих бедствие. Это оказалось роковым для него. Он был парализован, навсегда прикован к постели. Но мужественный человек, коммунист Айтбай Бекимбетов не сдался. «Ты должен жить, должен работать. Ты о многом можешь рассказать людям и должен это сделать. Руки держат перо — пиши!» — так сказал он сам себе.

Уже давно в Каракалпакии знают Айтбая Мусаевича Бекимбетова как прозаика, автора двух романов, пятнадцати повестей, многих рассказов и очерков. За произведения для юношества он удостоен каракалпакской республиканской премии имени Бердаха. Очередную свою книгу он хочет посвятить военным летчикам.

А. Хайрутдинов.
Правда, 1979, 3 июля.

Надя

...Наша фронтовая концертная бригада готовится к выступлению. Актерам помогает худенькая веселая девушка. Интересуемся, как ее зовут. «Надя»,— отвечает. Надежда Роднова, о подвиге которой мы только что читали листовку! Девятнадцатилетняя Надя вынесла с поля боя 117 бойцов, перевязала 500 раненых...

В. Власов,
народный артист РСФСР.
Правда, 1980, 22 июня.

Из рода Шумовых

Одиннадцать сыновей было у Никиты Фадеевича Шумова — и все охотники. Шестеро — Александр, Лука, Василий, Иван, Авксентий и Семен в войну служили в нашей 11-й стрелковой дивизии. Мы узнали, что у Луки десять детей, у остальных по четыре и больше, у Александра двое.

Минометный расчет Шумовых выпустил по врагу 14 тысяч мин, уничтожив 29 дзотов, много живой силы и боевой техники. Все они на фронте стали коммунистами. В боях за Родину погибли семеро из одиннадцати. Как памятник в артиллерийском музее стоит их 120-миллиметровый миномет № 0199.

А. Поляков,
бывший парторг полка.
Правда, 1980, 22 июня.

Случай на огневой

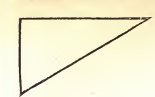
На войне мне довелось быть мастером по ремонту артиллерийского оружия. На четырех положенных нам пароконных повозках возили лишь самое необходимое. В первую же весеннюю распутицу привезли, помню, изуродованный передок

орудия. Командир батареи сказал: «Имей в виду, к пяти утра я с этой штукой должен быть на огневой».

Я сел на коня, хотел ехать в армейскую мастерскую. Но старший мастер И. М. Дронов сказал: «Сами сделаем. Рядом есть бывшая МТС. Там кузня — наковальня, горны, немного угля осталось, коловорот».— «А рассверлить отверстие чем?» — «Сделаем и сверла».

Не прошло и трех часов, как передок был готов. «Неказист, правда, но к работе годен»,— оценил комбат.

А. Стукач,
бывший начальник артмастерских.
Правда, 1980, 22 июня.

Маяковский шагал с нами

Летом 1944 года мы освободили крепость Осовец. Бои там были жестокие. В них участвовали танки, самолеты. Не так легко было выбить врага из дотов и подземных железобетонных казематов, преодолеть заполненный водой ров. Но вот крепость взята, и мы вышли к берегам Бебжи — это приток Нарева.

Несколько дней стояли в Осовце. В один из этих дней сержант нашей батареи Кизим вдруг принес книгу, чудом сохранившуюся в полуразрушенном доме. Может, она до войны принадлежала библиотеке советского гарнизона, хотя штампа библиотечного мы нигде не обнаружили. Может, ее привез сюда перед войной красноармеец, вернувшийся из отпуска. Впрочем, какое это имело значение? Важно было только то, что книга уцелела.

Это были избранные сочинения В. Маяковского в одном томе. Книга была выпущена Государственным издательством художественной литературы. Мы обратили внимание на строку: «Подписано к печати 28 января 1941 года». Она, эта строка, напоминала о далеком мирном времени. Но стихи были не мирными — боевыми.

Книга побывала в руках у всех солдат нашего взвода. Читали ее и коллективно. С особым волнением перечитывали мы знакомые со школьной скамьи «Стихи о советском паспорте».

Строки, которые мы знали с детства и много раз повторяли, строки о молоткастом, серпастом советском паспорте звучали теперь по-новому, доходили до каждого солдатского сердца:

Читайте, завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

Много раз читали поэму «Владимир Ильич Ленин», ее заключительные строки будто только что были написаны:

Это —
единственная
великая война
Из всех,
какие знала история.

За долгие боевые дни, в походах и на кратких привалах, солдаты выучили наизусть немало стихов Маяковского. Их повторяли в окопах. Многие строки стали крылатыми, они прочно вошли в нашу речь. Книга дошла с нами до Кенигсберга, мы не расставались с поэтом и в радостные дни Победы. Обложка заметно потемнела, листы пожелтели, но и после войны, когда литературы было мало, нашей фронтовой книгой пользовались школьники...

Вы спросите, сохранилась ли эта книга. Да. Каждый из нас хотел хранить эту реликвию у себя. В конце концов решили поручить мне беречь ее, и вот она передо мной на полке. Каждый раз, перелистывая страницы Маяковского, вспоминаю бои и походы, своих однополчан, их любовь к жизни, к поэзии. Всем нам дороги строки поэта, шагавшего с нами по дорогам войны.

Н. Тишаков,
бывший командир взвода.
Правда, 1970, 5 февраля.

Два автографа

Третий месяц полыхала война. Докатилась она и до нашего города. Вместе с бойцами уходили на восток мариупольцы. С болью в сердце оставляли разрушенный металлургический комбинат. На стенах писали: «Мы вернемся, «Азовсталь», «Мы восстановим тебя...»

Покидая завод вместе с отцом, 15-летний Володя Курилов подбежал к стене цеха и куском железа стал царапать: «Я вернусь...»

Дописать фразу ему не дал голос командира, проходившего мимо подразделения:

— Не из Берлина ли?

— А что? Не вернемся? Да?! — не поняв шутку, закричал подросток.— И вернемся!

— Правильно, парень!

Но Володя с отцом не уехал в тыл. Вместе с другом Васей Щербаком он присоединился к нашим войскам.

Так начались военные дороги парнишки из Мариуполя. Сражался он в степях Молдавии, на землях Польши, Германии. Особо запомнилась ему весна на том берегу Одера. Части 230-й стрелковой дивизии захватили там кусок земли. Тут был и разведчик Владимир Курилов. Этот плацдарм советские воины удерживали два месяца, вплоть до решающего наступления наших войск.

Потом Берлин. И вот 2 мая на одной из колонн рейхстага, рядом с тысячами других, появилась надпись: «Мы из Донбасса — Владимир Курилов».

Это был второй памятный автограф молодого воина. Только уже не 15-летнего паренька, а бывалого солдата Героя Советского Союза Владимира Ильича Курилова.

Вернулся Владимир на завод «Азовсталь» и вместо отца, Ильи Трифоновича, ушедшего на пенсию, стал там работать. Мастер крупносортного цеха коммунистического труда многим юношам дал путевки в семью металлургов.

А. Черцов,
Герой Советского Союза.
Правда, 1970, 2 мая.

Нам салютовала Родина

В середине апреля наша 65-я гвардейская танковая бригада форсировала Одер. На дорогах замелькали указатели: до Берлина 65, 60, 55... километров.

Но внезапно части повернули в сторону.

— Почему не идем на Берлин? — спрашивали танкисты.

— Наша задача — окружить город,— разъяснили командиры.

В ночь на 25 апреля мы продвинулись километров на двадцать. Сопротивление врага стало заметно ослабевать. Командир бригады полковник Потапов приказал мне со взводом танков отыскать переправу и произвести разведку. Проверив глубину и обозначив брод, я обо всем доложил по рации командиру бригады.

— Продвигайтесь вперед,— приказал полковник.— Через 10—15 минут мы выступаем.

На подходе к местечку Утц я увидел возле домов танки, а вскоре и людей. Это были наши солдаты.

— Из какой вы части? — поинтересовался я у одного из танкистов.

— 35-я гвардейская бригада 6-го гвардейского мехкорпуса,— ответил лейтенант.

— Странно. Что-то не встречали таких. А какой фронт?

— А какой еще, Первый Украинский. Да вы сами-то откуда?

— С Первого Белорусского.

— Братцы, ура! Берлин окружили! — закричали танкисты и бросились обниматься.

Вечером того же дня по радиостанциям, настроенным на Москву, мы слушали приказ Верховного Главнокомандующего об окружении Берлина. Родина салютовала нам двадцатью артиллерийскими залпами.

М. Глебов,
подполковник запаса.
Правда, 1970, 6 мая.

Последние письма[1]

Дорогой мой малыш Мириджан! Прости меня, что так долго молчал. Сообщаю о себе — жив! В госпитале нахожусь. В лесу под Киевом меня ранило. Дело было ночью. Наши снова пошли в атаку, а я лежу в снегу и с места никак не сдвинусь. Даже кричать сил не было.

И не получил бы ты, брат, этого письма, если б не одна девушка. Она подобрала меня утром в снегу чуть живого. Семь километров тащила на себе. И вот теперь я в госпитале. Все отдал бы за то, чтобы еще раз увидеть свою спасительницу. Тут где-то неподалеку ее деревня.

[1] Эти письма прислал в «Правду» Н. Махнев. Они адресованы М. З. Габикяну его братом Геворком. О том, как Н. Махнев познакомился с этими письмами, он рассказал: «Человек тихо вошел в купе. Поздоровался, поставил чемоданчик и медленно опустился на скамью. Отрешенным взглядом уставился он в темноту летней ночи. Потом достал из кармана обтянутый целлофаном сверток, и на стол легло несколько пожелтевших от времени листков бумаги, свернутых в солдатские треугольники. Бережно разгладил их и стал читать...

— Вы еще не спите? — обратился он вдруг ко мне.— Понимаете, сына в армию проводил. Пограничником будет...

Мой взгляд упал на пожелтевшие листки. Заметив это, сосед сказал:

— Последние письма брата. С фронта присланы... Геворком его звали. Читал их сегодня своему сыну.— И протянул мне пачку с этими письмами: — Если хотите, прочтите».

Дорогой Мириджан, как хочется мне скорее поправиться и — на фронт. Но медсестра сказала, что пролежу здесь долго. Может быть, не один месяц. *28 ноября 1943 г.*

Братишка! Дорогой мой Мириджан! Нет, наверное, на земле человека счастливее меня. Ты знаешь, где я теперь нахожусь? У Лиды. У той самой Лиды, которая вынесла меня с поля боя. Она пришла в госпиталь и добилась разрешения забрать меня к себе. И вот теперь Лида и ее мама ухаживают за мной. *11 января 1944 года.*

Здравствуй, Мириджан! Вот уже четыре месяца я у Лиды. Совсем окреп. Вчера приезжал врач, осмотрел меня. Недели через две-три, говорит, поедете в часть. Узнав об этом, Лида, как мне кажется, загрустила... Братишка, не знаю, поймешь ты меня или нет: какое это счастье любить и быть любимым...

Мириджан, мы идем все дальше на запад. Фашисты сопротивляются, еще на что-то надеются. Да, знаешь, меня еще одним орденом наградили... Вот кончится война, мы с Лидой приедем домой и будем жить вместе с тобой, с мамой, папой. Готовь вина больше. Мы с Лидой обещали весь полк пригласить в гости.

Родной мой Мириджан! Кричи «ура»! Громче кричи, чтобы весь Кавказ слышал. Получил от Лиды письмо: у нас родился сын. Сегодня весь полк улыбается мне. Как назовем сына — сообщу в следующий раз. До скорой встречи [1].

Геворк.

Правда, 1972, 26 октября.

Три моих тополя

Помню, как уходил я на фронт, прощался с матерью, женой, отцовским домом. С такой же болью расставался с тремя топольками, посаженными во дворе своими руками год назад. И где бы потом я ни был — на топких берегах Волхова, на реке Великой, под Старой Руссой,— виделись мне отцовский дом и три качающихся на ветру тополька. С них начиналась для меня Родина.

— Смотри, жена, выживут топольки,— значит, и я вернусь,— сказал в шутку, не подумав, а потом очень сожалел о сказанном. Знал, что теперь жена свяжет накрепко мою

[1] Встрече не суждено было состояться. Геворк Габикян погиб в бою.
— Ну а что с Лидой? — спросил Н. Махнев у М. З. Габикяна.
— Все бы отдал за то, чтобы повидать Лиду и ее сына — племянника моего,— услышал он в ответ.— Ведь Геворк так и не сообщил адреса Лиды.

судьбу с этими деревцами, для нее они будут чем-то вроде талисмана. Так и случилось...

Громыхал огнем и сталью Западный фронт, отражая бешеный натиск немецко-фашистских войск. Приходили первые письма из дому, и с волнением читал я приписку в конце: «Тополя твои растут. Не беспокойся, все будет хорошо».

Не думали, не ведали тогда советские люди, что долгим, тяжелым будет путь на запад, что будут жестокие сражения под Москвой, на Волге, на курских полях. Но и в самые горькие дни неудачи, в стылые ночи под Ленинградом и Новгородом те тополя, как огоньки, светили мне в пути, согревали домашним теплом и дружеским шумом.

Майским днем, в разлив буйной зелени, я с душевным трепетом открыл калитку своего дома. С женой и сыном мы подошли к тополям. Они уже были не те хиленькие деревца, с которыми прощался шесть лет назад. Повзрослев, шумели листвой и словно тянулись передо мной, как молодые солдаты в строю.

Вереницей пронеслись годы. Походная шинель давно висит в шкафу, как дорогая реликвия, как частица незабываемой, отшумевшей боевой молодости. И тополя — давно не зеленые юнцы. Вымахали богатырски вширь и ввысь, затенив двор пышными кронами.

С. Шевченко.
Правда, 1974, 7 февраля.

Поклон солдату

...Война застала меня в Ленинграде, где мы с мужем работали на кирпичном заводе, что на правом берегу Невы. В первый день войны муж ушел на фронт, я осталась с тремя мальчишками-малолетками и годовалой дочкой на руках. До сентября еще работала, потом нас перевели из обстреливаемой зоны в блиндаж. Позднее, когда ударили морозы, перебрались в уцелевший кирпичный дом на открытом берегу реки. Так и жили под пулеметным дождем и артобстрелом в самой близости от фашистских укреплений, в редкие затишья было слышно, как там играет патефон.

Для женщин и детей, волею судьбы оказавшихся здесь, самым страшным были не пули, не бомбы, а голод. Бойцы, располагавшиеся неподалеку, отдавали детям большую часть своих скудных пайков. Они сами уходили голодными в бой, и многие возвращались на носилках в кровавых бинтах или не возвращались вовсе... В перерывах между вылазками красноармейцы брали моих ослабевших детишек на руки, и я видела,

как по небритым, исхудавшим щекам суровых мужчин скатывались слезы.

Однажды, очнувшись от забытья, увидела, что дом опустел, а мои дети лежат без движения... Я тормошила их, трепала по щекам, дула им в рот, стараясь вернуть дыхание, совала по ложечке разведенную в воде чудом уцелевшую горчицу. А потом вошли трое красноармейцев. Старший осветил комнату фонариком и крикнул: «Здесь мертвые дети!» «Они еще живые»,— прошептала я. Бойцы не дали моим малышам погибнуть.

Есть где-то люди, которые в моей памяти живут как родные. Бойцы и командиры в серых шинелях, под которыми чернели флотские бушлаты. Кланяюсь им до земли.

А. Сомрякова.
Правда, 1974, 21 февраля.

Довертелись...

Вспоминается апрель 1945 года, окраина города Франкфурта-на-Одере. На железнодорожных путях стоит брошенный фашистами паровоз. На тендере какие-то надписи. Кто-то медленно переводит собравшимся смысл надписи: «Колеса должны вертеться для победы». Солдаты стоят задумчивые и вдруг дружно смеются: «Вот и довертелись!»

И. Куликов,
бывший инженер штаба
1-й гвардейской
железнодорожной бригады.
Правда, 1975, 4 февраля.

Двое из полка

На фронте я познакомился со степенным и уже немолодым ефрейтором Иваном Колесниковым. Заметил, что вокруг него всегда вьется молодой боец, почти мальчишка. Поинтересовался: кто этот паренек? «Сын мой, солдат Колесников Василий»,— ответил ефрейтор.

И рассказал, что родом из Чечено-Ингушетии. Отступая с Северного Кавказа, фашисты сожгли его родное село, убили жену. Тогда Иван попросил зачислить его вместе с сыном в наш полк красноармейцами. Просьбу уважили.

О сыне ефрейтор трогательно заботился, следил, чтобы не застудился, не курил. И в атаке они были рядом. В бою возле речки Гнилопять — это в Житомирской области — Вася погиб.

Отец на руках принес его тело к братской могиле. Васю завернули в плащ-палатку и опустили рядом с другими павшими героями.

С. Чобанян,
бывший заместитель командира
1-го батальона 761-го стрелкового полка.
Правда, 1975, 20 февраля.

Русская сестра

Это было в июле 1945-го. В вагоне пассажирского поезда Баку — Москва я познакомился с медсестрой Марией Григорьевной Барковой. Всю войну она сопровождала раненых из госпиталя домой. Где только не побывала!

— И радость, и горькие слезы видела, когда привозила домой калек. А теперь вот в Чехословакию еду.— Она встала, с материнской заботой поправила на спящем одеяло.— Чех он. Зовут Рудольфом, а фамилия смешновато звучит по-нашему — Женатый. Тяжело ранен был. Лечили его в Баку...

Спустя несколько месяцев случайно встретился с Марией Григорьевной. «Ну как,— спрашиваю,— довезли вы тогда своего подопечного?» Она ответила:

— Никогда не забуду маленький домик под номером 77 по Житной улице в чехословацком городке Либерец. У крыльца Рудольфа встретила мать. А когда узнала от сына, что я сопровождаю его из столицы далекого Азербайджана, перенесла свою ласку и на меня. «Я горжусь, что сын сражался в рядах Советской Армии,— говорила чешская женщина.— Спасибо русским врачам за то, что спасли ему жизнь, а вам спасибо, что привезли домой Рудольфа».

Мария Григорьевна, как и прежде, проживает в Баку на улице Алиева. А где-то в Чехословакии живет ее «крестник». И сегодня посылает ему свое слово привета русская сестра.

С. Виноградов,
персональный пенсионер.
Правда, 1975, 20 февраля.

Наперекор бурану

340-я стрелковая дивизия сражалась с фашистами под Москвой. Я тогда был начальником медицинской службы дивизии. Обязанности известные: вынос раненых с поля, оказание им помощи.

Помню, стояла глубокая декабрьская ночь. Всех послеоперационных раненых — а их было человек сто — мы подготови-

ли к эвакуации, уложив на сани, укрыв теплыми одеялами. Госпиталь находился километрах в пятидесяти. В ту ночь начался такой силы буран, что за несколько шагов нельзя было разглядеть человека.

Первые полтора-два часа движения по заснеженным полям мы держали курс на восток. Барахтаясь в глубоком снегу, мой конь, шедший во главе санной колонны, вдруг остановился. Подумалось: уж не сбились ли с дороги?

Так и было. Волнуясь, подал команду всем ездовым собраться и сообщил о тревожном положении. Но тут же сказал: «В санях лежат обескровленные, раненые бойцы. Мы должны во что бы то ни стало найти дорогу. Если этого не сделаем, они погибнут».

Два часа искали дорогу. Вдруг сквозь пургу пробился радостный голос:

— Сюда, ко мне!

Мы бросились на зов. Оказалось, дорога осталась далеко позади санной колонны, повернув круто на северо-восток. Обоз снова тронулся в путь. И чтобы вновь не настигла беда, мы по очереди шли пешком впереди обоза, нащупывая дорогу.

Задолго до рассвета прибыли в госпиталь.

Л. Супатович,
доцент медицинского института.
Правда, 1975, 2 марта.

Солдат вспоминает

Была зима. Снежная, метельная зима сорок второго. Наш потрепанный в боях батальон после переформирования снова ехал на фронт. Эшелон мчался почти без остановок, по моим подсчетам, оставалось всего несколько часов пути. Взвод отсыпался. Мы лежали на нарах на слежавшейся соломе, подложив под головы вещмешки и натянув на себя родные шинели. Монотонный стук колес навевал сны.

Но сколько можно спать? То один, то другой боец слезали с нар, подсаживались, зевая, к железной печурке, стоявшей посреди теплушки. Как водится, рассказывали всякие истории. Будто по молчаливому уговору, никто не говорил о войне — вспоминали только довоенные, по преимуществу смешные случаи. Ну, еще, конечно, говорили о женщинах — какой солдатский разговор обходится без этого?

И как-то так получилось, что дошла до меня очередь рассказывать. Солдаты поглядывали на меня. Я сел на нарах и сказал:

— Хотите, ребята, послушать азербайджанскую сказку?

— Хотим, хотим! — раздалось со всех сторон.— Расскажите, товарищ лейтенант.

И я стал пересказывать древний эпос о Кёр-оглы. Странно звучал здесь, в теплушке воинского эшелона, старинный восточный дастан. Было похоже, что бойцы с интересом слушают рассказ о том, как Кёр-оглы боролся с ханом, как он спасал Нигяр...

Как раз на этом месте мой рассказ был прерван нарастающим воем — мы очень хорошо знали, что это такое. Взгляды невольно обратились кверху, к потолку. В следующий миг раздался близкий бомбовый взрыв, вагон тряхнуло. Эшелон остановился. Отодвинув дверь, мы попрыгали наземь, в глубокий снег. День был ясный, мы и не заметили, как кончилась метель. Промчались, разворачиваясь, два или три «юнкерса», и с платформ эшелона застрочили по ним зенитные пулеметы.

Ухнули еще взрывы. Лежа в снегу, мы наблюдали за поединком неба и земли. Рыжеусый боец, лежавший рядом со мной, спросил:

— А потом что было, товарищ лейтенант?

Я не сразу понял, о чем он спрашивает.

— Ну, этот парень, Кёр-оглы! — сквозь пулеметную пальбу и вой моторов прокричал боец мне в ухо.— Спас он девушку или нет?

— Спас! — крикнул я ему в ответ.— А хана убил.

— Ну, молодец! — рыжеусый усмехнулся. Зоркими глазами следя за бомбардировщиками, заходящими для новой атаки, добавил: — Хорошая сказочка...

Тут один из «юнкерсов» задымил и, заваливаясь на правое крыло, понесся с ревом к земле. Где-то поблизости, в лесу, сверкнул огонь, вымахнул столб черного дыма. Остальные самолеты улетели, скрылись в наплывающих облаках.

Рыжеусый поднялся, отряхивая снег с шинели.

— Люблю сказки слушать,— сказал он.— Я их в детстве много наслушался. А знаете, товарищ лейтенант, когда вы рассказывали, мне казалось, что это русская сказка, только имена другие...

Мы поднялись в вагон. Эшелон тронулся.

И еще случай.

Рыжеусого солдата звали Елисей, а фамилия у него была странная — Кукуня. Наверное, происходила она от слова «кукушка», и бойцы иногда подшучивали над Елисеем. «Кукуня, а Кукуня,— говорили они,— сколько мне жить?» Елисей не обижался, отмахивался только.

Родом он был откуда-то с Украины, это и по говору его — мягкому и певучему — было заметно. В роте он считался одним из самых ловких и удачливых разведчиков.

...Это было вскоре после нашей победы под Сталинградом. На участке нашего фронта было затишье, но можно было предполагать, что скоро оно кончится и фронт тоже пойдет в наступление. Еще не было никаких приказов на этот счет, но это слово — наступление — уже как бы носилось в воздухе. И настроение в войсках было соответствующее.

Однажды под вечер над позициями показался одинокий самолет. Был он не похож ни на истребителя, ни на бомбардировщика и вел себя странно — не обнаруживал намерения бомбить или штурмовать. Наши зенитчики выжидали. Мы все смотрели на этот самолет, и вдруг под ним вспыхнуло что-то белое — будто парашют раскрылся. Тут же самолет развернулся и улетел прочь. А «парашют» разлетелся на белые клочки, и эти клочки медленно поплыли вниз.

Одним словом, это были листовки. Я подобрал одну из них. На меня глянула очень симпатичная блондинка с коробкой конфет в руках. Она зазывно улыбалась, а ниже шел печатный текст: «Если ты проявишь благоразумие и перейдешь к нам, то тебя встретят вот такие красивые девушки и угостят шоколадом».

Дурацкая листовка не столько позабавила, сколько разозлила моих ребят. А пуще всех сердился Елисей Кукуня. «Видали? — говорил он.— На шоколад приманивают. Ну погодите...»

Ночью он исчез. Я встревожился. Самовольных отлучек у меня в роте не бывало и когда мы стояли в тылу на переформировании, уж не говоря о передовой. Дважды я прошел по нашим окопам и траншеям, во все землянки заглянул. Кукуни нигде не было. Всю ночь я не сомкнул глаз. Об исчезновении бойца утром придется доложить комбату, и это будет очень неприятный разговор.

Но на рассвете Елисей появился. Он вышел к окопам боевого охранения в предрассветном тумане и был не один, а с тремя «языками» сразу. Мне доложили об этом, я тут же вышел из своей землянки и увидел: медленно брели трое пленных — капитан, ефрейтор и рядовой. У всех руки скручены за спиной, у ефрейтора перевязана окровавленной тряпкой голова, а капитан идет с трудом, волоча ногу. Елисей шел за пленными в своем маскхалате, на груди у него висели два автомата, за плечом — винтовка. Одно ухо ушанки стояло торчком и покачивалось при каждом шаге, белобрысая прядь прилипла к потному лбу.

Вся рота наблюдала за этой картиной. Кукуня подошел ко мне, расправил широкие плечи и доложил:

— Товарищ командир, боец Кукуня вернулся из разведки и привел с собой три шоколада... Виноват, три «языка»!

Юсиф Азимзаде.
Правда, 1975, 10 мая.

Искусство снайпера

В одной части со мною служил эвенк по национальности Кирилл Батум. Охотник по профессии, на фронте он стал замечательным снайпером, на счету которого было 38 уничтоженных гитлеровцев.

Однажды солдат получил письмо от писателя Ильи Эренбурга, публицистические статьи которого, печатавшиеся в «Правде» и других газетах, читались на передовой с огромным интересом. У меня сохранилась фронтовая газета, в которой напечатано это письмо. Вот отрывок из него:

«Дорогой товарищ Кирилл Батум! Вы знаете искусство снайпера. У Вас спокойствие, которое страшнее гнева. У Вас ясный глаз и твердая рука. Но в сердце Вашем огонь, Вы бьете врага не потому, что Вы хороший охотник. Вы бьете врага потому, что Вы — друг детей, защитник жизни и покровитель слабых, потому что Вы, дорогой Кирилл Батум,— подлинный рыцарь. Вас благодарят все женщины, все матери России...»

Б. Эсипов.
Правда, 1975, 22 мая.

Поставили солдаты дом

В селе Хухра Сумской области на тихой улочке Полевой стоит скромный и не очень-то современный домик. Живут в нем колхозники Дмитрий Степанович и Екатерина Савельевна Кременчуцкие.

И не то чтобы не было у них возможностей выстроить дом «по моде». Да и взрослые сыновья Иван и Николай не раз предлагали помощь. Просто не поднимаются у хозяина руки сломать старый.

...Шел август 1943 года. Саперный батальон, в котором служил Кременчуцкий, вел бои под Ахтыркой. И вот уже освобождены Ахтырка, родное село Хухра. Заскочить бы, повидаться с женой, сыновьями. Живы ли?

Командир гвардии капитан Палеха отпустил его на короткую побывку. Но не нашел солдат родного гнезда. Лишь полуразрушенный остов печи возвышался на пепелище. Семью разыскал в другом конце села, в подвале. Односельчане рассказали, как зверствовали фашисты. Семья Дмитрия Кременчуцкого, коммуниста с 1939 года, была первой в списках подлежащих уничтожению. Но добрые люди укрыли отца, мать и жену солдата с детьми.

Вернувшись в батальон, Кременчуцкий рассказал, что стало с его семьей. Бойцы и командир решили помочь своему товарищу. Зазвенели пилы, застучали топоры. Истосковались солдатские руки по мирной работе. Споро поднимался дом на пепелище. Солдаты торопились. «Живите счастливо, ждите с победой»,— говорили, прощаясь.

Но не всем суждено было встретить победу. Погибли строители дома — мастер Морозов, земляк Кременчуцкого Бездрабко... Да и самого Дмитрия не ждали уже дома. Приехал товарищ с фронта и рассказал, что видел его, Дмитрия, смертельно раненным. Но выжил, оказывается, солдат. Вернулся к родному очагу с орденами, медалями. Стал, как и до войны, трудиться в родном колхозе. Вырастили с Екатериной Савельевной сыновей.

Солдатской дружбой Дмитрий Степанович по-прежнему дорожит. Недавно встретился в своей хате с бывшим командиром подполковником в отставке П. Мозговым, приехавшим из Ульяновской области. Вспомнили былое. Павел Сергеевич собирает материалы о саперном батальоне. Подарил на память Дмитрию Степановичу статью о строительстве того дома. В октябре 1943 года она была опубликована в армейской газете «Боевой натиск».

Н. Мотренко.
Правда, 1979, 5 апреля.

Подвиг Марийки [1]

Это было утром 1 января 1943 года. Мы заняли оборону на северо-западной окраине села Кризское Ворошиловградской области. 45 бойцов должны были противостоять натиску 200 гитлеровцев, прорывавшихся из окружения через это село.

[1] Со временем автор этого письма съездил в село Кризское, поклонился могиле своих товарищей, рассказал местным жителям об отважной девчонке. И одна пожилая женщина вспомнила: «А не Марийка ли это!» И посоветовала навестить живущих в селе дядю и тетю Марийки. Поиск увенчался успехом: Мария Григорьевна Качура живет в Монино Московской области.

17 Заказ 3192

Завязалась ружейная перестрелка. У нас кончились патроны. Еще минута, и враги пойдут в атаку.

Вдруг слышим детский голос: «Патроны! Патроны!» Маленькая худенькая девочка, напрягая все силы, тащит по снегу два цинковых ящика с патронами. Как мы были рады этим спасительным ящикам! Мы не видели, куда девалась девочка, потому что опять началась стрельба...

Стояли насмерть. Раненые не покидали поля боя. Я тоже был ранен и стрелял левой рукой. А перед вечером подоспела подмога, подъехали на машинах наши автоматчики. Ночью нас, 7 человек раненых, отправили в госпиталь, остальные 38 погибли.

П. Фадеев.

Правда, 1980, 8 марта.

Однажды в поезде

— Грозный,— объявила проводница.

В купе, в котором ехал Воронин, вошел новый пассажир. Оказалось, тоже бывший фронтовик, и они легко разговорились: в пути люди быстро сходятся.

Начались воспоминания, и касались они одних и тех же мест, волнующих двух случайно встретившихся людей. И вдруг — одна фамилия, другая... Они смотрели в глаза друг другу и не верили услышанному: один знал тех, кого называл другой. Однополчан из 127-й стрелковой дивизии Пятой ударной армии.

— А ваша-то фамилия как?..

— Воронин, Иван Никитич Воронин.

— Подожди, брат, ты же погиб...

— Да нет... Неужто Павел Епифанов? Ты ли, ротный?

— Я. Но про тебя же писали...

Во фронтовой газете писали, что 19-летний командир пулеметного отделения Иван Воронин при наступлении наших подразделений первым форсировал реку Миус, вместе с бойцами своего отделения уничтожил три вражеских дзота и погиб смертью героя...

После памятного разговора в купе Воронин с помощью сотрудников Государственной библиотеки имени В. И. Ленина разыскал фронтовую газету и вот что прочел в конце корреспонденции, написанной о нем: «Командир полка обратился со специальным рапортом к командиру дивизии о зачислении навечно в списки личного состава героя июльских боев Ивана Воронина».

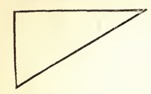
Нет, не погиб боец в том, сорок третьем году. На третьи сутки его, тяжело раненного, подобрали наши разведчики. Долго маялся по госпиталям, перенес восемь сложнейших операций.

И вот эта встреча через 37 лет! Коммунист Воронин, слесарь Дагестанского монтажного управления треста «Севкавтехмонтаж»,— в строю!

В. Супрун.

Правда, 1980, 28 ноября.

УРОК МУЖЕСТВА НАВЕЧНО

Напутствие отца

В нашем доме остались священные отцовские реликвии. Это пробитый пулей комсомольский билет № 6707902, орден Отечественной войны II степени, депутатский билет Шахтинского райсовета депутатов трудящихся, почетные грамоты.

...Пуля пробила комсомольский билет и тяжело ранила отца. Но старший лейтенант Мукашев после госпиталя снова на фронте, снова впереди подразделения. Затем еще тяжелое ранение. На этот раз ампутирована нога.

После войны отец работал в школе. Воспитанники его вспоминают, что их учитель почти никогда не садился в классе за свой столик. Весь урок он проводил на костылях, старался подойти к каждой парте.

Как-то на выпускном вечере отец поднялся на сцену актового зала и попросил выпускников школы записать себе на память такие слова: «Где бы ты ни был, что бы ни делал, куда бы тебя жизнь ни повела,— будь Человеком с большой буквы». Эти слова школьного учителя и по сей день в памяти выпускников карагандинской школы № 32. Они и в моей памяти. Я их воспринимаю как главное жизненное напутствие.

Галимбек Мукашев,
сержант милиции.

Правда, 1970, 6 мая.

Через четверть века

Был летний жаркий день. Мы, деревенские ребятишки, в лесу. Собирая грибы, ягоды, аукали. Перекликаясь, мы сходились к упавшему посреди болота самолету... Леша Максимов и Веня Железков пробрались поближе, отодрали дверцы. В кабине обнаружили тело летчика. Наглухо закупоренное в тесном помещении, оно не подверглось разложению. Военная форма от прикосновений расползалась, как паутина. В планшете документы: партийный билет, военная книжка, вырезки из газеты о присвоении звания Героя Советского Союза и несколько фотографий. Из документов узнали, что погибший летчик — это Василий Прокофьевич Синчук и что ему было в ту пору всего двадцать три года[1].

В. Шубина.

Правда, 1967, 27 декабря.

Под двумя березами

Долго не знали жители деревни Сычково, кто похоронен в могиле под двумя березами. Но холмик тот берегли, за ним ухаживали. И вот красным следопытам местной средней школы удалось установить имя героя. Им оказался сержант Михаил Григорьевич Селезнев, призванный на защиту Родины из Новосибирска. В тсм, последнем для него бою командир стрелкового взвода Селезнев повторил подвиг Матросова, за что посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. На могиле героя установлен обелиск, Сычковской школе присвоено имя М. Г. Селезнева.

Б. Муравский,
учитель.

Правда, 1970, 21 июня.

...Связь дал

Войну наш 134-й гаубичный артполк встретил в первый ее час. Случилось это на реке Прут. А потом оборона Одессы. Вот тут и совершил свой подвиг комсомолец А. И. Слиденко. Дело было так. Прервалась телефонная связь наблюдательного пункта с батареями. Вдоль провода побежал Слиденко, чтобы

[1] В тот же день Анна Александровна Мвксимова, мать Леши, написала письмо в город Орск, где, судя по документам, жили родители Ввсилия Прокофьевича. Ответил брвт героя Николай. Живы оказались и родители Василия Прокофьевичв — мать Улитв Иввновна и отец Прокофий Степанович.

Останки летчика похоронены на станции Уторгош.

устранить повреждение. Бежал под сильным минометным обстрелом врага. Был ранен в обе руки, но нашел силы и мужество доползти до перебитого провода. Он зажал его концы зубами, дал связь. И вот два дивизиона полка «увидели» цели, открыли огонь по врагу. Огнем гаубиц гитлеровцы были отброшены на исходные позиции.

Л. Ященко,
инвалид Отечественной войны.
Правда, 1970, 21 июня.

Памятник павшим

В горах Северной Осетии, у входа в глубокое Суарское ущелье, далеко от проезжих дорог стоит гранитная пирамида, увенчанная золотистой звездой. На постаменте — бронзовый якорь, а ниже — массивная металлическая доска с фамилиями: Н. Громов, В. Чечеткин, Р. Хуцишвили, Р. Газизов... Всего тринадцать. Историю памятника рассказал мне пожилой осетин-учитель.

Рота моряков, входившая в состав 34-й стрелковой бригады, отчаянно сражалась на этом месте с врагами. Роте был дан приказ стоять насмерть, не пропустить гитлеровцев: через ущелье лежал путь к Военно-Грузинской дороге. На восемнадцатые сутки к нашим бойцам подоспела помощь. Но к этому времени лишь немногие остались в строю. Было это в ноябре 1942 года.

Павших моряков похоронили. А памятник установил их командир лейтенант Эдуард Мирза-Туниев. Недавно я разыскал его. Он подполковник, служит на Краснознаменной Каспийской флотилии.

Оказывается, лейтенант Мирза-Туниев был тяжело ранен в том бою. Выйдя из госпиталя, он первым долгом пришел в Суарское ущелье и разыскал могилу своих товарищей. Поговорив с жителями соседнего села Майрамадах, лейтенант решил поставить на могиле памятник.

Каждый день после этого можно было встретить в ущелье прихрамывающего человека. Он бродил по изрытой войной земле, залезал в полуразрушенные окопы, собирал гильзы от патронов.

Мала автоматная гильза. Много раз нужно нагнуться к земле, чтобы наполнить солдатский вещмешок. А неподалеку лежали тяжелые латунные стаканы от вражеских снарядов, густая россыпь гильз от патронов крупнокалиберных пулеметов. Но лейтенант обходил их стороной. Ни грамма фашистской ла-

туни не взял он для пятиконечной звезды, что венчает ныне памятник.

Рабочие одного из заводов г. Орджоникидзе переплавили гильзы. Металла хватило и на звезду, и на большую медную пластину, и на якорь.

Вот как провел командир свой отпуск.

В. Васин,
майор запаса.
Правда, 1970, 24 июля.

Оставил сапер расписку

Началось все с письма пионеров псковской школы № 17. Они сообщили в нашу районную газету «Ленінський шлях» о том, что в Святогорском монастыре, в музее Пушкина, есть интересный экспонат. На фанерном квадратике, потемневшем от времени, поспешная надпись: «Могила А. С. Пушкина заминирована. Входить нельзя. Ст. лейтенант Старчеус».

Красные следопыты установили, что Григорий Игнатьевич Старчеус был командиром роты инженерной части. Это он имел задание разминировать могилу А. С. Пушкина. Что и сделал.

14 октября 1944 года в литовском местечке Руцава капитан Г. И. Старчеус погиб, разминируя улицу. И еще узнали пионеры, что у сапера в Белой Церкви жили жена и сын. Вот и написали нам, чтобы мы продолжили поиск.

Журналисты, работники городского краеведческого музея, десятиклассница белоцерковской школы № 16 Таня Скиба с пионерами сумели прочитать многие страницы из жизни героя-воина.

В 1929 году Григорий — юный шелковод — был участником I Всесоюзного слета пионеров. После школы работал, потом учился, служил в армии, снова учился. Готовил кандидатскую диссертацию, преподавал в институтах.

Война. Григорий Старчеус стал сапером. Отступая, взрывал, наступая, спасал от взрывов. В начале 1944 года он освобождал с боями наш город, а потом очищал улицы, колхозные поля от фашистских мин.

Узнали мы, что отец сапера, Игнатий Емельянович,— участник революции, гражданской войны, создатель первой в Мироновском районе на Киевщине сельхозартели «Молоде село». Старшая сестра, Мария, воевала в гражданскую войну,

потом была колхозной активисткой. Брат Павел и сестра Софья партизанили в Отечественную. Потом Павел Игнатьевич возглавлял колхоз в Мироновском районе.

Ю. Дусанский.
Правда, 1970, 26 августа.

Герой среди нас

В нашем институте работает кандидат физико-математических наук А. С. Дейнеко. На войне он потерял обе ноги, но нашел в себе мужество завершить высшее образование, стал ученым.

Алексей Сергеевич командовал взводом 152-миллиметровых орудий. Боевое крещение получил под г. Шяуляем: его артиллеристы прямой наводкой подбили два фашистских танка и разнесли машину с автоматчиками. Во время обороны г. Нарвы в батарее осталось одно орудие. Из него стреляли Дейнеко и заряжающий. Остальные герои погибли или были ранены. В тот день враг потерял еще два танка, но рубеж нашего товарища не прошел.

В. Кучмиев,
сотрудник Физико-технического
института АН УССР.
Правда, 1970, 18 ноября.

Его последний бой

Как живого помню сержанта Александра Манина, которым гордилась вся наша артиллерийская бригада. Расчет его орудия не раз приходил на выручку пехотинцам, танкистам, артиллеристам. Сержант и погиб, выручая товарищей.

Случилось это в январе 1944 года во время наступления на станцию Войсковицы Ленинградской области. Несколько «тигров» из засады атаковали шедшее впереди нашей колонны артиллерийское орудие. Не раздумывая, Манин развернул свою пушку и открыл огонь. Он уничтожил два вражеских танка, до 50 гитлеровских автоматчиков. Атака противника была сорвана. Но Манин погиб [1].

И. Агуф,
майор в отставке.
Правда, 1970, 18 ноября.

[1] Александру Андреевичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Средняя школа села Чеберчино в Мордовии, где учился и преподавал Манин, названа его именем. На могиле героя в Войсковицах установлен обелиск, одна из улиц поселка носит имя А. А. Манина.

Семьдесят три героя

В хуторе Ходаков возвышается скромный обелиск. Он установлен на могиле 73 гвардейцев, павших в борьбе с гитлеровскими оккупантами. Эта могила — святыня для нас, местных жителей. Потому и ухаживают за ней любовно все — и члены колхоза «Рассвет», и школьники. Из уст в уста передается рассказ о том бое на рассвете 26 декабря 1942 года.

...Поредевший в длительных наступательных боях 3-й батальон 124-го гвардейского стрелкового полка поздно вечером занял наш хутор. Бойцы от усталости валились с ног. За день они прошли по снежному бездорожью сорок километров. Расставив часовых, выставив заставу, все крепко уснули. Но недолог был сон богатырей.

В 5 часов утра нагрянула блуждающая фашистская танковая колонна с автоматчиками. Центром боя стала школа. Не сломив сопротивления ее гарнизона, возглавляемого комбатом И. А. Евдокимовым, гитлеровцы подожгли здание из огнеметов. Но и после этого отважные патриоты продолжали биться с врагом, пока не рухнула крыша.

Здесь погибли Евдокимов Иван Алексеевич, Мусин Макарим Бахмутомотович, Савин Яков Иванович, Гусев Валентин Степанович, Цембалюк Роман Петрович, Григоращук Ефим Исакович, Станиславенко Порфирий Галактионович, Валентович Сергей Иванович, Шарашин Григорий Акулович, Иваняну Константин Леонтьевич, Нагмутдинов Садри Нагмутдинович, Ермов Василий Федорович, Некрасов Аркадий Иванович, Черменков Семен Афанасьевич, Мухитдинов Салайдан, Сарин Фахти Ислямович, Соловьев Григорий Александрович, Лухтанов Герман Дмитриевич, Мазурова Вера Владимировна, Колупаев Иван Степанович, Игнатьев Михаил Семенович.

Три часа шел бой. Но вот на подмогу нашим подоспели артиллеристы. Остатки вражеской колонны пустились наутек.

Хуторяне под руководством колхозника Василия Григорьевича Безверхнего похоронили погибших гвардейцев.

Братскую могилу огородили и поставили обелиск. Имена павших гвардейцев, кроме их командира, оставались неизвестными. И вот за розыск взялись красные следопыты. В него включился и я. После длительной переписки удалось установить помимо погибших в школе имена еще 10 гвардейцев.

Это — Чернышев Андрей Иванович, Котов Михаил Ильич, Жбанов Петр Иванович, Колтаков Георгий Иванович, Сиротинин Гавриил Давыдович, Трофимов Дмитрий Константинович, Сапорихин Павел Иванович, Царенков Иван Иванович, Груздев Алексей Васильевич, Яковлев Иван Степанович.

Поиск остальных продолжается.

Ведется также розыск семей павших героев. С большой теплотой принимали мы дочь лейтенанта Евдокимова, приехавшую на могилу отца из Свердловской области, сестру и брата младшего лейтенанта Валентовича, которых разыскали в Могилевской области. Из Тамбовской области отозвалась сестра красноармейца Игнатьева. Нашлись сыновья лейтенанта Некрасова и красноармейца Колупаева. Родных остальных героев известить пока не удается.

Верю, что где-то живут родные и друзья тех, кто похоронен на хуторе Ходаков. Пусть мое письмо поможет живым найти дорогую могилу.

Я. Скидан.

Правда, 1971, 16 сентября.

Равнение на подвиг

На гранитном обелиске высечены слова: «Войскам Карельского фронта: Слава героям, здесь, на Свири, 1000 дней оборону державшим. Тем, что врага сокрушили и Родины нашей умножили славу».

Сотни и сотни людей приходят сюда, на высокий берег реки, чтобы почтить память тех, кто в суровые годы Великой Отечественной войны мужественно сражался в наших северных краях за честь и независимость Родины. На братской могиле всегда цветы.

Трудящиеся города Лодейное Поле свято чтят боевые и трудовые традиции старших поколений, гордятся их подвигами, стараются походить на них. В годы Великой Отечественной войны на нашей земле 56 советских воинов получили звание Героя Советского Союза. И среди них — двенадцать комсомольцев-воинов, совершивших коллективный подвиг в июньские дни 1944 года при форсировании Свири.

«...Смерть стерегла их каждую секунду,— говорилось в боевой листовке того времени.— Волны Свири слепили глаза, забивали дыхание, студеная вода судорогой сводила тело. Но никакая сила не могла остановить их... Достигнув северного берега Свири, они бросились на врага и выбили его из траншей.

Слава о двенадцати храбрецах-комсомольцах прогремела на всю страну. Вот фамилии этих героев Свирской переправы: Немчиков Владимир, Юносов Борис, Мытарев Иван, Бекбосунов Серик Кази, Попов Михаил, Тихонов Михаил, Зажигин Иван, Павлов Петр, Паньков Иван, Маркелов Владимир, Барышев Аркадий, Малышев Виктор».

Эта пожелтевшая, потертая на сгибах листовка бережно хранится в городском краеведческом музее, в котором руками лодейнопольцев и воинов — участников Свирской битвы собрано множество ценных материалов. Музей стал центром работы по военно-патриотическому воспитанию трудящихся, и в первую очередь молодежи.

Патриотизм, любовь к Родине начинается не вообще с высоты птичьего полета, с любования просторами нашей земли. Любовь к Родине — понятие конкретное. Ее истоки — школьная парта, заводской цех, родной колхоз, может быть, березка, у которой в бою пролил кровь твой отец. Любовь к Родине — это твоя бригада, ее успехи, надежды и, конечно, дружба. Любовь к Родине — это приумножение советских традиций, желание стать такими же, какими были герои войны, какими сейчас являются герои труда.

Комнаты и уголки боевой славы открыты во многих школах, в клубах развернуты выставки «Они сражались за Родину». Каждое лето комсомольцы и пионеры отправляются в походы по местам былых боев. Зимой молодежь проводит эстафету «Лыжня героев». Старт дается в поселке Свирьстрой — на том самом месте, где в 1933 году у пустынного острова Негежма колоссальным трудом советских людей была воздвигнута Нижне-Свирская ГЭС — один из первенцев ленинского плана ГОЭЛРО.

Финиш эстафеты «Лыжня героев» — в городе Лодейное Поле, у памятника Воину-победителю. Как бы ни устал участник эстафеты, но показавшаяся вдали скульптура воина придаст ему силы, заставит поверить в самого себя, и молодой человек или девушка захотят быть такими же выносливыми, сильными, упорными, как и солдат-победитель, что спас Родину, их город от фашистской чумы.

Каждый новый учебный год в школах начинается с «уроков мужества». Очень полюбилась ребятам игра «Зарница». В знаменательные дни на братские могилы, к памятникам героев возлагаются венки, проводятся митинги и факельные шествия, встречи молодежи с ветеранами. Здесь проходит прием в пионеры, вручаются комсомольские билеты.

А в счастливый день свадьбы невеста и жених направляются на берег Свири, к монументу героям Свирской битвы. Перед большой жизненной дорогой молодые кладут свои букеты к памятнику тем, кто защитил их счастье.

Надолго запоминаются тематические вечера «Служу Советскому Союзу!», посвященные проводам молодежи в Советскую Армию. У красных знамен призывники дают торжественное обещание честно служить, свято оберегать рубежи лю-

бимой Родины. На протяжении всей службы предприятия поддерживают тесную связь с ушедшими в Советскую Армию. Переписка с молодыми воинами находит место в районной газете «Ленинская правда» на специальной страничке «Лодейнопольский комсомолец». На городской Доске почета рядом с портретами передовиков социалистического соревнования — фотографии ребят в армейской форме, отличников боевой и политической подготовки, воспитанников комсомольской организации нашего города.

Зачастую в школьных сочинениях ребята писали о подвиге военном. И мало кто задумывался, что подвиг может быть совершен и в мирные дни. Это возможно на совхозном поле или на заводе, в школе или в походе, на твоей улице или в клубе. Место и время подвигу — всегда рядом с тобой. Ведь недаром говорится: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд».

А. Устинов.

Правда, 1972, 23 июня.

Особый подарок

Когда мне исполнилось 18 лет, папа, поздравив меня, отозвал в другую комнату. За стенкой смех, веселье, музыка, а отец вдруг стал очень серьезным, задумчивым.

— Дочка,— сказал он,— я давно ждал этого дня и вот сейчас хочу с тобой поговорить, как взрослый со взрослой. Тебе сегодня подарили много подарков, но мой будет особый.

И показал фотографию незнакомой женщины в военной форме.

— Смотри на это лицо и запомни. Больше всего я хочу, чтобы ты стала такой, как эта женщина. Смелой, честной, а самое главное — с отзывчивым сердцем.

Это случилось в одном из тяжелых боев у подножия горы Суар-Могила,— продолжал отец.— Меня ранило. Донесли до медсанбата. А когда пришел в себя, слышу голос женский, ласковый. Он у меня и сейчас в ушах: «Ничего, родной, все уже позади, залатали тебя, зашили. Крепись, не будь трусом. Как говорил Суворов, от трусости умирают. А я тебе еще и 500 граммов своей крови дала, так что будешь жить сто лет».

Жаль, не узнал тогда ее фамилии: быстро нас, тяжелораненых, в тыл отправили. Но запомнил голос, большие карие глаза этой женщины.

После выздоровления я воевал под Сталинградом. И вот как-то с эшелоном стояли мы на станции Ясиноватой. Иду вдоль состава и вдруг слышу знакомый голос. Обернулся —

стоит женщина, на погонах три звездочки: старший лейтенант медслужбы. Рядом три солдата. Меня словно ударило: она!

Я еще ближе, она да и только! В это время сигнал «Воздух!» Налетели фашистские самолеты. А я бегом за ней, хотел сказать, что вот я, жив, здоров, спасибо вам! Но не добежал... Стали солдаты подбирать убитых, раненых. Мимо меня ее пронесли на носилках с открытыми глазами. Вот ведь судьба: всех спасала, а себя не уберегла.

Я спросил у санинструктора: кто она такая? Он открыл планшет, из которого тут же упало фото. Вот это самое.

Отец замолчал. Я не спрашивала его ни о чем. Но карточку эту я берегу, как самую дорогую реликвию.

О. Белова.

Правда, 1975, 19 января.

Парень из нашего цеха

До войны в нашем инструментальном цехе работал слесарем-лекальщиком Владимир Павлов. Был комсоргом. Вступил в партию. Позже Владимира избрали секретарем цеховой партийной организации. Одним из первых из нашего цеха он надел солдатскую гимнастерку. Изредка присылал письма с фронта, интересовался, как идут дела. Всем на заводе было ясно, что спрашивает насчет пушек. В ответах сообщали: можешь не беспокоиться, Мотовилиха не подведет. И точно. Фронтовики на уральские пушки не жаловались. А потом переписка оборвалась. В декабре сорок первого жена Владимира, Ядвига Ивановна, работающая ныне в том же цехе, где трудился муж, получила «похоронку»: погиб под Москвой.

Узнав об инициативе московских комсомольцев, в честь 30-летия Победы решивших работать не только за себя, но и за того парня, что не вернулся к станку с войны, мы решили зачислить Владимира Павлова к себе в бригаду. Стал он по списку восьмым. А на деле — первым, правофланговым. Равняться же на этого парня — не простая задача, хотя по возрасту Владимир ровня большинству из нас. А по мастерству? По гражданской, общественной активности? По пониманию своего места в жизни?

Мы часто обсуждаем эти вопросы. Спорим порой. Хочется быть лучше. Во всем. А что? У бригады есть основания рассчитывать на это. В декабре прошлого года мы выполнили девятую пятилетку. И производительность труда у нас продолжает расти. Тут Леонид Петеримов, Александр Осокин показывают примеры высокого мастерства. Они в совершенстве

овладели технологией изготовления холодно-высадочного инструмента. Это большая победа. Так что свое обязательство завершить полугодовую программу к 9 мая мы, безусловно, выполним. Почти все мы учимся. Но это не все. Бригада решила взять шефство над одной из учебных групп профессионально-технического училища № 3. А в ближайшие дни пойдем сдавать комплекс ГТО. Вот что в нашем понимании значит работать за Владимира Алексеевича Павлова и за себя.

Кстати, только что узнал: в механическом цехе № 3 комсомольско-молодежная бригада зачислила в свой состав бывшего фрезеровщика Бориса Григорьевича Пирожкова. Он был летчиком-истребителем, погиб в сорок втором.

Да, правильно говорят: герои не умирают, они среди нас.

Б. Худеньких,
бригадир
комсомольско-молодежной бригады станочников
машиностроительного завода
имени В. И. Ленина.
Правда, 1975, 26 января.

Эти восемь процентов

Сегодня мы строим пассажирские самолеты «Як-40». А в войну выпускали истребители конструкции А. С. Яковлева. О героическом труде старшего поколения в те грозовые годы свидетельствуют ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, которыми награжден наш коллектив. На центральной площади предприятия на мраморе выбито около 300 фамилий тружеников, не вернувшихся с фронта, погибших при бомбежке завода.

Наша бригада, возглавляемая мастером В. Н. Денисовым, обязалась выполнять норму и за девятнадцатилетнего рабочего Василия Рогожина. В 1942 году он без отрыва от производства окончил аэроклуб, а затем воевал в 236-м авиаполку, сбил одиннадцать вражеских самолетов и пять — в группе. Погиб в неравном бою над Киевом, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Как же такого парня не зачислить в бригаду!

Для того чтобы выполнить за него трудовую норму, каждый из нас должен повысить производительность труда на 8 процентов. Эта задача оказалась нам по плечу.

В. Викторов,
слесарь штампозаготовительного цеха.
Правда, 1975, 4 февраля.

Самгородок помнит

Наше село Самгородок невелико. На больших картах его нет. Но за годы войны почтальоны принесли в Самгородок триста восемнадцать похоронных извещений.

И вот теперь, спустя десятилетия, ежегодно девятого мая с утра вдоль центральной улицы идут с цветами люди — идут на кладбище. Рядом, держась за руки старших, шагают их дети, внуки, правнуки.

Однажды к братской могиле пришла Мария Даценко, сестра погибшего летчика Николая Ткаченко и замученной фашистами партизанки-комсомолки Матрены Ткаченко. Женщина молча всматривалась в золотые имена на граните и вдруг нашла свои, родные. Слова ее у меня до сих пор в памяти: «Коля, Мотя, я пришла к вам, принесла землю. Ту, по которой ходили вы... Ну что же молчите, родные?!»

Молчат все триста восемнадцать героев из нашего села. На большой карте его нет. Но на всех картах незримо пролегли фронтовые дороги, по которым честно шагали к победе мои земляки, самгородцы.

Л. Стригун,
ученица Макеевской школы.
Правда, 1975, 23 февраля.

Встреча с легендой

Срочное погружение!

Рассекая волны, подводная лодка быстро тает среди бурунов.

Вообще-то я не вижу этой картины: нахожусь на боевом посту — в отсеке. Слышу лишь, как булькает за сталью прочного корпуса вода, заполняя цистерны. А потом гудение механизмов, голос вахтенного офицера — и тишина.

Почему-то вспомнилось последнее посещение комнаты боевой славы. Врезалась в память одна картина: подводная лодка «К-21» под командованием Н. А. Лунина выходит в атаку. Двенадцать боевых походов — семнадцать побед.

Долго стоял я перед картиной, рассматривал фотографии моряков-лунинцев, стараясь уловить в их лицах что-нибудь особенное, богатырское. Увы! Веселые и грустные, задорные и озабоченные — самые обычные лица. Разве что у многих не по возрасту избороздило лоб...

...Наш учебный выход в море завершился успешной атакой корабля «противника». «Действовали как надо»,— похвалил экипаж командир.

Недавно, уже после увольнения в запас, услышал рассказ об одном слесаре — отличном специалисте, проработавшем на Вильнюсском заводе радиоизмерительных приборов более 25 лет. Узнал, что обучил он своей профессии десятки парней, что все они и сегодня льнут к нему, набираясь не только опыта и мастерства, но и житейской мудрости. Про него говорят: «Андреич у нас все умеет. Он всегда поможет».

Услышал этот рассказ, и показалось мне имя знакомым. Салтыков Михаил Андреевич. Где-то слышал, но где?! И вдруг вспомнилось... Узнал в справочном номер телефона. Звоню:

— Михаил Андреевич? Здравствуйте. Вам бывший моряк звонит, североморец...

— Подводник?!

Все. Сомнений нет. Такой вопрос может задать только тот, кого я хочу видеть.

И вот я стою перед ним, вижу человека из легенды. Рост средний, немного сутулится, светлые волосы. Разглядываю и никак не осмелюсь заговорить.

А потом за чашкой кофе долгая беседа. Слушаю и вижу перед собой легендарных героев-подводников знаменитой лодки Лунина, взметнувшийся из-под киля «Тирпица» столб огня и дыма... А Михаил Салтыков, участник всех походов экипажа Лунина, показывает пожелтевшие фотографии, ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медали. И среди них совсем новая — «За трудовую доблесть».

Ю. Строганов,
главный старшина запаса.
Правда, 1975, 23 февраля.

Чести не посрамим

На высоком холме у шестого километра дороги Вильнюс — Нововильня стоит обелиск из черного гранита. Под ним — братская могила экипажа бомбардировщика дальнего действия 12-го гвардейского Гатчинского авиаполка. Самолет, командиром которого был Б. Кочеманов, при возвращении на базу в ночь на 5 июля 1944 года был атакован двумя вражескими истребителями и, охваченный пламенем, упал на оккупированную врагом территорию. Вместе с командиром погибли бортмеханик А. Блинов, механик Г. Молков, стрелок Г. Затыкин. Крестьяне И. Младеновский и М. Томашевский, рискуя жизнью, тайно похоронили летчиков.

Спаслись на парашютах штурман М. Забиякин и стрелок-радист М. Степанов. Первый из них погиб над Балтикой за несколько дней до победы.

Мы узнали также, что это был комсомольский экипаж. Защищая Ленинград, он совершал по три-четыре вылета за ночь.

Однажды бомбардировщик вернулся с пробоинами. «Вот что, друзья,— сказал командир,— насчет пробоин пока молчок. Сходим еще раз в бой, тогда и доложим. А сейчас — вешай бомбы». И они снова ушли в небо.

Молодежь Вильнюса свято хранит память о подвиге летчиков, геройски павших на литовской земле. Пионеры установили связь с их родными, пригласили в гости. А наша бригада обратилась с призывом к другим комсомольско-молодежным коллективам завода: в честь 30-летия Победы принять в свои ряды погибших храбрецов. Нас поддержали — по одному члену экипажа зачислено в пяти бригадах.

З. Шостак,
бригадир комсомольско-молодежной бригады
головного завода фирмы «Нерис».
Правда, 1975, 16 марта.

Служили два друга

У голубого горного озера на высоте трех тысяч метров стоят три домика. В одном из них живет чабан Узак Солтонкулов.

...Поздний вечер. Вместе с моими киргизскими друзьями сидим у догорающего костра под темным небом. Узак Солтон-
23 кулов неторопливо раскуривает трубку. Я замечаю на ней буквы «И. С.». Перехватив мой взгляд, Узак-ата говорит:

— Именная. Ее мне русский брат Иван Сувенков подарил. С первых дней войны мы служили вместе в разведке, не раз ходили за «языком». Вместе получили ордена Красной Звезды. Однажды — это было под Киевом — напоролись на гитлеровцев. Иван шел впереди, и его срезало автоматной очередью.

В тот раз принес я не «языка», а боевого друга. На могилу к нему положил свою каску, а его каску взял себе. И мысленно поклялся: если потеряю — только с головой.

Узак-ата помолчал, бережно взял в руки каску:

— Всю войну прошел с ней. Сколько раз она меня спасала...

А. Кряквина.
Правда, 1979, 28 декабря.

Гренадеры

Осенью 1941 года, когда фашисты начали наступление на Тихвин, меня вместе с друзьями девятиклассниками Эдиком Врублевским и Костей Нюрговским зачислили в 3-й отдель-

ный ударный гренадерский батальон, который был сформирован из местного партийного, советского и комсомольского актива.

На всю жизнь запомнилось комсомольское собрание, которое состоялось в лесу 3 декабря, накануне штурма Тихвина. Выступил комиссар батальона Н. А. Воронин. Он говорил: «Борьба за Тихвин — это, товарищи, борьба за Ленинград». От имени комсомольцев слово взял Ваня Жуков: «Будем драться так, что фашисты надолго запомнят тихвинских комсомольцев. Умрем, но не отступим». И никто не дрогнул в бою. Иван Жуков пал в первой схватке с врагом. Погибли комсомольцы Костя Нюрговский и Коля Шумилов.

И вот недавно нам, оставшимся в живых, бывшим комсомольцам-гренадерам — братьям Александру и Дмитрию Матвеевым, Николаю Целовальникову, Николаю Сугоровскому, мне — довелось вторично побывать на этом собрании. На том месте, где осенью сорок первого проходило то собрание, молодые рабочие пикалевского производственного объединения «Глинозем» установили памятный знак, увенчанный комсомольским значком образца 1941 года. На открытие знака приехали юноши и девушки со всего района. Бывший командир разведроты А. П. Матвеев доложил секретарю Бокситогорского горкома партии: «Комсомольцы гренадерского батальона прибыли для продолжения комсомольского собрания 1941 года...» Ветераны призвали молодежь своим трудом крепить мощь социалистической Родины. О верности традициям отцов и дедов, о готовности верно служить идеалам Коммунистической партии говорили представители молодого поколения. Необычное это собрание стало хорошей школой воспитания.

А. Веселов.

Правда, 1980, 18 февраля.

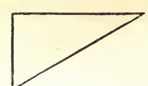
Умрем — не отступим

«Нас 4 пехотинца — русский Федор Незванов, украинец Никита Пилипенко, мордвин Василий Ерюмкин, казах Юсупов. Умрем — не отступим. Родина нас не забудет. Смерть Гитлеру!» [1]

Правда, 1980, 22 июня.

[1] Эту записку прислал в «Правду» из Могилева Ефрем Федорович Пилайка. Она написана на последней странице книги Николая Островского «Как закалялась сталь». Книга, на которой имеется штамп тульской библиотеки, была спрятана в гильзе артиллерийского снаряда. Реликвия хранится в Могилевском областном краеведческом музее.

МЫ НЕСЛИ СВОБОДУ И МИР

Цветы на машинах

Тишину утра разорвала грозовая музыка реактивных «катюш». И тут же все окрест загрохотало от рева сотен орудий. Пронеслись штурмовики «Ил-2».

Началась знаменитая Ясско-Кишиневская операция. В ней участвовал и наш 61-й гвардейский минометный полк.

Оборона врага была сокрушена. Мы все дальше продвигались вперед. Через несколько дней боярская Румыния вышла из войны.

И вот мы в Бухаресте! Улицы переполнены народом. Нашу колонну обступили со всех сторон. Румыны забросали машины цветами так, что они стали похожи на клумбы. Отовсюду несутся слова привета.

Через несколько дней мы двинулись к Дунаю. По понтонному мосту переправились на болгарский берег. Впереди Силистра. На машине выяснить обстановку отправилась группа офицеров. Скоро она вернулась вся в цветах.

Встретил нас первый болгарский городок как родных. И весь путь до Софии вылился в волнующую манифестацию братства и дружбы советского и болгарского народов. В каком-то селе к нам подошла старая-старая крестьянка.

— Я видела русских, спасших нас от турецкого ига,— сказала она.— Теперь хочу взглянуть на новых освободителей Болгарии.

Такое не забудется вовек!

П. Лощилин,
бывший гвардии сержант.
Правда, 1971, 6 мая.

«Курс — советский!»

...Авиачасть, где служил Владимир Иванович Муратов, получила приказ: провести разведку. На обратном пути фашистский зенитный снаряд пробил самолет Муратова насквозь. Летчика выбросило из кабины... Очнулся в плену.

...Пленных на одни сутки отправили строить капониры на аэродроме. Тут Муратов стал очевидцем того, как гитлеровский офицер ударил по лицу румынского механика в чине капрала. Румын заплакал. Улучив момент, Муратов заговорил с ним. «Думаешь, мне легко работать на эту сволочь?» — «А ты не работай».— «Расстреляют...» — «Я летчик,— тихо признался Муратов.— Можем вместе бежать. Решай быстро».

Румынский капрал Петр Бодэуц незаметно раздобыл где-то парашюты, приготовил самолет к взлету. Вместе бросились в кабину. «Курс — советский!» — крикнул Муратов. Подбежал еще один: «Я тоже летчик! Возьмите!»

Муратову чудом удалось посадить машину на своем же аэродроме. Владимира узнали товарищи, бросились обнимать. А он твердил: «Там румын... Он наш». Третьим в самолете оказался Иван Клевцов, ставший впоследствии Героем Советского Союза.

В. Кравченко.
Правда, 1975, 27 апреля.

Сражались рядом

Жандармам удалось окружить группу бойцов 2-й Родопской партизанской бригады. Случилось это 3 сентября 1944 года. На помощь попавшим в беду товарищам поспешил наш отряд. Заняли высоту, организовали круговую оборону. Вскоре враг попытался выбить нас с этой позиции. Выбрав удачный момент, отряд поднялся в контратаку и обратил противника в бегство.

Утром, обшаривая горы и долину, мы то и дело натыкались на трупы жандармов. Я недоумевал: почему они не убрали с

поля боя своих убитых? «Испугались», — предположил кто-то из товарищей.

К тому времени весть о том, что Советский Союз объявил войну монархо-фашистскому режиму Болгарии, до нас еще не дошла. А каратели это уже знали. Оказалось, что именно потому палачи словно сквозь землю провалились.

Когда мы узнали, что Советская Армия близко, в партизанском лагере началось настоящее ликование. А вскоре встретили своих братьев-освободителей и стали вместе сражаться против общего врага.

Г. Петренцев.
Правда, 1975, 27 апреля.

Любимец полка

Наш 366-й гвардейский полк тяжелой самоходной артиллерии громил гитлеровских поработителей в Югославии. Особенно памятен мне бой за город Заечар, расположенный в горной долине. Фашисты установили на его узких улицах пушки, создали крепкую оборону. Конечно, наша могучая техника могла бы подавить позиции оккупантов огнем и гусеницами. Но тогда неминуемо порушили бы город. Что же предпринять?

Любимец полка командир батареи гвардии капитан Михаил Скрябин предложил дерзкий план. Его приняли.

И вот я в самоходке комбата. На ее броне — автоматчики. Мы скрытно обходим город и с тыла врываемся на улицы. Для гитлеровцев это было неожиданно. Самоходка успела раздавить несколько орудий, пока противник опомнился и начал отстреливаться. Тогда открыли огонь и мы. Автоматчики, прикрываясь самоходкой, довершали дело...

В стане врага началась паника. Наша пехота под прикрытием артиллерии пошла в атаку и скоро ворвалась в город. Надо ли говорить о той волнующей встрече, которую нам устроили жители Заечара! Она, как и другие встречи на югославской земле, была сердечной, братской.

Какова судьба нашего героя? Кавалер многих боевых орденов москвич Михаил Скрябин погиб в бою за освобождение венгерского города Секешфехервара. Хотелось, чтобы жена и дети героя знали, что мы, однополчане, помним и чтим его память.

Л. Литинецкий,
старший лейтенант запаса.
Правда, 1971, 6 мая.

Самый счастливый день

Никогда не забуду тех героических и прекрасных дней, когда войска 2-го Украинского фронта с боями вступили на югославскую землю. Плечом к плечу с отважными югославскими патриотами сражались наши воины. Мы быстро нашли общий язык.

На коротких ночных привалах к нам с оружием являлись старики из местных сел. Они ласково говорили: «Отдыхайте, дети. Мы вас постережем. Не надо выставлять часовых. Пусть и они поспят».

Короткий отдых нам выдался в дунайском порту Кладово. Полковника Л. Н. Бирюкова и меня пригласили совершить прогулку по реке на военном корабле. На пристани в два ряда выстроился почетный караул. Приближаемся к трапу, и вдруг Бирюков трогает меня за локоть, указывает на борт корабля. Я смотрю и глазам своим не верю. На борту свежей краской выведено название судна: «Семен Тутученко». Так это же мое имя!

Пожалуй, это был один из самых счастливых дней в моей жизни.

С. Тутученко,
Герой Советского Союза.
Правда, 1975, 27 апреля.

Варшава в сорок пятом

Страшную картину увидели мы в столице Польши, когда выбили фашистских захватчиков. Сплошные руины и пожарища. Жители ютились в подвалах без топлива, воды, продовольствия.

Необходимо было срочно восстановить в городе водопровод и канализацию, а для этого требовалась электроэнергия. Электростанция же лежала в развалинах, котлы, топки, турбогенераторы были разрушены. Заботу о ее восстановлении советское командование взяло на себя. Еще продолжались кровопролитные бои за изгнание гитлеровских оккупантов с польской земли, а наши саперы уже принялись откачивать из подвалов воду, очищать территорию электростанции и ее окрестности от мин. В начале марта стали прибывать советские специалисты. Ремонтные бригады укомплектовывались польскими воинами.

В июне 1945 года восстановить комплекс одного турбогенератора — таково было задание командования 1-го Белорусского фронта. Турбогенератор дал ток 19 апреля! Через несколько

дней вступили в строй водопровод и канализация, стало светлее в городе.

Восстановление Варшавы — только один наглядный пример интернациональной помощи Страны Советов освобожденным от фашизма народам.

Г. Гладухов,
конструктор электромеханического завода.
Правда, 1971, 6 мая.

Память о советских воинах

Это происходило на территории бывшего Семятичского района Брестской области, который в 1944 году, после уточнения Государственной границы СССР, отошел к Польше. До 1945 года я жил там. И вот спустя тридцать лет провожу здесь свой очередной отпуск.

В деревне Клекотово разговорился с одним из жителей. Фамилия его — Буховец. Он рассказал, как 31 июля 1944 года при освобождении их деревни в бою с фашистскими захватчиками погиб капитан Советской Армии Хомяков Яков Романович. Семья Буховец сохранила вещи, документы советского офицера. Мой собеседник положил на стол фотокарточку капитана с надписью на обороте «Яша Хомяков». Тут же список офицерского состава третьего стрелкового батальона (1320-го стрелкового полка 413-й стрелковой дивизии), которым командовал Хомяков.

Возвратившись домой, я решил разыскать родных Хомякова. Удалось установить, что Яков Романович Хомяков был единственным сыном в семье. До недавнего времени его мать Прасковья Васильевна трудилась в совхозе «Путь Ильича» Каскеленского района Алма-Атинской области.

Там же, в Семятичском районе, скрывался раненый советский командир Суров Игорь Владимирович. Накануне войны, 20 июня, он прибыл из училища в деревню Крупице, где располагалась часть, а 22 июня был тяжело ранен. Сурова подобрали и укрыли местные жители, стали лечить. Тайком съездили в город Семятичи, договорились с хирургом, чтобы тот сделал раненому советскому командиру операцию и извлек пулю, которая застряла у позвоночника. Когда он поправился, староста деревни Клекотово «сделал» ему временный паспорт — «аусвайс», и Суров ушел. В районе Беловежской пущи его чуть было не схватили. В том бою опять был ранен. Пришлось в глухом селении снова лечиться.

Весной 1942 года Игорь Суров стал партизаном. В одной из операций получил тяжелое ранение в голову. Чтобы не ско-

вывать товарищей, попросил друзей доставить его в Семятичский район, где лечился первый раз. Так и сделали. Обо всем этом может подробно рассказать сам И. В. Суров, который в настоящее время живет в Ульяновске.

Польские крестьяне, рабочие, врачи, учителя, спасая жизни советских воинов, выполняли свой патриотический долг. Они поступали так, как велела совесть.

И. Ваврентюк,
инженер.
Правда, 1975, 27 апреля.

За землю польскую

На севере Польши — небольшой городок Дравско Поморске. В центре его — мраморный обелиск, вокруг братские могилы советских воинов. К обелиску летом 1979 года пришел Григорий Ковалевский. Здесь похоронен его отец.

...Они виделись последний раз в начале февраля сорок пятого под Быдгощем. Полк, в котором служил Иосиф Иосифович Ковалевский, должен был перейти на другой участок. Его боевые позиции занимал полк, в составе которого воевал сын Ковалевского — Григорий. Разглядывая уходящих бойцов, Григорий заметил знакомую фигуру: «Неужели?..» Сомнений не было: отец!

Хоть и короткие, но счастливые минуты отпустила им тогда судьба. Присели на край окопа, жадно расспрашивали друг друга, вспомнили родной дом в Вильнюсе. Сын успел заметить, как постарел отец. И от Иосифа Иосифовича не ускользнула первая седина на висках Гриши, которому было только двадцать. В те минуты они не думали, что встреча будет последней. Отрывистая команда прервала встречу. Отцовское место в окопе занял сын.

Неподалеку от Дравско Поморске нужно было во что бы то ни стало перерезать железнодорожную ветку — не дать врагу отправить на запад эшелоны с вооружением, награбленным добром. Когда бой, казалось, уже стихал, по цепи атакующих открыл огонь замаскированный гитлеровцами пулемет. Воины залегли. «Разрешите мне?» — обратился к командиру рядовой Иосиф Ковалевский. Короткие перебежки, граната... Вражеская точка умолкла. И в ту же секунду солдат упал, прошитый пулями. Так погиб 19 февраля 1945 года, освобождая польскую землю, наш земляк, рядовой Иосиф Иосифович Ковалевский.

На пути к фашистскому логову немало солдатских подвигов совершил и его сын.

Части Войска Польского вместе с Советской Армией вплотную подошли к Варшаве. Прага — пригород столицы — совсем рядом. Полк, в котором служил Григорий Ковалевский, отделяла от нее лишь водяная гладь одного из притоков Вислы. Железнодорожный мост взорван. Переправу начали скрытно, ранним утром. Первой шла рота автоматчиков, в их числе отделение Г. Ковалевского. Фашисты заметили наших бойцов, открыли огонь. Пуля пробила грудь командира взвода С. Янковского. Ковалевский подхватил его и, загребая свободной рукой, поплыл дальше. Сил становилось все меньше, но Григорий добрался до берега и передал тяжелораненого командира медсестре. За этот подвиг Ковалевский удостоен боевой польской награды — ордена Грюнвальда.

П. Балашов.

Правда, 1980, 5 мая.

Гвардейцы стояли крепко

Будапештская группировка врага окружена! В боях за освобождение столицы Венгрии участвует и 109-я гвардейская стрелковая дивизия. Неожиданно наш полк получает приказ передать позицию соседям и к рассвету выдвинуться в район города Эстергом, накрепко закрыть единственную доступную танкам дорогу к Будапешту.

За ночь прошли около 60 километров и своевременно заняли новый рубеж. Батальоны стали окапываться. Саперы взвода младшего лейтенанта Дерябова к рассвету успели заминировать дорогу Эстергом — Будапешт. Все орудия выведены на прямую наводку.

Со стороны Эстергома показались первые танки. С НП командира полка в бинокль слежу за ними. Взрыв. Черный столб взлетел там, где только что шла головная машина. Вторая пыталась обойти ее, но тут же подорвалась на минах. Такая же участь постигла третий и четвертый танки. Дорога теперь оказалась закупоренной. Справа — отвесная скала, слева — Дунай. Хода нет!

Остальные машины стали разворачиваться. Тут-то артиллеристы и открыли огонь, подбили два танка.

Три дня противник бросал против нас пехоту. Но советские гвардейцы стояли крепко. Попытка фашистов прорваться на выручку окруженной группировке захлебнулась. А вскоре Будапешт был освобожден.

С. Газаров,
бывший инженер
309-го гвардейского стрелкового полка.

Правда, 1971, 6 мая.

**Белый флаг
над вражеским штабом**

Было это февральской ночью 1945 года в Будапеште. Окруженная группировка немцев, не дождавшись подкрепления, начала тихо, без выстрелов отходить через парк. Наше отделение перекрыло одну из улиц, по которой могли пройти вражеские части.

В полночь показались гитлеровцы, которые очень тихо двигались в нашу сторону. Завязалась перестрелка. Фашисты, решив, что по улице им не пройти, стали обходить дома, в которых были наши бойцы. Мы встретили врага огнем из автоматов и винтовок, гранатами. Многие гитлеровцы были убиты, остальные засели на чердаке и в подвале одноэтажного здания.

Утром мы предложили фашистам сдаться, но они ответили огнем. В это время ко мне подошел мужчина венгр — в доме, в котором мы находились, на первом этаже собралось несколько семей, женщины с детьми — и сказал: «Я готов пойти к немцам и предложить им сдаться».

Я был в этом доме с двумя бойцами. Подумав, мы согласились, но предупредили нашего парламентера, чтобы он не проговорился им, что нас в этом доме всего трое.

Незнакомец назвался инженером. Он хорошо владел немецким языком, со мною говорил на русском.

Через некоторое время появился венгр с белым флагом и передал нам, что гитлеровцы согласны сдаться в плен, если им гарантирует жизнь русский офицер не ниже чем в чине майора. Я был в то время старшим лейтенантом. В укрытии, как оказалось, находились в основном гитлеровские офицеры, около ста человек. После переговоров мы им дали срок 15 минут и предупредили, что если они не выйдут на дорогу, то будем штурмовать дом.

Противник раздумывал. А штурм мы не могли начать — нас было всего десять человек, разбросанных по разным домам. Пока обдумывали, что же делать, к нам из тыла пробрался майор Скрипкин. Посоветовавшись с ним, мы на куске простыни написали чернилами по-русски: «Гарантируем жизнь. Майор Скрипкин». С этим белым флагом венгр вышел на дорогу, стал им размахивать. И передал на словах о нашей гарантии. Приказав бойцам маскироваться и следить за выходами, я перебежал с сержантом в первый дом, который стоял вплотную с домом, где засели гитлеровцы. Мы им сказали, что если они не сдадутся через пять минут, то мы не отвечаем за последствия. Через несколько минут из подвала показался белый флаг, затем на дорогу сначала по одному, а потом груп-

пами стали выходить фашисты. Ко мне подошел обер-лейтенант, спросил:

— Как быть с генералом?

Я ответил, чтобы генерал становился в голову колонны.

Вышел генерал со своим адъютантом. Он был в солдатской шинели, без погон, в ботинках и пилотке. С ним вышел подполковник, но в противоположность генералу — в полной форме. Вся группа, в ней оказалось 118 человек, состояла в основном из офицеров и унтер-офицеров. Приказав сержанту вести их в штаб нашей дивизии, я с оставшимися бойцами начал прочесывать другие дома и обнаружил еще 18 человек.

Оказалось, как мне потом сообщили, что нами в плен был взят штаб во главе с генерал-полковником и начальником штаба подполковником.

Ф. Копылов,
майор запаса.
Правда, 1970, 17 марта.

Русский хлеб

Штурмом ворвались мы в Пруссию. Мы увидели там мощные укрепления. По всей Пруссии железно-кирпичные доты, чуть ли не каждый дом приспособлен к обороне. Но ничто не могло сдержать наших войск. На советской земле гитлеровцы все вокруг жгли, разрушали, убивали, и каждый из нас это прекрасно помнил. Фашисты сеяли ветер, и вот теперь на их головы обрушилась страшная буря. Тысячи вояк из разбитых немецких дивизий выходили с белыми флагами и сдавались в плен.

И вот мы в разрушенном Кенигсберге. Из щелей и подвалов выползают голодные дети. Разведчик моего взвода Иван Сальников был человеком бесстрашным, суровым. Он не раз смотрел смерти в лицо и к врагу пощады не знал. Но, увидев голодных немецких ребятишек, нахмурился, молча снял вещмешок. Иван Гаврилович вынул солдатскую пайку хлеба, разделил и подал каждому мальцу по кусочку:

— Давай, кушай!

Детишки дрожащими руками хватали хлеб и тут же принимались есть. Несколько мальчишек стали на колени перед русским солдатом и принялись его благодарить. Иван Гаврилович тотчас поднял их. Дети не поняли, что говорил наш солдат, но безошибочно почувствовали в нем друга. Некоторые бросились к своим матерям, чтобы порадовать их драгоценным куском русского хлеба.

Когда я подошел к Сальникову, он смутился и, как бы оправдываясь, сказал: «Дети же. Голодные же». Я подумал тогда, подрастут эти ребятишки, узнают всю горькую правду военных лет и только тогда смогут по-настоящему оценить русского солдата Ивана Гавриловича Сальникова.

Н. Козлов,
гвардии старший сержант запаса.
Правда, 1970, 5 февраля.

Котелок с борщом

Части нашего 34-го гвардейского стрелкового корпуса вели бои на территории Германии. Зловещий почерк фашистов был виден повсюду. То и дело находили изуродованные трупы. Встречали освобожденных из лагерей смерти людей, похожих на скелеты, обтянутые кожей...

Остановились на отдых в деревне недалеко от Эльбы, в доме, где, кроме старухи, казалось, не было никого. И вдруг услышали детский плач. Из подвала вылезла семья с пятью детьми. Испуганная, с заплаканными глазами, стояла перед нами их мать. Тут же и ребята, и взрослые были накормлены борщом.

А вскоре стали возвращаться в село другие жители. Крестьяне без страха заполнили улицы, стали работать на огородах. Скуден солдатский паек, но уж тут такое дело: детям, женщинам, старикам отдавали то, чем богаты были.

В. Бабченков,
бывший гвардии старший сержант.
Правда, 1975, 22 мая.

Два бронепоезда

Шла весна 1945 года. Наш бронепоезд «Александр Невский» (он входил в 3-ю гвардейскую армию) следовал в направлении Праги. Прибыли в Дрезден. Город — в руинах. Мосты через Эльбу взорваны. Был дан приказ следовать через Герлицу в Либерец. И вот мы прибыли в Герлицу. Тут случилось непредвиденное: у бронепаровоза расплавился левый подшипник бегунков (так называются передние колеса паровоза). Станция была разрушена, депо не работало. Казалось, жизнь замерла. Но стоило нам встретить одного из местных жителей, как тут же была организована бригада мастеров. И через два часа мы уже следовали в Прагу.

Бронепоезд прибыл в чехословацкую столицу.

И вдруг видим: рядом с нашим стоит другой «бронепоезд» — полувагоны открытые, стенки залиты цементом, а паровоз без брони. На площадках — повстанцы-пражане с винтовками. Подошли они к нам, поздоровались. Это была братская встреча.

Встреча встречей, а нам нужно привести в порядок паровоз: промыть котел, все начистить, покрасить... И вот уже бронепоезд выглядит как новый. На бронеплощадках появились красочные лозунги, а рабочие депо Варшавецкая, сдав нам после ремонта бронепоезд, обнимаются с нашими бойцами, скандируют теплые слова о нашей стране, о Советской Армии.

В. Хараузов,
бывший командир бронепоезда
«Александр Невский».
Правда, 1975, 27 апреля.

Благодарность немецкой деревни

На уроках истории часто вспоминают бывшего советского коменданта нашей деревни Нейцелле — это близ Эйзенхюттенштадта. Его звали Герасимов, он был очень хорошим человеком. Позже комендантом деревни был Клименко — тоже хороший, всеми уважаемый человек. Фамилии их мы узнали от ветерана партии Я. Тейслера, работавшего переводчиком в советской комендатуре, сейчас ему 82 года. Хотелось бы найти наших бывших комендантов, советских воинов, которым так благодарна наша деревня.

С социалистическим приветом
Ирина Лохер [1],
ученица школы в Нейцелле, ГДР.
Правда, 1975, 3 февраля.

В Берлин — с мирным грузом

В дни Победы наш автовзвод 125-го отдельного батальона получил новое задание. Отправляясь к Берлину, мы погрузили в свои ЗИСы уже не артснаряды, а мешки с мукой, чтобы накормить жителей. Никогда не думал, что придется въезжать в столицу Германии с таким мирным грузом. Были среди нас бойцы, у которых фашисты зверски убили матерей, жен, детей.

[1] На просьбу Ирины Лохер в «Правду» пришло много откликов из ГДР, а также из разных районов нашей страны.

Все мы видели уничтоженные врагом советские города, расстрелянных мирных жителей, и ненавистью горели наши сердца. Но вот везем Берлину хлеб. Потому что враг разбит и рабочий-то класс надо кормить. Ведь мы же советские, мы пришли кончать войну как освободители, интернационалисты...

Кузьма Сыров,
солдат.
Правда, 1975, 27 марта.

В те памятные дни

Когда начали выдавать продукты, немцы были поражены: все они, кроме правящей верхушки и богачей, давно и, казалось, навсегда забыли запах и вкус натурального кофе, и им не верилось, что теперь вдруг русские его дадут. Но мы выдавали по карточкам именно натуральный кофе, притом на месяц и даже на два месяца вперед, чтобы пачку не делить...

Н. Антипенко,
бывший начальник тыла
1-го Белорусского фронта.
Правда, 1975, 27 марта.

Ищем комендантов

Просим разыскать адрес нашего бывшего военного коменданта подполковника Сазонова, сотрудника комендатуры капитана Моторыкина [1], других русских офицеров нашей комендатуры, душевных людей — мы благодарны им за справедливость и дружбу.

Жители Нейенхагена.
Правда, 1975, 27 марта.

[1] Бывший помощник коменданта Нейенхагена Н. М. Моторыкин в 1975 году жил в Харькове. Он рассказывал, как решительно пресекала комендатура любую попытку сохранить старые порядки, насаждавшиеся нацистами, как упредила растаскивание скромных запасов зерна, брала под охрану скот. Один богатый крестьянин отказался сдавать картофель для снабжения горожан: мол, еще осенью танки повредили посевы. Выяснилось, что по его гектарам танки вовсе не проходили, а картофель убран, спрятан. Вывели дельца на чистую воду, и он сдал магистрату все, что полагалось...

Работали рука об руку с антифашистами, с честными немцами-тружениками. В 1977 году Н. М. Моторыкин был приглашен в ГДР. Его сердечно встретили жители Нейенхагена. В гостях у немецких друзей побывали и другие бывшие сотрудники наших военных комендатур.

«Хотел бы стать коммунистом»

Всем своим поведением, сердечностью советский офицер Смирнов начисто рассеял многолетнюю ядовитую геббельсовскую пропаганду. Помню, как хозяин дома № 6 по Вальдштрассе однажды сказал: «Если русские такие, как Смирнов, то я всей душой с ними. А если Смирнов коммунист, то и я хотел бы стать коммунистом». Валентин Смирнов, который всего лишь год работал в нашей деревне, оказал большое влияние на хозяйственную обстановку и на все наше идейное развитие. Родом он был, кажется, из Ростова-на-Дону. Там фашисты разбомбили дом его родителей, мать работала на заводе... Смирновых, конечно, много, но как хотелось бы встретить нашего Смирнова, прекрасного человека и верного друга.

Рейнгард Брозинг,
ГДР.

Правда, 1975, 27 марта.

Освободители

Жителям Большого Берлина не забыть, как советские солдаты подкатывали к тротуарам свои походные кухни и ротный повар — парень из сожженной смоленской деревни или растерзанного белорусского городка — раздавал голодающим берлинцам щи да кашу. Осиротевшие дети — бледные, испуганные — впервые за много дней досыта наедались. И тут же, на улицах, только что очищенных от гитлеровцев, беседовал с людьми военный комендант Берлина генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин, командующий 5-й ударной армией. Еще гремели бои, а он жил бесконечными заботами о завтрашнем дне, ремонтом Траттендорфской электростанции, откуда сбежали инженеры, пуском Тагельского водопровода, нуждами пекарен, больниц, родильных домов.

— Скажите им,— просил комендант переводчика,— объясните, пусть не волнуются: советские воины не трогают мирных жителей...

По обочинам дорог двигались люди с котомками, чемоданами, самодельными тачками — они возвращались в столицу. Народ убедился, что победители не мстят, а дают хлеб, картофель, да еще столь любимую немцами чашку кофе.

Военные коменданты проводили в жизнь указания нашей партии, ее четкий курс, ее благородные цели. Из многих районов, питавших города молоком, население бежало. Гитлеров-

цы уничтожили скот, а кое-где брошенные коровы бродили без присмотра. Военный совет 1-го Белорусского фронта принял постановление «О снабжении молоком детей города Берлина». Пять районов обязаны были ежедневно поставлять 700 000 литров молока для выдачи детям. Из трофейного скота было передано молочным пунктам города 5000 дойных коров. Каждые пять дней ответственные лица докладывали военному совету, как снабжаются немецкие дети молоком. И вскоре принято было постановление № 0110 — за столицей закрепили еще четыре района. «Начальнику управления по руководству военными комендатурами полковнику Шестакову[1],— говорилось в этом документе,— через военных комендантов указанных районов обязать местные органы власти организовать сбор молока от населения, восстановить сеть молочных заводов и сливных пунктов, учесть всех специалистов...»

Письма-признания, письма-запросы. Их читаешь с волнением и гордостью. Они говорят о превосходстве Советской Армии не только в танках, пушках и самолетах, но и об огромном превосходстве нравственном, превосходстве идейном. Наши полки пришли в Европу под ленинскими знаменами. И наш комендант был представителем могучей армии-победительницы, завершавшей свою освободительную миссию, представителем Союза Советских Социалистических Республик. Достойным представителем!

Д. Новоплянский.
Правда, 1975, 27 марта.

Сквозь огонь

Это было в сентябре 1944 года. Наша дивизия в составе 4-го Украинского фронта стремилась захватить важные карпатские перевалы. А там — Чехословакия!

Наблюдательный пункт артиллерийского дивизиона расположился на высотке. Отсюда открывалась панорама боя. Впереди — широкая долина, которая переходила в гряду гор. У подножия их раскинулось занятое нашей пехотой село Чарне. Оно в огне и дыму от разрывов фашистских снарядов. Прямая трехкилометровая дорога в село просматривалась противником и была тоже под обстрелом.

[1] Бывший иачальиик управления по руководству военными комеидатурами С. М. Шестаков (потом он стал первым заместителем начальника Управлеиия комеидаитской службы Советской воеиной администрации в Германии) в 1975 году жил в Кисловодске. Он рассказывает, что снабжение немецких детей молоком было быстро налажено и находилось под строгим контролем.

Бой за переправу начался ранним утром. Дерзким броском левый фланг дивизии вклинился в оборону гитлеровцев. Они ответили яростными контратаками.

В разгар боя фашисты бросили против наших передовых подразделений более десятка танков. Положение становилось крайне напряженным. И тут командир взвода 1-й батареи старший лейтенант К. Каркусов получает приказ: выдвинуть обе пушки на западную окраину Чарне. Но для этого надо проскочить злосчастную трехкилометровую дорогу!

Мы следим за храбрецами. Вот выехала первая машина с орудием и птицей понеслась. За ней — вторая. Противник открыл по машинам ураганный огонь. Водители Леонов и Асеев не дрогнули. Вот и село... Но что там на дороге? Да ведь это же два разбитых вражеских танка и орудие! Не проехать. Но Каркусов мгновенно нашел объезд.

— Вперед! — крикнул он, прыгая в машину.

Пролетев через канавы и воронки, расчеты ворвались в село. На месте их минутной задержки поднялся дым от разрывов снарядов. Поздно! Машины артиллеристы оставили возле последних хат, орудие же на руках под пулеметным огнем противника выдвинули на прямую наводку.

Тем временем фашистские танки полным ходом приближались к нашей пехоте. Артиллеристы подпустили их на близкое расстояние и открыли огонь. Два танка загорелись. Остальные разделились на две группы и пошли на орудия.

Наши пушки были установлены удачно: фашистские танки неизбежно подставляли свои борта под удар то одного орудия, то другого. Расчеты сержантов Каирова и Колотова заставили гитлеровцев отступить, оставив еще два подожженных танка.

Я рассказал только один эпизод, героями которого были Казбек Каркусов и его славные артиллеристы. Подобных подвигов в нашей дивизии в боях за Карпаты и во время освобождения Чехословакии было много.

С войны К. В. Каркусов вернулся в Южную Осетию с тремя боевыми орденами и пятью медалями.

В. Бурлака.

Правда, 1971, 6 мая.

«Район обороны 271»

Недавно я побывал в Чехословакии. Ездил с делегацией на празднование 25-летия освобождения города Гуменне от фашистских оккупантов. Нас принимали по-братски. Особенно тронула забота, с которой оберегается в памяти народной

ратный подвиг советских и чехословацких воинов. Почти в каждой местной школе созданы музеи боевой славы. Есть он и в школе села Чабаловцы, где четверть века назад стоял штаб нашего 865-го Карпатского стрелкового полка.

Эти места мне особенно дороги: за село Чабаловцы шли очень сильные бои. До сих пор в памяти осталась цифра «район обороны 271». Здесь сражались воины Горловской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии. После одного из боев я взял из окопа, где погибли мои боевые товарищи, горсть земли. В те фронтовые годы сельский национальный комитет присвоил мне звание почетного гражданина села Чабаловцы. Разве можно забыть волнующие дни, когда мы вместе с чешскими братьями били гитлеровцев?

Интересная встреча произошла у меня в этом музее. Ко мне подошел учитель Макар Василь и передал два довольно ветхих листка бумаги.

— Это я нашел на поле боя,— сказал учитель.— Возьмите, может быть, вам удастся разыскать семью русского героя, его боевых товарищей.

И вот я держу эти бесценные листки. Читаю: «Письмо на родину. 22 августа 44 г. Добрый день, здравствуйте! Вся моя родная, дорогая семья! Мамаша, Лива, Миша, бабушка, крестная с детками! Извещаю, что я жив и здоров, нахожусь далеко-далеко в горах Карпатах. Сегодня получил письмо, которое писал Миша, за что очень рад». Тут письмо обрывается. На другом листке — «Карточка противотанкового огня 2-го орудия 1-го огневого взвода батареи 45-миллиметровых пушек». Составил ее командир орудия младший сержант Пономарев. Подобрал листки учитель после боя около подбитой советской пушки, против которой застыл фашистский танк.

М. Чаплыгин,
инженер.
Правда, 1970, 19 февраля.

За братскую землю

На рассвете 9 мая 1945 года наш 1085-й стрелковый полк вступил в чехословацкий город Жамберк. На улицах негде яблоку упасть. Распростертые объятия друзей. Сердечные улыбки. Море весенних цветов. Кругом красные и трехцветные национальные флаги. Единый торжествующий возглас:

— Руда армада! Наздар! Наздар!

Эхо в близлежащих покрытых зеленым ковром горах подхватывало этот идущий из глубины сердец клич. И казалось,

что вместе с ликующими людьми чувства признательности выражает сама чарующая взор природа.

Нас задерживают, наперебой приглашают... Объясняемся как можем. Фашистский генерал Шернер отказался капитулировать, бросил войска на Прагу, чтобы потопить народное восстание в крови. Мы по пятам преследуем гитлеровцев. Полк понес значительные потери во время боев по прорыву глубоко эшелонированной обороны противника на реке Опава, у бывшей чехословацко-германской границы. Чешские фортификаторы в свое время хорошо укрепили рубежи. Сломали бы себе здесь зубы фашистские захватчики, если бы не мюнхенское предательство. И вот оборонительные сооружения, созданные против гитлеровцев, пришлось взламывать советским воинам совместно с чехословацким корпусом ценой больших потерь.

В полдень из-за верхушек леса на бреющем полете пронеслись два «мессершмитта». Открыли огонь. Заметались лошади, застонали раненые.

Вечером почти у стен Праги нашу колонну собрали на поляне. Командир сказал, что танковые армии 1-го Украинского фронта ворвались в Прагу. Победа! И тут вспомнились те, кто не дожил до нее. Еще вчера они были в строю. Командир полка майор Шарапов, командир батальона капитан Фоменко, пулеметчики Могильников, Семашко и многие другие. Они погибли на братской чехословацкой земле.

Н. Кац,
бывший комсорг полка.
Правда, 1970, 6 мая.

«Считайте меня сыном»

Сынок мой Коля родился в 1925 году. Служил в Советской Армии с 14 февраля 1943 года по 17 февраля 1945-го. Военное звание — гвардии старший лейтенант. Коля воевал на Днепре, в Карпатах, прошел с боями Болгарию, Румынию, Венгрию, а в чехословацком городе Левице был тяжело ранен.

Там же, в госпитале, в здании которого до войны была школа, он и скончался. После войны здесь опять стала школа, и назвали ее именем моего сына Николая Нора.

Несколько лет назад я написала письмо в город Левице с просьбой разыскать могилу сына. Скоро получила ответ. Оказывается, Колю похоронили недалеко от школы, потом прах перевезли в город Штурово, в братскую могилу. Капитан милиции Ян Филипяк разыскал кладбище. Он написал мне: «Могила сохранилась, ждите вызова».

И вот я получила приглашение приехать в Чехословакию. Встретил меня Ян Филипяк. Как ни крепилась, а слез сдержать не могла. Ян Филипяк сказал: «Не плачь, мамочка, я заменю тебе Колю, считай меня своим сыном». Милка Яшицова — тоже: «Я буду родной дочкой, а Дусе, вашей дочери,— сестрой». С той встречи мы действительно породнились, они называют меня мамой, а я их — сынок, доченька, внучек.

В 1974 году первый секретарь Левицкого горкома Компартии Чехословакии Степан Угнак пригласил меня на празднование 30-летия Словацкого восстания. Я поехала. В Левице на площади, где стоит памятник воинам, было большое торжество. Открывая митинг, секретарь горкома очень тепло и сердечно говорил о наших советских воинах, освободивших их город от гитлеровцев. И вдруг слышу: «Вместе с другими в освобождении нашего города участвовал и старший лейтенант Нор Николай Иванович, здесь он и погиб смертью храбрых. Сегодня у нас в гостях его мать. Вот она стоит рядом со мною...»

Дальше я не помню, что он говорил...

Уважаемая редакция! Пожалуйста, поблагодарите от моего имени со страниц вашей газеты Степана Угнака и всех жителей города Левице, Штурово за то, что они меня так радушно встретили. Передайте им мое материнское спасибо за то, что в идеальном порядке содержат кладбище советских воинов.

...Коля полил чехословацкую землю своей кровью, а я полила ее слезами. В Левице, в горкоме партии, я увидела стенд, на котором были Колины портрет и биография. Уж простите старую женщину-мать: поплакала от души. Поехали в комнату боевой славы — там тоже фотография сына. Пришла в школу — и снова встретилась с портретом сына...

На прощальном утреннике Степан Угнак преподнес мне подарок. Я сказала: «Чем же мне вас за это отблагодарить?»

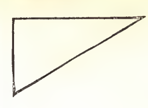
Товарищ Угнак ответил: «Вы нам подарили самое дорогое — сына. Он погиб, освобождая чехословацкую землю. Мы никогда этого не забудем. Считайте, Матрена Федоровна, что теперь мы все ваши дети».

Ехала я обратно домой, смотрела из окна вагона и думала: далеко моя морозная Сибирь от города Левице, но сердечная дружба людей делает климат на земле везде одинаковым — душевным, теплым.

М. Ф. Нор,
пенсионерка.

Правда, 1974, 15 ноября.

УТРО ПОБЕДЫ

На Берлин!

Годы прошли, а стоит мне оказаться на берегу реки, как вспоминается война.

...Одер в тот день был спокоен. Казалось, нет на свете ни горя, ни смерти. Ветер чуть шевелил кусты у воды. Я лежал и смотрел на ту сторону. Там притаились фашисты. Но там были и наши ребята. Днем саперы навели переправу. Только наши войска двинулись, как налетели стервятники, и мост был разрушен. Зацепиться успела одна батарея. Связи с ней не было...

Вызвал меня командир дивизиона и говорит:

— Бери лодку, плыви. Только будь осторожен, «пятачок» мал, можешь попасть в лапы врага.

Козырнул я, спустился к воде. Лег, стал наблюдать, где та пядь земли, что не встретит свинцом. Задумался, и вспомнились рассказы друзей-разведчиков.

Штурм Севастополя, плюющая смертью Сапун-гора. Наши ребята в плен взяли обер-лейтенанта. Один из моих дружков слышал его допрос. Гитлеровец яростно кричал — знал русский язык: не видать вам Берлина, голову даю на отсечение. Комиссар спокойно ему отвечал:

— Что ж, придется отсечь ее гитлеровскому фашизму.

И вот Одер. Только я хотел столкнуть лодку, как уперся ногами в какую-то доску. Поднял, на ней надпись: «Солдат, еще раз тебе переобуться, и ты в Берлине». Сел в лодку со связистом, поплыли. На нас спикировал крестатый самолет. Очередь полоснула по борту, со дна лодки забили фонтанчики.

Связист стал черпать воду пилоткой, а я налег на весла. Берег засветился огнями. Только в одном месте было тихо. Туда мы и направились. Добрались до цели.

Пополнение батарея приняла с радостью. Заработала связь. Наши «катюши» стали бить точно. Под утро саперы навели мост. На обоих берегах зажглись дымовые шашки. Войска двинулись на Берлин. Переправился и наш 19-й гвардейский Севастопольский полк.

К. Козин,
сержант запаса.
Правда, 1970, 6 мая.

И грянул бой

21 апреля советские воины ворвались в Берлин. Среди тех, кто начал там бой, были солдаты и офицеры нашей 86-й тяжелой гаубичной бригады под командованием полковника Н. П. Сазонова. Вот как это произошло.

Прорыв на Берлин начался на рассвете 16 апреля. Бригада действовала в составе 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии. К исходу 20 апреля мы заняли город Вернойхен. До кольцевой автострады, за которой начиналась гитлеровская столица, оставалось каких-нибудь 12—15 километров. Необходимо было продолжать развивать успех. Танковых соединений поблизости не было. Тогда в брешь обороны гитлеровцев пошла наша бригада, передвигавшаяся на быстроходных тягачах и имевшая опыт действий в тылу противника.

На прорыв двинулись двумя колоннами — по два дивизиона в каждой. Впереди мчался танк «Т-34». Несмотря на ураганный огонь фашистов, переход через передний край прошел благополучно. Не сбавляя скорости, мы продолжали двигаться к намеченной цели. Вот и она! Танк, а за ним орудие старшего сержанта Александра Костоусова пересекли автостраду и вышли на улицы Берлина.

Гитлеровцы ответили контратакой. Я приказал командиру 9-й батареи капитану Лысенко организовать оборону. Первым открыло огонь прямой наводкой орудие Костоусова. Враг был рассеян.

Продвинувшись вперед, мы оборудовали огневые позиции и всеми орудиями стали стрелять по центру Берлина.

М. Струков,
майор запаса.
Правда, 1970, 18 ноября.

Портрет Ильича в Берлине

Стояли апрельские дни. Советские танкисты ворвались в предместья Берлина.

И в пору короткой передышки мы остановились в небольшом домике. Он был пуст, но сразу ожил. Кто-то поставил на столик гильзу с зеленой веточкой. А связной Овчаренко на удивление всем вынул из «сидора» новенькие хромовые сапоги, потряс ими над головой и сказал: «Теперь можно и принарядиться. Дошли! Победили!»

Вдруг веселье приостановилось. К нам вошел штатский.

— Я немец Пауль Крейсир! — представился он.

Его бледное, исхудалое лицо свидетельствовало о том, что этот человек пережил многое.

Мы вышли из дома. По-русски он изъяснялся неплохо.

— Где же вы научились русскому? — спросил я.

— В концлагере. Был там вместе с советскими военнопленными.

Свыше десяти лет Пауль Крейсир провел в концлагере за то, что принадлежал к партии немецких коммунистов, боролся против фашизма.

Затем зашли к нему на квартиру. На видном месте стоял красный столик, а на нем — небольшой портрет Ленина работы художника Васильева. Самодельная рамочка была увита зелеными веточками. Ленин смотрел веселыми прищуренными глазами и как бы говорил: «Поздравляю с великой Победой!»

— Я из лагеря вышел,— продолжал Пауль,— а Ильич из подполья...

При этом он грустно улыбнулся и рассказал историю портрета. В 1928 году, в майские дни, Пауль в составе рабочей делегации посетил Ленинград, где путиловские рабочие вручили ему этот дорогой подарок.

Пауль сделал знак рукой в сторону портрета Ильича, тут же добавил:

— А перед арестом припрятал в надежное место подарок советских рабочих. Теперь мы, как видите, вместе с Лениным.

П. Пигорев,
полковник в отставке.
Правда, 1975, 27 апреля.

Рубанок

В сарае столярничает отец. Всюду смолистые желтоватые стружки. Пахнет сосной.

— Улей к весне надо сколотить,— поясняет отец, не поворачивая головы.— Пчела, она щелей не любит!

Он на глазок прикидывает, ровной ли получилась поверхность. Потом устало садится рядом со мной на сложенные доски.

— Так, значит, твоя часть в Потсдаме стояла? Был там и я весной сорок пятого...

Некоторое время отец молчит — знаю, сейчас не надо его торопить. Соберется с мыслями — начнет рассказ.

— Окружили мы как-то хуторок: разведка донесла, что там скрываются фашисты. Осторожно подошли к одному дому. Взводный говорит мне и еще одному бойцу: «Ну-ка, загляните в пристройку, да поосторожней». Мы туда. Винтовки наперевес, штыки вперед. Дверь на себя рывком. Вижу старик у станка стоит. Руки поднял, весь трясется от страха. Мальчонка лет шести испуганно глазенки на нас уставил. И тут, поверь, сынок, такое со мной случилось, что и до сих пор не могу понять. Повеяло чем-то родным, близким, грудь сдавило, защемило сердце. Смотрю на поднятые руки старика — узловатые, жилистые, словно дубовые корни. Подумалось: наш брат, столяр. «Да опусти ты руки»,— говорю ему и отдаю винтовку своему напарнику.

Поплевал я на ладони, пристроил брус к верстаку покрепче, взял рубанок. Для начала легонько прошелся, вроде разведку сделал. Инструмент ладный, аккурат к моим рукам. Подровнял шершавую сторону доски, а потом начал так строгать, что, пожалуй, никогда еще с таким удовольствием не работал. Забыл обо всем на свете... А там уж командир чертыхается: где, мол, они застряли.

«О, гут-гут, камрад!» — говорит немец и пытается что-то объяснить, да только нам не до того уже. Пулей вылетаем во двор. Командир так посмотрел на нас, что и горбатый бы выпрямился. Вдруг видим, следом за нами из пристройки выходит старик с мальчонкой и протягивает мне рубанок: на, дескать, бери. А сам, вижу, волнуется, что-то объясняет.

Я, откровенно говоря, не знаю, какую линию вести. Ребята подталкивают — бери: рабочий человек дает, надо уважить.

Взял рубанок. А что ему на память оставить? Какие у солдат пожитки? Лежали на дне вещмешка сухари. Сунул их мальчонке в руку. А тут вижу — ребята из своих запасов кто что может старику дают. Спохватился в последний момент, отцепил от пилотки звездочку и — мальцу. Он зажал ее в руке, сам от радости сделался пунцовым, ну, как та эмаль, на звездочке. Пусть, думаю, растет хорошим человеком...

Отец умолк. Смахнул с колен стружки и продолжал:

— Вскоре лето пролетело, а тут и домой. Помню, построи-

ли роту для смотра. Подходит ко мне из штаба один офицер. «Это что такое? — спрашивает, показывая пальцем на рубанок. — Ведь это называется мародерством...» Сам все понимаю: мы — освободители, не по сундукам да амбарам воюем. Но только как объяснить?

Вдруг вижу, что командир взвода подбежал к офицеру и по всей форме докладывает: так-де и так дело было. Эту заваруху заметил генерал и прямехонько к нам. Выслушал он меня и спрашивает: «Дома кто есть?» «Жена,— отвечаю,— четверо детей. А дома как такового у меня нет, товарищ генерал. В сорок первом как шел фашист, так все подчистую уничтожил. И нашу хату тоже». «У многих теперь ни кола, ни двора,— сказал генерал.— Вези свой подарок домой. Работы там полно». И, пожав мне руку, пошел вдоль строя.

Приехал в деревню — хоть шаром покати. Начали строиться. Многие приходили и брали этот рубанок. Вон, видишь, какой он стал: поцарапан, краска облупилась, а все берегу его.

А. Смолянко,
военнослужащий.
Правда, 1976, 28 декабря.

Последний вылет

Лишь только первые лучи солнца заблестели на плоскостях Як-7, как послышалась стрельба. Хватаем шлемофоны, планшеты — и скорее к самолетам.

— Победа! Победа! — ликуют техники, механики, оружейники.

— Построить полк,— распорядился полковник П. Лазенко. Он тепло и сердечно поздравил всех с великой победой. А в конце приказал:

— Техническому составу подготовить самолеты к вылету. Зарядить пушки, пулеметы.

Командир оказался предусмотрительным. Едва личный состав расположился в столовой, предвкушая заслуженный и долгожданный праздник, как поступила команда:

— Поднять пару истребителей на разведку в район окруженной группировки Шёрнера. Еще два подготовить к вылету.

Оказывается, несмотря на капитуляцию, окруженная группировка не сдается, а часть ее ночью оторвалась от наших войск и пытается пробиться на запад. Быстрее найти ее, установить состав, направление отхода.

В воздухе первая пара — лейтенанты Л. Кузнецов и И. Терещенко. За ней с 20-минутным интервалом взлетел я в паре

со старшим лейтенантом В. Червяковым. С воздуха хорошо видно праздничное оживление, которое царит внизу, в наших войсках. И небо как будто другое. Солнце светит ярко, ни облачка. Подходим к указанному району. А здесь — бой. Вспышки орудийных выстрелов, черный дым горящих автомашин, строений. Привычная военная картина.

Нужно искать отходящих гитлеровцев. Просматриваем квадрат за квадратом. На земле как будто все спокойно. Вдруг в стороне, где и дорог хороших на карте не значится, мелькнуло несколько солнечных зайчиков.

Скорее туда! Это вспыхивают солнечные лучи на стеклах автомашин, танков. Их много. А дальше еще колонна. Противник не вел огня по нашим самолетам, надеясь остаться незамеченным. Когда же мы появились над ним, к самолетам потянулись разноцветные трассы, появились облачка разрывов зенитных снарядов. Вот уже огонь врага ведется с предельным напряжением.

Не хочется, очень не хочется лезть в пекло после победы. Но нужно. Наши далеко, а вражеские колонны идут на большой скорости. Их необходимо задержать. Переданы по радио координаты, численность, состав, направление движения противника. Теперь опять вниз. Штурмуем голову колонны. Делаем один заход, другой. Видно, как загораются автомашины, разбегаются гитлеровцы. Вот ярким пламенем объят большой штабной автобус. Вражеская колонна остановилась.

Летчики полка обнаружили еще несколько скоплений противника и помешали уйти от наших войск. То был последний вылет на боевое задание.

А. Краснов,
профессор, доктор военных наук.
Правда, 1970, 17 марта.

Партийное собрание

Апрель 1945 года. Наша 60-я гвардейская стрелковая дивизия после ожесточенных боев на Висле, а затем на Одере ворвалась наконец на улицы Берлина!.. Все мы понимали, что до окончательной победы остались считанные дни. Это вдохновляло, придавало новые силы. В кипении боев до предела накалился наступательный дух гвардейцев. Он выразился, в частности, в штурме Силезского вокзала. Натиск батальонов нашего 180-го гвардейского полка на этот сильно укрепленный узел сопротивления гитлеровцев был сокрушительным. Враг не выдержал и бежал.

Той победной весной нашему Краснознаменному полку было присвоено наименование Берлинский. Помню первое полковое партийное собрание, проведенное в поверженной фашистской столице. Перед его началом мы почтили память наших товарищей. 132 коммуниста и 32 комсомольца потерял полк в завершающих сражениях войны между Вислой и Берлином.

— Осталось 73 коммуниста,— сказал парторг гвардии майор Захаров.— Но уже в эти первые мирные дни 20 бойцов подали заявления с просьбой принять их в партию.

То были солдаты и офицеры, в боях заслужившие честь носить высокое звание коммуниста.

А. Кузьминский,
инженер.

Правда, 1970, 5 февраля.

Встреча

Одерский плацдарм. Гитлеровцы каждый день, не считаясь с потерями, предпринимают контратаки. Однажды во время артиллерийского налета на нашу переправу ранило солдата. К нему подоспел товарищ, стал оказывать первую помощь. Кровь била струей. Я поспешил на выручку.

— Григорьев это, из нашей роты,— пояснил солдат.— Который раз его так. Ну, землячок, выдюжишь!

Раненый скрипнул зубами, побледневшее лицо его покрылось бисеринками пота. Превозмогая боль, он улыбнулся. В улыбке было что-то такое, будто извинялся за промашку. С попутной машиной пострадавшего отправили в медсанбат.

Уже во время боев в Берлине мне случилось проходить мимо ротной кухни. Вокруг толпились солдаты с котелками. Около бойцов ждала своей очереди стайка немецких детишек; маленькие берлинцы быстро привыкли к тому, что наши повара их не обходят.

— Григорьев, пошустрей действуй! — крикнул фальцетиком белобрысый сержант.— А то без харча из-за тебя насидишься.

Повернувшись, я в обгорелом дверном проеме увидел того самого солдата, которого мы перевязывали на переправе. Левая рука его была забинтована, в правой — котелок и краюха хлеба.

— Григорьев?! — невольно вырвалось у меня.

Он остановился, посмотрел на меня, но, видимо, не узнал.

— Как же ты здесь очутился? Почему не в госпитале?

В глазах солдата — веселые огоньки:

— Убег я, боялся роту потерять.

— Какую роту! Для тебя война кончилась еще на переправе...

Григорьев вдруг сразу преобразился, словно в плечах раздался, стал выше ростом:

— Ну нет, не согласен так. Для меня война кончится, когда гитлеровцев вконец разобьем, мир завоюем. А рана? Ее и после долечить можно...

И. Семченков,
бывший заместитель командира
47-й гвардейской стрелковой дивизии.
Правда, 1971, 6 мая

В то майское утро

Последний период войны я служил в 8-й гвардейской армии, бывшей 62-й, начальником оперативного отдела — заместителем начальника штаба. Случилось так, что именно через эту армию высшее руководство третьего рейха в лице Геббельса и Бормана обратилось к советскому командованию с унизительной просьбой о прекращении военных действий, признав Германию побежденной. На командном пункте нашей армии был подписан последний приказ командующим окруженной в Берлине немецкой группировкой с требованием к подчиненным прекратить сопротивление и сдаться на милость победителя.

Мне пришлось быть участником и очевидцем событий, связанных с капитуляцией берлинского гарнизона. Коротко расскажу, как это произошло.

К концу апреля немецко-фашистская группировка, окруженная в Берлине, была стеснена нашими войсками в центральных районах города на относительно небольшом пространстве. По всему было видно, что дни ее сочтены. Всем нам, участникам штурма Берлина, очень хотелось к первомайскому празднику разделаться с Берлином и принести Родине своеобразный праздничный подарок.

Но день 30 апреля кончался, а фашисты по-прежнему ожесточенно сопротивлялись. В ночь на 1 мая линию фронта перешел высокопоставленный парламентер немецко-фашистского командования — начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал инфантерии Кребс. Он был доставлен на ПКП нашей армии, располагавшийся вблизи берлинского зоопарка. Его принял командарм генерал-полковник В. И. Чуйков в присутствии некоторых членов Военного совета армии.

Парламентер заявил, что война Германией проиграна. Еще он сообщил, что Гитлер покончил жизнь самоубийством. Но оставил завещание, создав новое правительство Германии. Кребс принес письменное обращение к советскому командованию за подписью Геббельса и Бормана. Главный смысл этого обращения состоял в том, чтобы были прекращены боевые действия в Берлине, установлено перемирие и начаты переговоры о прекращении войны.

Перемирие, по заявлению Кребса, германскому руководству было нужно для того, чтобы восстановить потерянную связь с остальными частями Германии, сообщить немецкому народу о постигшем его горе — о проигрыше войны и о смерти Гитлера. И оповестить о создании нового, демократического, как он выразился, правительства, которое, дескать, опасается, как бы в других частях Германии не были созданы незаконные правительства. Полномочий на переговоры о капитуляции Кребс не имел и отказался обсуждать этот вопрос, заявив, что берлинский гарнизон будет сражаться до последнего солдата.

По требованию командующего 1-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова мне, принимавшему непосредственное участие в переговорах с парламентером противника, было поручено доставить документы Геббельса и Бормана лично маршалу и доложить детали состоявшихся переговоров.

Когда я уезжал, к нам на ПКП для продолжения переговоров с Кребсом прибыл заместитель командующего фронтом генерал армии В. Д. Соколовский, сказавший мне, что маршал с нетерпением ждет документы и что мне нужно ехать как можно быстрее.

Часа через полтора я был на КП фронта. Ознакомившись с документами и задав мне несколько вопросов, маршал бросил на стол большой блокнот и приказал под его диктовку писать донесение Верховному Главнокомандующему. Исписав страницу, я отрывал лист и передавал начальнику Оперативного управления фронта генералу Бойкову, а тот по телефону ВЧ передавал донесение в Москву.

Вернулся я на ПКП армии, когда уже было получено короткое указание И. В. Сталина: «Потребовать безоговорочную капитуляцию».

Выйдя из машины, я увидел генерала Кребса, собиравшегося садиться в бронетранспортер, чтобы отправиться в имперскую канцелярию для доклада Геббельсу о результатах переговоров. Кребс стоял у машины и угрюмо осматривался вокруг.

— Что, генерал, запоминаете место нашего расположения? Не думаете ли обрушить на нас артиллерийский огонь? — спросил я Кребса.

— Нет! — ответил он задумчиво.— Это уже ни к чему, полковник.

— А отчего у вас такой мрачный вид? Война кончается. Радоваться надо, а не грустить,— сказал я ему, чтобы что-нибудь сказать.

— Вам меня не понять, молодой человек. Вы победители. А моя жизнь на волоске,— проговорил он подавленным голосом. По щекам видавшего виды гитлеровского генерала скатились крупные капли слез. Он встряхнулся и проворно забрался в бронетранспортер.

Тем временем мы получили официальное сообщение о том, что наше требование о безоговорочной капитуляции отклоняется.

Вскоре по указанию маршала Г. К. Жукова вся артиллерия советских войск в Берлине обрушила на окруженную группировку мощный огонь. Непрерывный гул исполинской канонады сотрясал окрестность несколько часов.

В ночь на 2 мая одна из наших радиостанций приняла обращение командующего обороной Берлина командира 56-го танкового корпуса генерала артиллерии Вейдлинга к советскому командованию с просьбой принять его с условиями капитуляции. Генерал был встречен нашими представителями и доставлен на ПКП армии. Здесь он подписал приказ подчиненным войскам с требованием прекратить боевые действия и сдаться в плен. Приказ был размножен и с помощью офицеров штаба генерала Вейдлинга разослан немецким войскам, окруженным в центре Берлина.

В расположении немецко-фашистских войск вскоре появились белые флаги. Нам оставалось лишь принять массу пленных и праздновать победу.

И. Толконюк,
генерал-лейтенант.
Правда, 1980, 9 мая.

Атакуя рейхстаг

На низком замшелом берегу Одера, где древняя Кюстринская крепость с позеленевшими от времени стенами подходит к самой воде, я и мои друзья ждали рассвета. Утром мы пойдем в бой. Пойдем первыми. Потому что у каждого из нас на груди, под самым сердцем, бережно хранится маленькая книжечка с силуэтом Ленина. Все мы — комсомольцы.

Перед наступлением комсорг батальона лейтенант Виктор Бутенко сказал нам:

— До Берлина 70 километров. Пусть каждый из вас будет достоин высокой чести — добить врага в его логове!

Светало. От холодной земли тянуло сыростью, сводило тело. Но мы лежали неподвижно, поглубже зарывшись в землю. Замерли пулеметчики, затаились подразделения пехоты. Позади, укрывшись в камышах, выстроились орудия, гвардейские минометы «катюши». И вот земля задрожала от залпов нашей артиллерии. Еще висели над полем облака пыли и дыма, а в серое небо уже врезалась красная ракета — сигнал к атаке.

— Комсомольцы, за мной! — негромко крикнул Бутенко, но его услышали все. С припасенными заранее широкими досками и бревнами мы кинулись в воду, поплыли к другому берегу под вражеским ураганным огнем. Те, кто успел переправиться первым, окопались и прикрывали огнем плывущих. Гитлеровцы бросились в контратаку. Мы видели, как наш комсорг Виктор Бутенко, окруженный со всех сторон, яростно отбивался от врагов. Раненный в правую руку, он кидал гранаты левой. Вражеский осколок попал ему в грудь. На помощь Виктору спешили бойцы, но тут же падали, подкошенные огнем. Бутенко, подобрав их гранаты, продолжал отбиваться, пока не погиб, не дожив считанных дней до победы.

Первые русские слова, которые мы прочитали по ту сторону Одера, были такие: «Берлин недалеко — даешь Берлин!» Безвестный солдат написал их черной краской на уцелевшей стене полуразрушенного здания, стоявшего около самой переправы. Большая черная стрела указывала на запад. Где-то там, за грядой невысоких холмов, в туманной апрельской дымке находилось последнее убежище фашистского зверя.

Берлин недалеко! Тогда, в конце апреля, когда судьба Берлина была предрешена, из имперской канцелярии один за другим летели приказы немецким частям: оборонять до последнего солдата занимаемые рубежи. И фашисты защищались с яростью обреченных.

И вот наконец мы на улицах Берлина. Кровопролитные бои за каждый квартал, каждый дом, каждый этаж. Мы шли не через город, а сквозь него, проламывая стены зданий. Достигли берегов Шпрее, протекающей через Берлин. Твердым орешком оказалась для нас Шпрее. И ночью раз за разом пытались форсировать ее, но безуспешно. Противник огрызался всеми огневыми средствами. Каждый дом на берегу был превращен в крепость, среди них узлом сопротивления стало здание министерства внутренних дел — «дом Гиммлера». В одну из ночей огромной силы взрыв потряс воздух. В небо взлетел огнен-

ный столб, в реку посыпались камни, куски металла, какие-то обломки. Это наши минеры подорвали железобетонный мост, на котором фашисты сосредоточили военную технику. Короткими перебежками мы стекались к разрушенному мосту и на подручных средствах переправлялись через реку.

Фашисты открыли шквальный огонь из «дома Гиммлера». И тут мы услышали лязг гусениц. Это наши танкисты, форсировав Шпрее, спешили на помощь пехоте. Через наши головы летели огненные стрелы «катюш». Прямой наводкой били наши орудия всех калибров. Казалось, на том берегу не осталось ничего живого. Но не тут-то было: фашисты стреляли отовсюду фаустпатронами, забрасывали нас снарядами и минами, поливали огнем пулеметов и автоматов.

Второй день мы ведем бой в квартале, непосредственно прилегающем к рейхстагу. Уже очищен от фашистов «дом Гиммлера». Борьба идет за Кенигсплац — площадь около рейхстага. Вот до него остались последние десятки метров, и с криком «ура» мы берем с бою главный вход.

Здание ярко освещено пожаром. По лестнице мимо статуи Бисмарка устремляемся на первый и второй этажи. И пока мы вели бой в рейхстаге, на его куполе уже развевалось алое знамя. Его водрузили сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария.

Бои внутри рейхстага шли еще два дня и две ночи после того, как наше знамя заполоскалось на его куполе. Большая группа фашистов, засевшая в подвалах и на верхних этажах рейхстага, не сложила оружия. По зданию мечется пожар. Огонь быстро распространяется по комнатам и этажам. Горят мебель, бумаги, краска стен, деревянные панели, полыхает паркет. Теперь пожар был нашим врагом номер один. Гитлеровские солдаты имели преимущество: они хорошо знали план здания, каждую лестницу, переход. В темноте — окна были замурованы — возникали жаркие схватки, стычки шли в комнатах, на лестничных площадках — всюду.

Усталые, обгоревшие, задыхающиеся от дыма и пыли, мы встретили в рейхстаге Первомайский праздник. И только утром 2 мая бои внутри рейхстага стали затихать. Уцелевшие фашисты в окнах горящего рейхстага выставили белые флаги — знак капитуляции.

Из подвалов, из станций метро группами выходили заросшие, грязные от копоти, с поднятыми вверх руками эсэсовцы.

В. Жуков,
бывший командир отделения разведчиков
756-го стрелкового полка.

Правда, 1970, 17 марта.

Автографы победителей

Уважаемые товарищи! Развернул я газету «Правда» за 21 марта, взглянул на шестую страницу, где помещена фотография стены рейхстага, испещренной именами воинов Советской Армии[1], и глазам своим не поверил: в центре, среди многих росписей видна очень ясно и четко моя — Мирошников И. И.

...Вспомнились дороги, которые привели нас к победе. Какими же долгими, длинными и трудными были они! Дороги от границы до Волги, от Волги до Шпрее — и каждый метр взят с боя, обильно полит кровью!

И вот она, моя фамилия, на стене рейхстага — крупные выведенные углем буквы, а рядом — сотни, тысячи других фамилий встают перед глазами, будто вчера было!

Вспоминается Берлин, разгоряченные боем лица моих товарищей — Кондрашова, Симаренко, Ярославцева, как катили мы на себе тяжелые гаубицы и били прямой наводкой по засевшим в домах «фаустникам»... Высоким охрипшим, каким-то особенно торжественным голосом командир нашего полка подполковник Землянский отдал команду:

— Всем орудиям по рейхстагу — огонь!!!

Незабываемые мгновения! Когда утих гром сражения, над поверженным, окутанным огнем и дымом логовом врага вдруг повисла странная, непривычная тишина... И сотни, тысячи черных от гари и копоти людей вдруг остановились, замерли на том месте, где застала их эта минута...

Когда мы, группа солдат и офицеров первого артдивизиона 132-го гвардейского Кишиневского артполка 60-й гвардейской Павлоградской Краснознаменной дивизии, вошли в рейхстаг, он еще пылал. Пехотинцы еще «выковыривали» из глубоких подвалов эсэсовцев. Это было 30 апреля 1945 года.

Выхватив из огня головешки, мы решили расписаться на стене рейхстага. Когда я поставил свою фамилию, командир артдивизиона Моторин заметил: «Низко, сотрут...» «Как это сотрут?! — возмутился я.— Кто посмеет?»

Но на всякий случай встал на обвалившуюся глыбу и крупными печатными буквами вывел еще раз свою фамилию по-

[1] 21 марта 1965 года «Правда» рассказала о подвиге патриотов-антифашистов Западиого Берлина, спасших от уничтожения исторические плиты рейхстага с надписями советских воииов. После этого в редакцию пришло много писем от участников сражения за Берлин. На фотосиимке, который был помещеи в газете вместе с корреспонденцией, некоторые узнали надписи, сделанные ими в памятные весенние дни 1945 года на стеиах рейхстага.

выше. Рядом расписались Моторин, разведчик Лось, старший сержант Куцык Илья и другие. Неподалеку от нас делали то же самое несколько пехотинцев. Запомнился один из них — невысокого роста, пожилой, с русыми усами. Вооружившись куском угля, он, выводя букву за буквой, выписывал фамилии в колонку. Я невольно спросил: «Ты что же, за всю роту расписываешься?»

— Тут, видишь, какое дело вышло...— ответил он.— Действую вроде как по поручению: шестеро нас, хуторских, на войну пошло, в одном взводе служили, а до Берлина дойти одному мне посчастливилось. Вот и расписываюсь за всех.

Но было и так: дошел солдат до Берлина, расписался на рейхстаге, а домой не вернулся — погиб от пули, пущенной врагом из-за угла. Именно такая участь постигла Моторина. Он погиб несколько дней спустя после взятия рейхстага.

И. Мирошников,
бывший командир орудия.
Правда, 1965, 28 апреля.

Священные камни

«За кровь земляков — никопольцев, москвичей, орловцев, кубанцев, ореховозуевцев мы отомстили» — такую надпись оставили 3 мая 1945 года на стене рейхстага мои друзья майоры Шеленков, Якунин, капитан Симонов, старший лейтенант Скворцов и я — майор Буланый.

Наше зенитное подразделение находилось невдалеке от Одера. 3 мая на рассвете мы поехали в Берлин. Хотелось своими глазами увидеть разбитое гнездо милитаризма, взглянуть на красный советский флаг над рейхстагом. Со всех сторон ехали принаряженные, сияющие летчики, танкисты, пехотинцы.

К рейхстагу было трудно пробраться. Кто мелом, кто краской, влезая друг другу на спины, расписывались на его закопченных стенах. Нас охватило волнение. Сколькими жизнями мы заплатили за победу над фашистской Германией!..

Нашли две обгоревшие лестницы, связали их ремнями. Я взобрался и на высоте примерно второго этажа вывел: «За кровь земляков...»

В. Буланый,
майор в отставке.
Правда, 1965, 28 апреля.

Символическая фамилия

Моя фронтовая биография началась на западной границе нашей Родины. Пришлось изведать горечь отступления. С жестокими боями дошли до Киева. При обороне столицы Украины получил тяжелое ранение. Сражался в соединении легендарного партизанского командира дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова. Затем был в стремительном потоке наступающих советских войск. В числе первых штурмовых групп пробился в Берлин, к рейхстагу...

Все наши солдаты, возбужденные и ликующие, оставляли надписи на фасаде рейхстага. Дай, думаю, напишу и я свою не совсем веселую фамилию. Взял острый осколок и привычной рукой судового разметчика — до войны работал на верфях — второпях нацарапал: «Могила». Мой боевой друг по разведке Володя Румянцев уже расписался повыше. Глянул он на мою надпись, расхохотался и говорит:

— Что-то неясно получается: не поймешь, не то это фамилия, не то означает — Гитлеру могила. А твоей-то личности не видать...

Тогда я во второй строке дописал свое имя — Марко. А уж для полной ясности добавил и название дорогого моему сердцу города — Николаев... Через часок тут же, в коридоре обгоревшего рейхстага, отметили с друзьями накоротке мой день рождения. Так совпало!..

Товарищи в шутку говорят: с одной стороны, у тебя, Марко Васильевич, фамилия слишком мрачная, а с другой — символическая.

М. Могила,
шофер таксомоторного парка,
ударник коммунистического труда.
Правда, 1965, 28 апреля.

Последние дни

С радостью узнал из «Правды», что фамилии моих фронтовых друзей, расписавшихся на камнях рейхстага, сохранены для истории славными сынами немецкого народа. Приятно было читать свое имя, оставленное двадцать лет назад в поверженном Берлине.

Расскажу о своем последнем боевом задании. Было это так. На Мюллерштрассе дивизион 753-го полка попал в окружение. Начальник штаба нашего дивизиона майор Зубреев послал с катушкой провода меня и рядового Сергея Леднева в окруженный квартал на помощь товарищам по оружию. Мы

вышли на залитый солнцем перекресток. С чердака полоснула автоматная очередь. Спрятались за угол. По чердаку ударила наша пушка. Воспользовавшись этим, мы проскользнули к своим. Это было 25 апреля. А 3 мая бои в Берлине почти прекратились. По Александерплацу шли танки, тягачи. Но теперь их гул воспринимался как мирный. И хотя в соседних кварталах изредка постреливали, по всему чувствовалось — войне конец! Солдаты умывались, брились, чистили пуговицы. Пристроившись во дворе полуразрушенного дома на солнышке, я писал сестре: «С добрым утром! Я — в Берлине!»

В тот день вместе с шофером Николаем Кокуриным поехали за продуктами. Пробирались по запруженным войсками улицам Берлина. Всюду смех, песни. Особенно много народу было возле рейхстага. Кокурин притормозил: «Пошли, Вася, распишемся, что и мы с тобой дошли до Берлина!»

Колонны и стены рейхстага на высоте человеческого роста все были в солдатских росписях. Николай был высокого роста, встал на цыпочки и начертал выше других «Сержант Кокурин».

— А ну-ка, Вася,— говорит он,— становись мне на плечи, пиши!

Так и появилась надпись: «С-т Синев дошел до Берлина».

В. Синев,
бывший сержант.
Правда, 1965, 28 апреля.

На всю жизнь

За участие в штурме и овладении столицей гитлеровской Германии нашему 567-му штурмовому авиаполку присвоено наименование Берлинский. Расскажу о последнем вылете.

Две шестерки «Ил-2» поднялись в воздух. Первую вел я, вторую — старший лейтенант В. Бондаренко. Шли без прикрытия истребителей, потому что советская авиация полностью хозяйничала в небе. Над рейхстагом увидели Красное знамя Победы. Из окон уцелевших полуразрушенных домов свешивались тысячи белых флагов размером от носового платка до простыни — знаки капитуляции гитлеровцев. Нам предстояло провести последние штурмовые удары по остаткам опорных пунктов врага.

Этот полет у меня остался в памяти на всю жизнь. Фашистский Берлин капитулировал.

Б. Свирс,
полковник в отставке.
Правда, 1970, 6 мая.

Крепость капитулировала

Это произошло, когда почти весь Берлин был в наших руках. Оставалось лишь несколько очагов сопротивления немцев. Одним из них была цитадель Шпандау на западной окраине города.

Развивая наступление, соединения 47-й армии обошли цитадель и устремились дальше, к Бранденбургу. Оказавшись в нашем тылу, крепость продолжала господствовать над рекой Хафель и держала под орудийным обстрелом мост, по которому шли на запад наши войска, военная техника, машины с боеприпасами. Необходимо было как можно скорее взять цитадель. Но тут стало известно, что в ней находятся не только солдаты и офицеры, но и гражданское население — много стариков, женщин, детей. Штурм крепости неизбежно привел бы к кровопролитию. И советское командование приняло гуманное решение: склонить гарнизон к капитуляции.

Ранним утром 1 мая к крепости направились с белым флагом два парламентера: майор Василий Гришин и автор этих строк. Когда мы подошли к стенам цитадели, нас никто не окликнул. Лишь стволы автоматов глядели из бойниц и амбразур темными зрачками. Огромные крепостные ворота были забаррикадированы, и войти мы не могли. Сверху, с какого-то балкона, сбросили веревочную лестницу, и по ней спустились два офицера. Это были комендант цитадели полковник Юнг и его заместитель подполковник Кох. Мы передали им текст предложения о капитуляции.

Полковник ответил, что он лично принял бы условия, но большинство офицеров категорически отказывается сдаваться. А последний приказ Гитлера гласит: если комендант осажденной крепости или командир окруженного соединения самовольно капитулирует, тогда любой подчиненный офицер должен его расстрелять и возглавить оборону.

— Поэтому,— невесело резюмировал Юнг,— мое единоличное решение о капитуляции не принесло бы пользы ни вам, ни мне.

Неужели придется штурмовать крепость? Нет, этого не должно произойти. И мы пошли на крайность: решили поговорить с офицерами Шпандау. По веревочной лестнице поднялись на балкон и вошли в полутемное помещение, где собрались офицеры. Они мрачно и недоверчиво смотрели на нас. В такой обстановке начались последние переговоры. Гитлеровцы отказывались внять доводам разума. Тогда мы решительно заявили:

— Даем три часа на обдумывание. Если за это время вы не осознаете своего истинного долга перед будущей Германией и не примете капитуляцию, мы возьмем цитадель штурмом.

В наступившей гробовой тишине мы направились к балкону. По той же веревочной лестнице спустились и пошли к роще, где проходила наша передовая. Конечно, Гришин и я понимали, что в любое мгновение нас может скосить автоматная очередь, посланная вдогонку каким-нибудь озверевшим фанатиком. И, честно говоря, обоим хотелось ускорить шаг. Но мы нашли силу подавить это желание и ровным шагом прошли весь путь до рощи. Надо ли говорить, сколь долгим показался он нам.

Еще дольше тянулись три часа, данные гитлеровцам на размышление. Точно в назначенный срок пришли немецкие парламентеры. Они сообщили, что крепость капитулирует.

Когда мы стояли у разбаррикадированных ворот, к Гришину подошла молодая женщина с ребенком на руках. Глаза ее были полны слез, голос дрожал:

— Вы не побоялись подняться наверх и уговорили наших офицеров сдаться. Вы спасли жизнь нам и нашим детям. Спасибо вам!

В. Галл,
капитан запаса.
Правда, 1970, 2 мая.

«Расскажите всем»

«Наша десятка — это мощный кулак, который враг считает дивизией, и мы будем драться, как дивизия.

Нет силы в мире, которая победит нас, Советское государство, потому что мы сами хозяева, нами руководит партия коммунистов.

Вот посмотрите, кто мы.

Здесь, в 52-й школе:

1. Командир... Жидилов — русский.
2. Капитан, кавалерист — грузин Гобаладзе.
3. Танкист, рядовой Паукштите Василий — латыш.
4. Врач... капитан Мамедов — узбек.
5. Летчик, младший лейтенант Илита Даурова — осетинка.
6. Моряк Ибрагим Ибрагимов — казанский татарин.
7. Артиллерист Петруненко из Киева — украинец.
8. Сержант, пехотинец Богомолов из Ленинграда — русский.
9. Разведчик, водолаз Аркадий Журавлев из Владивостока.
10. Я, сын сапожника, ученик 4-го класса, Волков Валерий — русский.

Посмотрите, какой мощный кулак мы составляем и сколько фашистов нас бьют, а мы сколько их побили; посмотрите, что творилось вокруг этой школы вчера, сколько убитых лежит из них, а они, сволочи, думают, что нас здесь тысяча, и

идут против нас тысячами. Ха-ха, трусы, даже оставляют тяжелораненых и убегают.

Эх, как я хочу жить и рассказывать все это после победы. Всем, кто будет учиться в этой школе!

Дорогая десятка! Кто из вас останется жив, расскажите всем, кто в этой школе будет учиться; где бы вы ни были, приезжайте и расскажите все, что происходило здесь, в Севастополе. Я хочу стать птицей и облететь весь Севастополь, каждый дом, каждую школу, каждую улицу. Это такие мощные кулаки, их миллионы, нас никогда не победят сволочи Гитлер и другие. Нас миллионы, посмотрите! От Дальнего Востока до Риги, от Кавказа до Киева, от Севастополя до Ташкента, таких кулаков миллионы, и мы, как сталь, непобедимы!»[1]

Валерий «поэт» (Волк).
1942 г.

Прввда, 1963, 8 феараля.

[1] Эту небольшую газету-листовку за № 11 писал под грохот боя 13-летний мальчуган Ввлерий Волков, учеиик одиой из школ Севастополя, оказавшихся в райоие прикрытия героически сражавшихся зашитииков города-героя.

Выполняя поручения старших, Ввлерий ходил в разаедку, подтаскивал патроны, помогал раненым, стрелял из винтовки, когда гитлеровцы начинали очередиую психическую атаку.

В жестоких боях, не прекращавшихся ни дием ни ночью, гибли бесстрашные борцы. В жиаых осталось только десять... Четверо русских, один украииец, грузин, латыш, узбек, татарин и осетинка. Тогда-то и появился последний, одиннадцвтый выпуск саоеобразиой газеты — яркое свидетельство мужествв героической десятки советских патриотов.

Прошло миого лет, а подвиг защитников Сеаастополя долго был неизвестиым. Зиачительно позже оставшиеся а живых Иван Петруиенко и Илитв Двурова обнародовали эту последнюю газету-листовку. Оии же рассказали и о подвиге Валерия.

...Стояли жаркие июиьские дни 1942 годв. Наши части двигались к Иикермвиу, занимая новые рубежи на окраине города Группа бойцов, а рядах которых находился Валерий, держала оборону на шоссе, в самом узком месте. Вдруг на смельчаков двинулись танки. Валерий выскочил вперед и хотел метиуть связку гранвт. Но пуля ударила его в правое плечо. Леаой рукой ои перехватил связку. Еще раз повернулся навстречу танку и бросил гранаты под гусеиицы. Валерий не успел даже отбежать — грохиул взрыв, танк завертелся на узком месте, закрыв проход остальным. Еще секундв — и все три таика пылали: их звбросали бутылквми.

Начались поиски свсдеиий о погибшем Ввлерии Волкове. В них включились следопыты — школьники Москвы, Севастополя, Осетии, Татарии, Украины, Грузии. Только после этого была отыскаиа школа № 12 города Севастополя и многое выяснилось, в том числе о юном герое Валерии Волкове.

Уроженец Севастополя, он знал квждый его уголок. Когда иемецко-фвшистские захватчики подошли к городу, он стал разведчиком одиого из дислоцировввшихся здесь полков. После гибели отца — его убили фа-

Алеша

Мой фронтовой друг Алеша Слесарев был автоматчиком 1085-го стрелкового полка 322-й стрелковой дивизии, любимцем роты. Вражеская пуля настигла Алешу под Кочетовкой Воронежской области. Мы несколько раз писали об этом на его родину, в Козельск, но там семьи не оказалось. Сразу же после войны я обратился в Козельск к местным организациям — никакого результата. Годы летят, у меня уже внук подрастает — тоже Алеша. А я все ищу родных боевого товарища.

Я. Носков,
доцент.
Правда, 1975, 24 февраля.

О своем фронтовом друге отважном солдате Алеше Слесареве писал под рубрикой «Память» доцент Я. Носков. Можем уточнить: Алексей Никифорович Слесарев, автоматчик 1085-го полка 322-й стрелковой дивизии, погиб 24 января 1943 года. Его родных надо искать не в Козельске, а в селе Березичи Козельского района — там он родился и оттуда был призван в армию.

А. Петрова, В. Каньшина,
сотрудники архива Министерства обороны.
Правда, 1975, 24 марта.

Нас глубоко тронуло и взволновало письмо «Алеша», опубликованное в «Правде» 24 февраля. Алеша — мой брат. Здесь, в селе, живет и сестра. Огромное спасибо однополчанину за память об Алексее, за сообщение о месте его гибели.

Иван Слесарев [1].
Правда, 1975, 24 марта.

шисты в селе Чоргун, под Севастополем,— Валерий стал сыном полка. Любил стихи и часто читал бойцам строки Маяковского. С радостью принял предложение выпускать «Окопную правду». К сожалению, предыдущие десять номеров этой уникальной газеты не обнаружены.

28 декабря 1963 года за мужество и отвагу Родина посмертно наградила пионера орденом Отечественной войны I степени. Имя Валерия Волкова стоит рядом с именами пионеров-героев Володи Дубинина, Вити Коробкова, Вали Котика в Книге почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

[1] На родине погибшего солдата Алексея Слесарева побывали его однополчане. Яков Иванович Носков рассказал брату, сестре и другим родным отважного воина, как погиб Алеша Слесарев. На одном из участков БАМа создана библиотека имени солдата Алеши Слесарева, туда регулярно присылают книги молодые рабочие и комсомольцы города Златоуста — это их отклик на заметку «Алеша».

Сестра Зои

Летом 1942 года в районе Новых Санжар Полтавской области был высажен парашютный десант Красной Армии. Его обнаружили полицейские, и началась облава. В бою отличилась девушка-радистка: она убила полицая, ранила старосту, служившего гитлеровцам. Через три дня уже возле другого села — новая облава. Девушка была ранена и попала в плен. Ее мучили, пытали, но она не назвала ни численности десантников, ни цели высадки, ни имени командира.

Когда закованную в цепи неизвестную советскую патриотку гитлеровцы водили по Новым Санжарам, она с презрением плевала им в лица. Это была истинная сестра Зои Космодемьянской. Ее казнили в Кобеляках — соседнем райцентре.

Несмотря на долгие поиски, узнать имени героини нам до сих пор не удалось. Известно только, что она из Чернигова. Некоторые источники указывают, что десант прибыл из Воронежа. Запомнили ее такой: небольшого роста, непокорные пряди волос падали на лоб и характерным кивком головы она отбрасывала их назад. Лет ей было около двадцати. Кто знал, кто помнит эту девушку, повторившую подвиг Зои?

Н. Вялик.

Правда, 1975, 3 февраля.

Старожилы узнали

Опубликованная 3 февраля 1975 года в «Правде» заметка «Сестра Зои» вызвала много откликов. Из Москвы, Челябинска, Гомеля, Няндомы, Воронежа, Южно-Сахалинска, других мест мы получили письма об отважных девушках, повторивших подвиг Зои Космодемьянской. Из Харькова пишет Л. Е. Прощина. Летом 1942 года по дороге в Новые Санжары она проходила через село Кустолово. Из дома, где находились гитлеровцы и полицаи, доносились брань, крик. В окне она увидела девушку, лицо ее было в крови. Жители Кустолова рассказывали, что оккупанты поймали советскую парашютистку...

Бывший офицер штаба Воронежского фронта А. И. Башта прислал фотографию комсомолки Нинели Мартыненко, заброшенной с группой разведчиков в наш район и погибшей при выполнении задания. Старожилы Кустолова сразу узнали на снимке ту девушку. В Новые Санжары ее привезли изуродованной жестокими побоями и повели на казнь.

Л. Яценко.

Правда, 1975, 10 марта.

Ищем родных

Мы, пионеры Трубинской восьмилетней школы Ржевского района Калининской области, разыскиваем родных, близких, друзей воинов, захороненных в нашей деревне. А захоронены у нас погибшие в боях 1942 года: старший лейтенант Орлов Павел Лаврентьевич; рядовой Мишин Константин Игнатьевич, 1896 года рождения; старший сержант Карин Андрей Николаевич, 1915 года рождения. До сих пор никто из родных не приехал на могилу, наверное, не знают, где она. Поэтому мы решили написать это письмо, дать весть родным и близким погибших воинов.

Группа «Поиск» 6-го класса.
Правда, 1975, 6 января.

Отвечает «Поиск»

После публикации этого письма редакция «Правды» получила много откликов из разных областей и республик. Ребята из группы «Поиск» ответили на большинство писем. В Тамбовскую и Саратовскую области написали родным Андрея Карина и в Омскую область — Павла Орлова. Алексей Матвеевич Никулин из Барнаула спрашивал, где похоронен его отец, и следопыты послали ему фотографию братской могилы, где похоронен Матвей Никулин.

М. Осипов.
Правда, 1975, 20 января.

Подарок отца

Летчику Петрову было 19 лет. Он летал на самолете, подаренном Красной Армии отцом — Петровым Петром Логиновичем. Молодой Петров был одним из лучших летчиков 2-й гвардейской дивизии авиации дальнего действия. Долгое время его считали погибшим. Но теперь нашлись однополчане, которые говорят, будто он жив. Наш отряд разыскать его не сумел и просит помощи. В кинохронике военных лет есть кадр: Петров в кабине самолета.

Ученики 5-го класса «Б»
школы № 21.
Правда, 1975, 10 марта.

Тем, кто ищет

Отвечаю: подарок отца — самолет «Ил-4» — действительно был мною, Владимиром Петровым, получен на фронте, и на этой машине мы успешно громили врага. После войны я работал в Ленском речном пароходстве капитаном-механиком теплохода. Сейчас живу с семьей в селе Бичуре, работаю в леспромхозе.

Дорогая редакция! Передайте от меня рязанским пионерам большое спасибо.

В. Петров.

Правда, 1975, 17 марта.

Без вести!

Много лет разыскиваю место гибели мужа Ивана Логвиновича Лиенко. Он 1898 года рождения, член КПСС с 1924 года, на фронт пошел по партийному призыву. В ноябре 1941 года их часть направили в Кантемировку, потом к Ленинграду. Служил в артдивизионе 25-й отдельной стрелковой бригады. Это я знаю из справки, которую подписали начальник штаба старший лейтенант Яковенко и техник-интендант 2-го ранга Боярский. С июня 1942 года никаких вестей от мужа не получала, а в 1943 году пришло извещение о том, что он пропал без вести. В архиве нет документов 25-й бригады за 1941—1943 годы, нет личного дела мужа. Вся надежда на его однополчан.

К. Лиенко.

Правда, 1975, 13 января.

Сообщите вдове

Уважаемая «Правда». Сообщите, пожалуйста, вдове о том, что я знал ее мужа: мы были однополчане. Из Кантемировки нас направили на Волховский фронт, участвовали в боях между Чудовом и Новгородом. В одном из боев бригада понесла большие потери. Именно тогда погиб Иван Лиенко. Его хорошо помнят живущие в Харькове однополчане Б. Боярский, А. Колотов. Они утверждают, что Лиенко похоронен в июле 1942 года у деревни Мясной Бор Тосненского района Ленинградской области.

В. Кондрацкий.

Правда, 1975, 17 февраля.

Просьба дочери

Пожалуйста, отзовитесь, кто помнит капитана Эрастова Георгия Михайловича. В 1941 году он служил в разведотделе штаба 4-го стрелкового корпуса. Судьбой Эрастова интересуется дочь.

А. Ерохина.
Правда, 1975, 13 января.

Он погиб как герой

Я был связным Георгия Михайловича Эрастова и оставался со своим командиром до последней минуты. В конце апреля — начале мая 1942 года он командовал разведывательным лыжным батальоном на Волховском фронте. Близ деревни Зеленцы наш батальон ворвался в расположение противника, захватил плацдарм. Враг бросил против разведчиков большие силы. Трое суток мы стойко дрались, гитлеровцы понесли тогда тяжелые потери. Сходились врукопашную, били врага штыком, гранатами. В этом бою капитан Эрастов и погиб как герой.

Е. Чуркин.

Эрастова роща

Хочу сообщить дочери капитана Эрастова: вы можете гордиться своим отцом — человеком большой храбрости и большой души. Его лыжный батальон дрался в очень трудных условиях. На помощь ему было послано два взвода из 577-го отдельного саперного батальона. Одним командовал лейтенант Басов, другим — я. Меня эвакуировали после ранения 2 мая 1942 года, но потом я узнал, что Эрастов со своими бесстрашными разведчиками продолжал бой до 4 или 5 мая. Рощу, в которой он погиб и где был похоронен, называли в 288-й стрелковой дивизии Эрастовой рощей, даже в штабных документах так писали.

И. Квитка.
Правда, 1975, 10 февраля.

Живу надеждой

Живу надеждой найти могилу своего мужа Федора Федоровича Манькова. Он был старшим лейтенантом, служил в 364-м артполку. В октябре — ноябре 1941 года эта часть сражалась под Москвой, одно время стояла в районе Подольск —

Щербинка. Куда бы я ни писала, отовсюду отвечают, что никаких сведений о моем муже нет. Понимаю: очень трудно отыскать данные об одном человеке, они могли затеряться, пропасть. Но ведь еще живы люди. И они, конечно, могли бы рассказать об офицерах и солдатах 364-го артиллерийского полка, а значит, и о судьбе моего мужа. Очень прошу их откликнуться.

О. Соколова.

Правда, 1975, 6 января.

В боях под Вязьмой

Старший лейтенант Федор Федорович Маньков в конце 1941 года служил в 364-м артполку. Там же проходил службу мой отчим К. Красов. Вместе с другими частями 33-й армии полк участвовал в разгроме врага под Москвой, в освобождении Наро-Фоминска, Вереи, Боровска. В начале 1942 года в боях под Вязьмой, на реке Угре, полк понес тяжелые потери. Именно там, свидетельствует отчим, погиб смертью храбрых старший лейтенант Федор Федорович Маньков. Некоторые подробности отчим может рассказать семье погибшего.

В. Боровик.

Правда, 1975, 13 января.

Четыре брата

Мой отец — лейтенант Лагода Иван Федорович — был до войны трактористом. В 1936 году в бою с японскими агрессорами погиб его старший брат Семен Лагода. Тогда добровольно ушли на далекую заставу два брата — Иван и Дмитрий. Перед войной они, а также их младший брат Сергей окончили Саратовское бронетанковое училище. Как сложилась военная судьба братьев-танкистов, мы не знаем. Известно лишь одно: все четыре сына Федора Абросимовича Лагоды отдали жизни в борьбе за Родину.

Мать получила «похоронку». Не раз пытались мы разыскать дорогой могильный холмик. Промелькнуло однажды в газетах сообщение о мужестве танкового экипажа капитана Ивана Федоровича Лагоды в боях на Курской дуге. Может, жив кто-то из его экипажа, из взвода, которым он командовал, из 45-го танкового полка.

А. Лагода.

Правда, 1975, 17 февраля.

Ответ дочери героя

Спешу откликнуться на письмо дочери Ивана Лагоды. Командир танковой роты 45-го гвардейского танкового полка гвардии капитан Иван Лагода погиб в 1944 году в бою за освобождение Советской Латвии, близ города Елгава. Я был командиром взвода в его роте, и во время этого боя Иван Лагода находился в моем танке. Мы его похоронили под высокой липой в трех или четырех километрах от Елгавы. Помню это место.

М. Понькин,
капитан запаса.
Правда, 1975, 10 марта.

О моих братьях

Не только нашу семью — всех жителей поселка глубоко взволновала заметка «Четыре брата». Люди прибегали со всех концов, чтобы поздравить: «Наконец-то отыскались ваши родные». Не все четыре брата погибли — один выжил. Это я — Сергей Лагода, инвалид Великой Отечественной войны, родной брат Семена, Дмитрия и Ивана Лагоды, отца Алевтины Ивановны, написавшей в «Правду». Почти 35 лет как мы разлучены, и лишь теперь благодаря газете наши семьи нашли друг друга.

Сергей Лагода.
Правда, 1975, 10 марта.

Записка из фляги

У села Войково Барышевского района Киевской области тракторный плуг вырыл солдатскую флягу с надписью «Ларанский Петр». В ней патрон с запиской: «Просьба передать жене Ларанского П.». И еще клочок бумаги, на котором сохранилось написанное карандашом: «Нас было 5. С нами один малый партизан 14 лет. Завтра мы погибнем. Матрос (подпись неразборчива)»... На обратной стороне нарисованы две красноармейские звездочки и написано: «Круглов, Ларанский П.», дальше: «Черниговская обл.: ...25 с. Дощовой. Ординову Алексею. Мы победим!» Справа поперек листка: «Смерть гадам!»

Старожилы рассказывают, что здесь шли тяжелые бои. Наших раненых воинов, сражавшихся до последнего патрона, фашисты схватили, заперли в сарай, а потом расстреляли.

Фляга обнаружена примерно в том месте, где когда-то стоял сарай. А за селом пастух нашел медальон Твердохлебова Ивана Прокофьевича, уроженца Тбилиси. Там — адрес жены, проживавшей тогда в Башкирии. Мы туда написали, но нам ответили, что жена Ивана Прокофьевича с сыном Анатолием уехали.

Красные следопыты.
Правда, 1975, 10 февраля.

Рассказывают следопыты

Сообщаю, что красные следопыты нашей школы получили 19 откликов на заметку «Записка из фляги». Выяснилось, что капитан Иван Прокофьевич Твердохлебов был командиром батальона 64-го полка войск НКВД. Его сын подполковник Анатолий Иванович Твердохлебов прислал нам письмо из Сибири. В записке, сохранившейся во фляге, указана фамилия Круглова. Теперь стали известны его имя и отчество: Богдан Тимофеевич. Из Кривого Рога написала его жена Мария Климентьевна. Тщательная проверка показала, что тут нет никакой ошибки.

Записку оставили бойцы, попавшие в окружение и отходившие из Голосеевского леса. «Было нас 16,— пишет из Куйбышева Ф. Ефремов,— и мы дрались трое суток. Со мной были два матроса, красноармейцы Дмитров, Егорович, Баблов, Кузнецов, Ардинов Алексей Васильевич, пулеметчик Баранов и другие. Меня в этом бою тяжело ранило, но все же потом удалось выйти к своим. Войну я закончил в Болгарии».

Н. Мазурик.
Правда, 1975, 17 марта.

Кто знал Квициниа!

Много лет разыскиваю место гибели моего отца Квициниа Леварсы Бидовича. Он ушел в ряды Красной Армии в 1939 году, а до этого был председателем правления Союза писателей Абхазии. В сорок первом служил на границе — возле города Белостока, в деревне Цехановец, в кавалерийском подразделении или в кавполку. Документы находившихся там частей не сохранились, а мы лишь в сорок пятом получили короткое извещение: «Пропал без вести».

Есть в нашем городе улица имени моего отца. Школа, где он учился, носит его имя. В Москве и Ленинграде вышли книги, где напечатаны его стихи. Горячо прошу однополчан отозваться, рассказать об отце[1].

Д. Квициниа.
Правда, 1975, 3 марта.

Родинка

Фотография, которую я посылаю, сделана в 1941 году, когда я был ребенком. Своей настоящей фамилии не знаю, имени тоже[2]. Отец был командиром Красной Армии, кажется, пограничником. На воротнике его гимнастерки имелось несколько «кубиков». Помню, что жили мы в Гродно. Началась война, семьи военнослужащих эвакуировали. Мы с мамой ехали на автомашине, потом шли пешком, потом нас догнали гитлеровцы. Один из мотоциклистов на моих глазах застрелил маму. Я просидел возле нее всю ночь, утром меня увезли в приют. В маминой сумке документов не нашлось, а было несколько фотографий. Одна польская семья взяла меня к себе, и я стал Николаем Муравским...

Теперь я член ПОРП. Работаю на шахте. Женат. Товарищи ко мне относятся замечательно. Но каждый поймет, почему я много лет продолжаю искать родных, особенно отца. Польские друзья помогают мне в поисках.

Пусть я своей фамилии не знаю, но над левой бровью у меня большая родинка, и отец, конечно, ее помнит.

Н. Муравский.
Правда, 1975, 24 февраля.

Из ответов Н. Муравскому

Моя семья никогда не жила в Гродно, и у брата не было родинки на лбу. Но мы дети войны, и судьбы наши похожи. Отец ушел на фронт, маму и брата расстреляли гитлеровцы. Пусть Николай Муравский, ровесник моего брата, считает, что в Омске живет его сестра.

Лидия Ивлева.

[1] Однополчане Л. Б. Квициниа, его друзья сообщили о судьбе отважного воина. Вместе со своими товарищами он геройски сражался близ линии государственной границы и погиб в бою.

[2] «Возможно, что моя фамилия Кузьмин, что маму звали Зинаидой Петровной,— дополнял в приписке Н. Муравский.— Это выяснилось несколько лет назад в Гродно, где я искал родных». Далее рассказывается, почему возникло это предположение, как оно отпало, как Муравский нашел свою подлинную фамилию, родных, узнал о судьбе отца.

Николай Муравский — сын моей Родины, и перед ним открыты наши сердца, широко распахнуты двери нашего дома. А семье из братской Польши, воспитавшей советского паренька, передайте, пожалуйста, огромное отцовское спасибо.

Я. Брагинский.

Мы твои ровесницы, Коля! Мы тоже до войны жили в Гродно. Мы очень-очень хотим, чтобы ты нашел родственников. А если не найдешь, считай нас и нашу маму своими родными.

Донара и Анжела Агаян.

Смотри, как жизнь прекрасна всюду —
И в Польше, и в родной России, Николай!
Ты приезжай к нам. Ждать я буду.
С семьею вместе поскорее приезжай!
Нас четыре брата — пятым пусть будет он.

Василий Жуков.

Как шел поиск

В «Правде» была опубликована фотография мальчика с родинкой, присланная Н. Муравским. Письма, письма, письма. Их авторы сообщали подробности, уточняли приметы. Позвонили из Новосибирска: «Я знал его отца, мы были в одном партизанском отряде». Позвонили из Киева: «Это мой двоюродный брат — выезжаю в редакцию с документами».

Читательская почта перечислила четырнадцать разных фамилий, каждая из которых предположительно принадлежала отцу Н. Муравского.

И вот однажды в редакции раздался звонок: говорил инженер-испытатель Олег Николаевич Кузьмин. Извинился, что раньше не позвонил — был в командировке. Он сказал: «Это моя детская фотография напечатана в газете, могу показать в нашем семейном альбоме такую же». Его судьба удивительно совпадала с судьбой Н. Муравского. Из Гродно трехлетнего Олега под фашистскими пулями вывозила мать Зинаида Петровна. Она теперь живет и работает в Москве. Выясняем, что фотографию Н. Муравский получил от Бориса Бибилло, живущего в Белостоке. Когда тот прочел письмо Муравского в «Правде», то решил, что это его племянник, Олег Кузьмин, у которого тоже такая же родинка. А племянника и его мать, свою сестру, Б. Бибилло тоже не мог долго найти. Вот он и принял Н. Муравского за своего племянника Олега Кузьмина и сообщил ему об этом, послав фотографию Олега. Именно по-

этому Н. Муравский и писал в конце своего письма, что, возможно, он Олег Кузьмин. Когда же нашелся настоящий Олег Кузьмин, это предположение отпало. Но зато Б. Бибилло нашел наконец своих родственников.

Поиск продолжался. Елизавета Федоровна Мерзликина из Барнаула узнала на опубликованной фотографии своего племянника Колю Владимирова и обещала выслать в редакцию другие его фотографии. Ей телеграфировали: «Высылайте немедленно». Она прислала два снимка. С пожелтевшей, местами надорванной любительской фотокарточки 35-летней давности глядел мальчонка в коротких штанах на резинке и светлой рубашке без воротничка. На другом снимке — тот же ребенок без картуза, в свитере. В письме сообщалось, что отец Коли офицер-политработник Владимиров встретил войну в Гродно. Его жена и сын исчезли бесследно, а сам политрук пропал без вести. Родом он с Алтая. Там много его родственников, и они не сомневаются, что Николай Муравский — это Николай Владимиров.

Редакция попросила Н. Муравского прислать свой портрет и обратилась за экспертизой к специалистам. Ее проводили доктор юридических наук В. Снетков и кандидат юридических наук А. Зинин. При сопоставлении снимков Коли Владимирова и фотографии Николая Муравского установлено свыше двадцати совпадающих признаков. Они, как писали специалисты, «в своей совокупности индивидуальны и исключают возможность случайного совпадения сравниваемых лиц». Каждый пункт обстоятельной «Справки по исследованию» подкреплен вескими аргументами, доказательствами. И в заключение: «Вывод. На фотопортрете Муравского Николая и детских фотопортретах Владимирова Николая изображено одно и то же лицо».

Итак, долгие поиски закончены. Теперь Н. Муравский узнал, что его отец Николай Федорович Владимиров до войны окончил в Новосибирске военное училище, служил в Вязьме, потом в Гродно, к началу войны был политруком роты. Мать звали Дарьей Ивановной. Она с Алтая, где и сейчас живут ее сестры и брат. В Барнауле живут сестры отца — Александра Федоровна и Елизавета Федоровна. Многочисленные родственники с нетерпением ждали встречи с Николаем [1].

Д. Новоплянский.

Правда, 1975, 15 мая.

[1] Николай Муравский и его жена Ирина Муравская с сыном Романом переехали на постоянное жительство в Советский Союз.

Кто отец Дины?

Это было в первых числах марта 1943 года. У Харькова продолжались тяжелые бои. Полуразрушенное здание больницы города Богодухова было переполнено ранеными. Преобладали среди них бойцы и офицеры частей 69-й армии. Помню тяжелораненого старшего лейтенанта в морской форме, кажется, из Анапы. Он скончался от ран. Документов при нем не было, а в записной книжке я прочитала: «Сегодня Диночке исполнилось 5 лет. Эта замечательная дата осталась ничем не отмеченной...» Может, Дина и ее мать не знают, где похоронен отец и муж, должна сообщить: мы похоронили его в братской могиле в городском саду Богодухова. Затем ночью эвакуировали тяжелораненых, а легкораненые уходили с временно отступавшими частями.

К. Пусан.

Правда, 1975, 27 января.

И снова поиск

Уважаемая редакция, вам пишет Осипова Дина Ивановна, дочь старшего лейтенанта Ивана Лухина. Прочитав в газете, как он скончался от ран, не могу найти себе места — меня поймет каждый, потерявший на войне самого близкого человека. Он действительно с Кубани, хотя не из самой Анапы. Знаю, он был разведчиком, ходил на трудные задания. Воевал у Старой Руссы, но ведь мог оказаться и под Харьковом — на войне всякое бывало. Уж сколько лет ищу ниточку, которая приведет к могиле отца. Сотни раз перечитала его запись про Дину и сердцем чувствую — это мой отец...

Дина Осипова.

Мой муж, старший лейтенант Южаков Николай Артемьевич, считается пропавшим без вести. Мы с дочерью Диной до сих пор не знали, где и как он погиб. Дина 1938 года рождения, ей в сорок третьем году как раз исполнилось пять лет. Хочу поскорее увидеть записную книжку — почерк мужа узнаю моментально.

Е. Я. Савельева.

Мой отец — моряк Черноморского флота погиб в сорок третьем году. Я храню около шестидесяти его фронтовых писем, и нет ничего дороже этого наследства. В одном письме с фронта он писал: «Через 20 дней Дине исполнится 5 лет». В другом его письме: «Диночке исполняется 5 лет, а я не могу ей сде-

лать никакого подарка». В третьем письме: «...ведь Дине уже 5 лет». Это именно его слова, это мой отец, я сразу узнала.

Д. В. Лебедева.

Поиски увенчались успехом. На обелиске в Анапе среди имен земляков, ушедших защищать Родину, значится фамилия М. Ф. Бунина, у него есть дочь, которой в марте 1943 года исполнилось пять лет. Она показала его фото бывшей медсестре, работавшей в больнице Богодухова. Она подтвердила сходство.

Правда, 1975, 3 мая.

Был ранен в Дебрецене...

Осенью 1944 года, будучи офицером связи 484-го полка 24-й артбригады, я получил задание ехать в Дебрецен — это в Венгрии. Город еще был охвачен огнем. В километре от него стоял окруженный садами домик, похожий на сторожку. Мы решили оставить здесь автомашину, а дальше — пешком. Когда заглушили мотор, услыхали слабый голос: «Шофер! Шофер!» Кто-то из домика звал на помощь. На полу мы увидели раненого бойца, укрытого шинелью. Голова, рука и нога были перевязаны. Мы узнали, что он из авиадесантной дивизии. Медсестра перевязала раны, побежала искать транспорт. Но тут наши вынуждены были отступить. В домик заходили немцы и, вероятно, приняли его за убитого. Так пролежал он в этом домике без пищи и без воды шесть дней. Состояние его было крайне тяжелое. С трудом уложили его в машину. Когда медсестры клали раненого на носилки, он, собрав силы, сказал: «Я — Лузан! Лузан моя фамилия».

На этом мы расстались. Часто вспоминаю этот случай и всегда с надеждой, что выжил фронтовик Лузан. Должен был выжить.

П. Мигушов.

Правда, 1975, 24 марта.

Кто он — Лузан!

Мой отец Павел Афанасьевич Лузан, младший сержант, действительно осенью 1944 года воевал в Венгрии, где был тяжело ранен, подробностей мы до сих пор не знали. Он выжил, приезжал домой, но я его не видел, потому что уже служил в армии. Вскоре отец вернулся на фронт. Он погиб в Берлине 27 апреля 1945 года.

И. Лузан.

Правда, 1975, 14 апреля.

Не вкралась ли ошибка!

Думаю, что здесь вкралась ошибка: настоящая фамилия этого человека — Лузин. Он был прекрасным парнем. Мы оба 1926 года рождения, вместе пришли в конце сорок третьего в запасной полк, но Александр Лузин сумел попасть в Сормовскую школу десантников.

Г. Иванов.

Наш Александр рождения 1923 года, учился в Мариупольской авиадесантной школе, был инструктором в Ессентуках. Потом — фронт. В 1943-м пришла похоронка из в/ч 159: авиадесантник Лузан погиб в боях за освобождение Кубани. Мы не знали, что он дошел до Венгрии...

С. Лузан.

Я был бойцом 3-й воздушно-десантной дивизии, и все, что рассказано в заметке, очень похоже на пережитое мною. Был в конце сентября тяжело ранен, долго лежал без сознания в каком-то домике. Очнулся в госпитале, где мне ампутировали левую руку. После войны я окончил Киевский университет, работаю учителем географии...

И. М. Лузан.

Я, учительница Богдановской средней школы Кировоградской области,— жена фронтовика Григория Дорофеевича Лузана, служившего в авиадесантных войсках. В одном бою он был ранен разрывной пулей навылет, и осколок остался под сердцем, а в другом, возле Дебрецена, был ранен вторично — в голову, правую руку и левую ногу. О боях за Дебрецен он много рассказывал своим детям и в школе, на пионерских сборах. После тяжелого ранения и всего пережитого в той сторожке он пролежал в госпитале более полугода. Поправился, стал работать. В 1957 году окончил медицинский институт и 17 лет был в нашем Знаменском районе главврачом участковой больницы. Скончался он в сентябре 1974 года не от старости — ему было всего 50,— доконал его осколок, сидевший под сердцем.

Лузан.

Помогите найти

Больше тридцати лет разыскиваю своих братьев, не вернувшихся с войны. Старший — Халлы Ходжакулиев был призван в армию из аула Зау еще перед войной. Накануне войны он

прислал письмо из Литовской ССР с обратным адресом: «Местечко Варняй, п/я 334, кв. 4». И больше — никаких вестей. Что происходило в районе Варняй, какова судьба моего брата и его товарищей — на эти вопросы никто нам не ответил до сих пор.

Младший брат Бегчер Ходжакулиев был призван в 1942 году и последнее письмо отправил нам 16 октября 1943 года с обратным адресом: «Полевая почта № 07790-Н».

Х. Чарыева.
Правда, 1975, 20 января.

Заканчивался сентябрь сорок первого года. В лесу, километрах в четырех юго-западнее села Дубовичи, расположились советские бойцы, вышедшие из окружения. Гитлеровцы обнаружили их, оцепили лес, и разгорелся бой, в котором враг имел явный перевес. Местные жители запомнили, как из охваченного огнем и дымом леса вырвалась к селу тачанка. Тройкой лошадей правил военный с двумя ромбами в петлицах. Тачанка поливала гитлеровцев пулеметным огнем, но на окраине села ее ждала засада. Был убит командир — здешние колхозники называют его генералом. Говорят, что и пулеметчики погибли...

Житель села Дубовичи П. И. Петренко рассказал мне, что генерала похоронили в поле, метрах в двухстах от места гибели.

Только что снова был в Дубовичах (сейчас они не нашего, Глуховского, а Кролевецкого района), видел безымянную могилу. Фамилия погибшего до сих пор неизвестна. Но ведь живы и другие участники боя возле села Дубовичи и, наверное, помнят смельчаков.

В. Высоцкий.
Правда, 1975, 24 февраля.

Однажды ночью на окраине нашего села Ольховчик, занятого оккупантами, приземлился советский самолет. Это была вынужденная посадка. Самолет замаскировали в лесу, за околицей. В самолете было человек двенадцать. Известно, что находились там раненые, один летчик — тяжело. Продуктами снабжал прилетевших советский офицер, которого звали Николаем Николаевичем. Он свободно говорил по-немецки, когда надо было, одевался в фашистскую форму, и оккупанты принимали его за своего.

Гитлеровцы схватили смельчака. На казнь согнали всех жителей села. Николай Николаевич не выдал летчиков.

В декабре 1942 года советские войска освободили село, заправили самолет бензином, и он взлетел. Кем были эти летчики, кто с ними находился в самолете, кто такой Николай Николаевич — ничего этого мы узнать не смогли. Может быть, кто-нибудь поможет раскрыть эту страничку истории.

Клуб красных следопытов
Ольховчанской средней школы.
Правда, 1975, 3 марта.

В конце ноября 1942 года, после освобождения Калача, мы двинулись с боями к Сталинграду, сжимая кольцо окружения вокруг вражеских дивизий. В бою у села Илларионовское загорелся один наш танк. Оттуда выскочил танкист весь в пламени и закричал: «Спасите полковника!» Я бросился к горящей машине. Броня была горячей. Сквозь дым увидел в открытом люке руки и голову раненого. Было мне тогда 19 лет, но сил хватало — я ведь шахтер. Вытащил его, и мы вместе свалились на землю.

Полковник был ранен в ноги. Санитары уложили его на лыжи. Прощаясь, он подарил мне свой пистолет и по-отцовски расцеловал. Наша 293-я стрелковая дивизия (вскоре она стала 66-й гвардейской) продолжала наступление. Не встречал я больше полковника, но до сих пор надеюсь встретить.

М. Абдулин.
Правда, 1975, 3 марта.

Жестокие бои шли в начале 1943 года у Новомосковска Днепропетровской области. Однажды ночью (кажется, 20 февраля) я обнаружила метрах в пятидесяти от нашего дома (а жили мы в селе Всесвятском, на самой окраине) тяжелораненого. Это был наш офицер-танкист. Позвала родных, соседей, и мы внесли его в хату. Парень был без сознания, лицо обгорело. У нас стояли фашисты. Но мы прятали его пять дней, лечили как могли. Моя тетя, Зинаида Педан, делала перевязки, примочки. Увы, это не помогло.

Пришлось везти его в больницу за восемь километров, под видом родственника. Ежедневно мы ходили туда с передачами, пока раненый не выздоровел. А затем он ушел к линии фронта, не решившись взять с собой документов. У нас осталось удостоверение, выданное 2-м Саратовским танковым училищем, и расчетная книжка на имя лейтенанта В. А. Горвань. Очень хотим знать, как сложилась его судьба.

А. Кочет.
Правда, 1975, 17 марта.

Было нас два брата в партизанском отряде. Егора тяжело ранило, и в декабре 1942 года его отправили из Брянского леса самолетом через фронт. Вместе с ним полетела племянница — трехлетняя Зина Уколова-Горбачева. Самолет приземлился в Орловской области, брата увезли в госпиталь, а девочка попала в Елецкий детприемник УВД. Мы не раз получали подтверждения: да, Зина прибыла в Елец, жила в приемнике, уехала санитарным поездом. Куда? Говорят, может, в Ярославль, может, в другое место — никто точно не знает. Ее сумели спасти во время трудных боев, сумели через фронт переправить в безопасное место, а теперь найти не можем. Из всех ран, полученных на войне, эта, поверьте, самая тяжелая, все 32 года не дает семье покоя. Обращаемся с горячей просьбой: помогите найти нашу Зину.

Ф. Уколов.

Правда, 1975, 24 марта.

На фотографии рейхстага, опубликованной в «Огоньке», я увидел автограф. Там лаконичная надпись: «Мы с Тулы» — и под ней крупно: «Антохин, Кузин». Живо вспомнилось, как в мае сорок пятого мы начертали на стене рейхстага свои фамилии. И очень захотелось узнать, как сложилась судьба капитана Сергея Антохина, бывшего командира роты 146-го отдельного батальона.

А. Кузин.

Правда, 1975, 14 апреля.

Имена на мраморе

В парке села Ровеньки стоит памятник погибшим воинам-героям. У его подножия — мраморные плиты, на которых высечено около трехсот фамилий тех, кто в грозные годы, сражаясь с врагом, погиб в боях за свободу и независимость Родины.

Все это мои земляки, многих из которых хорошо знал.

А с Иваном Плякиным даже работал в одной тракторной бригаде. Имя боевого командира роты Героя Советского Союза И. А. Плякина высечено на мраморной плите первым. За ним незнакомые фамилии тех, кто с оружием в руках погиб в лесу Великом и на хуторе Романцы. Это — старший лейтенант П. Д. Гущин, ефрейтор А. И. Зубанов, рядовые В. И. Гриднев, Р. Каюмов, Н. И. Трегубов, А. Шиганов... Вспоминаются тревожные события тех далеких дней.

...Шел 1942 год. Маленький хуторок Романцы, окруженный лесами и оврагами, жил напряженной жизнью. Уже совсем близко гремели бои, от разрывов бомб и снарядов стонала земля. К зиме мы оказались в самом центре ожесточенных боев.

Под вечер, утопая в глубоком снегу, из Ровенек в Романцы двигался гужевой обоз с пушками, другой военной техникой. Вслед за ним шли лыжники и небольшая группа кавалеристов. После утомительного похода воины разместились в теплых хатах колхозников. Усталые, прозябшие бойцы уснули крепким сном. Лишь часовые дежурили у орудий.

Но не пришлось солдатам поспать до утра. На рассвете из-за леса появился фашистский самолет-разведчик. А через полчаса наш хутор подвергся жестокой бомбежке. И тогда, чтобы отвлечь внимание противника, сохранить свои силы и спасти от смерти мирных жителей, командир приказал: 25 кавалерийских лошадей в сопровождении 18 бойцов отправить в лес Великий. Пробирались они туда по крутой, занесенной снегом балке. Фашисты заметили наших бойцов и обрушили на них всю тяжесть бомбового удара. Кавалеристам огнем из пулеметов, винтовок удалось подбить вражеский бомбардировщик. Но силы были неравны... Все, кто ушел в лес, не вернулись назад. Под покровом ночи мы подобрали погибших, доставили их на хутор и похоронили в братской могиле...

Давно уже жители хутора Романцы переселились в райцентр, в светлые, просторные дома. В Ровеньки перенесены и останки погибших бойцов. Тогда я ездил за ними в лес Великий в качестве проводника, участвовал в похоронах. Мы не знали ни одного из погибших по фамилии. И вот спустя много лет, побывав на родине, прочитал на мраморе дорогие сердцу имена — русские и украинские, казахские и татарские...

П. Татаренко.
Правда, 1977, 29 марта.

Тайна старой гильзы

«Из батальона осталось три человека. Но уже два. Сашок ранен. Сам я из деревни Заврутки. Мы держим оборону за рекой Березина. Реку перешли, а... фашисты. Помер мой друг Александр Бручкин. Я остался один, осталось шес... гранат.

Но танки лезут. Перебил... ногу. Скоро не... меня. Товарищи, отомстите за нас. Мы не отступили. Сражались до последней капли крови» [1].

Правда, 1978, 9 марта.

Солдатский медальон

Фронтовое извещение о гибели в бою. Скольким обжигало оно руки, неизлечимо ранило сердца. Были в военные годы и такие горькие сообщения: пропал без вести. Куда пропал? Как?.. Не мог согласиться Анатолий Бувалин с тем, что его отец Михаил Григорьевич «пропал» без следа. И сын искал долго, упорно.

Еще мальчиком Толя написал в «Пионерскую правду», чтобы получить адреса военных архивов. Он узнал затем, что отец воевал в составе 301-й стрелковой дивизии, ему сообщили фамилии командиров. Но их в живых не оказалось. Маршал Г. К. Жуков в своих мемуарах упоминал 1050-й стрелковый полк, в котором как раз служил М. Г. Бувалин. Но речь шла о боях за Берлин, а отец погиб в сорок первом. В очерке «Размышления на пути к Берлину», опубликованном в журнале «Знамя», снова был назван 1050-й полк. Автор публикации Александр Кривицкий откликнулся и сообщил адреса, которые привели к командиру батальона.

Через годы поиска новое письмо: «Анатолий Михайлович, я хорошо знал твоего отца, дружил с ним,— писал бывший комбат Иван Макарович Грищенко.— Был он уравновешен, подтянут. Форму носил аккуратно, даже лихо... Последний раз видел его на совещании у командира полка 18 или 19 сентября 1941 года».

[1] Эту записку учитель И. Романовский принес в «Правду». Он рассказал: ученицы 130-й минской школы Инна Лазарева и Жанна Нерон, будучи с классом в походе, в двадцати километрах от поселка Березино среди мха наткнулась на гильзу патрона от противотанкового ружья, пролежавшую тут более тридцати лет. В ней и обнаружили полуистлевшую записку, на которой почти ничего нельзя было прочесть. С помощью специалистов удалось восстановить почти весь текст.

Четко написано имя — Александр Бручкин. Вместе со своими товарищами он погиб, сражаясь с врагом в Березинском районе Минской области.

К сожалению, на публикацию в «Правде» никто из людей, знавших Александра Бручкина или слышавших еще что-нибудь об этом бое, не откликнулся. Может быть, просто не попал им на глаза номер газеты?

Ведь должен же кто-нибудь помнить имя этого человека. А вдруг погибли не все?..

А теперь — о находке юных следопытов на берегу Днепра. Подмытая волнами Каневского моря, обрушилась часть берега — там, где осенью 1941 года на высоте 101 вела смертный бой горстка наших бойцов. На этом месте ученики Бобрицкой школы механизации обнаружили останки воина и его медальон. Рядом нашли пулемет, полностью израсходованные диски, алюминиевую кружку, патронташ, простреленную каску. Среди жителей села Бобрица оказались очевидцы неравного поединка. Все наши воины погибли. Последним умолк пулемет командира. После боя крестьяне тайком похоронили лейтенанта.

Находка попала в Канев, к Михаилу Ефремовичу Ищенко. Во всей округе его знают как энтузиаста поисков неизвестных героев. На истлевшем вкладыше медальона Ищенко сумел разобрать, что принадлежал он Михаилу Григорьевичу, 1911 года рождения. В фамилии удалось прочитать только первую букву: «Б». Значилось тут место призыва: Груньский военкомат Сумской области. Запрос в село Грунь результатов не дал. Архивы не сохранились.

Сообщение о поиске в местной газете прочитала жительница Ахтырки Г. Н. Панченко. Галина Николаевна вспомнила товарища мужа по 68-му Ахтырскому полку М. Г. Бувалина и принялась разыскивать его семью. Она нашла Бувалиных в Курске, куда те переехали после войны.

Два раза вкладыш медальона посылали на экспертизу. В первый раз было сделано неожиданное заключение: фамилия указана — Бувакин. Во второй раз по просьбе Анатолия Михайловича сличили почерк на вкладыше с сохранившимися автографами отца. И тут — полное совпадение.

Теперь Анатолий Бувалин с М. Е. Ищенко ищут героев 1050-го и 1054-го стрелковых полков, которые стояли насмерть на берегу Днепра, в районе высоты 101.

Н. Мотренко.

Правда, 1979, 16 ноября.

* * *

Вот и прочитана последняя страница книги, про которую можно сказать, что ее писали сами герои, их боевые друзья.

Правдивые, зачастую горькие строки писем о войне напомнили тем, кто ее пережил, боевых друзей. Письма заставили о многом задуматься и молодых людей, не знавших войны. Свидетельство тому — многочисленные отклики, присланные в редакцию «Правды» после публикации этих писем. С их помощью удалось найти следы отдельных героев. Бывшие воины

различных частей и соединений узнали судьбу своих однополчан, завязали переписку, встретились. Некоторые семьи получили фронтовые фотографии не вернувшихся с войны отцов, мужей, встретились с их товарищами. Многие нашли родных, отыскали могилы погибших. Отклики на письма показывают, как сердечны и отзывчивы друг к другу наши люди, как горячо и искренне заинтересованы они в коллективном поиске.

Не торопись, товарищ, ставить книгу на полку. Дай прочитать ее сыну, дочери, внуку, другу, соседу. Пусть в память каждого из них крепко западет то, что перенесли на своих плечах люди старшего поколения. Пусть души их охватит святой трепет перед величием подвига павших и живых солдат минувшей войны. Если этот трепет навсегда сохранится в людских сердцах, то можно не сомневаться: своей жизнью они тоже с честью оправдают высокое звание советского человека.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ

Великая Отечественная в письмах

Сборник иллюстрирован фотографиями
А. В. Устинова, фотокорреспондента «Правды» военных лет,
и Е. А. Халдея, в годы войны корреспондента ТАСС

Заведующий редакцией
А. И. Котеленец

Редактор
Г. С. Гудкова

Младший редактор
З. У. Устинова

Художник
А. А. Брантман

Художественный редактор
О. Н. Зайцева

Технический редактор
Ю. А. Мухин

ИБ № 4603

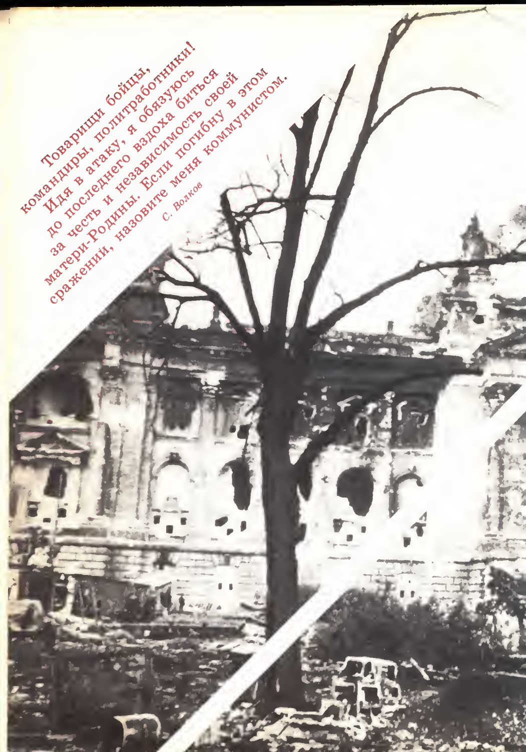
Подписано в печать с матриц 16.02.83. А00337. Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 21,86. Условн. кр.-отт. 23,72. Учетно-изд. л. 21,63. Тираж 300 000 (150 001—300 000) экз. Заказ 3192. Цена 95 коп.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

137.
1.
ioa.
,72.
11—

, 7.

Товарищи бойцы,
командиры, политработники!
Идя в атаку, я обязуюсь
до последнего вздоха биться
за честь и независимость своей
матери-Родины. Если погибну в этом
сражении, назовите меня коммунистом.
С. Волков

Великая Отечественная в письмах